

Анна, королева. Книга 1: Дочь КНЯЗЯ

Анна, королева - 1

Светлана Фортунская

SHOUT
SHARE **IT**

- Светлана Фортунская
 - Предыстория. Предсказания
 - Книга первая. Дочь князя
 - Часть первая. Детство
 - Часть вторая. Возвращение
 - Часть третья. Свадьба
 - Часть четвертая. Хозяйка крепости
 - Часть пятая. Нашествие
 - Часть шестая. Ута
 - Часть седьмая. Конец осады
 - Часть восьмая. Прощание
 - Часть девятая. Мать Прокля
 - Часть десятая. Крепость Твердыня
 - Часть одиннадцатая. Гости
 - Интерлюдия. Убить ведьму

Светлана Фортунская
АННА, КОРОЛЕВА
Книга первая. Дочь князя

Предыстория. Предсказания

1.

История — полотно, сотканное из людских судеб.

Сколько людей, столько в полотне нитей.

Встречаясь, нити ведут себя по-разному.

Могут просто пересечься, не зацепившись.

Могут изменить свое направление и идти по жизни рядом, переплетаясь.

Могут завязаться узелком, и побежать каждая своей дорогой, а ткань изменит свой узор: иногда слегка, иногда очень.

Не с каждого узелка начинается история.

Но каждая история начинается со своего узелка.

В этой истории первый узелок завязался со встречей Ефимии и княгини.

2.

Ефимия была старой, очень старой, слишком старой. Она никому не говорила, сколько ей лет.

Она скрывала свой возраст не из женского кокетства, но из чувства самосохранения. Ей вряд ли бы кто поверил, даже свои сестры колдуньи, скажи она, что на прошлое Рождество стукнуло ей ни много ни мало, три сотни с неполным десятком.

Поэтому Ефимия, чтобы лишний раз не врать, о своем возрасте умалчивала.

Брат Дамян, приставленный к Ефимии от ордена бичующих братьев, подозревал, что Ефимии перевалило за сто. Ефимия юного монаха в том не разубеждала. В конце концов, за сто ей действительно перевалило.

Плохо то, что это подозрение заставляло юного монаха относиться к своей престарелой подопечной с чрезмерной заботливостью и с преувеличенным вниманием. словно бы Ефимия от неосторожного движения может рассыпаться в прах или развалиться на куски.

Потому Ефимии приходилось постоянно бороться за право заняться какой-никакой домашней работой, или отправиться на рынок за покупками, или выпить стаканчик-другой чего-нибудь покрепче слабого жидкого пива.

В этот день (а день был предпраздничный, канун Дня

Прихода и Праздника святого Видгорта) Ефимия с братом Дамяном поссорилась.

Не пускал юный монах Ефимию на рынок: и скользко, и морозно, и ветрено. Не ровен час, застудится, а простуда в старости ой как опасна; или же поскользнется, упадет, а косточки старческие ой как хрупки!.. Пусть она, Ефимия, скажет, в чем нужда, да и сидит себе дома, в тепле, у печки, вяжет. А он, Дамян, сбегает на рынок, и все купит...

— Перепутаешь, — сказала Ефимия. — Не сможешь. Молод еще, не разбираешься.

— Да в чем? — взвыл обижено юный монах. — В чем не разбираюсь-то?

— А ни в чем, — отрезала Ефимия. — Ни в жизни, ни в капусте.

Вовсе отвязаться от Дамяна не удалось, пошли вместе.

Дорогою Дамян бурчал на Ефимию (был хоть и юн, но ворчлив, как старый дед) и обижено надувал толстые губы.

Ефимия же искала случая отделаться от провожатого. Покупка капусты была только предлогом, на деле же Ефимию интересовали сплетни и слухи. Волновали Ефимию некоторые вещи, с недавних пор происходившие в королевстве Межгорья.

3.

Год выдался недобрым.

Зимою умерла престарелая вдовствующая королева Елизавета, мать короля Игнатия.

На время полугодового траура королевский двор удалился в городок Кириллов, где в последние годы жила старая королева.

В конце весны, с неприличной поспешностью наследник престола королевич Марк женился на дочери благородного Симеона Дануте.

Королевишна Данута умерла два месяца спустя.

Траур по королевишне объявлен не был, и на исходе лета двор вернулся в столицу, в славный город Дан.

Королевич Марк остался в Кириллове.

Другие дети королевской четы — королева Замира и королевич Лука — тоже остались в Кириллове. Здесь они воспитывались под присмотром сестры покойного короля Кирилла, преподобной Анастасии, и сестры короля Игнатия, обрученной церкви Инессы, и им не пришлось еще время вступать во взрослую жизнь.

В начале осени по городам, крепостям и селениям Межгорья

читали новый указ короля Игнатия.

Объявлено было, что молодая королевшна Данута преставилась из-за злого ведьмовста колдуньи Катарины, покойной королевы Елизаветы наперсницы и советницы.

Злая ведьма Катарина к тому времени тоже померла, потому наказать ее не было никакой возможности. Наказали прах: тело выкопали, бичевали, после разрубили на куски и сожгли прилюдно, на поле подле столичного города Дана.

Всем прочим колдуньям под угрозой смерти велено было в трехнедельный срок явиться в Дан.

Умные бежали в окрестные земли, но умных оказалось мало. Колдуньи Межгорья не привыкли никого бояться, привыкли также и к дисциплине, и были лояльны к правящему дому.

В Дане собравшимся колдуньям объявили новый указ: жить всем в одном квартале, за стеной города Дана, сразу за Рыбными воротами. Прежде это был квартал кузнецов, селившихся во избежание пожаров за городскими воротами: кузнечное дело, как известно, связано с огнем, а огонь для тесных деревянных городов Межгорья — самый первый враг.

Указом же воспрещалось заниматься иным делом, кроме как колдовством, а плату за колдовство взимать по установленным тем же указом расценкам, весьма высоким; церкви платить не десятину, а пятину, и столько же — налога в казну. Надзирали за исполнением указа бичующие братья, к каждой колдунье приставлен был один брат-черноризец, из младших священников.

Помимо прочего колдуньи понесли еще один ущерб — уже от церковных властей. Преподобный Астафий, Данский епископ и глава ордена бичующих братьев, не то чтобы вовсе отлучил колдуний от церкви, но объявил их ограниченными в правах, все браки с колдуньями и родственные их связи — недействительными, и запретил им праздновать святые церковные праздники, кроме Рождества и Пасхи.

Каждая колдунья Межгорья, даже самая молоденькая, даже доставленная в столицу, в славный город Дан, из глуши, издалека, с самой дальней границы (как вот сама Ефимия) знала, что и указ короля Игнатия, и крутые меры преподобного Астафия продиктованы никем иным, как королевой Мариам, злокозненной бахристанкой. Королева колдуний боялась. И ненавидела.

Колдуньи же королеву Мариам не боялись и не любили.

торговали исключительно рыбой, теперь же — чем только душа ни пожелает, в этот предпраздничный день был полон. В праздники в Дане торговля была запрещена.

Ефимия, вырывая локоть из руки брата Дамяна — юный монах все норовил поддержать старуху под локоток, — прошлась меж возами, приглядываясь к товару и прислушиваясь к разговорам. Товар был разнообразный: торговали дровами; мороженой, вяленой и копченой рыбой; мясом: солониной и свежиной; птицей, живой и битой; капустой, свежей и квашеной; мерзлой морковью. Торговали соленьями, сладостями, сухими грибами и травами, пряностями и приправами. Торговали тканями, готовым платьем, кожами, сапогами, лаптями и валенками, вениками просяными и дубовыми, ложками, вырезанными из мягкого дерева липы, и много чем еще.

В сторонке, не на возах, а прямо на снегу стояли большие короба с подаванием для нищих: подгнившими овощами, ношеной одеждой и обувью, и даже ящик с мерзлой птицей, тощей, а иногда и вонючей. Доброхотные даяния на пропитание и содержание нищих собирали бичующие братья, они же ведали и распределением благ: возле коробов, приплясывая на утоптанном снегу и похлопывая себя по бокам, мерзли три монашка из молоденьких. Дамян углядел их, замахал рукой, закивал головой, узнав в них знакомцев. Ефимия быстро юркнула в проулок.

В проулке снег был чистый, пушистый, нетоптанный. Ефимия поморщилась. Здесь Дамян легко найдет ее, и спрятаться негде. Будь Дамян кем-нибудь другим, а не монахом ордена бичующих братьев, Ефимия бы не беспокоилась, отвела бы глаза, заморочила голову. Но бичующие братья чуяли колдовство, как собаки чуют след зайца, и Дамян нашел бы колдующую Ефимию даже и зажмурившись.

Ефимия, увязая в сугробах, пошла вдоль стены. Может быть, повезет, может быть, Дамян, заболтавшись со знакомыми монахами, не сразу обнаружит ее исчезновение, и Ефимия успеет выйти на параллельную улицу.

Успела.

Улица была широкой и многолюдной, и служила продолжением рынка, только здесь не было возов, а торговали вразнос, кто чем, в основном ношеным платьем. Ефимия смешалась с толпой, потолклась немного, послушала разговоры. Ничего интересного она не услышала.

Говорили о дороговизне, о том, что мало в этом году убрали хлеба, и мало запасли рыбы, и что налоги велики, а повинности тяжелы.

Говорили о новом, готовом к освящению соборе Святого

Видгорта, и что освящение состоится завтра, в праздник, и что приехал из Новограда на праздник примас Межгорской церкви, преподобный Антоний, и что по новому обычаю расписан собор внутри богомазами из Новоградского монастыря, и красота, говорят, неопишущая; и что камень для строительства возили из Айкастана, а мастеров Мариам выписала с родины, из Киза, и что крыт собор листовым серебром — вот-де куда денежки народные пошли!

В другом месте говорили о наследнике престола, королевиче Марке, что-де ждали его к празднику, да, видно, не будет Марка, и что Марк с семейством в ссоре, и не любят его родители, а любят младшего королевича Луку, вовсе юнца. И то — Марк лицом и статью пошел в отца, в короля Игнатия, только что ростом не вышел, Лука же — живой портрет королевы Мариам, злокозненной бахристанки...

Говоривший оглянулся опасливо, увидел Ефимию, втянул голову в плечи, выдернул из рук собеседника образец своего товара (товар его был ложки, но не обычные, деревянные, а новомодные, резной кости), бочком ввинтился в толпу и пропал с глаз.

Ефимия ухмыльнулась. Оказывается, горожане тоже не питают к королеве нежных чувств.

Позади, у выхода из проулка, каким сюда пробиралась Ефимия, слышался шум. Ефимия оглянулась.

Брат Дамян, долговязый, на голову возвышался над толпой, еще и на цыпочки привстал, выглядывал ее, Ефимию.

Ефимия ссутулилась, пригнула голову, семенящими мелкими шажками, чтобы не упасть, поспешила на торговую площадь.

На углу, на скользкой ледянке — накапало, видно, с сосулеч под крышей, да и замерзло, — не удержалась на ногах, поскользнулась, упала.

Ах, грехи наши тяжкие!

5.

Ах, грехи, грехи наши тяжкие!

Ефимия села в сугроб.

Она покачала головой, досадуя на свою неловкость. Старость, однако же, не радость, а Ефимия была слишком стара для таких вот развлечений — играть в прятки с юным монахом.

Кое-как, придерживаясь за стенку, Ефимия поднялась, отряхнулась. Хорошо еще, брат Дамян, заботливый, заставил ее нынче надеть теплые толстые штаны на вате. Хоть не ушиблась.

Ефимия осторожно заглянула за угол. Черной рясы брата Дамяна нигде не было видно. И слава богу.

Ефимия вышла на торговую площадь, осторожно, оглядываясь по сторонам, чтобы ненароком не нарваться на резвого юного брата Дамяна, прошла между рядами возов, иногда делая вид, что приценивается к капустному кочану или мороженому сому. На рынок нынче Ефимия пришла не за покупками, а за новостями.

Крестьяне, прохаживающиеся между санями, приплясывающие на месте, чтобы согреться, похлопывающие себя по бокам, были неразговорчивы. День выдался морозный и ветреный, когда б не канун праздника, вряд ли был бы в такой день большой, как сегодня, подвоз.

Ефимия вздохнула. Пожалуй, стоило заглянуть в какое-нибудь теплое место. В питейный дом, например.

На углу рыночной площади и Рыбной улицы она нашла таковой — новое и новомодное строение в три этажа, с каменным цоколем. Жестяная вывеска в виде кружки с обильной пивной пеной указывала на подачу здесь напитков, а на стенке у входа была намалевана кровать с пышными, друг на друге, семью подушками: это означало, что здесь можно получить и ночлег.

Ефимия юркнула в полуоткрытую дверь.

После яркого солнечного дня и слепящего глаза снега Ефимия не сразу разглядела, что — и кто — там внутри

А когда разглядела, ахнула про себя: ее занесло прямо волку в пасть.

За длинным столом некрашеного дерева сидели монахи, и не просто монахи, а самые вредные из них — бичующие братья. И среди этих бичующих братьев Ефимия увидела троих, приставленных к колдуньям, и старшего среди них, брата Мефодия.

Что еще хуже: юный брат Дамян стоял перед Мефодием и отчитывался ему, должно быть, в том, что потерял свою подопечную на рынке. К счастью, Дамян стоял спиной и Ефимию не видел. Пока.

В глубине зала угадывалась лестница. Ефимия направилась туда степенной и важной походкой, стараясь не торопить шаг. Только бы никто из них не оглянулся!..

Ефимия благополучно пересекла зал, поднялась по лестнице на один пролет, не утерпела — глянула вниз. Дамян все еще стоял перед Мефодием, виновато повесив голову, и плечи его поникли. Видно, влетело юному монаху от старшего. Ефимия слегка позлорадствовала, но недолго. Не ровен час, Дамян поднимет голову, взглянет вверх, увидит ее, Ефимию, потащит

домой — и прости-прощай недолгая свобода.

Ефимия заторопилась наверх.

На третий этаж Ефимия подниматься не стала, свернула на втором в темный длинный коридор с множеством дверей. Теперь было бы хорошо найти кого-то, с кем можно поговорить, кто поднес бы Ефимии стаканчик винца, может быть, и пару монеток бы перепало.

Кто-то, громко топая, поднимался по лестнице. Это мог быть постоялец, мог быть гостиничный слуга, а мог быть и брат Дамян, углядевший все-таки Ефимию. Ефимия юркнула в первую же оказавшуюся незапертой дверь.

6.

Она оказалась в просторной и светлой комнате, жарко натопленной. У окна, в кресле с высокой спинкой, сидела женщина в черном платье и читала книгу.

Ефимия вначале удивилась: как эта женщина не боится в гостинице, да при незапертой двери, предаваться такому греховному занятию, как чтение. Потом пригляделась и поняла.

Женщина была чужеземкой, горянкой, из страны Айкастан. Айкастан, хоть и входил в состав Межгорского королевства, сохранил автономию, язык и древнюю веру. В Айкастане не было бичующей церкви, запрещающей мирянам учиться читать, писать, считать время и деньги. Межгорские миряне в последнее время все чаще нарушали установления церкви, что грозило им прилюдным бичеванием, но редко — вот так, в открытую, как это могла себе позволить горянка.

Ефимия пригляделась к женщине, соображая, как ей завязать разговор, чтобы ее не выставили слишком быстро.

Черное платье домотканой шерсти было простым, такое могла бы носить любая крестьянка, однако серебряные серьги с изумрудами крестьянке принадлежать никак не могли. Горянка была немолода, но все еще красива, темные волосы слегка тронула седина на висках и надо лбом, руки, державшие книгу, были изящной формы, но кожа на них покраснела и погрубела от долгих лет тяжелой работы.

Ефимия охватила все это единственным быстрым взглядом, и сделала вывод: рода благородного, но нищего, в Дан приехала на праздник — представить к королевскому двору сыновей, поскольку дочерей горские князья в Дан не возят.

Женщина, оторвавшись от книги, близоруко моргала. Ефимия подошла поближе.

— Я не знаю твоего языка, — сказала женщина на своем, горском, наречии. Как будто Ефимия могла ее понять — будь она простой нищенкой, или торговкой вразнос, забредшей в гостиницу с улицы. Но, хоть и с улицы, Ефимия знала горский язык.

— Зато я знаю твой, княгиня, — ответила Ефимия вкрадчиво. — Удели мне толику внимания и немного времени, и я расскажу, что тебя ждет впереди.

Княгиня отложила книгу на маленький столик у окна. Читать на горском Ефимия так и не выучилась, и потому не могла разобрать названия.

— Я знаю, что меня ждет, — сказала княгиня. — То же, что и всех — могила после долгого и не всегда праведного пути. Я подам тебе милостыню и так, не утруждайся пустыми рассказами. Хильда! — позвала княгиня, чуть обернувшись в сторону. Там была еще одна дверь, вначале не замеченная Ефимией.

— Я не прошу милостыни, и не возьму, даже если и подашь, княгиня, — сказала Ефимия, присаживаясь на стоявший у столика табурет. — Стаканчик вина, разве что, поднесешь старой женщине. Не хочешь знать свое будущее — узнай будущее своих детей...

В боковую дверь вошла пожилая женщина, почти старуха, в таком же домотканом платье, как княгиня, и с серебряными украшениями, но не горянка — круглолицая, синеглазая, она могла бы быть родной сестрой самой Ефимии. Однако говорила эта женщина на горском, как и княгиня.

— Это что такое? — воскликнула вновь прибывшая, — а ведь говорили, что нищих сюда не пускают!

Ефимия взглянула на пожилую женщину еще раз. Нет, не только внешность заставила Ефимию думать об этой женщине, как о сестре, но еще и нечто неуловимое, родственное. Женщина эта была колдуньей, хоть ее способности были неразвиты. Или же она сопротивлялась своему дару — Ефимия знавала и таких.

— Приветствую тебя, сестра по ремеслу, — сказала Ефимия. — Ты ведь колдунья, правда?

Женщина вздрогнула испуганно и перекрестилась. Из этих, сопротивляющихся, подумала Ефимия.

Перекрестилась и княгиня. Ефимия, чтобы не пугать их еще больше, перекрестилась тоже.

— Видит бог, я чиста, и никогда не занималась темным делом! — воскликнула женщина. — Хоть ты скажи, княгиня!

— Да, — сказала княгиня, — Хильда не колдунья. Она вдова князя, и мне родственница, хоть и не по крови. Но ты, странная

женщина, кто ты такая? Откуда ты знаешь наш язык? И почему пришла ко мне, да еще и обвиняешь Хильду в непотребстве?

Ефимия захихикала.

— Ах, княгиня, сколько вопросов для женщины, столь нелюбопытной, что ей не интересно даже ее будущее! Я колдунья, конечно, и хоть ты обозвала мое дело непотребством, я тебя прощу на этот раз — за твое невежество. А язык я знаю, потому что был у меня возлюбленный из горской страны, в те годы, когда я была молода и красива — и он был красив и молод. Сдается мне, ты ему родственница, княгиня. Не твоего ли рода царь Давид, прозванный Изгнанником?

Тонкие губы княгини дрогнули, брови приподнялись.

— Ты пугаешь меня, женщина! — воскликнула она. — Мать царя Давида была из моего рода, но ты не могла его знать — триста лет тому, как он умер и обратился в прах!

— Ах, не триста, вовсе не триста, куда меньше! — снова хихикнула Ефимия. — Сказать двести пятьдесят будет точнее! Ах, какой был мужчина — и так рано угас, и даже искусство целительниц не могло ему помочь. Веришь ли, я до сих пор ношу цветы на его могилку, когда бываю в Новограде — он ведь там похоронен, знаешь ли!

Княгиня нахмурилась. Она, как видно, пришла к какому-то решению.

— Ты лжешь, — сказала она наконец. — Так долго ни один человек прожить не в силах. Ты откуда-то узнала обо мне, и о моем родстве с царем, и пришла сюда — только вот зачем?

— Попрошайничать, — обронила Хильда. Она осталась стоять посреди комнаты, и, сложив руки на груди, неодобрительно глядела на Ефимию.

— Ах, княгиня, не возводи напраслину на старую женщину, — вздохнула Ефимия, доставая из потайного кармашка, пришитого к изнанке рукава, колоду карт. — Ни у кого я ничего не спрашивала, и обязана сведениями только искусству — да еще своей хорошей памяти.

Как всякая уважающая себя колдунья, Ефимия знала все отрасли своего ремесла, и, как любая другая, в чем-то была талантливее прочих, а к чему-то не имела способностей вовсе. Самая старая и самая опытная из всех собравшихся на улице Колдуний женщин, Ефимия, однако, не могла похвастаться особыми талантами, способности у нее были не ахти. Гадальным искусством Ефимия владела средне, а к предсказаниям и вовсе не была способна. Но кое-что она все-таки умела. Наиболее развитой способностью Ефимии было видеть родственные связи, до десятого, пожалуй, колена. Этого не мог больше никто — и,

насколько можно было верить преданиям, никогда.

Ефимия стала раскладывать карты по столу.

— Три сына у тебя, три молодых дубка, вот он — старший. И средний. И младший...

Называя старшинство сыновей княгини, Ефимия доставала из колоды королей — червового, трефового и бубнового, — и укладывала их в ряд.

Старшему выпали три карты пиковой масти, предвещавшие позднюю дорогу, слезы и скорую смерть.

Ефимия нахмурилась, ничего не сказала княгине, перетасовала колоду, кинула три карты рядом с трефовым королем.

Те же самые.

Холодок подступающего предсказания зашевелился у Ефимии в животе.

Младшему, бубновому, выпал тот же расклад.

— Ну, — сказала княгиня, — что же ты молчишь?

Ефимия, хмурясь, собрала карты. Врать, когда гадаешь, нельзя, но и правду говорить этой счастливой и гордой женщине Ефимия не собиралась. Это было бы, пожалуй, жестоко.

— Их ждет обычная для мужчин судьба, — нехотя сказала она. — Ничего, что было бы странным и интересным. Они уйдут на войну, знаешь ли. И их ждет слава, которой так дорожат глупые мужчины. Давай-ка я лучше погадаю твоим дочерям.

Княгиня засмеялась:

— Ах, колдунья, как ты ошиблась! У меня только одна дочь, и ее судьба мне известна — хоть она и мала еще, но уже просватана, за юношу из славного рода.

Предсказание подступало все ближе, заставляя внутренности сворачиваться от ледящего холода. Ефимия никогда прежде не испытывала такого — она ведь не была пророчицей — но слышала описание сходных ощущений от других, истинных провидиц. И еще — все в один голос говорили, что созревшее пророчество подобно бремени беременной: не высказать его нельзя, как нельзя женщине не родить.

— Две, — сказала Ефимия, и сама не узнала собственный голос. Ей стало немножко жутко, и очень интересно: она пророчествовала впервые в жизни. А еще говорят, что старую собаку новым штукам не выучишь! — Две, — повторила Ефимия. — Обе будут королевами, но одна покроет себя позором, и проживет жизнь в чести и довольстве, другая же будет нести свое имя с честью, но хлебнет изгнания и позора. И это истина!

Предсказание отпустило Ефимию, разлив по внутренностям жар и отняв силы. Ефимия задрожала мелкой дрожью — от

слабости.

— Нет, нет! — закричала княгиня, закрывая уши ладонями. — Одна дочь у меня, одна, и она выйдет замуж за князя Горгия, как то договорено их отцами! Лжешь, злая женщина, ты лжешь!

Хильда стояла выпрямившись, не шелохнувшись, Хильда поверила предсказанию, и была поражена и напугана.

— Ты знаешь, что это — правда, сестра, — устало сказала Ефимия старухе. — Прощай, и бог да пребудет с тобой. И с тобой, княгиня.

Ефимия взмахнула рукой. Старый, детский трюк отведения глаз сработал: женщины больше не видели Ефимию. Правда, для бичующих братьев она, Ефимия, зажгла сигнальный огонь — если они еще не покинули гостиницу или ошивались где-то на рыночной площади. Но Ефимия не собиралась задерживаться.

Она выскользнула в боковую дверь и оказалась в соседней комнате, из которой тоже вели две двери. Ефимия выбрала боковую, правда, запертую с другой стороны на засов, но что такое засов для старой и опытной колдуньи — даже не препятствие, так, мелкая помеха.

Через мгновение Ефимия оказалась по другую сторону двери, на маленькой лестничной площадке. Она вернула засов на место, чтобы не указывать возможным преследователям путь своего бегства, спустилась по винтовой лестничке вниз, толкнула узкую дверь и оказалась в том же самом проулке, где прежде пряталась от брата Дамяна.

Ах, грехи, грехи наши тяжкие!..

7.

Здесь и застал ее брат Дамян.

Ефимия сидела в сугробе. Все-таки слишком много сил ушло и на предсказание, да и на бегство. Стара она, слишком стара для таких дел.

— Где ты была? — закричал брат Дамян, помогая Ефимии подняться. — Я с ног сбился, обыскался тебя по всему рынку! Это ты колдовала давеча в гостинице?

— Не я, — соврала Ефимия. — Пойдем, пожалуй. Что-то мне не можется.

8.

Домой шли медленно, Ефимия осторожно ступала, чтобы не поскользнуться на обледеневших булыжниках мостовой. Дамян тащил торбу с капустой (капусту все-таки купили, первую попавшуюся) в правой руке, а на согнутом локте левой почти висела Ефимия. Часто останавливались, потому что у Ефимии отказывали ноги, и трудно было вдохнуть. Тон Дамянова ворчания изменился, теперь он бубнил озабочено:

— Как придем, сразу ляжешь, и позовем Анастасию, пусть посмотрит, что с тобой. Нельзя же так, не девочка же уже...

— Мне нечем платить Анастасии, — сказала Ефимия. По указу короля колдуньям было запрещено оказывать свои услуги, в том числе и целительские, даром. Содержание бичующих братьев также возлагалось на колдуний. Бичующие братья для того и были приставлены к колдуньям, чтобы те не колдовали бесплатно и не прирабывали на стороне. Прежде, до указа, колдуньи не имели обычая брать плату, более того — негласная традиция это воспрещала, поэтому каждая имела какое-нибудь стороннее ремесло. Ефимия, например, была повивальной бабкой. А Анастасия владела ювелирной мастерской, и была очень неплохим золотых дел мастером.

Дамян, надо отдать ему должное, покраснел.

— Ну, я думаю, друг другу вы можете и не платить, — пробормотал он. — Вы же как бы одна семья...

— «И не будет у колдуньи ни отца, ни матери, ни брата, ни сестры, ни сына, ни дочери, ни мужа, ни друга», — процитировала Ефимия текст отлучения колдуний от церкви. — «И не скажет никто о ней: „Я родич ее“».

Дамян покраснел еще больше.

— Тогда брата Мефодия позовем. Он понимает в целительстве.

— Не нужен мне твой Мефодий! — отрезала Ефимия. — Обойдусь!

За препирательствами они дошли до Рыбных ворот.

Перед воротами пришлось задержаться — стражники заворачивали тяжелые сани в сторону, чтобы освободить проезд для всадников. Всадников была добрая сотня, тот, что впереди, держал прикрепленное к седлу знамя.

— Глянь, кто там едет. А то я не разберу что-то, снег глаза слепит, — велела Ефимия Дамяну.

Дамян прищурился, прикрыл глаза ладонью от слепящего солнца, присвистнул от удивления, как мальчишка.

— Видгорт Заступник! — воскликнул он громко, — да это же королевичи!

Лицам королевской крови, тем более наследнику престола,

полагалось въезжать в город через Серебряные ворота. Но никак не через Рыбные, предназначенные для подвоза снеди на рынки и на кухню дворца, для крестьян, желающих поглазеть на город в праздничный день, для бродяг и нищих. Может, случилось что?

Ах, как дорого дала бы Ефимия за умение читать мысли! Но, говорят, только легендарная Ката, спутница и соратница не менее легендарного короля Борислава, третьего короля Межгорья, была способна на такое. И то — врут, наверное.

Ефимия привалилась к стене. Ноги все-таки отказывались ее держать.

Мимо неспешным шагом, по двое в ряд, ехали всадники. Впереди, рядом со знаменосцем, седой воин, должно быть, наставник старшего королевича, или, как его иногда называли по-старинному, дядька. А дальше все молодые, юноши, и почти мальчишки. Ефимия, всего только три месяца назад перебравшаяся в Дан, жадно глядела, надеясь узнать наследника. Как жаль, что она никогда не видела ни короля, ни королеву! Из всего королевского правящего дома знакома была Ефимия только с Елизаветой, и то давным-давно. Вот этот, хмурый, должно быть, Марк, чувствуется в нем кровь покойной королевы Елизаветы. А рядом с ним — мальчик лет двенадцати, похожий на бахристанца, темноглазый и тоненький, на крепком небольшом коньке. Младший королевич, Лука. Ох!

У Ефимии опять сжало внутренности холодом предсказания. Надо же — два раза подряд, в один день! И это предсказание было чем-то связано с прежним. Ефимия ждала откровения, словесного выражения пророчества — но не дождалась. Отпустило, не разродившись. Только лицо следовавшего за королевичами юноши стояло перед глазами. Чем-то он был связан с одной из дочерей горской княгини, только вот чем?

Дамян, озабоченный, наклонился к ней — она, оказывается, села на землю, и даже не заметила этого:

— Что с тобой, бабушка? Тебе опять нехорошо?

Это впервые он назвал Ефимию бабушкой.

— Домой хочу, — с тоской сказала Ефимия и закрыла глаза.

9.

Домой Дамян принес Ефимию на руках.

Уложил на кушетку, заменявшую Ефимии кровать, укрыл теплым толстым стеганым одеялом, заварил свежего чая.

От чая Ефимия отказалась, просила водки или хотя бы сладкого крепкого вина. Дамян не давал, сердился, прослезился

даже.

Из верхней горенки спустилась Наталия, молоденькая колдунья, делившая с Ефимией кров. Домов в квартале, выделенном колдуньям, свезенным со всех концов страны, было немного, жили поэтому по двое-трое в каждом доме, а в одном, большом, — даже и семеро. Монахи ночевали в длинном холодном здании бывшей кузни.

Наталия, взглянув только на Ефимию, всплеснула руками, заойкала. Не слушая возражений, отправила Дамяна за целительницей Анастасией, чуть ли не силком влила Ефимии в горло едва остывший чай, распахнула форточку, чтобы впустить в натопленную комнатку свежий воздух.

Ефимия устала сопротивляться. От жары, от покоя, от слабости впала Ефимия в странное и приятное полузабытье. Малая часть ее сознания бодрствовала и сообщала Ефимии о действиях Наталии, а затем и Анастасии: вот ее, Ефимию, раздевают, протирают тело ароматным уксусом, переворачивают, укрывают. Зато большей частью Ефимия погрузилась в воспоминания детства, когда босоногой деревенской девчонкой пасла гусей на лугу, и не ведала еще о своих способностях колдуньи, и матушка звала ее Фимкой и больно хлестала хворостиной за шалости. В те времена бичующая церковь не воспретила еще пользование сокращенными, укороченными именами, и городов было не так уж много, все больше деревни и села, и столица была еще не в Дане, называемом тогда Данов город, а в Яблоновом Саду. А еще в Межгорье имелись тогда не только колдуньи, но и колдуны-мужчины, только звали их не колдунами и колдуньями, а смотрящими и смотрящими, потому как основное их дело было следить за страшными ночными тварями, выпивающими из людей души. Тогда ночной нечисти водилось в достатке в окрестностях любого поселения, и дело смотрящих было нужным и важным, а сами они — уважаемыми более монахов и священников гражданами. Ах, грехи наши тяжкие!..

Ефимия очнулась от забытья, когда Анастасия влила ей в рот стопку крепкой домашней водки собственной гонки. И закашлялась от неожиданности. И села в постели.

— Ох, — только и могла она сказать.

Анастасия, стоявшая — руки в боки — посреди комнаты, смотрела на Ефимию сердито.

— Ты что это, матушка, камни таскала, что ли? Или взапуски со своим монашком бегала? — грозно спросила она. — В твои лета надобно беречься. Чем это ты себя так загоняла, неужто одной только прогулкой на рынок и обратно?

— Пророчество мне было, — сказала Ефимия виновато. Рядом с Анастасией, крепко сбитой высокой бабой средних лет, самой талантливой из ныне живущих колдуний, Ефимия всегда чувствовала себя неуютно. Слишком старой, слишком слабой, бездарной в конце концов.

— Сказки-то мне не рассказывай, — заявила Анастасия. — Тоже мне, пророчица вдруг объявилась!

— Было, — упрямо повторила Ефимия. — Даже почти что два пророчества, только второе отчего-то не оформилось окончательно.

— Неужто уж в маразм впала? — пробормотала Анастасия себе под нос. Сказано было тихо, но Ефимия слышала. И обиделась. И расшумелась. И обозвала Анастасию толстой коровой, безмозглой девчонкой и еще другими словами, покрепче.

Юный брат Дамян застал ссору в самом разгаре. Ефимия подпрыгивала на постели, сжимая кулачки и брызгая слюной, и сыпала оскорблениями, Анастасия же, упирая могучие, как у кузнеца, руки в мощные бока, орала одно и то же:

— Сама такая, сама такая, от такой слышу!

— Ох, — только и смог сказать Дамян.

Женщины опомнились.

Ефимия натянула одеяло до самого подбородка, прикрывая ветхую и заплатанную, некогда вышитую рубашку. Анастасия опустила руки по швам, выпрямилась, словно аршин проглотила, и сухо сказала:

— Ну, я здесь уже не нужна. Ожила твоя болящая, как видишь.

— Так что с ней было?

— А ничего и не было, — отрезала Анастасия. — Устала просто. А так — она бабка здоровая, как бык. Еще и на твоих поминках плясать будет.

— На твоих, Анастасия, и с наслаждением! — крикнула Ефимия. И спряталась под одеялом.

— А что ей можно, что нельзя? — допытывался Дамян. — А то ведь она такая, за все хватается, все ей хочется...

Анастасия сурово глянула в сторону Ефимии, хотела, видно, отомстить старухе за ссору, но привычка к честному исполнению долга взяла верх.

— Да все ей можно, — сказала она устало. — Но и все нельзя. Ей главное не увлекаться. В ее возрасте важна умеренность. Спать в меру, гулять в меру. Переесть нельзя, напиться... Да она сама все это знает.

— Знать-то знает, — сказал Дамян и сокрушенно вздохнул.

Анастасия еще раз посмотрела на Ефимию, поджала губы и нехотя произнесла:

— Ты бы, Дамян, поговорил бы с Татьяной, пророчицей. Эта вот утверждает, что ей пророчество было. В первый раз слышу, чтоб на старости лет новые таланты прорезались, однако же всяко бывает.

Ефимия подтянула одеяло к носу, чтобы скрыть довольную ухмылку. Все-таки Анастасия ей поверила.

10.

Татьяна, тощая некрасивая девица с вечно кислым выражением лица, как будто она только что плакала или вот-вот заплачет, долго и дотошно выпрашивала Ефимию об обстоятельствах, сопровождавших неожиданное открытие нового дарования. Считала пульс, смотрела белки глаз, щупала зачем-то голову старухи.

— Сейчас я не могу ничего определенно сказать, — заявила она наконец. — Нужно было раньше меня позвать, а так слишком много времени прошло. Какой-то отголосок чувствуется, но слабый. А может, я этот отголосок чувствую, потому что ты, Ефимия, меня убедила. Я, видите ли, легко поддаюсь внушению.

Она вздохнула, посмотрела на Дамяна, потом на Ефимию, и снова перевела взгляд на Дамяна.

— А если ей и вправду было пророчество, так упадок сил — вполне обычная реакция. Поэтому ей нужно что-нибудь подкрепляющее, куриный бульон, например, или вино с молоком и медом. Или...

— Спать хочу, — сказала Ефимия, отворачиваясь к стенке. Ей надоела вся эта возня вокруг. — Идите все.

— Ты, Дамян, иди, — сказала Татьяна, горестно вздохнув. — Поздно уже. А я с ней посижу. Может, ей что нужно будет...

— И ты иди, — Ефимия заворочалась в постели, умащаясь поудобнее. — Если что, я Наталию кликну.

— Наталии пока что нету дома, — Татьяна снова вздохнула, как будто факт отсутствия соседки Ефимии наполнил ее душу печалью. — Я подожду ее прихода.

— Ну, ладно, — отозвался Дамян нехотя. — Но, если что, зовите.

Он ушел, попрощавшись. Татьяна, вздыхая, прислушивалась к его шагам.

— Хороший он парень, — сказала она, когда звук шагов Дамяна стих. — Повезло тебе.

Ефимия промолчала. Она не считала, что ей с Дамяном так уж повезло. Кроме того, она не расположена была к разговорам. У старости, как и у болезни, есть свои преимущества: можно вести себя невежливо, можно делать вид, что не слышишь или не понимаешь элементарных вещей, и тебя не сочтут грубой.

— Только не спи пока, Ефимия, дело есть, — продолжала Татьяна. — Я при Дамяне не хотела говорить. Не спишь?

Ефимия развернулась к Татьяне лицом.

— Ну? — сердито спросила она. — Учить меня будешь чему? Как лучше предсказывать?

— Этому не учат, — Татьяна снова вздохнула. — Это или приходит, или не приходит, как само хочет. Там просто один человек хочет тебя видеть.

Ефимия от неожиданности села.

Пятьдесят лет назад она схоронила своего последнего мужа, и с тех пор жила одиноко, ни с кем особо не сближаясь. Все мало-мальски знакомые Ефимии и соседи остались в далекой северной Серебрянке, и вряд ли кто выбрался в столицу, да еще и явился навестить ее, Ефимию, да еще и ночью. Подруги ее юности, ее родственники — все умерли давным-давно, потомков у нее не было. Был, правда, правнучатый племянник, но уж он-то никогда не захотел бы видеть Ефимию ни в каком качестве, потому что правнучатым Ефимии племянником, правнуком ее младшей сестры был преподобный Астафий, глава бичующей церкви Межгорья и яростный ненавистник колдовства.

— Кто? — хрипло спросила она. Мелькнула мысль о горянке и ее родственнице, Хильде; может быть, женщине захотелось узнать о колдуньях побольше? Но эту мысль Ефимия отмела, как неправдоподобную.

— Молодой такой, не старше Дамяна, — ответила Татьяна. — Красивый. Он в сумерках перелез через забор квартала со стороны нашего огорода. Себя не назвал. Сказал, что у него дело есть к старой Ефимии. Что он ездил в Серебрянку, чтобы увидеться с тобой, но тебя уже увезли...

— А сейчас он где?

— Сидит у меня дома. Я его в чулан запрятала, чтобы на него Степан ненароком не наткнулся, — безмятежно отозвалась Татьяна.

Степан был монах, приставленный к Татьяне.

— Так привести?

Ефимия кивнула.

Пока Татьяна бегала за гостем, Ефимия встала, оделась, заварила свежего чаю. Усталость прошла, Ефимия чувствовала небывалый вот уже много лет подъем сил. И снова, как давеча, внутри живота полз холодок подступающего предсказания, подбирался к сердцу, а потом выше, к горлу. Лицо юноши из свиты королевичей снова встало перед глазами, заслоня привычные предметы — печь, кушетку, небрежно застеленную, старое продавленное кресло, стол, зеленый чайник, глиняные кружки...

И совсем Ефимия не удивилась, когда, запыхавшаяся и раскрасневшаяся от мороза, и очень похорошевшая Татьяна ввела в комнатку того самого юношу и торжественно объявила:

— Вот он!..

И предсказание прорвалось.

— Всегда второй, — сказала Ефимия не своим, а глубоким и грудным, молодым голосом. — Всегда в тени. Но всегда рядом. Слишком поздно оцененная преданность, слишком поздно услышанное сердце. Она полюбит тебя, но только после твоей смерти.

— Кто? — испуганно спросил юноша.

— Королева, — ответила Ефимия и села на пол. Предсказание отпустило, а в животе словно бы разгорелся пожар.

— Какая королева? — спросил юноша, слегка заикаясь. — Мариам?

— Не знаю, — пропыхтела Ефимия, — ушло уже предсказание... Да помогите же мне встать!

Татьяна, глаза которой округлились, а с лица исчезло кислое выражение, бросилась к Ефимии. Но парень оказался проворнее. Он не поднял — он сгреб Ефимию в охапку и осторожно усадил в кресло. В его серых глазах стоял испуг.

— Не надо было тебе этого слышать, — с тоской и досадой сказала Ефимия. — Что толку от этих ваших предсказаний, только людей пугают...

Татьяна закивала, и углы ее губ опустились, вернув кислое выражение лицу.

— Ну, убедилась? — проворчала Ефимия. — Веришь теперь, что днем то же было?

Татьяна молча кивнула. Глаза ее, все еще округлившиеся, смотрели на Ефимию с восторгом и некоторой боязнью.

Юноша кашлянул.

— Я это... я не вовремя, наверное... Но мне надо бы переговорить с тетужкой Ефимией... И наедине, если можно.

— А если нельзя? — ворчливо осведомилась Ефимия. Она все еще досадовала на себя, и на предсказание, и даже на Татьяну.

— Тогда я уйду, не поговорив, — сказал юноша. — Ты не обижайся только, девушка, но мне было строго велено... — повернулся он к Татьяне. Ефимия теперь лишь рассмотрела его как следует, прежде она видела одно лицо, теперь в глаза ей бросились и высокий рост, и широкий разворот плеч, и сильные красивые руки, и внутреннюю собранность при внешней расслабленности, какой отличаются кошки и воины.

— Я тебя на крыльце подожду, провожу потом. Чтoб монахи не заметили, — сказала Татьяна, бросив на юношу косой взгляд и покрасневшись, и от того хорошея.

— Иди домой, — велела Ефимия. — Монахи спят уж давно, третий сон видят. А на улице мороз.

Кокетливо дернув плечиком — и откуда что взялось в этой тощей некрасивой девице! — Татьяна снова искоса взглянула на юношу и убежала.

— Вертихвостка! — пробурчала Ефимия беззлобно.

12.

— Меня зовут Балк, я сотник королевича Марка, — сказал юноша, когда остался с Ефимией наедине.

— Да погоди, сядь, дай отдышаться! Чаю вот тебе налью, — махнула Ефимия левой рукой, правой пытается поднять чайник. Тяжелый чайник не поднимался.

Балк перехватил чайник у Ефимии, наполнил две кружки, ей и себе, присел на краешек кушетки.

— Балк, говоришь? — переспросила Ефимия, прихлебывая чай. Чай был слишком крепок, и она отставила кружку в сторонку. — Имя не наше какое-то. Чужеземец?

Впрочем, лет сто назад стало принято в Межгорье давать имена детям не по святцам, как то было ранее, а придумывать новые, короткие, чтоб не требовали сокращения. Священники протестовали, конечно, но, бывало, и соглашались с родителями. И появились всякие разные Ланы, Яны, Рины. Балков, однако, Ефимия еще не встречала.

— Нет, я из Маковеевки, — ответил Балк, покачав головой. — Это у отца соратник был и побратим, из Балкиса, меня в его честь Балком назвали.

— Из Маковеевки, говоришь? — Ефимия прищурилась. Маковеевка была в нескольких километрах от Серебрянки, и Ефимии не раз приходилось принимать там роды. Возможно, и этому молодцу первый шлепок достался от ее умелой руки. — Из Маковеевки... — повторила она задумчиво. И добавила: — Знаю.

Ты стражника Ивана и жены его Евдокии старший сын. Тебя я не принимала, а вот всех прочих, то есть братьев и сестер твоих...

— Точно, — выдохнул с облегчением Балк и заерзал, усаживаясь поудобнее. Ефимия даже слегка огорчилась: ожидаемая ею тайна обернулась пустышкой, просто дружеским визитом земляка. Хотя — зачем тогда было отсылать Татьяну, если дело только в передаче дружеских приветов? Нет, дело в чем-то ином, в чем-то серьезном. К ней, к Ефимии, юноша обратился просто потому, что она его землячка, слышал о ней, может быть, даже и видел в один из ее профессиональных визитов в это многодетное семейство. Ефимия тоже села удобнее и спросила:

— Ну, как там Иван с Евдокией? Там у тебя младшая сестричка на подходе была, когда меня сюда... пригласили.

— Да, родилась, как раз когда я их навещал, — кивнул Балк. — Я к ним завернул по дороге в Серебрянку, на полдня всего. Этой осенью. Когда к тебе ехал, тетушка Ефимия. У меня к тебе письмо.

— От Евдокии? — Ефимия протянула руку.

Балк мотнул головой, отрицая.

— Я ведь из дому давно уже, только на побывку раза три приезжал, — сказал он, снимая зачем-то сапог. — Я королевичу Марку ровесник, и меня отобрали в королевичеву сотню, когда ему время пришло военному делу учиться. Так что я в Кириллове живу.

Ефимия напряглась. С городом Кирилловым было связано имя покойной королевы Елизаветы, и покойной Катарины, обвиненной в злом ведьмовстве. С этими двумя Ефимия была знакома, и очень хорошо.

Балк вынул из сапога стельку. Стелька была войлочная, толстая, прошитая суровой ниткой. Балк поискал глазами, взял со стола нож, поддел нитку, нитка легко поддалась.

— С Катариной мы дружили, — продолжал Балк, вытягивая нитку. — Она меня к тебе и направила, говорила, ты ей первой учительницей была... И письмо это — от нее.

Ефимия вздрогнула. Катарину к ней, к Ефимии, привела в свое время мать девочки. А было девочке едва ли шесть. В то время колдуний уже называли колдуньями, а не смотрицами, и бичующие братья всю проповедовали против колдовства. А у девочки был дар, проявившийся очень рано, испугавший мать и заставивший ее отказаться от дочери. Хорошо еще, что не бросила на дороге или в лесу. Ефимия воспитывала Катарину лет до двенадцати, а потом отвезла в Дан, к Анастасии, потому что талантом Катарина куда как превосходила Ефимию. Как сейчас

думала старуха, Катарина превосходила и Анастасию, но та все же могла научить девочку лучше и большему.

Девочка тогда смертельно обиделась на Ефимию, плакала, называла предательницей. А вот ведь — не к Анастасии, огранившей этот алмаз, а к ней, к Ефимии, прислала Катарина юного Балка и свое посмертное письмо.

Но — горько подумала она — может быть, это потому, что мы с Балком почти что земляки, и он меня знает или хотя бы обо мне слышан.

А Балк уже протягивал ей смятый, грязный, продырявленный нитяной строчкой листок.

Ефимия взяла листок, но читать сразу не стала, а задумчиво глядела на юношу.

Тот сложил стельку, вложил в сапог, натянул сапог на ногу. Притопнул, чтобы сапог лучше сел. Все действия Балк производил обстоятельно, с расстановкой, как хороший мастеровой выполняет знакомую и любимую работу.

— Ты говоришь, вы были друзьями? — спросила Ефимия.

Балк покраснел.

Любовниками, поняла Ефимия. Что ж, Катарина в свои неполные семьдесят лет выглядела девочкой. Когда она, Ефимия, взяла в любовники молодого горского царя Давида, ей было немногим больше семидесяти.

— Ты не думай, тетушка... — начал было Балк, но Ефимия прервала его:

— Я ничего не думаю! — и поднесла к глазам письмо Катарины.

Чернила местами расплылись, на сгибах листок потерял, дырки опять же — Ефимия читала письмо с трудом. И с ужасом. По коже бежал мороз, это не был холодок предсказания, спонтанного пророчества, нет, это был мороз предвидения, продиктованного логикой и здравым смыслом. Ефимия прочитала письмо дважды, потом подняла глаза на Балка. Юноша задумчиво смотрел на свечу. Глаза его прятались в тени, пляшущее от сквознячка пламя свечи освещало только подбородок. Упрямый подбородок, подумала Ефимия.

— Подпись какая-то бледная и неразборчивая, — пробормотала Ефимия. — Ты знаешь, что в этом письме?

— Я его писал, — отозвался юноша, переводя взгляд на Ефимию. — Она диктовала, а я писал. Ей уже было очень плохо тогда, ее рвало все время. Она с трудом подписала, поэтому так неразборчиво. Это было ночью, а на рассвете она умерла.

— Ты мне должен что-то рассказать?

— Да.

Он помолчал, потом начал медленно, как бы нехотя, и понизив голос:

— Они сговорились, бахристанка и епископ. В королевском саду, в Кириллове, во время траура. Собрать всех... — он замялся, но все же сказал: — ...ведём в одном месте, настроить против народ, обвинить в чем-нибудь злом, тогда они еще не придумали, в чем, отлучить от церкви. А потом, через время, истребить всех одним ударом. Бахристанка даже сказала «выжечь». Через какое время, они не говорили.

— Опасное письмо, и опасное знание, — сказала Ефимия. — Если это правда...

— Это правда, — прервал ее Балк и горько хмыкнул. — Это я подслушал тот разговор, нечаянно. В карауле стоял, в саду. Между прочим, долг свой нарушил...

Ефимия задумчиво кивнула. Воин караула не имеет права разглашать случайно услышанные разговоры. Но и не рассказать Катарине о подслушанном Балк не мог. Если только это правда. Если только не подослали этого красивого и обаятельного юношу злокозненная Мариам со злобным Астафием.

Ефимия не обладала талантом правдовидицы. Это толстушка Наталия, соседка Ефимии, могла отличить правду от лжи по, как она говорила, цвету слов. Как можно определить цвет на слух, Ефимия не понимала. И посвящать Наталию в эти дела она не хотела. Если Балк подослан, то пусть пострадает она одна, Ефимия, никчемная, бездарная и никому не нужная старуха.

— Почему ко мне? — спросила Ефимия. Балк непонимающе посмотрел на нее.

— Почему ко мне? — повторила она. — Почему она послала тебя ко мне, а не к кому другому? Не к Анастасии, к примеру.

Балк пожал плечами.

— Она часто тебя вспоминала. Она говорила, ты мудрая. Мне кажется, она тебя очень любила.

Балк встал.

— Я пойду, пожалуй. А то я еще хватятся. Я никому не сказался, как ты понимаешь...

— Сядь! — велела Ефимия. — И слушай.

Балк повиновался.

— Я уже говорила, что это знание опасно, — размеренно начала Ефимия. Она решила вести себя так, как если бы все было правдой — и письмо подлинным, и юноша честным. — И ты очень рискуешь, ты ходишь, можно сказать, по краю пропасти. В королевском дворце, на виду у Мариам...

— Так ведь никто ничего не знает, — возразил Балк. — Мы с ней одни были, а письмо я сразу спрятал, едва чернила высохли...

— И про вашу... дружбу никто ничего не знает? — вкрадчиво спросила Ефимия.

— Ну, — он замялся. — Мы вообще-то старались прятаться.

— Милый ты мой, эти дела не утаишь! Да еще в королевском дворце. Я больше чем уверена, что на ваш счет сплетничала каждая служанка, да и каждая придворная дама тоже. И королева Мариам прекрасно обо всем осведомлена.

Балк покраснел еще гуще.

— Ну осведомлена, наверное... Ну и что? Мало ли...

— Мало, — твердо сказала Ефимия. — Сомневаюсь я, что у Катаринины было много близких друзей. Кроме тебя и покойной королевы Елизаветы.

— Да и не было, — согласился Балк. — И королева в последнее время все хворала, потеряла речь и память, так что...

— Так что ты был самым близким, — продолжила Ефимия. — И Мариам это знает. А она — учти! — ничего не забывает. Злопамятная она и коварная. Так что схватят тебя, оглянуться не успеешь, как все выложишь. Есть у нее способы...

О способах Ефимия была наслышана. Говорили о том тишком, шепотком, но слухи о заплочных дел мастерах злокозненной бахристанки ползли стойкие и упорные.

— Не посмеет она, — возразил упрямый Балк. — Я королевичу Марку первый друг.

— А это, милый ты мой, не в плюс тебе, а в минус, — Ефимия потерла сморщенный от омерзения нос. — Королева старшего сына своего не любит, даже больше — ненавидит она его. И если ты окажешься запачканным — ты не только себя и меня, ты еще и королевича Марка погубишь. Ты этого хочешь?

— Ой, — сказал Балк. Такая мысль ему в голову прежде не приходила.

— Вот и ой.

— Что же делать-то? — удивительно, но Балк испуганным не выглядел. Озабоченным, да, но страхом от него и не пахло. — Я ведь и бежать не могу, чтобы на Марка подозрений не навлечь... Убьешь меня?

Ефимия подивилась: Балк говорил вполне серьезно, но без страха. Неужто и так бывает? Или это глупость юности? Или бравада предателя, знающего, что ему ничего не грозит?

— Ерунда! — сказала она. — Рано тебе помирать, и бежать тебе не надо. Я могу так сделать, что ты накрепко забудешь и об этом письме, и о том, о чем мы с тобой сегодня говорили. И о разговоре том подслушанном, и о том, как Катарина умерла. И никакими пытками из тебя это не вытянешь. Согласен?

Балк словно бы окаменел, и его упрямый подбородок стал

еще тверже.

— Я не хочу забывать, как ее убили, — хрипло сказал он. — Я хочу отомстить ее убийцам.

— Королеве? — насмешливо спросила Ефимия. — Епископу? Уж верно, хороший способ самоубийства! Да и всю семью свою заодно погубишь, как изменник престолу. Месть к тому же — дело не христианское.

— Да, я знаю, я плохой христианин, — обреченно отозвался Балк. — Только...

— Ладно, — как бы нехотя сказала Ефимия. — Я сделаю так, что ты забудешь на время, не навсегда. Вспомнишь, когда опасность минует. Согласен?

— А когда она минует? — угрюмо спросил Балк. — Когда королевы не станет?

— Зачем так долго ждать! — отозвалась Ефимия со смешком. — Лет пяти, я думаю, хватит.

Ефимия врала. Она совсем не собиралась ограничиваться пятью годами. Наводить ложные воспоминания она умела в совершенстве, и постоянные, и на время. Но слишком уж у королевы Мариам долгая и злая память. Жалко парня.

— Ну? — спросила она.

Балк зажмурился. И так, зажмурившись, нехотя кивнул.

Ефимия принялась за работу. То, что она делала, граничило с запрещенным, с вмешательством в личные дела и свободу воли человека. Однако Ефимия всегда умела убедить себя, что действует во благо пациента, во-первых, а во-вторых, она ведь спросила согласия! А без согласия Балка она не стала бы, ни за что не стала бы...

Если честно, без согласия Балка она ничего бы сделать не могла.

Была такая штука, называлась она «блок». Иногда добавляли еще «Петросов». Блок не позволял колдунье наносить человеку вред, делать с ним что-либо без его согласия или заставлять его действовать в интересах колдуньи. Кстати, на установку блока согласие не требовалось, и ставить его умела любая колдунья, самая бездарная. И ставила — любому ребенку, проявившему способности к колдовству. Говорили, что нарушение запретов блока превращает нарушителя в чудовище, и приводит к скорой смерти. Однако Ефимия жила с этим блоком уже больше трехсот лет, и вполне научилась обходить острые углы запретов.

— Я пойду? — робко спросил Балк. — Поздно уже...

— Иди, сынок, иди. Татьяна уж заждалась тебя, поди. И привет Евдокии, и Ивану, разумеется, как их увидишь!

— Обязательно передам.

Балк поклонился, немножко неуклюже. С собой он уносил воспоминания о приятном чаепитии с милой старушкой, которую навестил по просьбе матери. Он забыл о том, что Катарина была убита, и о подслушанном в саду разговоре, и о сделанном Ефимией предсказании, свидетелем которому стал. О предсказании Ефимия вспомнила в последний момент, и убрала заодно и его.

Ефимия вздохнула. Чувствовала она себя неважно, устала от предсказаний, от проделанной работы, от дурных вестей. От письма.

Она снова развернула листок и перечла его.

13.

«Ефимия, я умираю».

Ни тебе «здравствуй», ни хотя бы «привет». Если это подделка, то психологически очень точная. Последнее письмо умирающей, а ей не до приветствий. Ну, да Мариам мастерица, великая мастерица на подделки.

«Она подослала ко мне убийцу с отравленными стрелами, а пока я приходила в себя, подменила питье. С двумя ядами справиться я не могу».

Кто «она», Катарина не написала, но это и так было ясно. Кто, кроме Мариам, может подослать убийц к колдунье?

«Она и твой родственник замыслили истребить всех. Податель письма расскажет».

С «ней» все ясно, с «родственником» тоже. Данский епископ, преподобный Астафий. Гадюкой была младшая сестра Ефимии, гадючий нрав унаследовал и ее правнук. Славная парочка, Мариам и Астафий!

«Посмотри на наследника и его мать. Приглядиись к бичующим братьям».

Это уже похоже на предсмертный бред. Какой наследник? Чья мать? И зачем приглядываться к монахам?

«Я не знаю, что с этим делать. Все в божьей воле.

Катарина».

Ефимия задумчиво сложила листок. «Наследник» — это, может быть, Марк. Тогда мать — Мариам. Может быть, Катарина намекает, что Марк вовсе не сын Мариам? Но как это может быть? И как их увидеть? Наследника она видела сегодня, но с Мариам была знакома только по портретам. В королевский дворец Ефимия не бывала допущена, и никогда не будет допущена. Разве что завтра, на празднике освящения собора? Но ворота квартала завтра будут закрыты, праздновать колдуньям запрещено, тем более, запрещен вход в город. Можно, конечно, что-нибудь придумать, перелезть через стену, например...

Ефимия захихикала, представив себе себя, старуху, перелезающей через стену.

Хихиканье Ефимии прервала Наталия, ворвавшаяся в комнатушку с шумом и грохотом. И дверь за ней хлопнула, и табуретка попала под ноги, да еще на кошку ненароком наступила, кошка с громким воплем убралась.

— А ты, я гляжу, уж в порядке! — закричала Наталия с порога. — Дамян сказал, ты просто устала! И Татьяну я сейчас встретила! Она себе такого парня подцепила, красавец! Только разноцветный какой-то!

Как почти всегда, каждую фразу Наталия заканчивала восклицательным знаком.

— Почему разноцветный? — удивилась Ефимия, быстро сунув письмо Катарины в пламя свечи. Письмо медленно тлело: бумага была плотная.

— Да вроде бы честный, зеленый, только желтые разводы по нем какие-то, будто все-таки немножко врун, — непонятно пояснила Наталия, сбрасывая полушубок и разматывая шаль. — Морозище — ужас! Так и хрустит! А что ты жжешь-то?

Ефимия замерла.

— Погоди-погоди, — сказала она, — ты ж говорила, что это слова имеют расцветку, правдивые и ложные. Неужели и по лицам видишь?

— Ага, — кивнула Наталия. Она прижималась к пузатой печке ладонями и щекой. — И по лицам, и по спинам, и по вещам даже. Вижу, что и ты врала сегодня немало. И еще что-то гадкое сделала. Так ведь?

Ефимия пропустила эти слова мимо ушей, глядя на обгоревший клочок письма, зажатый в ее пальцах. На бумаге остались только последние две строчки и подпись.

— А по писаному сможешь что увидеть? — спросила она с жаждущей небрежностью.

— Не знаю, — пожала плечами Наталия. — Не пробовала еще.

— Разводы по нему желтые, значит, гм-гм, — произнесла Ефимия задумчиво. — А так, значит, честный, зеленый потому что... На-ка вот, глянь, — она протянула Наталии обгорелый клочок письма.

Наталия с видимым сожалением оторвалась от печки, взяла обрывок, пробежала глазами, удивленно ойкнула, как Ефимия догадалась, по поводу подписи, и протянула обрывок обратно.

— Зеленая, — уверенно произнесла она. — Изумрудом даже отливает. Честнее и быть не может. На духу писано.

Ефимия сунула клочок в огонь, подождала, когда окончательно сгорит, и сдула пепел с пальцев.

— А от ложных воспоминаний могут разводы появиться? — спросила она, помолчав.

Наталия открыла рот, потом присвистнула.

— Во! — воскликнула она. — А я-то гадала, как так может быть! Именно! Понимаешь, если бы был вун, то не был бы зеленый, а был бы с желтизной. Опять же, если честный, но соврал, то просто бы желтое пятнышко на нем появилось бы, а потом бы пропало понемножку. А разводы — это я просто ну не могла понять, откуда!.. А ты, значит, опять за старое? Вот узнает Дамян, что ты тут втихаря колдуешь...

Словно накликала Наталия, затопали по крылечку чьи-то валенки, отряхивая налипший на них снег, хлопнула дверь, закрипели, заиграли под чьими-то быстрыми шагами половицы в сенях, и в каморку ввалился полуодетый (полушубок был брошен на нижнее белье) юный брат Дамян.

— Бабушка! — жалобно закричал он, едва успев войти, — что же ты творишь? Велено же тебе лежать, отдыхать, силы не тратить!..

— А что я? — огрызнулась Ефимия, заерзав в кресле. — Уже и чаю себе подогреть не могу, да?

— Так ведь опять колдовала! Я не спал еще, почувствовал. Так ведь и... надорваться недолго!

Тон его был скорбным. Ефимия подумала, что хотел сказать Дамян «помереть недолго», но постеснялся. Иные старики избегают разговоров о смерти.

— Не колдовала я, — снова соврала Ефимия. — Предсказание мне было, еще одно. Талант, видишь ли, прорезался на старости лет. Сейчас, кажется, третье рожу.

Ефимия не шутила. Внутренности ее снова сковал холод уже знакомым предчувствием.

Она встала:

— Лечь бы мне, а то опять упаду. Я, Дамян, как предскажу что-то, так сразу и падаю. Весь зад себе нынче отбила с этими

вот...

Но лечь она не успела. У самой кушетки предсказание догнало ее и выплеснулось:

— Будет она чужеземкой, но сила ее превысит все, доселе мыслимое в нашей земле. И совершит она то, что не мыслил совершить никто. Личной ведьмой королевы станет она, и разделит с королевой позор изгнания и радость победы. И позавидуют ей маги.

После чего Ефимия рухнула ничком, разбила себе в кровь нос и рассекла бровь, но уже не почувствовала этого. Ее, бесчувственную, Наталия с Дамянном раздели и уложили, шепотом — от страха перед услышанным — переговариваясь:

— Кто это «маги»?

— Не знаю. А что за чужеземка? Бахристанка, наверное?

— Ну да. Вряд ли королева Мариам допустит к себе кого другого...

— Только кто же ее изгонит, королеву-то? Вся власть в ейных руках!

— А Марк, должно быть. Не дружит он с матерью-то...

Сказав это, Дамян почувствовал себя неудобно. Наталия была болтушкой, а ему, Дамян, как монаху, не к лицу было сплетничать о самой королеве, которую орден бичующих братьев поддерживал.

— Ты только это, Наталия... Не болтай. Хорошо, что никто, кроме нас, не слышал. За такое вот предсказание и языка можно запросто лишиться, да и вместе с головой.

Наталия кивнула, надувшись:

— Ну, да я ведь не совсем уже дурочка. Понимаю.

— И ей скажи, как очнется, чтоб не болтала. Она ведь отчаянная, — сказал Дамян, и Наталия с удивлением услышала в его голосе нежные нотки. Нежность была неподдельная: Дамян в глазах правдовидицы переливался оттенками розового и изумрудно-зеленого.

— Даст бог, она утром и не вспомнит ничего. Так часто с предсказаниями бывает, мне Татьяна говорила.

— Даст бог.

Ефимия не вспомнила ничего ни на следующее утро, ни потом. По той простой причине, что утром навалилось на нее странное, похожее на сон забытье. Ее даже посчитали мертвой и хотели хоронить, да не дали брат Дамян с целительницей

Анастасией. Очнулась Ефимия много лет спустя. Талант предсказательницы, так неожиданно и мощно проявившийся в ней, исчез надолго.

И лишь после встречи с юной королевой Анной Ефимия вспомнила о предсказанном ею, Ефимией, и наблюдала потом причудливое плетение узора трех судеб.

Но это случилось много, много позже.

Книга первая. Дочь князя

*Аленушка, джана моя, — тебе
в память о нашей общей любви к
Армении*

Она была младшей дочерью горского князя Варгиза, единственным его ребенком, оставшимся в живых.

Три сына князя пали на войне, которую вел король Игнатий, а потом сын его, король Марк, в Загорье. Хильда рассказывала ей, как однажды вечером — Аник тогда еще и на свете не было — к воротам Красной крепости подошел путник.

— Он был один, и без поклажи — совсем, совсем ничего не было у него, ни мешка в руках, ни котомки за плечами. Ворота для него отворять не стали, а впустили в боковую калитку, и отвели на кухню, чтобы накормить. Он отказался есть, только выпил пива, и сказал: ведите, мол, меня к князю. Я ему говорю: «Не станет князь тебя слушать, у него много важных дел!» — а он отвечает мне: «Когда он узнает ту весть, что я принес, он забудет о своих важных делах!» — Ну, я и думаю, что тут не ерунда какая, война ведь была, наш тогдашний король Игнатий воевал в Загорье, и вместе с ним на войну ушли три сына князя — ах, что это были за воины! Любая красавица была бы счастлива отдать одному из них свою руку, и свое сердце, и свое приданое! Высокие, стройные, как тополя, а сильные, как медведи, а красавцы!.. Я и думаю — может, весточку о княжичах принес этот путник? — и послала к князю сказать, что, мол, на кухне у меня человек издалека, и хочет с ним, с князем говорить. Князь велел представить путника пред свои очи. Я, конечно, не пошла, а потом прибегает моя Прудис, зареванная, «Ой, говорит, бабушка, сыновья-то князя погибли все, и вся дружина тоже! А человек этот, говорит, был, оказывается, из княжичей дружины, и он все рассказал — и тоже умер!» Вот так это было.

— А дальше? — спрашивала Аник, хотя она прекрасно знала, что было дальше.

— А дальше родился мой цветочек, и князь сказал, что мой цветочек станет его наследницей, и приданым ей будет Красная крепость.

— А Тамил? — Тамил была старшая сестра Аник.

— А Тамил просватана уже была, еще в колыбели ее сговорили со старшим сыном князя Горгия. Старший сын князя Горгия будет наследовать своему отцу, ему Красная крепость ни к чему. То есть, может, она и была к чему, но он бы здесь не жил никогда, нет, не жил, и что тогда со здешним народом бы

сделалось? Нет, князь Варгиз не желает, чтобы его родовое гнездо пришло в запустение. Вот подрастешь — князь найдет тебе мужа, первого витязя в королевстве.

— И устроит состязание?

— Обязательно, цветочек мой! Будешь ты сидеть в белом покрывале на верхушке Дозорной башни, а витязи на полном скаку будут пытаться покрывало то сорвать, и кто сорвет — тот и будет твой жених.

— А из лука стрелять? — требовательно спрашивала Аник.

— И из лука стрелять, и петь старинные песни, и на ковре бороться, и кто всех других победит, тот и будет твой суженый, наш новый князь, цветочек мой!

Рассказы Хильды были похожи на сказки, которых старуха знала множество. Впрочем, сказки для Хильды были такой же святой истиной — просто события, описываемые в них, случились «не с нами, а с другими людьми, в другой земле». Многие ее сказки так и начинались: «Не с нами и не с вами, а давным-давно, в другой земле жил король...»

Хильда была одной из шаваб, но еще в юности порвала со своим народом.

Шаваб жили повсюду на землях горской страны, и на землях князя Варгиза тоже. Они отличались от горцев языком и обликом, обычаями и одеждой; даже в единого бога веровали по-иному, не так, как горцы.

Пришли они в Айкастан в давние времена, в поисках защиты от врагов, жили на земле горцев с позволения верховных князей, в дела горцев не вмешивались, но и не терпели вмешательства в свои дела.

Шаваб сеяли пшеницу и ячмень, разводили коров, коз и свиней, варили пиво, тачали сапоги, приторговывали по мелочи друг с другом; с горцами общались мало. Изредка только какой-нибудь бродячий торговец, не успев (или не сумев) распродать свой товар на ярмарке, заворачивал в селение горцев; или же горский князь, собираясь с караваном в далекий Бахристан, нанимал в селении шаваб погонщиков для мулов.

Хильда была первой шаваб, вышедшей замуж за горца, да не простого, а родственника князю. Может быть, поэтому ее так не любили и боялись ее соплеменники? Но Хильда прожила в Красной крепости всю свою жизнь, и горцы считали ее своей. А Аник была еще слишком мала, чтобы задумываться о том, кто какой крови. Хильда заменила ей бабушку, ведь и мать отца, и мать матери девочки умерли, когда Аник еще не было на свете.

Аник было шесть лет, когда пропала Тамил.

Тамил достигла уже того возраста, когда девушки выходят замуж. Осенью должны были играть свадьбу, а к празднику Успения Богородицы ждали в гости жениха, старшего сына князя Горгия.

Аник любила рассматривать приданое: подвенечное платье, вышитое серебряными нитями, и тонкие шерстяные ткани, пурпурные, синие, белые, и жесткие от серебряных накладок пояса, и тяжелые ожерелья из самоцветов. Мать, застав Аник за этим занятием, бранила ее — дескать, негоже дочери князя проводить время в праздности, — и отправляла работать. Аник перебирала пух для перин, отделяя случайно попавшие туда перья. Перины тоже были предназначены в приданое Тамил, но с ними возиться было неинтересно.

Иногда помочь Аник приходила Хильда. К тому времени она стала уже совсем стара для всякой почти работы, и на кухне ее заменила Прудис. Хильда ничего не видела, отличая разве что день от ночи, и пух перебирала на ощупь, оставляя много перьев, так что Аник приходилось после нее переделывать работу. Зато Хильда знала сказки и легенды горского края, и старинные песни, и много разных полезных вещей: как сделать, чтобы молоко у козы было жирным и вкусным, и как уговорить кур нестись, и как вылечить больные зубы, и какие травы положить в жаркое, чтобы мясо старого барана стало мягким, как у молодой ярочки, и многое другое. Хильда рассказывала Аник обо всем, что знала, и Аник была готова перебирать пух часами, только бы ей дали послушать старуху. Но мать не позволяла долго засиживаться на одном месте, и отправляла Аник в сад собирать паданцы ранних кислых еще яблок, или рвать укроп и базилик для супа.

Аник как раз работала в саду, когда прибежали девушки с плачем и воплями: «Тамил! Тамил!»

Девушки ходили за водой к источнику на склоне горы. В крепости был колодец, но вода в нем горчила и отдавала неприятным запахом. Эту воду использовали для мытья, и поливки огорода, и стирки, а пили только во время осады — впрочем, вот уже три поколения враг не появлялся в здешних местах. Хорошую воду приносили в высоких узкогорлых кувшинах, эту воду пили, и варили из нее пиво, и использовали для стряпни. Девушки обычно ходили за водой поутру, на заре, иногда приносили два-три кувшина вечером, но близился приезд жениха, в крепости собирались варить пиво, и воды требовалось много, поэтому княгиня послала старшую дочь и ее подруг к источнику среди дня.

Девушки, прерывая свое повествование горестными воплями,

рассказали, что они уже набрали воду и стали подниматься по тропе, как Тамил поскользнулась и уронила кувшин. Она послала подруг вперед, сказав, что наберет воды и догонит их. Уже наверху, у калитки, одна из девушек оглянулась и увидела, что кувшин валяется на траве, а Тамил нигде не видно. Девушки подождали несколько минут, думая, что Тамил отошла по нужде, и даже затеяли игру в платочек, составив у крепостной стены тяжелые кувшины. Но Тамил все не возвращалась, и подруги пошли посмотреть, что же все-таки случилось. Кусты у источника были изломаны, будто там большой зверь прокладывал себе дорогу, Тамил не было и следа. Перепуганные девушки побежали в крепость.

Князь, слышав их рассказ, кинулся к источнику. Другие мужчины, бывшие в этот час в крепости, последовали за ним, захватив оружие и кликнув собак. Кто-то из женщин сказал, что, наверное, Тамил унес медведь, Аник, перепугавшись, бросилась к матери с плачем и спрятала лицо в ее подол.

Старая Хильда стукнула своей палкой в каменные плиты, выстилавшие двор:

— Сдается мне, что не медведь это, вот увидите, не найдут они Тамил, и следа ее не найдут.

Княгиня гордо выпрямилась:

— Ты хочешь сказать, что моя дочь бежала с мужчиной?

— Нет, — покачала головой Хильда, — я хочу сказать, что сбывается предсказание.

Княгиня, отшатнувшись, прижала ладонь к губам, но промолчала.

Князь и мужчины вернулись только вечером, когда стемнело и уже нельзя было различить следы. Впрочем, следов они так и не нашли, излазив склон горы вдоль и поперек — лишь изломанные кусты у источника, да зацепившийся за колючий куст лоскут белого платья Тамил. Будто девушку унесло ветром. Даже собаки не помогли — они только жалобно скулили, отказываясь лезть в заросли. Испугать этих огромных и бесстрашных псов, каждый из которых мог в одиночку справиться с волком, было трудно.

Хильда сказала князю:

— Предсказание сбывается. Твоя дочь стала женой Горного Короля. Ты никогда больше не увидишь ее, но утешься — Горный Король не обидит свою жену, а она заступится за тебя и твой народ перед своим мужем, и горы не будут вредить тебе.

— Нет! — закричал старый князь, — это все сказки! Ее украли — зверь или человек, не знаю, моя дочь похищена!..

Хильда покачала головой и ничего не ответила.

Через несколько дней волки задрали телку прямо на глазах

пастуха, и обвалилась скала, запрудив речку Каменку, и вода залила луга, на которых пасся табун. Хильда сказала, что это Горный Король гневается на князя — он взял дочь князя в жены, но не получил ее приданого, — и что пусть приданое княжны оставят на ночь у источника, можно не все, но обязательно пуховую перину, подвенечное платье и коня, на котором молодая Королева Гор должна въехать под своды пещеры, потому что дворец Горного Короля находится в огромной пещере глубоко под землей. Князь не хотел ничего слушать. Но когда под лавиной погибли два охотника, выслеживавших горного козла, и когда камнепад обрушился на небольшое селение в соседней долине, и там тоже погибли люди, старик и его внучка, Хильда сказала, что Горный Король гневается: по его, Короля, мнению, князь выказывает неуважение к молодой жене Короля тем, что удерживает приданое.

Князь махнул рукой и сказал: «Делай, как знаешь!»

Несмотря на протесты священника, старенького отца Константина, вечером к источнику свели коня княжны, на коня навьючили тюк с периной, а сверху положили шитое серебром белое подвенечное платье. Князь велел двум дружинникам сторожить ночью, чтобы посмотреть, куда денется приданое княжны. Дружинники клялись и божились, что до рассвета не смыкали глаз, но что не видели, кто увел коня, и не слышали ни топота копыт, ни лошадиного ржания. Князь было разгневался, но когда один из дружинников пояснил, что в таком тумане, какой сел у источника утром, трудно было и руку свою разглядеть, не то, что коня на расстоянии пяти шагов, и что туман этот спустился на несколько минут, а потом воздух очистился, но коня с поклажей уже не было — после этих слов князь задумался и не гневался более.

Аник все это время не отходила от матери. Ночью Аник боялась оставаться одна, и княгиня брала ее в свою постель. В темноте Аник мерещилось страшное — огромный медведь с окровавленной пастью; Тамил, бледная, в разорванном платье, протягивает руки и зовет: «Аник, Аник!»; страшный, как тролль, одноногий, косматый Горный Король злобно смеется... Аник просыпалась с плачем и прижималась к горячему телу матери. Мать гладила ее по голове: «Спи, доченька, не бойся!» — и Аник засыпала под тяжелые вздохи княгини.

перебирать пух на перины. Пиво, однако, сварили, и, когда молодой князь Горгий приехал, князь Варгиз устроил поминки по дочери, как если бы она умерла. На кладбище поставили камень с именем Тамил, в маленькой привратной церкви у входа в крепость отслужили поминальную службу. Хильда ворчала, что-де совсем не дело отпевать и хоронить живую, и Горный Король может разгневаться снова. Однажды она даже сказала об этом княгине.

— Молчи, — ответила княгиня, — не говори такого. Если ты права, то твоя правота означает, что моя дочь предала свой народ. А это хуже, чем быть растерзанной медведем.

— Глупая женщина! — воскликнула Хильда. — Горный Король породнился с твоим народом через твою дочь. Признай это, и горы станут помогать вам, и счастье будет с твоим родом во веки веков.

— Молчи, молчи, — повторила княгиня, зажмурившись, и Аник с ужасом увидела слезу, покотившуюся по щеке матери. Она мало что поняла, но разозлилась на Хильду — какое право имела старуха называть княгиню глупой?

4.

Потом был пир в большом зале крепости, и Аник впервые присутствовала на пиру со взрослыми. Ее одели в платье грубой черной шерсти, и расплели тонкие косички — у всех женщин на пиру волосы были распущены по плечам, даже у старой Хильды, и все были в черном. Грустный это был пир, и не было на пиру ни шуток застольных, ни пения хором. В конце пира встал князь Горгий, сказал речь, из которой Аник мало что поняла, потому что князь употреблял высокий слог. Князь Горгий говорил, что его горе не сравнится с горем родителей, что так молода была Тамил и так прекрасна, и что Бог не оставит ее своей заботой. А в конце он сказал, что, хоть и не удалось ему породниться с князем Варгизом сейчас, но надежду на это он не потерял, и потому просит позволения поднести дары, приготовленные для старшей дочери князя, ее сестре.

При этих словах один из спутников князя Горгия поставил перед Аник большое серебряное блюдо, доверху наполненное дивными и прекрасными вещами. Там были серебряные кубки и чаши, браслеты и ожерелья чеканного серебра, были кольца и серьги, и не только серебряные, но и золотые, украшенные яркими разноцветными камнями, золотые монеты, — такой красоты Аник не видела никогда в жизни. Глаза ее и рот стали

совсем круглыми, а голова закружилась от ярких бликов, которыми играли драгоценности в пламени факелов, освещавших зал.

Но Аник перед началом пира было строго-настрого приказано на пиру молчать, ничего не есть, кроме хлеба, и делать только то, что велют родители. Аник закрыла глаза, чтобы не видеть всего лежащего перед ней великолепия (потому что рука сама тянулась взять что-нибудь яркое и блестящее из груды сокровищ), и стала ждать, что же скажет ее отец.

Князь Варгиз в ответном слове поблагодарил князя Горгия за честь, оказанную его, Варгиза, дому прежде, когда князь посватался к старшей дочери князя, и за дважды оказанную честь, когда князь Горгий после такого ужасного несчастья сделал предложение его, Варгиза, второй дочери. Аник не поняла этих слов: «сделал предложение», но сообразила, что князь Горгий хотел чего-то от ее отца, и что желание это было князю Варгизу приятно, и что оно было связано с ней, с Аник.

Но потом князь Варгиз сказал, что он вынужден отказать князю Горгию, потому что «дочь его слишком молода» — то есть это она, Аник, молода, поняла девочка, — «а ты, князь, мужчина, и крепости Серых Скал нужна хозяйка, дочь же мою тебе придется ждать слишком долго. Не расценивай мой отказ как оскорбление, — сказал Варгиз в конце своей речи, — прости, если я говорю то, что огорчит тебя или причинит тебе боль, но другого слова я сказать не могу».

Сказав так, князь Варгиз взял из кучи драгоценностей на блюде одну монетку — самую маленькую, Аник подглядела. Варгиз показал монетку князю Горгию: «В знак благодарности за дар твой, поднесенный с чистым сердцем, я беру это золото».

Княгиня, ничего не евшая и не пившая в течение всего вечера, встала со своего места в знак того, что пир окончен. Все встали вслед за ней — и мужчины, и женщины. Аник знала, что сейчас отец Константин должен прочесть молитву, после чего гости разойдутся по отведенным им покоям. Но княгиня вдруг упала ничком, и о молитве позабыли.

5.

Княгиня заболела. Она лежала в беспамятстве горячки, не узнавала никого, ни мужа, ни Аник, и только звала по именам своих погибших сыновей и пропавшую дочь. Старая Хильда проводила рядом с ее ложем ночи и дни, и Аник осталась на попечении Прудис, у которой теперь было мало работы: на пир

наготовили столько, что, пожалуй, еще неделю из кладовых доставали жареную, вареную и печеную снедь. Гости, собиравшиеся пожить в крепости некоторое время, разъехались сразу же после поминок — кто будет отягощать своим присутствием дом, хозяйка которого при смерти?

Прудис жила теперь в одной комнате с Аник, спала с ней в одной постели, раздевала ее на ночь и одевала по утрам, ласково будила девочку ночью, если Аник снился страшный сон.

В первый же вечер Прудис растолковала Аник, что молодой князь Горгий, жених пропавшей Тамил, на пиру посватался к ней, к Аник.

— Ой! — только и сказала Аник. Князь Горгий ей не понравился, он был старый, усатый, а нос его изгибался над тонкими губами подобно клюву хищной птицы.

— Да, — болтала Прудис, снимая с Аник кусачее черное платье, — он, конечно, красавец, и богат очень, ведь он — наследник старого князя Горгия, и ему достанется и крепость Серых Скал, и все земли Горгиев, и серебряные рудники. Но это он посватался по обычаю, я думаю, что и мысли в его голове не было жениться на тебе, дочь князя.

— Почему это по обычаю? — ревниво спросила Аник. Ей совсем не хотелось становиться невестой этого горбоносого князя, пусть он даже и богат, и знатен, но стало обидно — он посватался ведь к ней, к Аник, а сам, оказывается, жениться не хотел.

— У вашего народа, — пояснила Прудис — хоть она и была родственницей князя, отец ее был из шаваб, и Прудис тоже иногда называла себя шаваб, — у вашего горского народа есть такой обычай: если невеста умирает до свадьбы, жених должен жениться на ее сестре или ближайшей младшей родственнице. И то же самое, если жених умирает или погибает, то его брат женится на невесте. Но это раньше так было, сейчас уже обычаи не соблюдают, а только вспоминают их, для приличия... Ему ведь, наверное, уже лет двадцать пять, а тебе только шесть минуло на Благовещение, еще лет десять ждать, пока ты вырастешь — он уже будет стар для тебя. Князь наш найдет тебе молодого красавца-витязя, на белом коне, и будешь ты княгиней Красной крепости, золотко мое...

После этих слов Прудис захрапела — она была толста и храпела очень громко, но храп ее не мешал Аник думать.

Девочка думала о том, как долго — десять лет, и что если князь Горгий сейчас такой старый, то каким же он будет спустя эти годы. Наверное, таким, как живущий в привратничкой старый Кена — седым и сгорбленным. Нет, Аник не хотела выходить за такого старика — она ведь к тому времени вырастет, и будет

такая же красавица, какой была Тамил.

Подумав о сестре, Аник пожалела бедняжку — по словам Хильды, Тамил стала женой страшного Горного Короля, и никогда больше не выйдет из его пещеры на поверхность, погулять по лугу или по лесу, подышать легким горным воздухом, полюбоваться восходом солнца и звездным небом. Вспомнив о Тамил, Аник вспомнила вдруг и то, что сказала Хильда о предсказании. Мать как будто испугалась этих слов — она даже ничего не ответила Хильде, и отец тоже как-то странно смотрел на старуху, когда она вторично упомянула о некогда предсказанном. Аник растолкала Прудис.

— Скажи мне, Прудис, что это за предсказание, о котором говорила твоя бабушка? — требовательно спросила она, когда Прудис, наконец, проснулась.

— Золотко мое, спи, не думай ни о чем, — зевая, сказала Прудис, — ночь уж совсем...

— Прудис, если ты мне не скажешь, я всю ночь буду ворочаться и щипаться, и не дам тебе спать.

— Да не знаю я ничего ни о каком предсказании! — воскликнула Прудис, — спи лучше! А не то я кликну Одинокого Тролля, он придет и съест тебя.

— Не кликнешь, — сказала Аник, поразмыслив, — потому что он тогда тебя тоже съест. И ты знаешь про предсказание, потому что Хильда тебе рассказывала, она тебе все рассказывает. Поэтому давай, говори! — Прудис, зевая, хныкала и стонала, что ничего такого она не знает, и вообще давай спать, и спроси у Хильды, если тебе так интересно, но Аник была неумолима и щипала пышный мягкий бок девушки всякий раз, как Прудис начинала храпеть.

6.

И Прудис сдалась наконец.

И рассказала вот что:

Когда старшие братья Аник подросли, князь с княгиней повезли их в город Дан, ко двору короля. Все молодые люди благородной крови должны быть представлены королю родителями или старшими родственниками, а в Межгорье — даже и девушки. А горянок представляют королю их мужья, так что, чтобы попасть в Дан, Аник нужно сначала выйти замуж. Есть такой специальный праздник в начале зимы — Прудис только забыла, как он называется, — когда знатные семейства съезжаются в столицу для представления королю своих детей.

— И вот, когда князь с княгиней и сыновьями были в городе Дане — а маленькая Тамил осталась дома...

— А я? — спросила Аник.

— А тебя еще не было на свете. Ты была у Бога в небесах ангелочком небесным. А княжичи были уже взрослые... Так вот, к княгине в покои пришла женщина, продавала эта женщина что-то или просто так пришла, поискать, где и чем можно пожить, но пристала она к княгине — дай, мол, погадаю тебе на сыновей твоих и судьбу твою, и так упрашивала, что княгиня, чтобы отвязаться только, согласилась. И эта старая ведьма начала гадать — уж не знаю, на чем, на бобах ли, или на картах, или на чем еще, я же гаданию не обучена... — Аник прекрасно знала, что Прудис привирает, Хильда умела гадать, и Прудис переняла у бабки это умение. Аник видела, как раз или два Прудис гадала Тамил и другим девушкам, но девочка не стала ловить Прудис на этом мелком вранье. И Прудис продолжала:

— Так вот, старуха начала ей гадать, а потом говорит: «Про твоих сыновей ничего тебе не скажу, госпожа, но обе твои дочери станут королевами». Сказала и сгинула, и никто даже не заметил, как она исчезла и куда девалась. Княгиня, конечно, рассказала все князю, а князь посмеялся, потому что дочку-то тогда имел только одну, а княгиня была уже не в тех летах, когда рожают, кто ж тогда знал, что Бог еще и тебя пошлет, утешать родительскую старость? К тому же Тамил была уже сговорена, считай, что обвенчана, с сыном князя Горгия. Помолвку никто расторгнуть не может, хоть бы и король, разве что становится известно что-то плохое про жениха или невесту, но тогда позор ложится на обоих, даже если один из них ни в чем не виноват; и девушке трудно потом выйти замуж, и мужчине жениться. Поэтому князь Варгиз посмеялся, и княгиня тоже посмеялась, и, когда они вернулись домой, все это и рассказали. В первый раз вспомнили они предсказание, когда ты родилась — до этого князь думал, что старуха просто обманщица, и не ждал еще одну дочь. Ну, а теперь вот выходит, что и дальше предсказание сбывается — я бабушке верю, да и князь Варгиз верит, просто боится показать это людям.

— Значит, я буду королевой? — спросила Аник.

— Ой, не знаю, и оставь меня со своими вопросами, я спать хочу! — вспылила Прудис. — Король наш Марк женился недавно в Загорье, на дочери тамошнего князя, и Горный Король женат уже, а других королей в землях наших нет.

— А в Загорье? И есть ведь еще там, на юге, страшные эти — я забыла, как они называются.

— Бахристанцы? У них не король, у них султан, и имеет тот

султан тысячу жен — ты же не захочешь быть тысячу первой? Большая честь, что сказать! И потом они нехристи, поклоняются демону Махмаду, тьфу! — Прудис с отвращением сплюнула на пол. — А в Загорье правители целовали крест нашему королю, то есть они меньше, чем король, и они там тоже иначе называются, чудно как-то, не князьями, а на «л», не помню слово... Так что наш славный король Марк единственный христианский король, но он тебе не жених. Поэтому выкинь из головы предсказание, и спи. Бред это все, сказки.

— Но ведь я родилась, и Тамил стала Горной Королевой!

— Золотце мое, — чуть не плача, взмолилась Прудис — она уже совсем проснулась, — Христом-Богом тебя молю, спи, и забудь все, что я тебе говорила. Князь мне голову снимет, если узнает, что я тебе рассказала, он велел строго-настрого, чтобы ты про предсказание ничего не знала, хватит, мол, с него Тамил — Королевы Гор...

— Отец не хочет, чтобы я стала королевой? — удивилась Аник. — Но почему?

— Да кто ж захочет! Дитя от себя отпускать, и не свидеться, ни поговорить с ним, ни к сердцу прижать — королева!.. Это когда много детей в семье — тогда дело другое, это роду почет. А ты ведь у него одна осталась, никого больше нет. И родовое гнездо, крепость то есть, в раззоре после смерти князя останется — ведь ты не сможешь подарить ему внука-наследника...

— Почему?

— Потому! — рассвирепела Прудис. — Вырастешь — узнаешь.

— А Горный Король — он очень страшный? — спросила Аник, помолчав. Прудис, уже успокоившись, или, может быть, пожалев, что так резко говорила с девочкой, сказала:

— Нет, золотце, он не страшный. Только то плохо, что нелюдь он, нехристи, а вообще он молодой красавец в золотой короне, драгоценными камнями усыпанной. А дворец его в пещере подземной сложен весь из горного хрусталя и самоцветными камнями украшен. А пещера та так велика, что вся наша Красная крепость, и еще три селения в ней поместятся, и останется место устраивать конные состязания. И сидит Король день-деньской на хрустальном троне, на голове его — хрустальная корона, в руках его — каменный меч, а подле него сидит на деревянном троне резном жена его, Горная Королева. Правят они суд над горным народом по совести и справедливо. И весь народец горный слушается слова своего Короля: и гномы, и кобольды, и даже гоблины свирепые, и страшные тролли...

— А люди? — спросила Аник.

— Люди когда-то тоже были подвластны Горному Королю, но потом пришли в горы священники, рассказали про Бога и Сына Его, и люди перестали слушаться слова нелюдя. И тогда горы разгневались на людей, и стали причинять им многие беды — звери лесные задирали овец, и коров, и коней, а гоблины нападали на селения, и убивали людей, а тролли подстерегали одиноких путников, и разрывали их на части, и пожирали, а кобольды воровали из колыбелей младенцев... И тогда нашлась одна смелая девушка, звали ее так, как тебя — Анна, и она пошла к Горному Королю. Легко сказать: «пошла», да трудно сделать — ведь пещера Короля глубоко под землей, и вход в нее далеко в горах, и на пути Анне нужно было перебираться через пропасти, и продираться через дикие заросли, и одолевать быстрые реки. К тому же горный народец стерег каждую тропку, каждый мостик через речку — гоблины, и тролли, и кобольды. Но Анна — она была доброй и богобоязненной девушкой, и ее вела святая цель: помочь своему народу, чтобы не обижали его подданные Горного Короля, — Анна молилась Богу всякий раз, как что-то мешало ей идти, и Бог помогал ей. И вот пришла Анна к Горному Королю, и сказала ему: «Горный Король! Разве мы, люди, сделали тебе что-то плохое, что твой народ обижает нас?» Горный Король удивился ее смелости, но ответил: «Да, храбрая девушка, ты и твои соплеменники поверили в Христа, и теперь моему народу нет жизни в этих горах — чуть кто из вас завидит тролля или кобольда, сразу начинает молиться, а это для нас смерть. Потому они нападают на вас, а я не могу их за то винить и наказывать, потому что тогда они мне говорят, что-де обижает их большой народ, своим молитвами и тем, что крестится, а если я буду большой народ защищать, то и вовсе они-де не будут меня слушаться». «Что же делать? — воскликнула тогда Анна, — ведь мы не можем уйти из наших родных гор, и жить в мире с твоим народом тоже не можем!» И тогда Горный Король предложил ей стать его женой — ведь Анна была очень красива. «Если ты выйдешь за меня замуж, — сказал Горный Король, — я смогу приказать своему народу не трогать твоих соплеменников — ведь они будут одной крови с моей супругой и королевой. Но и твои соплеменники пусть не обижают горный народец, не творят при виде тролля или кобольда молитву, а оставляют их заниматься своими делами, и тогда в наших горах воцарится мир и согласие». Анна подумала-подумала, и согласилась, потому что Горный Король был молодой и красивый. Она только попросила Короля позволить ей верить в Бога и молиться Христу. Король ей на это ответил, что в ее вере ни он, ни кто другой неволить ее не может, и что пусть она молится, только прежде она должна убедиться,

что рядом с ней нет никого из горного народца, на что Анна с радостью дала согласие. После того Горный Король отнес Анну на руках к ее родному селению — она ведь должна была объявить о том, что выходит замуж, и сообщить условия договора с Королем. Ее родные, заслышав такую весть, не хотели ее отпускать — шутка ли: отдать дочь за нелюдя! Но Анна была тверда в своем решении. «Я дала слово Королю, — сказала она, — и теперь не могу взять его обратно. А вы не обижайте горный народец — ведь вы теперь породнились с ним через меня!» И ушла. Они жили с Королем долго и счастливо, но ведь он, Король, бессмертен, и вечно юн, а Анна состарилась и умерла. Много лет Горный Король горевал безутешно, но потом скорбь его утишилась, и он снова решил жениться. Пришли к нему на смотрины и гномихи, и гоблины косоглазые, и даже огромные страшные троллихи, но Король не выбрал никого из своих подданных, потому что он хотел жениться только на девушке человеческой крови — так он любил Анну, и так понравилась ему человеческая жена. И с тех пор он раз в сто лет выбирает себе невесту из людских дочерей. Обычно он стережет у источника — вот так, как он подстерег нашу Тамил, — и говорит девушке ласковые слова, и предлагает ей стать его женой. Девушка вольна отказать, он не будет мстить ни ей, ни ее родичам, но тогда снова посвататься он сможет только через сто лет...

— Значит, — прервала Прудис Аник, — он не унес, не похитил Тамил? Тамил ушла с ним по своей воле?

Прудис, покраснев лицом и полной шеей, почесала в затылке:

— Выходит, что так. Ну, может, Тамил пожалела его. Или она полюбила его с первого взгляда — он ведь очень красивый! Или он поднес ей драгоценности, по сравнению с которыми сокровища князя Горгия — что песок перед золотом. Откуда мне знать! Но уже за полночь, давай-ка спи, Аник, и не переживай за сестру — она будет счастлива с Горным Королем. Я так точно была бы счастлива, — сонно зевнув, добавила Прудис, — да почему-то посватался он не ко мне...

Прудис далеко перевалило за двадцать, и ей давно уже было пора замуж, но в землях князя, как и во всей горской стране, не хватало женихов. Долгая война в Загорье была тому причиною. Трудно усидеть дома молодому полному сил воину, когда его король воюет с недругом. Добрых два десятка лет по зову короля молодые люди покидали родные земли и отправлялись в дальнюю страну, чтобы сложить там головы. Возвращались немногие, израненные и постаревшие. Горские девушки увядали, старели, и мало было в горах маленьких детей.

Княгиня болела тяжело и долго. Отец Константин дважды уже подносил ей святые дары, но время ее еще не пришло — в начале зимы, когда снег покрыл склоны гор, княгине стало немного лучше, она узнавала окружающих, говорила связно и разумно, только вот не хотела признавать, что старших детей ее нет уже в живых. Аник редко приходила к матери, пугаясь перемены, произошедшей с княгиней за время болезни — летом это была немолодая, но полная сил женщина, стройная, энергичная, и ни одного седого волоска не было в ее черных волосах. Теперь же на постели лежала седая старуха, изможденная, усохшая, страшная. Только огромные глаза ее, казалось, жили на сморщенном лице. Княгиня спрашивала Аник о ее детских делах, слушала ее невнимательно, прикрыв глаза, потом вдруг бросала взгляд на лицо девочки и говорила утомленно:

— Иди, иди, работай, дочери князя негоже проводить время в праздности. Пришли ко мне Тамил.

Аник пугалась и убегала. Старая Хильда строго-настрого запретила перечить княгине, и в такие минуты отвлекала больную каким-нибудь пустячным замечанием, на что княгиня сердилась и забывала, что звала старшую дочь.

Женщин в крепости было немного, и большинство их было занято работой в ковровой — Красная крепость на всю горскую страну славилась своими коврами. С исчезновением Тамил и болезнью княгини рук стало и вовсе не хватать, и работы у Аник прибавилось — девочка помогала Прудис на кухне, вместе со взрослыми девушками чесала шерсть, доила коз и сметала снег с каменных плит во дворе крепости.

К Рождеству княгиня поправилась. Ходить подолгу она не могла, и ее постоянно знобило, поэтому княгиня сидела с работой в кухне у очага. Теперь девочка много времени проводила с матерью, слушая ее наставления о том, что надлежит знать и уметь дочери князя, и старательно запоминала уроки.

навалило столько, что Аник никак не могла управиться с метлой, и пожилые дружинники с лопатами вышли разгрести сугробы и расчищать дорожки между постройками. Несколько мужчин пошли проложить дорогу к источнику, чтобы девушки могли принести воды для стирки и питья. Один из них скоро вернулся и попросил позволения поговорить с княгиней — князь был в отлучке. Княгиня велела ему прийти в кухню — она не очень хорошо себя чувствовала — и потому Аник присутствовала при этом разговоре.

Дружинник рассказал, что у источника видел след босой ноги, похожий на человеческий, но много больше.

— И это не след каптара, у каптаров пальцы короткие и плотно сжаты, а здесь были длинные, враспырку, — добавил он.

— Это горный тролль, — вмешалась Хильда. Старуха будто весь запас своих сил растратила во время болезни княгини, окончательно ослепла, и дремала целыми днями у кухонного очага, ни для какой работы уже не пригодная. — Тролль, да. Холод и голод выгнал его из его пещеры. Нужно дать ему еды, чтобы он не трогал скот и людей.

— Йети, дикий человек, — возразила княгиня, — в последний раз он появлялся здесь давным-давно, моя свекровь мне рассказывала. Но еды ему надо дать, он страдает от голода, раз так близко подошел к людям. Обычно он живет высоко в горах, там, где никогда не тает снег. Отнесите ему хлеба и яблок.

— Мяса, мяса, — заворчала Хильда, — тролль не станет есть хлеб!

— А йети не ест мяса, — в голосе княгини Аник услышала прежнюю властность. — Но при виде крови может обезуметь и напасть на селение. Его нельзя убивать — он наш земляк, он пришел вместе с нами с нашей родины, и их мало осталось в горах. Положишь вечером у источника лепешку и несколько яблок, Джоджо, и будешь делать это ежевечерне, пока следы будут появляться, а еда — исчезать.

— Тролль, тролль! — ворчала Хильда, когда Джоджо ушел, — старый тролль вылез из своей пещеры! Ему дадут хлеб вместо мяса, и он придет сюда — за мясом, да, за свежатиной, хотя он предпочитает падаль...

— Хильда! — строго сказала княгиня, — мы с тобой были сестрами все эти годы, и я благодарна тебе за многое. Но мы — разной крови, и твои сказки хороши для твоих гор, а здесь — горы моего народа, и тайны их известны моему народу, не твоему. Ты много знаешь, не спорю, я знаю гораздо меньше, чем ты — не спорь же со мной в том, что знаю я.

Аник, плохо пока что разбиравшаяся в том, кто какой крови,

подождала, пока Хильда не задремлет, и пристала к матери с расспросами.

— Может быть, тебе и рано это знать, — ответила княгиня, поразмыслив, — а, может быть, и пора.

И княгиня рассказала Анне вот о чем.

3.

— Прежде айки жили совсем в другом месте...

Тут Аник прервала княгиню вопросом:

— Айки?

Княгиня нахмурилась.

— Нас зовут горцами, это так, и мы сами себя так называем, но на самом деле наше имя — айки, и страна наша — Айкастан, а вовсе не Горская страна, как ее именует народ Межгорья. Хотя горцами мы были всегда — и тогда, и сейчас...

В том другом месте, в другой земле, тоже были горы, и айки жили в горах и в долинах среди гор, и было их множество — куда больше, чем теперь. У айков были свои цари, и были враги, от которых приходилось обороняться. Та земля была благословенной, в долинах зрели прекрасные плоды, говорили, что там такая плодородная почва, что даже сухая палка может дать побеги, если ее воткнуть в землю.

Но однажды случилось землетрясение, и рухнул великий храм в столице, незадолго до того построенный. И мудрые люди сказали, что грядет беда, и такая беда, какой прежде не бывало.

И случилась — пришли завоеватели, которые опустошили страну, разрушили храмы, убивали мужчин, а женщин и детей обращали в рабство и продавали на рынках, словно скот. Они поклонялись иному богу, и хотели, чтобы айки изменили свою веру.

— А айки не захотели! — воскликнула Аник.

— Да, — сказала княгиня, — айки не захотели отречься от своей веры, они боролись, и многие погибали. Но... — тут голос княгини дрогнул, как будто ей было больно и трудно говорить. — Но наши предки выбрали иной путь. Они не стали бороться, они бежали. Был такой человек, некоторые называли его святым, а другие, наоборот, злодеем и искушителем. Потому что он будто бы соблазнил айков — не всех, но часть их, — прекрасной землей, где нет врагов, и где никто не будет мешать им верить в Бога по-своему. И он сделал так, что те, кто соблазнились его речами, со своими семьями, и с пожитками, и со скотом пришли сюда, на эту землю.

— А йети? — спросила Аник, — они тоже хотели сюда? Тоже хотели верить в бога по-своему?

— Не думаю, что йети верят в бога, — покачала головой княгиня, — йети — просто дикие люди, тихие и безобидные, они питаются молодыми побегами растений, плодами и ягодами; наши враги были их врагами тоже, они устраивали охоту на йети, как на зверей, и сажали их в клетки. Тот святой человек пожалел их и взял вместе с айками несколько семей...

— А как его звали, этого святого?

— Не знаю, — вздохнула княгиня. — Но слушай же дальше. Попав сюда, люди сначала подумали, что они в раю. Здесь не было людей — тогда не было ни народа Хильды, ни жителей равнин, ни даже бахри. Здесь были плодородные равнины и богатые дичью леса, и чистые спокойные реки. Но в лесах затаились каптары, а в реках и лужах водились ночные тени.

— О! — удивленно воскликнула Аник, — а кто это?

— Каптары — это такие твари, похожие сразу и на собак, и на людей, но настоящих людей они ненавидят и готовы убивать из любви к убийству, а не потому, что голодны. А ночные тени — это проклятие Межгорья, ночная нечисть. Она убивает страхом, и выпивает душу и жизненную силу. Обычный человек ее не видит и не чувствует, до тех пор, пока она не нападет, но после этого человеку уже нет спасения. Говорят, что народ, который теперь обитает на равнине, научился как-то с нею бороться, но наши предки с ней бороться не умели, и очень многие погибли. И тогда они покинули равнины и ушли в горы.

Наши предки стали строить крепости для защиты от врагов — здесь не было других людей, кроме нас, но каптары заходили в эти земли, вернее, проходили через них, когда переселялись из-за перевалов Граничных гор на равнину. Они и сейчас переселяются, каждое поколение встречается с ними. Раз в несколько десятилетий каптары приходят из-за гор, и айки должны защищаться. Это трудно, но некоторые говорят, что мы расплачиваемся за трусость наших предков — они оставили родину на произвол врагов.

Первыми были отстроены крепости в тех местах, где проходили дороги каптаров — наша крепость, Красная, и крепость Серых Скал, и еще крепость Твердыня. Правителем Твердыни стал Автан, он был царского рода на той, старой нашей земле, и потому народ признал его главенство. Он назвал себя царем этой земли, и сделал князьями своих друзей и приближенных. Это было тяжелое время для нашего народа, потому что нужно было строить множество крепостей, и заботиться о пропитании, а земля здесь не такая плодородная,

как на нашей родине, и зимы здесь куда суровее, и лето короче; к тому же молодые мужчины были заняты охраной страны от каптаров. Но здесь не было ночных теней, а враг видимый предпочтительней невидимого, с ним можно бороться и его можно убить.

— Но ты говорила, что жители равнин как-то с ними борются? — спросила Аник.

Княгиня отвечала, помолчав некоторое время, и, как показалось Аник, нехотя:

— Да, у них есть такие люди, которые могут видеть невидимое. Кто говорит — ведьмы и колдуны, кто называет их волшебниками. Они многое могут, в том числе и уничтожать нечисть. У народа шаваб, говорят, тоже есть такие.

— А на равнинах разве живут шаваб?

— Нет, конечно, — княгиня покачала головой. Шаваб пришли в наши горы гораздо раньше, чем народ Межгорья. Они попросили защиты у наших князей, потому что их одолевали каптары, и царь Вардан позволил им поселиться на нашей земле, ведь они были с нами одной веры.

— А откуда они пришли?

— Вах! — воскликнула вместо ответа княгиня, — что это?

Аник, заслушавшись, забыла про свое вязанье, расшалившийся котенок загнал клубок шерсти прямо в огонь, шерсть начала тлеть и завоняло паленым.

— Ты задаешь слишком много вопросов, — сказала княгиня, — и мои рассказы отвлекают тебя. Придется все распускать, мыть шерсть и начинать вязать сначала.

Аник посмотрела на почти уже готовый чулок и сокрушенно вздохнула. Рассказы матери были ничуть не хуже сказок старой Хильды, а теперь мать не скоро согласится что-нибудь рассказать.

Вода в котле, подвешенном над очагом, закипела, и из кладовой прибежала Прудис готовить завтрак. Она одной рукой бросала в котел горсти дробленой пшеницы, доставая ее из подвешенного на шею мешочка, в другой руке Прудис держала большую деревянную ложку, которой размешивала варево.

— Давай я тебе помогу, — предложила Аник, но княгиня запретила:

— Займись своим вязаньем. Я не разрешу тебе есть, пока чулок не будет распущен, а пряжа не перемотана.

В кухню заглянул старый Кена, привратник, и сообщил, что возвращается князь, обоз уже виден из привратнической башенки.

Каждый год по окончании осенних работ, в Красной крепости, как и в других крепостях, снаряжали обоз с ежегодным налогом королю, и отправляли в столицу горной страны — крепость Твердыню. Люди в здешних местах жили плодами рук своих, и почти ничем не торговали, поэтому налог князь уплачивал натурой — шерстью, медом горных пчел, твердыми сырами из овечьего молока, которые могут храниться сколько угодно долго и не портиться, шкурами пушного зверя, водившегося в окрестных горах в изобилии, коврами ручной работы.

В этом году с обозом отправился сам князь Варгиз, пожелавший лично разобраться со сборщиками налогов — с прошлого года за князем числилась недоимка, с которой он не был согласен.

Княгиня поспешила на крепостную стену, строго воспретив Аник следовать за ней. Аник огорчилась до слез. Она очень любила наблюдать за приближающимися к крепости по извилистой дороге путниками: вначале лошади и повозки кажутся маленькими, похожими на игрушки, какие вырезал для Аник из дерева старый Кена, а людей и вовсе трудно различить. С каждым поворотом путники увеличиваются в размерах, и видны уже колеса повозок, и ноги лошадей, и можно отличить мужчину от женщины, потом дорога уводит путников от глаз наблюдателей, свернув под скалу, на которой стоит крепость, зато становится слышен скрип колес, и топот копыт, и разговор, и, наконец, путники появляются у ворот крепости.

Со двора донесся говор. Прудис выскочила на шум. Аник прислушалась. Княгиня посылала людей навстречу князю. Ну, да, догадалась Аник, дорогу ведь занесло снегом, ее нужно расчистить. Аник смахнула согнутым пальцем слезинку со щеки. Противный котенок! Сейчас бы она вместе со всеми разгребала бы снег, а это весело — даже взрослые шалят и бросают друг в друга снегом, или борются в сугробах, и тот, кто победит, натирает побежденному щеки снегом или засовывает сосульку за шиворот.

— Мой цветочек плачет? — раздался голос старой Хильды.

— Ты не спишь? — удивилась Аник, — и как ты узнала, что я плачу? Я ведь не всхлипывала, а ты ведь ничего не видишь!

— Глаза старухи слепы, но сердце зрячее, — улыбнулась Хильда беззубым ртом, — не горюй, мой цветочек, давай я тебе помогу. Ты распускай вязанье, а я буду сматывать клубок — на это я еще сгожусь. И расскажу тебе, откуда взялись люди моего народа в ваших горах.

Аник подседа ближе к Хильде и послушно взялась за работу.

— Давным-давно, не в нашей земле, а в прекрасной горной

Но в это утро Аник так и не удалось услышать историю народа шаваб. Прибежала со двора Прудис спасать начавшую уже пригорать кашу и отправила Аник в кладовую за соленьями, а потом велела вымести пол в большом зале крепости.

— С обозом едут всадники, наверное, десять человек, или больше, гости, — скороговоркой сообщила она. — Княгиня приказала накрыть большой стол, нужно ведь накормить всех. Ой, не знаю, пост ведь сейчас, что за еда для мужчин — каша да овощи?

Но Прудис ошибалась, обоз сопровождали не гости.

Когда всадники спешили, и, разматывая на ходу башлыки, гурьбой вошли в зал, где в очаге уже гудело разведенное пламя, и стол был накрыт, и княгиня, почти такая же стройная и прямая, как до болезни, встретила их у входа, и все, жившие в крепости, толпились за ее спиной — не каждый день в крепость приезжают новые люди, да и не каждый год даже — кто-то из женщин постарше ойкнул, потом раздался радостный вскрик, еще один...

Восемь лет тому сотня всадников выступила в поход, под предводительством княжичей, под гордо развевающимся знаменем Красной крепости.

Двенадцать человек вернулись из дальних земель, и не было с ними знамени, и не было молодых княжичей.

— Вах! А мы вас похоронили давно! — воскликнул кто-то. Радостный смех сквозь слезы, и скорбные стенания — давно отболевшее и забытое горе вернулось с новой силой, будто с подсохшей раны грубо сорвали струп — наполнили зал. Одна из женщин обнимала своего сына, другому рассказывали о смерти матери, третий здоровался с бывшей своей невестой, давно ставшей чужой женой...

Кто-то должен был опомниться первым в этой неразберихе, и этим кем-то оказался отец Константин.

— Возблагодарим же Господа! — рухнув на колени и вздымая руки к потолку, вскричал старенький священник, перекрыв голосом всю нестройную сумятицу рыданий и радостных восклицаний, — чудны дела Твои, Господи, и несть числа благостям Твоим!

Прямо здесь, в зале, отец Константин отслужил импровизированную обедню, и даже сказал коротенькую проповедь о милосердии Божьем. После проповеди сели за стол,

и, ради такого радостного события, отец Константин дал разрешение от рождественского поста для вернувшихся и для тех, кто пожелает к ним присоединиться.

Прудис забегалась между кладовой, кухней и залом, доставляя на стол припасенные к Рождеству лакомства. Пива было мало, и князь Варгиз велел подать вино — три бочки дорогого бахристанского вина привезли из самого Дана и берегли для свадьбы Тамил, на поминках же выпили только одну. Вино горячило, разговоры становились все громче, кто-то уже затянул застольную песню, кто-то потребовал музыку, желая танцевать.

Аник сидела за столом рядом с матерью и жадно вслушивалась в обрывки разговоров. Ей все было интересно — и как живут люди в далеких землях, на равнине и за Закатными горами, и как погибли ее никогда ею не виденные братья, и про битвы, и про короля Марка, его доблесть, и молодость, и воинскую удачу...

Один из вернувшихся воинов поймал за юбку Прудис, пробежавшую мимо стола с кувшином для вина.

— Прудис, ты ли это? — воскликнул он, — глазам не верю, какая стала красавица! Хватит бегать, сядь, посиди рядом со мной, вина выпей! — Прудис, отнекиваясь и розовея от смущения, присела на край скамьи. Воин между тем продолжал:

— Как, ты выполнила обещание?

— Ничего я тебе не обещала, Вардан, — запротестовала Прудис, — разве я что-то обещала тебе?

— Конечно, ты ведь обещала меня дожждаться! Я ведь, может быть, только поэтому и вернулся, а не то женился бы в чужих краях, остался бы там, как многие сделали — наш славный король Марк приветствовал такое желание, и дарил по сотне золотых на обзаведение тем, кто решит остаться. Но я не мог — меня ведь Прудис обещала ждать!

— Ой, — махнула рукой Прудис, покраснев еще больше, — можно подумать! Так я тебе и поверила, что ты из-за меня... Расскажи лучше про короля с королевой. Красивая она?

— Да королева же наша умерла! — удивленно ответил Вардан, — разве вы про то не знали?

Случилось так, что как раз в этот момент шум в зале стих — так бывает иногда и при очень большом скоплении людей, — и слова Вардана прозвучали необычайно громко в наступившей вдруг тишине.

Князь Варгиз нахмурился.

— Я узнал об этом от князя Гориса, но не хотел сообщать сейчас, чтобы не портить праздник. Но раз слово произнесено, его уже не удержишь. Расскажи, Вардан!

И Вардан рассказал, что королева была дочерью одного из князей Загорья, лорда Вудленда, что, говорят, была очень красива — сам-то он, Вардан, видел ее только раз, да и то издали, в церкви, но ему королева не понравилась, потому как была бледна, тонка, и вид имела болезненный, но при том надменный. Король женился на ней позапрошлой весной, но королева пока еще не понесла, и злые языки уже начали поговаривать, что на Марке лежит то же проклятие, что и на его отце, Игнатии, брак которого в течение двадцати с лишним лет не был благословлен потомством.

Война окончилась, и король Марк смог, наконец, вернуться в Дан, в свою столицу, и, конечно же, королева сопровождала его. Ее предупреждали о ночных тенях, но, своенравная и избалованная, она пропускала предостережения мимо ушей, и очень сердилась на то, что ей не позволяли в ночное время гулять в саду. Очень уж жарким выдалось прошлое лето, сидеть в духоте при плотно закрытых ставнях действительно было тяжело, и однажды, улучив момент, когда ее ненадолго оставили одну, королева вышла в сад. Очень скоро королеву хватились, вызвали колдунью, с факелами из можжевельника (говорят, ночная нечисть боится запаха можжевельника, и прячется) обыскали сад, нашли королеву, но жизнь едва теплилась в ней. Даже колдунья ничего не могла сделать, умерла молодая королева Регина.

6.

— Прудис, а какая она, эта ночная нечисть? — спросила Аник вечером, когда они уже легли в постель, и Прудис, крестясь и шепча молитву, задула огонь.

— Кто может знать? Ее ведь никто не видит, не может увидеть.

— А колдуньи? Мама говорила, там, на равнинах, живут колдуньи и колдуны, и они могут ее увидеть. И мама говорила, у твоего народа, шаваб, тоже есть такие люди.

Прудис рассвирепела:

— Выдумки все это! Если женщина хорошо умеет лечить коров и понимает животных, так сразу же и колдунья? Это просто бабушке не могут простить, что она вышла замуж за князя, и наговаривают потому всякое!

— Бабушке? Это ты про Хильду? Но как она могла выйти замуж за князя, она же шаваб, и ты тоже?

— Давно это было, — нехотя сказала Прудис. — Она была красивая, бабушка, и молодая, и дядя твоего отца влюбился в нее,

и женился на ней, а некоторые говорили, что она его околдовала. Только это неправда, потому что бабушка вовсе не колдунья. А что до меня, так я совсем не шаваб — я родилась в крепости и живу в ней всю свою жизнь, и говорю на горском, и одеваюсь, как горянка, какая же я шаваб! И крестили меня в здешней церкви. Нет, Аник, если ты не хочешь меня обижать, не называй меня так.

Прудис повернулась на бок и скоро захрапела.

Аник заснуть не могла. Старая беззубая Хильда была, оказывается, когда-то молодой и красивой — это было странно. Хильду, мудрую и добрую, называли колдуньей — это было еще более странно, потому что в сказках колдуньи всегда были злобными и завистливыми, и с ними приходилось бороться несчастным прекрасным девушкам, чтобы выйти замуж за своего избранника — короля или принца. А в жизни получилось наоборот — молодую королеву, которая, конечно же, была прекрасна (девушки, которые выходят замуж за королев, всегда прекрасны, Вардан, наверное, просто плохо ее разглядел) колдунья хотела спасти, но не смогла. Значит, колдуньи бывают и добрые, решила Аник. Но ей все-таки было страшновато, и она растолкала Прудис.

— Прудис, а колдуньи — они добрые или злые? Если они борются с ночной нечистью, так они все-таки, наверное, добрые, да?

Прудис даже застонала от огорчения.

— Золотце мое, ну что ты за неугомонное создание! Да я в жизни своей ни одной колдуньи не видела, откуда мне знать?

— Ну, Вардан же рассказывал про колдунью, что она погубила ночную нечисть, а королеву спасти не смогла. Значит, то была добрая колдунья?

Прудис зевнула.

— Наверное. Бедняжка королева!

— А к нам в крепость ночная нечисть тоже может забраться?

— У нас в горах ночной нечисти не бывает, золотце. Не бойся, спи и не думай ни о чем таком.

— Я не боюсь, — сказала Аник, — только я еще спрошу. Значит, король теперь опять может жениться?

Прудис рассердилась:

— Опять она за свое! Ну что за упрямый ребенок, и помнит же — сколько месяцев прошло! Забудь ты об этом предсказании, ты слишком мала для нашего короля! А для его наследника — пока он еще родится! — ты будешь слишком стара. Так что не исполнится предсказание, не быть тебе королевой.

— Быть, — упрямо сказала Аник.

Эту зиму в крепости долго поминали как на редкость холодную и голодную. Слишком мало запасли летом зерна и овощей, чтобы прокормить увеличившееся население крепости. Но поминали эту зиму и как на редкость веселую — рассказы воинов о чужедальних странах развеяли обычную зимнюю скуку, да и просто присутствие большого количества молодых и неженатых мужчин заставило оживиться всех девушек в крепости, а замужних женщин помолодеть. Один из вновь прибывших привез с собой заморский инструмент — гитару — и по вечерам, перебирая струны, пел странные песни на чужом языке. Были среди вернувшихся воинов и мастера играть на своих, родных, музыкальных инструментах, и порой устраивались танцы, грустно стонала зурна, ей вторил печальный сабз, тревожно рокотал барабан.

Аник нравилось смотреть, как танцуют мужчины свой воинственный танец, и мечи в их руках поблескивают, отражая пляшущее пламя факелов; еще больше она любила наблюдать за танцами девушек, выплывающих на середину зала в своих белых платьях, словно лебеди. Перед сном она долго не могла утомиться, разучивая фигуры танца, и Прудис сердилась и бранила ее. Прудис теперь не ложилась спать в одно время с Аник, подождав, когда девочка заснет или хотя бы когда ее дыхание станет ровным, Прудис выскальзывала из комнаты, прихватив с собой светильник.

— Вардан — твой жених? — спросила ее однажды Аник.

Прудис покраснела так, как только одна она умела краснеть — лицо и шея ее стали пунцовыми.

— Да нет, что ты, мы просто дружим. Мы же вместе выросли, вместе лазили на яблони в саду, овец одно лето пасли вместе...

— А почему тогда Вардан трогает тебя за бока, когда думает, что никто этого не видит? — ревниво продолжала Аник.

— Не трогает! Выдумываешь ты все! — крикнула Прудис, заливаясь слезами. — Попробуй только скажи кому-нибудь, я тогда...

— Что, позовешь Одинокого Тролля? — насмешливо спросила Аник.

— Нет, я тогда больше не буду тебе рассказывать сказки, никогда ничего не буду рассказывать!

Аник подумала и согласилась.

— Хорошо. Только ты не позволяй ему тебя трогать.

Прудис действительно больше не позволяла Вардану лезть к ней с объятьями, во всяком случае Аник больше такого не видела. И спать Прудис ложилась рано, но сказки рассказывала редко, все больше молчала и вздыхала, иногда даже плакала, тихо всхлипывая.

2.

Весной крепость опустела. Молодые мужчины разъехались, кто куда. Кто-то отправился в дальние селения, откуда был родом, некоторых князь Варгиз оделил землей, и они сеяли пшеницу и ячмень, кое-кто вернулся к прежнему занятию — пасти овец или коней.

Вардан был в числе последних. Он появлялся время от времени в крепости, привозил сыры и мясо для княжеского стола, узнавал немногочисленные новости, Прудис наливала ему горячей похлебки или давала свежую лепешку, но с ним не заговаривала, и, в ответ на его попытки завести разговор, сухо отвечала:

— Некогда мне. Работы много, — но работу при этом не делала и с кухни не уходила, возилась в уголке, переставляя с места на место котлы и сковородки или лаская щенят, ползавших в углу возле своей подстилки. Аник ревниво наблюдала.

3.

В начале лета Вардан попросил у князя Варгиза отдать ему Прудис в жены. Князь согласился, заметив, что, хоть Прудис ему и родственница, и выросла в его доме, нужно все-таки спросить разрешения у ее отца. Аник всегда считала Прудис сиротой, она плохо помнила дочь Хильды, Тину, давным-давно умершую от лихорадки, а теперь с удивлением узнала, что отец Прудис жив.

Прудис уехала на несколько дней, и вернулась в сопровождении плотного краснолицего мужчины средних лет, одетого необычно — не так, как одевались мужчины в крепости и в селении.

— Мой отец хочет поговорить с князем, — робея, сказала она княгине. Глаза у Прудис были красные, а веки припухли, как будто она плакала.

Старая Хильда при этих словах очнулась от дремы.

— Хейнц здесь? — спросила она, ни к кому конкретно не обращаясь, и подозвала Аник: — Цветочек мой, помоги мне встать! Хочу пойти размять свои кости на солнышке.

Аник удивилась — за всю весну Хильда еще ни разу не выходила на двор.

Она успела еще услышать, как княгиня поздоровалась с мужчиной вежливо, но сухо, как будто он чем-то вызвал ее неудовольствие, и сказала:

— Мой муж не захочет говорить с тобой, Хейнц. Можешь обратиться со своей нуждой ко мне.

Аник усадила Хильду на нагретый солнцем камень у входа, и хотела было вернуться в кухню, как оттуда выскочила Прудис, размазывая по щекам слезы, и плотно притворила за собой дверь.

— Не отдаст, нипочем не отдаст, он всю дорогу мне о том говорил, что не отдаст меня за горца, что же мне, так, незамужней, и состариться?

Хильда заговорила с Прудис на своем родном языке, который Аник понимала плохо. Аник подставила солнцу лицо и задумалась, жмурясь от лучей и от удовольствия. Ей было жалко Прудис, хоть прежде она и очень не хотела, чтобы Прудис выходила замуж — ведь тогда она, Прудис, больше не будет спать с Аник в одной постели и рассказывать ей сказки. Но все девушки должны выходить замуж, это-то Аник понимала прекрасно, а Вардан ей, в общем-то, нравился — веселый и добрый, он никогда не отмахивался от Аник, когда она расспрашивала его о том, как живут люди в других землях, и не говорил какую-нибудь глупость, как другие, а подробно и обстоятельно отвечал на все вопросы девочки. Иногда он помогал ей доить коз, если не было у него другой работы и если никто этого не видел. А на Пасху он привез Аник в подарок зайчонка, и некоторое время зайчонок жил в комнате Аник, и она кормила его травой и морковкой, а потом зайчонок куда-то сбежал. Нет, Вардан был для Прудис подходящим женихом, решила Аник. И князь Варгиз был согласен...

— Прудис, но ведь мой отец главное твоего, — сказала Аник, — пусть он прикажет твоему отцу выдать тебя за Вардана.

— Ой, цветочек мой, — сказала Хильда, пожевав губами, — отец властен над дочерью, и ни князь, ни король ему не указ. Ну да ничего, княгиня женщина умная, я думаю, она уговорит Хейнца.

— А ты? — спросила Аник, — ведь тебя он должен слушаться, ты ведь ему мать.

— Я не мать ему, — покачала головой Хильда, — я мать его покойной жены, а это совсем другое дело. Он меня слушаться не

обязан, да если бы и был обязан — я с ним слова не скажу, разве что когда придет мне пора помирать...

Все это было странно. Давно, когда Аник еще и на свете не было, завязывались узелки между людьми и наоборот, разрывались связывающие их ниточки. Хильда когда-то так поссорилась с мужем дочери, что даже и для Прудис, которую любила, как собственную душу, не хотела забыть старую обиду. Вардан вернулся из дальних земель, чтобы жениться на Прудис. А ее, Аник, братья не вернулись — может потому, что у них не осталось здесь невест, не завязались узелки? Тамил, исполняя предсказанное ей, стала женой Горного Короля. И жена короля Марка умерла, и теперь она, Аник, сможет исполнить свою долю предсказания, и стать королевой Межгорья. Если только король Марк не женится за те годы, которые предстояло прожить Аник, прежде чем она вырастет и будет годиться в жены королю.

— Хильда, а скоро мне можно будет выйти замуж? — спросила Аник.

— Цветочек мой! — умилилась Хильда, — о чем ты думаешь? Тебе еще кукол баюкать надо да сказки слушать лет десять, если не больше.

— Это долго?

— Это дольше, чем ты живешь на свете, мой цветочек.

Прудис быстро сказала матери несколько слов на своем языке, из которых Аник поняла только слово «король».

— Ну, что ж, — ответила Хильда на горском, — то, чему суждено случиться, случается. Не кори себя — выдоенное молоко не вернешь обратно в вымя.

Дверь кухни с треском распахнулась. Хейнц вышел во двор, надевая свою мягкую войлочную шляпу. Его широкое красное лицо расплылось в довольной ухмылке. Не сказав ни слова дочери, он подошел к своей телеге, уселся на облучок и хлестнул вожжами по спине сытых низкорослых лошадок.

— Эй, кто там! — крикнул он, смешно коверкая слова, — отворяй ворота!

Прудис, прижав пухлую ладонь к губам, проводила телегу глазами, полными слез.

— Не согласился, — сказала она упавшим голосом, когда телега выехала за ворота.

— Почему же? — раздался за ее спиной спокойный голос княгини. Прудис обернулась. Княгиня стояла на пороге кухни и смотрела на нее, улыбаясь. — Шей платье. Свадьбу сыграем после Успенья.

Прудис бросилась на колени перед княгиней и поцеловала ей руку.

— Ну, ну, — сказала княгиня строго, — ты ведь мне не чужая! — она подняла Прудис с колен и обняла ее. — Я рада за тебя. Вардан будет тебе хорошим мужем, и ты ему будешь хорошей женой. Но тебе придется пожить это время в доме отца.

4.

Свадьбу сыграли как бы дважды.

Прудис венчалась в церкви поселка шаваб — это было условием Хейнца, — и после венчания было подано угощение в доме Хейнца. Вернее, не в доме, а в саду, под яблонями, был накрыт длинный стол, и в жбаны, полные пенящегося пива, падали обломки веточек и сухие яблоневые листья.

Аник впервые в жизни была в долине, да и вообще за пределами крепости — то есть она бывала, конечно, в соседнем селении, но селение это и называлось тоже «Красная Крепость», и люди в нем жили точно так же, как жили домоладцы князя Варгиза, разве что дома их были меньше княжеского. Здесь же все было иным. От пестрых нарядов женщин и мужчин рябило в глазах (горцы признавали в основном два цвета: пожилые одевались в черное, молодежь — в белое; белыми же были и праздничные одежды). Крыши домов были не плоскими, а островерхими, двускатными, перед каждым домом разбиты были цветники, в которых цвели удивительные цветы, Аник прежде таких не видела: разноцветные, яркие, как наряды шаваб, и крупные — пожалуй, что крупнее даже горных маков. А хозяйственные постройки располагались на задних дворах, обнесенных аккуратными заборчиками, тоже яркими, раскрашенными в разные цвета радуги. На заборчиках намалеваны были разнообразные узоры, цветы и даже люди и звери.

За столом Хейнец рассадил гостей так, чтобы шаваб сидели по одну длинную сторону, а горцы — по другую. Мужчины и женщины сидели за столом вперемешку, а не так, как полагалось у горцев — женщины за отдельным столом. Во главе посадили молодых, Аник сидела в начале горской стороны между Прудис и Джоджо. Ни князь, ни княгиня на свадьбе не присутствовали, отговорившись нездоровьем и преклонными годами.

Хейнец, разместившийся напротив молодых, сказал речь. Каждую фразу он произносил вначале на своем языке, потом на горском, поэтому Аник почти все поняла, хотя кое-что заставило ее удивиться. По словам Хейнца выходило, что вот он вырастил дочь, а теперь вынужден отдавать ее в чужие руки, в чужую

семью, в чужой народ, но что он, Хейнц, не противится, потому что таков закон жизни — дочери покидают своих отцов и уходят к мужьям. Зато он, Хейнц, не пожалел кошелька, чтобы на свадьбе его дочери всего было вдоволь, поэтому кушайте, гости дорогие, пейте вволю, а кто не пьет, тот мне первый враг! О молодых не было сказано ни слова. Аник прекрасно знала, что угощение на столе доставлено из кладовых князя, только пиво Хейнц сварил сам, на то он и был лучшим пивоваром в княжестве, и одним из лучших во всей горной стране. Еще Аник знала, что Прудис родилась в крепости, и вряд ли бывала в селении шаваб до того момента, когда потребовалось согласие отца на ее брак. Да и Хейнц не часто посещал крепость — Аник ни разу не видела его за всю свою жизнь и не слышала о его существовании. Более того, даже приданое Прудис, разложенное для всеобщего обозрения на низеньком столике, было приготовлено в основном княгиней: перина, подушки, несколько штук сукна, два ковра, серебряные украшения. Аник было сунулась к Прудис с вопросом — по вечной своей привычке спрашивать о непонятном ей, но Джоджо удержал девочку:

— Не трогай невесту, дочь князя! Ей не до тебя сегодня, — тихо сказал он.

— А почему этот человек говорит то, чего нет? Разве он растил Прудис, разве он готовил угощение, это ведь сама Прудис коптила окорок и набивала колбасы, я-то знаю!

— Это человек с лживым сердцем и лживым языком, — ответил ей Джоджо. — Разве тебя не предупредила княгиня, чтобы ты слушала молча и не спорила, каким бы странным тебе ни показалось то, что говорят?

Княгиня действительно предупреждала Аник о том, что в селении шаваб многое может показаться ей непривычным, странным и неправильным, и строго-настрого приказала ни с кем не спорить и не задавать вопросов.

(— Ты слишком любопытна, — говорила княгиня, — пора тебе учиться сдерживать свое любопытство. Невпопад заданным вопросом ты можешь обидеть человека, к которому обращаешься. Я не хочу, чтобы потом говорили, что дочь князя Варгиза — невоспитанная, невежливая девочка, даже если это будут говорить люди шаваб.)

— Да, — ответила Аник Джоджо.

Обед, начавшийся еще до полудня, тянулся почти до сумерек. Горцы ели немного, пили тоже умеренно, хотя и хвалили пиво — этот напиток все-таки у шаваб получался намного лучше, чем у горских женщин. (Хильда как-то рассказала, что горцы прежде не знали, что такое пиво, и стали варить его только после того, как

рядом с ними поселился народ шаваб). Зато вторая половина стола веселилась вовсю. Подвыпив, шаваб обнялись за плечи и, раскачиваясь то в одну, то в другую сторону, затанули песню, в которой почти не было мелодии, но был ритм, непривычный для уха Аник, и резкие выкрики. Потом один из мужчин шаваб встал и спел песню, припев которой подхватывали хором, и хор этот звучал скорее ревом, чем пением. Прудис сидела, опутив глаза, красная, как вареная свекла. Аник ненароком взглянула на Джоджо — он сидел, сдвинув брови, и щеки его тоже порозовели.

— Дочь князя, ты понимаешь их язык? — спросил он у Аник, когда певец, сопровождаемый громкими хлопками и одобрительными возгласами, закончил, наконец, свое пение.

— Немножко, — ответила Аник, — когда медленно говорят, и то не все. А когда поют, совсем не понимаю.

— Это хорошо, — сказал Джоджо, — они пели плохую песню, совсем не годится такая песня для свадьбы, и для ушей дочери князя. Тьфу! — Джоджо сплюнул в сторону.

Хейнц заметил этот плевок.

— Что такое, тебе не нравится песня? — спросил он с насмешкой, — может быть, ты споешь лучше?

— Нет, — ответил Джоджо, вставая, — не то, чтобы я не мог спеть, но пора и честь знать. Нам нужно еще вернуться сегодня в крепость. Спасибо тебе, хозяин, за угощение, пожелаем молодым счастья, и да будет их союз благословен потомством!

Горцы встали вслед за Джоджо и стоя выпили за молодых. Молодые должны были остаться на эту ночь в доме отца Прудис. Прудис вдруг расплакалась, обняв Аник и шепча ей на ухо ласковые слова, называла своим цветочком, золотцем, просила всегда помнить ее, Прудис, и не обижаться, если что не так. Аник тоже расплакалась. Ей стало вдруг жаль и Прудис, и Вардана, самого на себя не похожего, смущенного и немного растерянного.

Пока выводили и седлали коней, Аник еще немножко посмотрела на свадьбу из-за забора. Как раз пришли музыканты со странными, непохожими на горские инструментами, и шаваб, радостно захлопав, стали готовиться к танцам. Вах, что это были за танцы! Аник такого никогда не видела.

Горцы танцевали обычно отдельно — мужской танец, танец девушек. Подчас — очень редко — по кругу могла пойти пара, но девушка не поднимала в таких случаях глаз, упорно глядя в пол, а мужчина летал вокруг нее, как птица, и иногда едва касался рукой кончиков ее пальцев.

Шаваб же, напротив, плясали, крепко обхватив друг друга за талию и за плечи, время от времени мужчина подбрасывал свою партнершу, или кружил ее в воздухе, так, что короткие пышные

юбки женщин развевались, открывая постороннему взгляду ноги в полосатых чулках, и иногда даже и подвязки. Женщины при этом взвизгивали, а зрители одобрительно кричали и хлопали в ладоши.

— Пошли, дочь князя, не надо тебе на это смотреть! — сказал Джоджо, подводя в поводу коня Аник.

Он посадил девочку в седло — Аник была слишком мала, чтобы самостоятельно сесть на лошадь, — и, не коснувшись стремян, взлетел на своего коня.

— Жаль, до темноты не добраться нам до крепости, — сказал он, глядя в сторону заходящего солнца.

— Джоджо, — спросила Аник, когда они оставили поселок далеко позади, — шаваб — они нехорошие люди?

Джоджо повернулся в седле и посмотрел на огни за своей спиной. Чуткое горное эхо доносило сюда отзвуки музыки.

— Не могу этого сказать, — ответил Джоджо, поразмыслив, — да и не скажу. Наша Хильда — она ведь тоже из шаваб, а ведь никто не скажет о ней плохого слова. И о Прудис тоже — хорошая девушка. И другие есть, честные люди, всякие есть. Это Хейнц — и друзья его такие же, как он. А все почему? Потому что трус, потому что не смог ответить на оскорбление, как подобает мужчине, и, подобно подлому псу, пытается цапнуть за ноги, не имея мужества вцепиться в горло.

Вот и еще один узелок, завязанный давным-давно...

5.

Наутро, едва только рассвело, Аник прибежала в привратническую башенку. Нынче Прудис с мужем должна была посетить дом князя, перед тем, как въехать хозяйкой в собственный дом — в качестве свадебного подарка князь даровал Вардану Дозорную башню с большим наделом земли на склонах Дозорной горы. В крепости готовились к свадебному пиру.

Старый Кена поприветствовал Аник взмахом руки с зажатым в нем пучком ремней — он плел сандалии.

— Доброго тебе утра, дочь князя! Пришла встречать свою родственницу?

— Да, — сказала Аник, взбираясь на камень подоконника, — я хочу посмотреть, как они будут ехать по дороге. Скажи мне, Кена, — продолжала она, убедившись, что дорога внизу пуста, — почему Прудис мне родственница, ведь она — из народа шаваб? И почему ее отец не любит нас?

— Э, дочь князя, — отозвался Кена, — неужто ты не знаешь,

что бабушка Прудис, Хильда, была женой Размика, дяди твоего отца, нашего князя Варгиза? И что Тина, дочь Размика, вышла замуж за Хейнца и ушла к шаваб, а много лет спустя вернулась искать приюта в отчем доме — хоть ее отца давно не было в живых, — а Хейнец пожелал вернуть жену, но князь Варгиз отказал ему в этом, и Хейнец искал помощи у верховного князя Гориса, нашего правителя, и помощи этой не получил? Вот с тех пор Хейнец и затаил злобу — и на князя, и на всех горцев. Не знаю, как твоей матери удалось уговорить его на эту свадьбу.

— Едут! — воскликнула Аник, потому что далеко внизу показались фигурки всадников на лошадях и повозка. Девочка припала к узкому окну.

— Вэ, дочь князя, солнце высоко поднимется, прежде чем они доберутся до крепости, — сказал Кена. — Но можешь ударить в колокол — один раз.

Аник слезла с подоконника, дернула за веревку сигнального колокола и быстренько вернулась на место. Прибежали две девушки — подруги Прудис, одна из них заменяла Прудис на кухне, потому что Аник еще была слишком мала для того, чтобы готовить пищу на всех домочадцев.

— Дочь князя, дай и нам посмотреть! — воскликнула одна из них, Аник подвинулась немного.

— Вах, — воскликнула девушка, — повозка-то полна шаваб! Разве их звали на свадебный пир? А Прудис с женихом — они так быстро скачут, будто от погони спасаются!

— Звали шаваб, не звали — сегодня двери князя будут для них открыты, — проворчал Кена, вставая с места, — еще не родился тот человек, который в день свадьбы не примет гостя за пиршественным столом. Но дай-ка я гляну, что там за скачки, ты говоришь...

Всадники уже довольно высоко поднялись по склону горы, и видно было, что они спешат. Повозка тоже ехала быстро, и человек на облучке раскручивал над головой невидимую отсюда плеть, погоняя лошадей.

— Беги, скажи княгине, — озабоченно велел Кена одной из девушек, — что-то неладное случилось...

Запыленные, усталые, на взмыленных лошадях въехали молодые во двор крепости, далеко обогнав повозку на крутом подъеме. По обычаю было положено въезжать медленно, под звон колокола, под приветственные крики гостей. Все равно княгиня велела звонить в колокол, и девушки бросали цветы под ноги лошадям и осыпали молодоженов зерном пшеницы и просом.

Соскочив с коня, Прудис бросилась к матери Аник: — Тетушка! — прежде Аник никогда не слышала, чтобы Прудис так

обращалась к княгине. — Тетушка, он не хотел отпускать нас, он сказал, что Вардан должен быть подручным в его пивоварне, а я буду вести его хозяйство, и он меня ударил, а Вардан оттолкнул его...

— Успокойся, — сказала княгиня, — он не властен над тобой больше, ты — замужняя женщина. Вытри щеки, гости ждут тебя, чтобы поздравить, нехорошо, если невеста будет заплаканной.

В два ряда выстроились у входа в зал друзья жениха, образовав арку из скрещенных мечей. Под громкую музыку, под звон привратного колокола Вардан с Прудис прошли под этой сверкающей аркой и заняли почетное место за столом. Отец Константин вынес древнюю икону Богоматери, реликвию Красной крепости — много поколений предков князя Варгиза целовали эту икону, вступая в брак или уходя сражаться с врагами. Отец Константин благословил молодых и сказал приветственное слово. Подняли уже первый рог с дорогим бахристанским вином, когда во двор крепости влетела повозка, полная орущих мужчин и визжащих женщин шаваб. Хейнц соскочил с облучка и закричал:

— Где они! Где эта сучка со своим хахалем?

Княгиня вышла навстречу, словно не слыша грубых слов Хейнца, поклонилась Хейнцу и сказала:

— Привет тебе, отец невесты, привет и вам, гости. Пир еще не начался, прошу!

Дружинники князя окружили шаваб, вежливо, но настойчиво провожая их в зал. Шаваб, ожидавшие иного приема, немного растерялись. Княгиня подала руку Хейнцу и вместе с ним подошла к молодым. Прудис, увидев отца, вспыхнула и попыталась вскочить, Вардан, нахмурившись, положил руку на кинжал.

— Отец благословляет вас, Прудис и Вардан, и желает вам быть счастливыми в потомстве вашем, — сказала княгиня быстро и громко и увела Хейнца на другой конец стола, где для него было приготовлено место в окружении нескольких горцев. Здесь она оставила Хейнца на попечении Джоджо и ушла к женскому столу, возглавив его. Другие шаваб сидели далеко друг от друга, мужчины — за мужским столом, женщины — за женским, так, чтобы двое шаваб разделялись не меньше, чем тремя горцами или горянками. Незванные гости притихли, оробев и смутившись. Только Хейнц попытался что-то сказать, но громко заиграла музыка, приветственные крики заглушили голос отца невесты, а Джоджо усердно потчевал его вином, и скоро Хейнц не смог бы связать и двух слов, даже если бы ему и позволили говорить. Кончилось тем, что Хейнца, пьяного донельзя, отнесли в одну из спален. Другие шаваб были осмотрительнее, пили меньше и уж

совсем не порывались разговаривать.

Музыку сменило пение — пели мужчины, пел о славных делах предков певец, приглашенный на свадьбу князем, девушки пели старинные свадебные песни. Потом танцевали горские танцы, смеялись и шутили, говорили речи и тосты — целый день продолжался пир, и многие месяцы потом в горских селениях говорили о том, какую богатую свадьбу сыграл князь Варгиз для своей родственницы, и как разумно и хитро обвела вокруг пальца отца невесты княгиня.

6.

Хейнц, проспавшись, вышел на двор крепости, когда пир уже закончился и молодых поехали провожать в Дозорную башню. В крепости остались женщины убирать со столов да несколько пожилых дружинников князя. Хильда ушла уже спать, а Аник попросила у матери позволения посмотреть на процессию. Всадники везли в руках факелы, ярко освещая дорогу и окрестности пляшущим пламенем, музыканты сопровождали молодых, на ходу наигрывая на своих инструментах, сигнальный колокол оглашал окрестные горы частым перезвоном.

— Ты обманула меня, княгиня, — хмуро сказал Хейнц, подойдя к матери Аник, стоявшей рядом с девочкой на крепостной стене. — Ты сказала, что свадьбу сыграем по нашему, шавабскому обычаю, и что будет так, как я хочу.

— Разве вчера не было свадьбы в твоём доме, Хейнц? — спросила княгиня, глядя на него сверху вниз. — Или вчера было что-то не так, как ты хотел?

— Я сказал, что моя дочь будет жить со мной!

— Твоя дочь жила в твоём доме до свадьбы, а теперь она переехала в дом мужа. Так положено у горцев, но так же поступают и у шаваб, разве нет?

— Он пастух, откуда у него дом? Он нищий!

— Он не нищий, он родственник князя, и ему в вечное владение дарована Дозорная гора. Его дети — твои внуки Хейнц! — сами будут князьями, а это большая честь, согласишься, Хейнц, даже слишком большая для внуков безродного шаваб.

— Да я на эту свадьбу согласился, потому что мне нужен подручный в пивоварне! — заорал Хейнц, наступая на княгиню. — Вот, подумал я, лучше и не надо, нищий пастух, который будет счастлив куску хлеба с глотком пива...

— Да, и которому не надо платить жалование, так, Хейнц? — насмешливо продолжила за него княгиня. — Горцы не служат,

Хейнц, даже когда умирают с голоду. Но пока у князя есть хоть зернышко в кладовых, ни один горец с голоду не умрет. Ты пытался оскорбить нас, Хейнц. Тебе это не удалось. Теперь я скажу тебе — ты, как отец невесты и родственницы князя, был принят с почетом, которого ты не заслуживаешь. Но свадьба кончилась, отныне ты не властен над своей дочерью, и мы не обязаны оказывать тебе уважение. Поэтому убирайся из крепости, и никогда более не переступай ее порога. Мы больше не будем так терпеливы.

Хейнц попятился. Княгиня, стоявшая на крепостной стене, озаренная колеблющимся пламени факела, выглядела грозно. Дружинники подошли и остановились поодаль, наблюдая. Хейнц развернулся и быстро пошел, почти побежал к повозке с шаваб, ожидавшей его за воротами.

— Мама, а почему ты не прогнала его сразу? — шепотом спросила Аник, — ведь утром, когда он приехал... — Аник не договорила, ей было тягостно вспоминать, как ее мать, гордая княгиня, кланялась в ответ на грубость этого человека.

— Он — отец невесты. Если бы мы его прогнали тогда, он бы пожаловался князю Горису, а в этот раз князь Горис, боюсь, встал бы на его сторону — это ведь против обычая. Твой отец поссорился бы с верховным князем, и ничего, кроме неприятностей, из этого не вышло бы. Красная крепость слаба нынче, у нее мало защитников, а шаваб на нашей земле слишком много. А то, что я ему поклонилась утром — я ведь была как бы матерью жениха. Обычай требует, чтобы мать жениха поклонилась отцу невесты в день свадьбы, тогда как отец невесты кланяется матери жениха в день сватовства.

— А он тебе разве кланялся?

Княгиня улыбнулась.

— Кланялся, — сказала она, — я ведь пообещала ему, что свадьба будет, как он хочет, и что князь Варгиз не только даст для Прудис приданое, но и позволит взять припасы у себя из кладовой. Хейнц и обрадовался, и на радостях не обговорил, где будут жить молодые, он считал, что у него, раз я согласилась, что его дочь будет жить с ним. И поклонился мне.

— Все равно, — сказала Аник упрямо, — он противный, и не надо было ему кланяться!

— Дочь князя, — строго произнесла княгиня, — запомни, «надо» и «хочу» — это два разных слова, и между ними лежит пропасть глубже нашего ущелья. Вот, смотри! — она протянула руку. Напротив Красной крепости, на другой стороне ущелья, стояла Дозорная башня. Вардан и Прудис уже въехали в ее ворота, и Аник могла хорошо бы разглядеть их, если бы сейчас

был день. — Видишь, как близко, — продолжала мать, — ты сможешь каждый день видеть Прудис, но чтобы говорить с ней, тебе потребуется долго спускаться по склону нашей горы, а потом также долго подниматься по склону Дозорной горы. Так и эти два слова — «хочу» и «надо». Они рядом, но если ты вместо «надо» скажешь «хочу», ты попадешь не на ту гору, и очень много сил ты потратишь, чтобы добраться до нужного тебе места. Если это вообще будет возможно, потому что иногда наше «хочу» может завести нас так далеко, что и пути назад не будет. Я не хотела кланяться Хейнцу. И тебе придется в твоей жизни делать многое, чего тебе не захочется делать, но так будет надо.

— Но ведь Хильда, она не захотела говорить с Хейнцем, и кланяться ему она тоже бы не стала!

— Пожалуй, что и не стала бы, — задумчиво сказала княгиня, — и Прудис не вышла бы замуж за Вардана... Или князь поссорился бы с шаваб, живущими на нашей земле, и с верховным князем... Хильда может позволить себе хотеть или не хотеть, дочь моя, Хильда — просто старая женщина. Иногда мне хотелось бы... — она не договорила, поглядела еще раз на Дозорную крепость и отправила Аник спать — было уже за полночь.

Часть четвертая. Хозяйка крепости

1.

Свадьба Прудис была последним радостным событием в жизни княгини. Через несколько недель она слегла, и больше уже не встала. В свободное от уроков время — этой осенью отец Константин начал давать Аник уроки грамоты — девочка сидела с матерью, наставлявшей ее в том, что положено знать дочери князя.

2.

Дочери князя было положено знать и уметь очень много.

Готовить пищу — обычную и праздничную; прясть, ткать, шить, вязать, вышивать. Знать, как плетутся ковры, уметь красить ткань и кожу в черный и белый, в красный и синий цвет. Уметь зарезать цыпленка, подстрелить из лука косулю и освежевать ее, отличить больную овцу от здоровой, остричь барана, подоить корову. Быть в состоянии вылечить простуду и перевязать рану, знать, как заставить блестеть медные украшения на оружии и чем чистить серебро, как подрезать ветки яблонь, как сажать овощи и сеять пшеницу. Конечно же, дочь князя должна писать и читать, знать историю своего рода и своей страны, уметь петь, танцевать, вести беседу простой речью и высоким слогом, играть в шахматы и нарды. Еще дочери князя подобает хорошо держаться в седле. Вести учет всему, что хранится в кладовых, а также уметь считать деньги, как горские, так и монеты Межгорья и Бахристана. Суметь сварить пиво, сплести ременные сандалии, изготовить из воска свечу, почистить лошадь...

Иногда Аник казалось, что перечень этот бесконечен, и что дочь князя должна знать и уметь все.

— Нет, дочка, — говорила княгиня, — тебе просто надо быть хозяйкой в доме и княжестве, а когда мужчины сражаются на войне, тебе надлежит заменить и хозяина. Главное, конечно, это пища и одежда, но кто накормит твоих детей, если не будет рядом охотника, чтобы подстрелить зайца, или мельника, чтобы смолоть зерно? Некоторыми умениями владеть хорошо совсем не нужно — ты просто должна знать, как это делается, чтобы тебя не обманули нерадивые работники. А тебе предстоит стать хозяйкой крепости рано, слишком рано...

На исходе зимы княгиня тихо угасла.

Зима выдалась суровой, перевалы занесло снегом, поэтому на похороны не могли приехать соседи и родственники. Княгиню отпели в привратной церкви, похоронили на кладбище селения в соседней с Красной крепостью долине — землю пришлось отогревать кострами, иначе не удалось бы вырыть могилу, — скромно помянули в кругу домочадцев. Прудис, конечно, была и на похоронах, и на поминках, и осталась пожить в Красной крепости до весны — обратный путь, говорила она, ей в ее положении не под силу, сюда-то не верится, что добралась; да и побыть с Аник хочется...

Прудис пересмотрела платья Аник, сшила несколько новых — девочка не успела еще снять траур, который носила по сестре, а ей пришлось уже облачиться в траур по матери, который — по горскому обычаю — надо будет носить всю жизнь. Сама Прудис очень располнела — так, что прежние свои платья ей пришлось распороть по бокам и вставить клинья — и еле ходила. Помогать по хозяйству она не могла, но зорко наблюдала за заменившей ее на кухне Арвик, дочерью Джоджо, и несколько раз строго бранила ее за неряшливость и нерадивость, после чего девушка убегала с кухни в слезах. Прудис даже набралась смелости и поговорила с князем Варгизом, посоветовав ему пригласить какую-нибудь опытную женщину вести хозяйство.

— Нет, — ответил князь, — все женщины крепости заняты в ковровой, а чужой женщины в этом доме не будет.

Когда снег стаял, и дороги очистились, за Прудис приехал муж. Как та ни просилась остаться еще хоть на недельку, Вардан был непреклонен — Прудис подходил срок родов, и Вардан желал, чтобы его первенец появился на свет дома. Заливаясь слезами, Прудис расцеловала Аник и уехала с мужем. Аник осталась одна.

В крепости и в селении не было детей ее возраста. Прежние подруги Тамил, совсем уже взрослые девушки, редко разговаривали с младшей дочерью князя. Женщины, жены дружинников, охотно отвечали на ее вопросы, помогали ей в ее старании обучиться всему, что велела ей узнать мать, но были плохими собеседницами, громко цокали языками, жалея девочку: — «Ай-ай, такая маленькая, бедняжка, а уже сиротка!»

Старая Хильда одряхлаела, почти ничего не слышала, говорила с трудом и часто повторяла одно и то же. Аник редко обращалась к ней за советом — старуха плохо понимала, о чем ее спрашивают, и на вопрос, как избавиться от насморка, могла в ответ долго рассказывать о причинах горечи в козьем молоке, или как помочь козе окотиться, если козленок лежит неправильно.

Аник сдружилась со старым Кеной. Привратник некогда был воином, потом охотником и до сих пор глаза его не утратили зоркости, а пальцы — ловкости. Только ноги отказывали ему — ходил он с трудом, и уже лет двадцать не выходил за ворота крепости. Аник за всю свою короткую жизнь ни разу не видела его спящим или прохлаждающимся без дела, руки его всегда были заняты, если он не мастерил что-нибудь, не чинил обувь и не плел сандалии, то занимался пересмотром и подправкой оружия в оружейной, бывшей в его ведении. Иногда он впускал Аник в свои владения — под оружейную была отведена большая комната в башенке, прямо над привратной церковью.

Аник любила здесь бывать. Ей нравился запах масла, которым Кена полировал старинные мечи и наконечники копий, запах дерева, заготовленного для древков и стрел, тусклый блеск серебра на ножнах кинжалов.

— Тебе надо было родиться мальчиком, дочь князя! — говорил Кена, — где видано, чтобы девочка так любила оружие!

Кена подобрал для Аник маленький кинжал в украшенных бисером ножнах и показал, как нужно держать его, когда наносишь удар, рассказал, куда бить, если хочешь убить, и куда — если нужно только вывести противника из строя.

— Женщина не должна убивать, — говорил он, — но всякое случается...

Еще Кена научил дочь князя стрелять из лука, конечно, не из боевого, тяжелого, который и не всякий мужчина сможет натянуть, а из легкого, с каким охотятся за пушным зверем.

5.

Летом князь Варгиз взял Аник с собой, отправившись объезжать свои владения. За месяц они посетили самые дальние пастбища и самые отдаленные дозорные посты на границах с другими княжествами и на перевалах, ведущих в страну каптаров.

Аник знала теперь, где начинаются и кончаются земли ее отца, где расположены селения горцев-айков, где — поселки шаваб, где находятся тайные убежища на случай нападения, куда какая дорога ведет, и откуда можно ждать врагов. Она увидела

огромные отары овец, пасущихся на границе вечных снегов под присмотром свирепых овчарок, и табуны горских лошадей в широких пологих долинах. Она познакомилась с воинами на сторожевых постах, иногда месяцами не видевших посторонних людей в своих дозорных башенках или потаенных землянках, умело скрытых в зарослях молодой поросли осины, и с пастухами в кошах, ведущими такую же уединенную жизнь, как и воины.

6.

В одном из кошей Аник встретила мальчика одного с ней возраста. Это был первый увиденный ею ровесник, не считая, конечно, детей в селении шаваб, но то были чужие, с ними Аник не могла разговаривать, во-первых, потому что то не пристало дочери князя — в памяти Аник была еще жива обида, нанесенная шаваб горцам на свадьбе у Прудис, — а во-вторых, Аник плохо знала их язык. Этот же мальчик был свой, айк, горец, он глядел на дочь князя веселыми карими глазами, прячась за плечо отца — пожилого пастуха. Одежды на нем почти не было, если не считать вытертых кожаных штанов, из которых торчали босые ноги. Аник удивилась — он ходит здесь босиком, когда она, Аник, мерзнет в своем теплом платке, и в шерстяном платье, и в толстых чулках.

— Тебе не холодно? — спросила она, когда взрослые, занятые разговором, отошли.

— Нет, — покачал он головой, — а ты — дочь князя?

Она кивнула.

— Меня зовут Аник, — сказала она важно, — Аник, дочь Варгиза. А ты кто?

— А я — Варо, сын пастуха. Варо, сын Автана. Мы живем в этом коше. А раньше я жил с матерью в селении, в долине, только я не помню, я был маленький, когда она умерла, и отец взял меня к себе.

— Моя мать тоже умерла, — грустно сказала Аник, — этой зимой.

— Ты ее любила? — спросил Варо и, не дожидаясь ответа, продолжал: — я свою не любил. Отец говорит, что это грех, что нужно любить мать, но я ее не помню, не знаю, как можно любить того, кого не знаешь? Вот отца я люблю, и коня своего люблю, имя ему — Ветер, он вороной, и скачет быстро, как ветер с гор. А как зовут твоего коня?

— Это не мой конь, у меня пока еще нет своего. А зовут его Тенгиз.

— Человеческое имя у коня, странно, — сказал Варо и

задумался. Потом тряхнул головой и засмеялся: — Отец говорит, у князей все не как у людей. Человеческим именем назвали коня!

— Вэ! — воскликнула Аник в точности так, как старый Кена, когда что-то казалось ему неправильным, — ну и что?

— Да нет, ничего, — отозвался Варо, отсмеявшись, — лучше пойдем, я тебя угощу земляникой.

Сразу за кошем, на пригретом солнцем взгорке росло несколько кустиков мелкой горной земляники. Зрелых ягод было всего пять, и Варо великодушно отказался от своей доли в пользу дочери князя. Но Аник настояла, чтобы он все-таки съел хотя бы одну ягодку. Потом они затеяли игру в догонялки, и Аник никак не могла поймать Варо, если он ей не поддавался, а мальчик легко настигал дочь князя. Набегавшись, они отдыхали, улегшись на траву, выщипанную овцами почти под корень, и оттого немного колючую, и глядели в небо. Рядом дремали, греясь, лохматые собаки. Аник казалось, что прежде она никогда не видела такого неба, высокого, глубокого и вместе с тем близкого — до облачка, пробежавшего над ними, казалось, можно было дотянуться рукой.

— А ты видела когда-нибудь йети? — спросил вдруг Варо.

— Нет, но я видела его следы. Мне Джоджо показывал прошлой зимой. Йети приходил к крепости, Джоджо носил ему еду. Но йети боится людей, и он никогда не подходил к еде, если рядом кто-то был.

— Меня он не боится, — заявил Варо, — ни меня, ни отца. Сейчас его здесь нет, он летом уходит в снега, туда, — Варо протянул руку в сторону заснеженных вершин Граничных гор. — А осенью возвращается. Он часто к нам приходит, придет — и сидит в сторонке, смотрит на огонь. Его огонь притягивает, хоть он его боится. Людей он не боится, нет, он боится огня, — Варо опять засмеялся, показывая белые зубы. — Мы его кормим иногда, когда у самих есть, что есть.

— Моя мать говорила, что йети не ест мяса, — сказала Аник.

— Ест, но не любит, — ответил Варо. — Он просто привык к сырому мясу, жареное ему не нравится. А вот хлеб он очень любит. Я с ним разговариваю, он понимает. Я ему говорю: «Не бойся Варо, Варо не обидит», — и он не трусит, подходит ближе. Иногда он приходит со своей женой, но жена у него трусливая, даже показаться на глаза боится, а он ее уговаривает.

— Ты понимаешь его язык? — с восторженным ужасом спросила Аник

— Нет, — сказал, поразмыслив, Варо. — Просто он ворчит так, как ворчат собаки, когда хотят сказать, что все спокойно, и волков нет. Собак-то я хорошо понимаю...

В общем, Варо показался Аник одним из самых замечательных людей на свете — дружит с йети, понимает собак, и ничего не боится, даже волков. Наутро, когда князь Варгиз отправлялся дальше, Аник чуть не заплакала, так ей понравилось в коше, и так не хотелось расставаться с новым другом.

— Ты приедешь к нам в крепость? — спросила она у Варо, прощаясь.

— Когда-нибудь приеду, — ответил Варо, — когда отец отпустит. А это тебе, дочь князя, — он сунул Аник в руку веточку с невзрачным желтым цветком и убежал. Потом Джоджо рассказал Аник, что такие цветы растут очень высоко, на камнях среди снегов, и добраться до них трудно, легко можно сломать шею. Аник прикрепила веточку к платку на голове, и очень горевала, когда цветок упал, и конь растоптал его.

7.

К жатве князь вернулся в крепость. После всего виденного Аник показались невысокими окрестные горы, и узким и неглубоким — ущелье. Но постепенно поездка забылась, смутно помнились долины и перевалы, и ослепительно сияющие под солнцем снега Граничных гор.

Аник вернулась к прерванным отлучкой занятиям с отцом Константином. Старый священник хвалил ее — у Аник была хорошая память, и она быстро научилась читать и писать. Тамил наука давалась куда хуже — за все годы обучения старшая дочь князя едва успела освоить азбуку и с трудом считала до сотни.

— Если так пойдет дальше, — говорил отец Константин, радуясь успехам Аник, — скоро не я буду учить тебя, а ты меня, дочь князя!

Книг было немного. Большой книжный ларь, стоявший в комнате для занятий, был наполнен едва ли наполовину: Священное писание, переписанное рукой княгини, когда она была еще невестой князя Варгиза, «История горской страны», составленная по летописям монастыря в Твердыне тамошними монахами, «Размик и Ануширван», старинная повесть о любви, несколько житий святых. Аник читала Евангелие и историю, жития святых и повесть отец Константин отложил пока со словами: — Это ты прочтешь, когда придет твое время.

В истории многое было непонятно Аник, а непонятное — скучно, когда оно не возбуждает любопытства. Аник заучивала наизусть длинные списки правивших горской страной царей, начиная от Автана и заканчивая Давидом-предателем. Когда

список царей был вызубрен, настало время для изучения их деяний — кто какую крепость построил, кто с кем воевал. Попутно отец Константин заставлял Аник учить собственную родословную, восходившую к тем же легендарным временам, что и родословная царей. Но царский род пресекся лет триста тому, а князь Красной крепости был прямым потомком того самого Варгиза, который получил землю от царя Автана в вечное владение для себя и своего рода.

Преподавал отец Константин и географию. Комната, в которой проходили занятия, была украшена вышивками с изображениями родословной князей Красной крепости, алфавита и карты горской страны; на ней были красным вышиты крепости и их названия, синим — селения айков, черным — поселки шаваб, коричневым — горы и голубым — реки. В ящичке с песком, который служил для Аник тетрадкой, отец Константин рисовал большую карту всех известных ему земель — Межгорье, Бахристан, Загорье; за Загорьем лежала страна башен и волшебников — Халкедон.

— А дальше? — спрашивала Аник.

— Дальше — море, — отвечал отец Константин, — а за морем, говорят, иная земля, но там никто и никогда не был.

— А откуда тогда люди знают о другой земле?

— Вах, дочь князя, когда-то давным-давно, может, кто-то и был. Забыли. Говорят, там живут люди, много людей, и их города прекрасны, прекраснее даже Балкиса или Лациума, по сравнению с которыми Дан кажется деревушкой. Но переплыть море невозможно — как построить такую лодку, кто сможет грести так долго? Ведь у моря не видно берегов, вода кругом, день плывешь, ночь плывешь, а кругом только вода, и так глубоко, что до дна не достанешь даже шестом. Человек не рыба, человек не может плавать в воде, человек должен ходить по земле, оттого у него ноги, а не плавники. Поэтому никто не переплывет море.

Как Аник не старалась, она не могла представить себе море. Виденные ею реки — быстрые холодные речки горной страны — были мелки и узки; разливаясь летом, когда таяли снега на вершинах гор, они могли залить все дно ущелья, но так, чтобы не видно было берегов — нет, в такое Аник трудно верилось.

— А ты видел море?

— Нет, конечно, — отвечал отец Константин, — я никогда не бывал дальше Твердыни. О море мне рассказывал мой наставник, отец Киракос, а ему — его наставник. Сто лет назад или даже больше два монаха ходили туда, за Закатные горы, и дошли до Халкедона, и один из них умер по дороге, а второй вернулся и рассказал об увиденном, его рассказ записали, и составили книгу,

но у нас этой книги нет.

— Ва, как интересно! — глаза Аник сделались круглыми. — Я хочу ее прочитать.

— Кто знает, может, и прочитаешь. Жизнь длинна, Аник, дочь Варгиза, может быть тебе суждено попасть в Твердыню, там, у князя Гориса, есть все написанные в горской стране книги. С любой книги делают копию сразу же после ее написания, и посылают эту копию в дом царя.

— А князь Горис живет в доме царя?

— Да, Аник, ведь он же у нас все равно, что царь, он — верховный князь, и выше него стоит только король Марк. Уже почти триста лет, со времен Давида-предателя у нас нет царя, может быть, когда-нибудь и будет...

Аник знала уже, что в давние времена горцы воевали с Межгорьем, и не были бы покорены народом Видгорта, если бы не предательство тогдашнего царя Давида. Царь, захваченный в бою, устранился пыток или соблазнился золотом — кто знает? — и принес клятву верности королю Межгорья. В горской стране началась братоубийственная война. Верные царю князья покорились королю вслед за своим государем, а не желавшие покориться затворились в своих крепостях, и долгие годы горцы-айки убивали друг друга, пока страна не обескровела настолько, что некому было не только сражаться, но и пахать землю и сеять хлеб. Крепость Гордую, оплот независимости, снесли до основания и камня не оставили, а семьи последних оставшихся в живых повстанцев увезли в Дан. Но в стране айков мало что изменилось после завоевания ее королем Межгорья. Верховный князь, сменивший царя, подтверждал клятву верности королевскому знамени, получая власть над страной, ежегодно в Дан отправлялись обозы с данью, которая по-межгорски называлась королевским налогом, но ни язык, ни вера, ни образ горцев жизни не изменились. По-прежнему крепости стерегли перевалы на рубеже с лежащими за Граничными горами землями каптаров, по-прежнему в монастыре Святой Троицы действовала семинария для подготовки священников, по-прежнему звучал горский язык, и дети учили буквы древней азбуки айков. Даже в случае войны короли Межгорья не требовали от горцев выставлять войско на подмогу — ведь перевалы и горные тропы, которые охраняли крепости горцев, были единственным путем для нашествия в Межгорье каптаров, а такое нашествие было страшнее любой войны с людьми. Но каптары уже многие годы не появлялись на равнинах Межгорья, и молодые люди, горя жаждой ратных подвигов, приходили к королям Дана по собственной воле, а не по принуждению, и сражались за королевское знамя в

далеком Бахристане и в еще более далеком Загорье, что лежит за Закатными горами. Ныне же Загорье было покорено, а Бахристан, хоть и не встал еще под руку короля Марка, прислал послов для заключения мира на все времена, и, пожалуй, подрастающим в горской стране юношам негде будет показать свое умение сражаться, разве что король бросит взор еще дальше на запад, в страну магов Халкедон...

8.

Однажды ночью в крепость принесли тело подстреленного охотником каптара.

Женщины пекли хлеб. Этим делом в крепости занимались не часто — раз в две или три недели, и требовало оно всех женских, имеющихся в крепости, рук, даже ковры в этот день не ткали.

В большом чане смешивали воду и муку, добавляли туда соль и закваску, потом долго, сменяя друг друга, месили тесто. Когда тесто переставало прилипать к рукам, его вытаскивали на длинный стол и снова месили, разделив на небольшие куски. Потом тесто раскатывали тонко-тонко и укладывали на железные противни. Эти противни ставили на железную решетку в стоявшую во дворе крепости печь. Под решеткой разводили огонь, который должен был быть равномерным и не дымить, поэтому дрова отбирались определенного размера и только сухие.

Аник следила за огнем, подкладывая тонкие поленья и выгребая золу. Когда хлеб был готов, Аник звала кого-нибудь из женщин, они вместе доставали тяжелые железные противни и отставляли в сторонку — остывать.

Еще не рассвело, только над горами появилась светлая полоска, предвещавшая скорое появление солнца. Ночь казалась еще темнее от гудевшего в печи пламени, и Аник немножко боялась — не по-настоящему, а так, как боятся дети страшных сказок, рассказанных им на ночь: и сердце замирает от ужаса, и каждая тень кажется страшным троллем или горным великаном, но в глубине души отрадно и сладко сознавать, что здесь, за стенами дома, тебя никто не тронет, и не проберется сюда ни кровожадный гоблин, ни злой кобольд...

Гревшаяся у огня собака вдруг вскочила и тихо заворчала, глядя в темноту и напружинившись, как перед прыжком.

Старый Кена спустился со своей башенки, поздоровался с Аник и сказал:

— Кто-то поднимается по дороге в крепость, дочь князя. Я не хочу шуметь, но ты побег в караулку...

Чтобы воины не путались под ногами, женщины, начав печь хлеб, отправили их спать — не по домам, потому что это не понравилось бы князю Варгизу, но в небольшое помещение рядом с кухней, где дружинники обычно грелись в случае непогоды. Аник сбежала туда и растолкала Джоджо:

— Джоджо, вставай, кто-то идет в крепость!

Джоджо, прихватив копье, выскочил во двор. Кена уже отпирал боковую калитку, которой пользовались, когда ходили за водой, или когда в крепость приходил пеший путник.

— Свои, свои, — успокоил Кена встревоженного Джоджо, — Гив на охоте подстрелил чужака и принес в крепость посмотреть, кто это.

Гив был юноша из соседнего с крепостью селения. Он совсем недавно стал взрослым и получил право именоваться мужчиной.

Сгибаясь под тяжестью ноши, Гив вошел в калитку и осторожно опустил тело на плиты, которыми выложен был двор крепости.

— Я подстерегал волка — того, который повадился в овчарню; услышал шорох и спустил тетиву... — говорил он, переводя с трудом дух, и Аник показалось, что ему хочется плакать, — я же не знал, что это — человек...

Джоджо побежал в караулку за факелом.

— Успокойся, Гив, ты поступил, как следовало, — сказал старый Кена. — Если бы это был свой, он не таился бы, не шастал бы по задворкам в темноте, не лез бы в овчарню. Значит, это вор, — (а среди горцев воров не бывает, и воровство карается смертью), — или это чужак, который явился к нам вынюхивать и высматривать...

Джоджо вернулся с факелом и подsunул его к лицу трупа.

— Вэй! — воскликнул Кена, отшатнувшись, — буди князя, Джоджо, быстрее, а я пошел звонить в колокол.

Джоджо велел женщинам убираться со двора и побежал в опочивальню князя. Тревожные звуки сигнального колокола огласили окрестные горы. Из караульной выбежали дружинники, дежурившие этой ночью; из глубины крепости, из домов, лепившихся к задней стене княжеских покоев, выскакивали полуодетые воины с копьями и луками в руках.

— Вах, хлеб сгорит! — закричала одна из женщин, Нина, жена Джоджо, бросаясь к печи и в одиночку вытаскивая тяжелую решетку, уставленную противнями. — Война — не война, а кушать вам всем надо! — огрызнулась она на пытавшегося прогнать ее воина.

— Что случилось? — спросила перепуганная Аник у одной из девушек, забившейся в уголок кухни, — кто это?

— Не знаю, — отозвалась девушка, теребя уголок платка и не сводя глаз с мертвого тела, распростертого на плитах, — я никогда такого не видела.

— Это каптар, — сказала Нина, — я сама их не видела, но муж мне рассказывал, какие они, каптары — они не носят одежды, их тело поросло рыжей шерстью, их глаза красны, как угли, а изо рта торчат собачьи клыки...

Скоро тело пришельца скрылось из виду за спинами подбежавших мужчин.

Пламя факелов побледнело в утреннем свете.

Вышел князь. Мужчины расступились.

Князь склонился над телом и подтвердил слова женщины:

— Да, это каптар. Где и когда это случилось?

Гива поставили перед Варгизом. Испуганный больше необходимостью вот так, вдруг, давать отчет князю, чем самим происшествием, Гив, запинаясь, повторил свой рассказ.

— Он был один, — сказал князь, выслушав юношу, — иначе ты был бы уже мертв. Он был один, и это мне не нравится. Не бывало еще, чтобы каптары засылали лазутчиков. Они приходят всей ордой, у них нет ума, они не умеют воевать... Но проверить надо.

Князь разослал дружинников с собаками обыскать окрестные горы, и сам пошел с Джоджо и Гивом на то место, где охотник подстрелил свою страшную добычу. Двор крепости опустел, рядом с телом каптара остался только старый Кена.

Аник робко вышла из кухни и остановилась у дверей.

— А, дочь князя! — кликнул ее старый Кена, — подойди сюда, не бойся! Он не страшный уже, он мертвый. Их надо бояться живых.

Кена сплюнул. Аник подошла ближе.

— Вот, смотри, каптар. Неужто они снова собираются в набег? Но князь прав, я не слышал, чтобы каптары воевали, как люди, чтобы в одиночку отправлялись во вражескую страну, вынюхивать и высматривать...

— Кена, а это не йети? — спросила Аник, — говорят, йети похожи на каптаров, а мама сказала, что йети убивать нельзя...

— Нет, дочь князя, это не йети. Смотри, — кончиком стрелы Кена приподнял верхнюю губу каптара, обнажив его зубы. — Видишь, какие клыки? В точности, как у овчарки. И ноги — у йети ноги короткие и кривые, а у этих — длинные, длиннее туловища, они очень быстро умеют бегать, эти твари...

Кена снова сплюнул.

— Вэй, а в крепости едва ли два десятка мужчин наберется, и столько же в селении... Вэй, если они недалеко, вэй!..

Скоро вернулся князь, и остальные мужчины. Пока слова князя подтвердились: кроме одиночного следа в кустах за овчарней, нигде не было и духу каптаров. Джоджо с Гивом отправились проследить путь пришельца — туда, в горы, откуда он явился. Вдогонку им князь послал еще двух воинов из числа вернувшихся прошлой осенью, и разослал гонцов по окрестным крепостям с вестью о появлении в горах исконных врагов человека. Тело каптара закопали на склоне горы, но прежде отрубили голову и положили в бурдюк, наполненный солью. Князь Варгиз велел Вардану отвезти этот бурдюк в Твердыню, верховному князю Горису.

— Проси у него воинов, хотя бы два десятка, — напутствовал князь свойственника, — у нас слишком мало людей, если каптары пойдут по нашему ущелью, мы не сможем их задержать. Всадники нам не нужны, только лучники.

9.

Когда гонцы разъехались, началась подготовка крепости и селений к нашествию. Разросшиеся на склонах Красной и Дозорной гор кусты вырубili, пощадили только шиповник, затенявший своими ветками источник, но и его подрезали довольно низко. Князь велел проверить пригодность припасов в кладовых и погребах крепости. Ох, и досталось тут Арвик за заведшихся в сушеных яблоках червей и заплесневевший сыр! Арвик оправдывалась тем, что ей было сказано не трогать вот это и вон то, сложенное, дескать, на случай осады, вот она и не трогала. Из Дозорной башни приехала Прудис с грудным сыном, приехала за помощью — в Дозорной башне не хватало припасов и прохудились емкости для запаса воды, Прудис просила прислать опытного человека для починки. Вместо того чтобы вернуться домой, Прудис осталась в Красной крепости, изгнала Арвик из кухни, усадила дочь князя скоблить сыры и раскладывать их на камнях для просушки, сама занялась пересмотром сушеных фруктов, отделяя вовсе изъеденные червями на корм свиньям, и пересушивая в печи то, что можно было еще спасти.

Что ни день, в крепости резали барана или кололи свинью, мясо вялили или засаливали, даже кровь высушивали в больших поддонах из железа, превращая ее в порошок — из этого порошка можно было готовить потом похлебку.

Князь велел сварить побольше смолы и заготовить как можно больше дров, и ни одно полено не попадало теперь на кухню, кухонный очаг топили хворостом и соломой, дрова нужны были

поддержания огня под смоляными котлами.

Постепенно в крепость возвращались гонцы — вначале из ближних селений и крепостей, потом из отдаленных; последним вернулся Вардан. Все говорили одно и то же — нигде никаких следов каптаров, везде спокойно; верховный князь, по словам Вардана, вроде бы и не встревожился, но лучников выделил, надлежало их ждать в ближайшее время. Прудис схватила за голову — их ведь тоже надо кормить, нападут ли каптары, нет ли.

Вернулись и Джоджо с Гивом и воинами.

Нет, следов большого количества каптаров они не нашли, но этот был не один, еще двое или трое бродили где-то в окрестных горах, однако, как видно, бежали. Проследить их путь до конца не удалось, в скалах, на голых камнях, след затерялся, дозорные на перевалах не видели и не слышали ничего подозрительного, и убеждали Джоджо, что каптар пришел с равнины. Но Джоджо, покачивая головой, сказал князю:

— Нет, не с равнины, с гор. Как видно, они нашли новую лазейку, и послали лазутчиков разведать, как тут у нас, готовы ли мы к встрече врага, или мирно спим, почесываясь. Они столько лет воюют с людьми, что, верно, чему-то от нас научились. В этом году они вряд ли придут, лето кончается, но ждать их надо. Должно быть, явятся в следующем...

10.

Но ни в следующем году, ни еще через год каптары не появились.

Переполох постепенно забылся. Лучников, присланных князем Горисом, распределили по окрестным селениям на прокорм, даже в поселок шаваб послали троих. В крепости осталось пятеро, они держались особняком от прочих, и не желали работать в поле, отговариваясь, что, де, они не крестьяне, а воины, их дело — стрелять врагов, а не пахать землю. Князь попробовал пристроить их к охоте, но и охотники они были никудышные, дичи приносили мало. Основным их занятием было слоняться по двору крепости и дразнить женщин, работавших по хозяйству и в ковровой. Аник они не задевали — слишком мала, и к тому же дочь князя.

Аник продолжала заниматься с отцом Константином, прочитала уже все книги, лежавшие в книжном ларе, обучилась игре на комузе и сабзе, неплохо играла в шахматы — даже князь Варгиз иногда сражался с ней за шахматным столиком. Отец Константин радовался успехам девочки, и жаловался, что мало

чему может научить ее. Она хорошо уже владела языком шаваб, и хотела выучить также и язык Межгорья, но учителя не было — знавшие язык воины, вернувшиеся с войны, обзавелись семьями и жили не в крепости. Старый Кена научил Аник несколькими словам на языке народа равнины, и, когда Вардан приезжал в крепость, Аник приставала к нему, чтобы пополнить свой словарный запас.

Взрослея, Аник все реже вспоминала предсказанное ей. Жизнь девочки была суровой и полной забот, и в этой жизни больше не было места сказкам. Тамил, старшей дочери князя, для всех, и для Аник тоже, не было в живых. Раз в год отец Константин служил поминальную службу, поминая усопшую отроковицу; когда Хильда была еще разумна, она ворчала, утверждая, что Горному Королю не понравится, что его жену отпевают при жизни. Но Хильда давно уже находилась за той чертой, где пребывают бессловесные дети и за которую уходят дряхлые старики. Жизнь еще теплилась в ней, она ела, пила и спала, иногда бормотала что-то себе под нос, невнятное и непонятное никому, кроме Прудис. Горский язык она забыла. Прудис пыталась перевезти бабушку к себе, боясь, что старуха станет в тягость князю, но князь Варгиз запретил ей, во-первых, потому что Хильда давно уже была членом княжеской семьи, во-вторых, старая женщина вряд ли смогла бы переехать, дорога в Дозорную башню была трудна и для молодого и здорового человека.

11.

Однажды Аник побывала в гостях у Прудис, провела в Дозорной башне несколько дней. Башня, собственно, представляла собой небольшую крепость, с внутренним двором, хозяйственными постройками, небольшим огородом, где посажены были лук, чеснок, травы для супа и еще кое-какие овощи. Несколько низкорослых яблонь образовывали маленький садик. Прудис показала Аник глубокую яму, выдолбленную в скальной породе, на которой стояла башня.

— Вардан принесет из долины землю, и я посажу шиповник, — сказала она, — там, где растут девочки, должны цвести цветы.

Родив уже двух сыновей, Прудис была опять беременна и ждала девочку.

В башне жила еще одна женщина, жена одного из двоих приписанных к башне воинов, но она была молода и неопытна,

выросла в далеком селении, заметно робела перед Прудис, а уж Аник и вовсе боялась показаться на глаза. Прудис она называла не иначе, как княгиней, и это забавляло Аник — ну какая же Прудис княгиня?

Аник удивлялась тому, как Прудис, имея двоих маленьких детей, успевает управляться с хозяйством, да еще заниматься рукоделием — Прудис вышила для башни новое знамя, с гербами дома Варгиза — орлом — и предков Вардана — золотым солнечным диском.

— Мои сыновья будут князьями дома Варгиза, — с гордостью сказала она, показывая знамя Аник, — муж мой тоже принадлежит к нашему роду, бабка его матери была троюродной сестрой нашего прадеда.

Аник было странно и немного неприятно, что Прудис, которую она, Аник, как и все остальные, считала почти шаваб, вдруг заговорила о своей принадлежности к роду князей Красной крепости. Хоть это и было правдой — дед Прудис приходился родным дядей князю Варгизу.

Когда Аник вернулась в крепость, она тоже села за вышивание — старинное знамя Красной крепости погибло вместе со старшими братьями Аник, а новое, которое начала вышивать Тамил, лежало неоконченным вместе с остальными ее вещами — платьями, поясами, тряпичными куклами и серебряными головными украшениями.

Аник не стала продолжать начатое старшей сестрой. В сундуках с приданым Тамил нашлось белое полотно, плотное и гладкое. Нитки для вышивания Аник спряла сама, взяв самую тонкую и длинную шерсть, и выкрасила в алый цвет, потому что гербом Красной крепости и дома Варгиза был алый орел с распростертыми крыльями. Когда вышивка была окончена — а на эту работу ушло у нее около трех лет — и осталось только обшить полотно красной каймой с кистями из витого шнура, — случилось то, чего опасался князь Варгиз, и о чем предупреждал Джоджо.

В горскую страну пришли каптары.

Некогда — в давние времена, когда айки только появились в этой земле — каптарам принадлежали обширные равнины Межгорья. Небольшими стаями они бродили по лесам и степям, охотясь на диких кабанов и оленей. Гор они не любили — в горах трудно бегать и потому трудно охотиться, а охотились каптары так, как делают это волки — всей стаей загоняя дичь. Каптары могли долго и быстро бежать, но не любили лазать по горам, хотя при необходимости могли взобраться на скалу или вскарабкаться на дерево. Поэтому горцы первое время жили спокойно, и даже если сталкивались с каптарами на их охотничьей территории, расходились мирно.

Потом в горскую страну пришли шаваб. Их родина была, наверное, там же, где и родина айков — шаваб верили в того же бога, что и горцы, только чуть-чуть иначе служили ему.

И родину свою они покинули по той же причине, что и айки — длительные войны разоряли их землю, и это не было нашествием иноверцев: люди одного и того же народа сражались за право по-разному чтить одного и того же Христа и по-разному читать одни и те же книги, Ветхий и Новый Завет.

В новом мире никто не мешал шаваб чтить Христа по-своему.

И шаваб жили мирно, пахали землю, сеяли пшеницу и ячмень, пасли скот на тучных лугах — их земля располагалась южнее горской страны, почти на равнине, в предгорье тогда безымянных, а ныне Граничных гор. До поры, до времени и каптары мирно сосуществовали с людьми. Случалось, конечно, что какая-нибудь голодная стая задерет отбившуюся от стада телку, но случалось, что и каптар, слишком любопытный или слишком неосторожный, забредет в деревню, и поплатится за то головой. Ни то, ни другое не имело особых последствий. Хозяин телки почешет в затылке, погрозит кулаком в сторону леса и займется своими делами. Стая каптаров в поисках пропавшего своего товарища покружит в окрестностях деревни несколько дней, поскулит, да и отправится дальше — охотиться на оленей, растить детенышей.

Так продолжалось довольно долго — сколько лет, неизвестно, потому что шаваб не вели летописей. Монастырей у них не было, и священники готовили себе смену сами, выбирая из деревенских детишек мальчика потолковее и поспокойнее. В отличие от

горцев, в те времена у шаваб даже и священники не все умели писать; и книг, кроме Библии, у них не водилось. Поэтому никто не мог сказать, сколько поколений шаваб сменилось на этой земле, прежде чем явились новые каптары, сбивавшиеся не стаями уже, а огромными ордами. Были они мельче прежних, но куда кровожаднее, людей ненавидели и готовы были преследовать их день и ночь, настигнув же человека, разрывали его на куски. Было бы понятнее, если бы охотились эти твари на людей с целью пропитания — зверь есть зверь, что с него возьмешь! — но трупы убитых они трогали тогда только, когда были очень голодны, и, насытившись, продолжали убивать из одного наслаждения от убийства; убив — все равно кого, человека ли, зверя, — разбрасывали окровавленные куски плоти и бежали дальше, за новой добычей.

Шаваб, пахари и скотоводы, даже и охотиться толком не умели, орды же каптаров принесли им настоящую войну на истребление. Кстати сказать, и местных, крупных каптаров, эти твари не щадили, и скоро тех совсем не осталось, а шаваб, не в силах сопротивляться многочисленным врагам, бежали дальше в горы, пока не пришли в горскую страну, где и нашли себе убежище. Каптары преследовали их, но были остановлены горцами, часть каптаров айки истребили, оставшиеся ушли на равнины Межгорья, время от времени повторяя свои набеги на горную страну.

Во времена царя Автана Третьего случилась новая напасть — впервые каптары пришли с востока, перевалив через горы. И было их столько, сколько никогда прежде не видывали люди. Словно бурлящая река, прокатились они по горным склонам, сметая и сминая все на своем пути. Люди даже и поднимать оружие на них побоялись, отсидевшись в тайных убежищах среди скал. Пришельцы завели войну с местными, равнинными, каптарами, и в этой войне почти истребили друг друга, но плодились они почти с такой же быстротой, как и погибали, и равнины Межгорья несколько сотен лет служили ареной кровопролитных войн различных каптарских орд. Время от времени через перевалы на равнину спускалась новая партия пришлецов, но всегда меньшим числом, чем в первое их нашествие. Горцы стали охранять и перевалы, и немало каптаров оставалось валяться в горных ущельях, служа пищей грифам и стервятникам. Но все же их было много, слишком много, и людей они ненавидели пуще прежнего.

Потом на равнинах появился новый народ, и постепенно каптары стали исчезать. Люди Видгорта — так айки и шаваб прозвали их по имени их главного святого — уничтожали каптаров неумолимо и методично, так, как уничтожают

проникших в погреб крыс. И людей этих было много — гораздо больше, чем жителей горной страны, — скоро каптаров на равнине не осталось, разве что прятались несколько уцелевших стаяк в лесах предгорий или на низинных Гнилых болотах.

Но за Граничными горами, откуда не возвращались отжившиеся отправиться туда, каптаров водилось, как видно, множество, потому что раз в тридцать-сорок лет новая волна рыжих тварей пыталась прорваться в Межгорье через горы страны айков, тогда дым сигнальных костров и звон колоколов оповещал жителей гор: — «Берегись! Готовься! Идут каптары!»

2.

И вот они пришли, и было их множество — взрослых и сильных самцов и самок, и не было с ними их детенышей. Старые воины качали головами, узнав об этом — прежде такого не бывало, прежние нашествия каптаров были просто переселением, поиском новых охотничьих угодий, бегством от бескормицы или слишком холодной зимы, или слишком дождливого лета. Теперь же каптары шли с войной. То, что они высылали впереди себя лазутчиков, то, как они миновали знакомые перевалы и тропы и явились среди вдруг долин, то, что они не надеялись больше на остроту своих зубов, но подбирали камни и забрасывали этими камнями защитников крепостей — все это пугало и заставляло с ужасом думать о том, что люди научили неразумных тварей воевать.

Красная крепость была первой из крепостей горской страны, подвергшейся нападению, и последней, с которой была снята осада.

3.

Аник закончила вышивку в канун Троицы. Алый орел, раскинувший крылья и гордо поднявший голову, был скопирован ею с герба, украшавшего старинный щит, который висел в большом зале княжеского дома. Глаз орла Аник вышила черным.

Работала она не то, чтобы в тайне, но до поры, до времени вышивку свою прятала от посторонних глаз, и, когда садилась за пяльцы, никого не допускала в свою комнату. Теперь же, сделав последний стежок и закрепив нитку, Аник полюбовалась орлом и позвала отца — в последнее время князь полюбил общество дочери и охотно проводил с нею свободное время, Аник

перестала робеть перед ним, как бывало в детстве, и советовалась с ним о своих нуждах — нуждах почти уже полной хозяйки крепости.

Князю Варгизу знамя понравилось. Он даже предложил показать его всем, но Аник покачала головой:

— Нет, еще не готово. Я попрошу ковровщиц, чтобы они соткали мне тесьму для кромки, и нашью кисти, тогда всем покажу. Через неделю, я думаю...

Их беседу прервали — кто-то во дворе звал князя. Князь еще раз похвалил работу дочери, даже поцокал языком, выражая свое восхищение, и вышел. Аник накрыла вышивку платком, как она делала всегда, когда завершала дневную работу, и тоже вышла во двор. С тех давних времен, когда она изводила окружающих вопросами, ее любопытство несколько не убавилось, но быть сдержанной она уже научилась.

Князя она увидела на крепостной стене. Вместе с Джоджо князь всматривался вдаль, в ту сторону, где сияли под солнцем снега Граничных гор. Аник тоже взобралась на стену и посмотрела в ту сторону. Далеко на горизонте поднимался столб дыма.

Аник знала, что дымом стоявшие дозором воины оповещали о появлении врага. Но вот в той стороне как раз дозоров не было — это Аник знала точно. Может быть, просто лесной пожар? Аник подошла поближе к мужчинам и услышала слова Джоджо:

— ...Нет, князь, это не пожар. Весна была дождливой, и трава еще не высохла, а леса там нет, только луга и редкий кустарник. И дым бы стлался, и перемещался бы — ведь когда пожар, не горит в каком-то месте, а огонь бежит по земле. Это сигнальный костер, князь, и разожгли его пастухи, и я могу тебе сказать то, что говорил четыре года тому назад — каптары нашли новую лазейку. Да поможет нам Бог, князь, я боюсь.

И тут Аник услышала то, что, наверное, не должна бы была слышать:

— Я тоже боюсь, Джоджо. Да и кто не испугается их, этих врагов человечества? И мужчин у нас мало, и я стар. Разжигаю огонь, Джоджо — надеялся я, что не доживу до второго нашествия, но, как видно, судьба мне такая.

Князь обернулся и увидел Аник.

— А ты что тут делаешь, дочь? — спросил он неожиданно мягко.

— Я вышла подышать свежим воздухом, устала сидеть взаперти, отец, — ответила Аник, чистосердечно считая, что говорит правду. Ведь она действительно все утро просидела за работой, торопясь сегодня закончить — завтра праздник, и брать

иголку в руки в такой день — большой грех. А дышать воздухом можно на крепостных стенах не хуже, чем в саду.

— Беги к Кене, дочь, — сказал князь, — твои ноги резвее, чем у нас с Джоджо. Беги к Кене и вели ему посмотреть в сторону Лежащей девушки, — так называлась одна из вершин Граничных гор, — и если он увидит то же, что и мы, пусть звонит в колокол.

Эти слова князя были прерваны колокольным звоном. Кена уже увидел то же, что и князь.

— Да, — со вздохом сказал Варгиз и перекрестился, — да свершится воля Божья!.. Собирайся, дочь. Поедешь в Горное, в монастырь святой Шушан. Я не хочу, чтобы ты оставалась в крепости. Они будут здесь самое позднее через неделю.

Тут и Аник, наконец, испугалась. Впервые при ней князь упомянул Бога — такое было не в обыкновении горских мужчин, уповавших обычно на силу своих рук и своего оружия. И князь желал отослать ее — в другое время она запрыгала бы от радости от одной мысли о возможности повидать мир, но теперь ей стало страшно — здесь, дома, останется отец, останутся Джоджо и Кена, и старая Хильда, и неизвестно, что их ждет...

— Отец, я не поеду, — сказала она, — я не хочу уезжать от тебя, и из крепости.

— Глупая девочка, сюда идут каптары! Будет долгая осада, и неизвестно, выдержим ли мы ее.

— Стены крепости прочны, и ты же сам говорил, что каптары не имеют другого оружия, кроме своих клыков. Они не смогут взять крепость, они никогда не могли этого сделать.

— Когда они идут, их так много, что трава на их пути, вытопанная их ногами, вырастает вновь только через много лет. Когда они нападают, они не думают о смерти, и смерти не боятся, и лезут на стены, карабкаясь на плечи друг другу. Если защитников у крепости достаточно, можно отразить первый натиск, и второй, и третий, но у воинов может не хватить сил, и каптары могут их смять, и перелезть через стены по трупам своих сородичей, и тогда горе защитникам. Я видел взятую ими крепость, я знаю... Не упрямысь, дочь, ступай собираться. Сегодня же ты должна выехать.

4.

Но желанию князя не суждено было исполниться. Спустя час или чуть больше, в ворота крепости, распахнутые настежь, потому что жители близлежащего селения уже потянулись под защиту крепостных стен со своим скарбом и скотом, въехал всадник на

взмыленном вороном коне.

— Князь, князь, где князь? — кричал он, не слезая с седла, — мне нужен князь!

— Вэ! — сказал Кена, высовываясь из окна привратницкой башенки и перегибаясь через подоконник, чтобы получше разглядеть прибывшего, — кто ты такой, что требуешь князя, будто он мальчишка на побегушках?

— Я — Варо, сын Автана, пастух. Мне нужен князь, я привез ему страшную новость.

— Про каптаров? — насмешливо спросил Кена, — твоя новость запоздала. Видишь, что творится?

Творилось действительно невообразимое. По дороге, ведущей в крепость, тянулись женщины с узлами на спинах, с детьми на плечах. Мужчины загоняли в ворота крепости овец, коров, свиней, лошадей. Крики погонщиков, блеянье овец, мычанье коров заставляли звенеть воздух, в котором будто бы что-то разлили — такое напряжение чувствовалось во всем, в непривычной сдержанности женщин, в сосредоточенных лицах мужчин, в стлавшемся над землей жирном дыме от костра, разведенного на самой высокой башне крепости — Сигнальной.

Варо огляделся.

— Да, — ответил он Кене, — я вижу. Но знаешь ли ты, где каптары, и сколько их?

— Сегодня мы увидели дым в стороне Лежащей девушки, — сказал Кена обеспокоено, — больше пока ничего неизвестно.

— Я видел их вчера, — отозвался Варо. — И, если бы не мой конь, я не мог бы рассказать тебе этого сегодня. Они идут, старик, и их многие тысячи. Мой отец помнит прошлое нашествие. Так вот, он говорит, что то было — что ручеек перед бурлящей рекой. Они идут, и их множество, и завтра они будут у стен крепости.

Кена взглянул пристально в лицо говорившего.

— Варо, сын Автана, ты хозяин своим словам? Ты, я гляжу, слишком молод, чтобы быть мужчиной...

Варо гордо выпрямился в седле и положил ладонь на рукоять кинжала.

— Сейчас не время оскорблять и быть оскорбленным, — высокопарно произнес он, — но если мы останемся живы, я вспомню твои слова.

— Вэ, сын Автана, я старик, — отозвался Кена, — и ты правильно говоришь, не такое это время. Просто твоя новость ужаснее прежней во много раз, и я должен быть уверен... Где, ты говоришь, ты видел их?

— Мы с отцом пасем овец на дальних пастбищах, наш кош стоит — теперь уже, наверное, стоял — в двух днях пути от

Орлиного перевала. Неделю назад дозорные сказали нам, что на той стороне гор скапливаются каптары, и мы решили отогнать отару в долину Звонкой реки. Дозорные, правда, говорили, что каптары движутся куда-то в сторону, к югу, и, может быть, не нападут. Они все равно собирались развести костер, мы пустились в путь, но дыма над Орлиным так и не увидели. А вчера, когда мы завернули отару в долину Звонкой, возле порогов — знаешь? — нам попало на глаза что-то непонятное, кусок мяса, — это была человеческая голова, старик, и отец посмотрел и сказал, что узнает клыки каптаров. Мы поднялись на скалы и увидели их, они идут по дну ущелья Каменки, и их столько, сколько звезд в небе, а, может, сколько камней в горах, неисчислимо! Отец погнал отару дальше, а меня послал в крепость. Там, где Каменка соединяется с Большой рекой, я встретил их головной отряд, и они видели меня, и, если бы не Ветер, — он похлопал коня по взмыленной шее, — если бы не его легкие ноги, и если бы каптары умели быстро бегать по склонам, я бы не рассказывал тебе этого сейчас. Но я ушел от них, и скакал к вам кружной дорогой, и вот я здесь, а скоро здесь будут и они.

— Вэ!.. — только и сказал Кена.

5.

Аник в сопровождении трех дружинников и Арвик собиралась покинуть крепость. Князь, усакавав собирать воинов по селениям, велел дочери отправляться в путь, не дожидаясь его возвращения. Но Аник медлила, ей хотелось на прощание еще раз обнять отца, да и просто боязно было уезжать из крепости, да и страшно было смотреть на скопище людей на крепостном дворе: где разместятся они, и что будут есть, и чем кормить согнанную в крепость скотину — хотя и еда, и корма, и дрова были запасены на случай осады, по словам Прудис, в достаточном количестве. Прудис наезжала в крепость два или три раза в год и проверяла состояние дел в хозяйстве на правах бывшей помощницы хозяйки крепости и старшей родственницы Аник. В последнее время это стало очень раздражать дочь князя, и она с нетерпением ожидала окончания визита Прудис, но сейчас она пожалела, что Прудис здесь нет. Однако у Прудис были свои заботы — по склонам Дозорной горы тянулась такая же вереница беженцев, как и по склонам Красной, может быть, не столь многочисленная, но ведь Дозорная башня была во много раз меньше Красной крепости.

Воины торопили Аник. И Аник, в последний раз оглядев забитый людьми и скотом двор крепости, со вздохом села на

коня.

— Вэ, дочь князя, погоди! — остановил ее окрик Кены. Аник обернулась.

— Тебе нельзя ехать, дочь князя. Вот этот парень говорит, что видел каптаров в дне пути отсюда. А с тобой только три всадника. Что такое три всадника перед стайей каптаров, тьфу! — Кена сплюнул. — Так что жди князя, девочка, и я не думаю, что он отпустит тебя.

— Дочь князя? — воскликнул парень, на которого указывал Кена, и спрыгнул с коня, — здравствуй, Аник, дочь Варгиза!

— Здравствуй и ты, незнакомец, — вежливо ответила Аник, глядя на парня сверху вниз.

— Ты не узнаешь меня? Я — Варо, сын Автана.

— Варо? — переспросила Аник, удивленно поднимая брови.

— Ты с твоим отцом была в нашем коше несколько лет назад, и даже ночевала, а потом еще я кормил тебя земляникой...

— Да, я помню... Ты еще рассказывал мне про йети, — улыбнулась Аник, — и у тебя были такие большие собаки, и я их боялась, а ты не боялся. Здравствуй, сын Автана! Рада приветствовать тебя в Красной крепости.

— Плохое время для встречи, дочь князя, — ответил ей Варо, — я рад видеть тебя, но не рад той вести, которую привез...

— Вэ, что такое? — прервал их Кена, — торчите на дороге, да беседуете, как два князя на приеме в царском дворце. Отведи-ка, парень, своего вороного на конюшню, а то людям пройти не даешь. А ты, дочь князя, ступай в свои покои и жди отца.

— Но отец велел мне отправляться, не дожидаясь его...

— Не могу тебя пустить, дочь князя, если каптары уже в долине Большой реки... Вэ! — вдруг крикнул он, указывая в ту сторону, где была дорога на Твердыню, — каптары уже у крепости Острой горы, мы отрезаны.

На пути в столицу, в нескольких часах езды от Красной крепости, начинались владения князя Гургена. Границу княжеств обозначала гора Острая. Кена указывал именно на эту гору. На ее вершине горел костер, застилая небо клубами черного дыма.

— Может быть, это просто сигнальный костер, они зажгли его, увидев наш, чтобы передать известие дальше? — спросила Аник.

— Нет, дочь князя, сигнальный костер зажигают из сухих дров, и дым от него серый. А тут горит смола, дым черный и жирный. Пастух сказал правду, завтра они будут здесь. Каптары на землях князя Гургена.

— Я должен вернуться к отцу, — сказал Варо, вскакивая в седло, — я должен сказать ему...

— Слезь с коня, мальчик, и иди в караулку, — ответил ему Кена, — ты не доберешься до отца теперь, только голову потеряешь. Твоему отцу будет спокойнее знать, что ты остался в крепости.

— Он там один, с овцами, он не управится...

— Вэй, Варо, не спорь с Кеной, все равно ты его не переспоришь, — посоветовала Аник, слезая со своей белой кобылы, — Кена, если что-то говорит, то даже мой отец его слушает.

— Кена? — Варо задрал голову и посмотрел на окно привратницкой башенки. Старого воина уже не было в окне, но зато они услышали звон сигнального колокола, частый и тревожный. — Это тот самый Кена, сын Самела? Отец велел мне говорить с ним, если не будет князя...

— Я не знаю его полного имени, — ответила Аник, с интересом глядя на мальчика, — но в крепости только один Кена. Наверное, твой отец говорил про него. А откуда он его знает?

— Мой отец не всегда был пастухом, — сказал Варо. — Но покажи, где у вас конюшня, и где караулка.

Аник показала Варо и конюшню, и караулку, и сад, в котором росли яблони, и груши, и смородина, а между деревьями посажены были травы для супа: укроп, и базилик, и мята. Потом, когда вернулся князь и подтвердил слова Кены о том, что дорога на Твердыню перерезана, и что скоро каптары будут здесь, и что Аник никуда не уезжает, и что Варо остается, дочь князя показала сыну пастуха все закоулки крепости. Даже вышитое ею знамя, которое так берегла от чужих глаз.

Варо был восхищен.

— Это ты сама все нарисовала и вышила? Ва!.. А почему оно здесь, почему оно не развевается над самой высокой башней крепости?

— Оно еще не закончено, — объяснила Аник. — Я хочу обшить его каймой с золотыми и алыми кистями. Но теперь неизвестно, когда это будет, ковровая не работает...

Из ковровой вынесли ткацкие станы, и там теперь жили беженцы из соседнего селения и из поселка шаваб, как и во всех почти помещениях крепости, даже в той комнате, где Аник занималась с отцом Константином. Только покои князя и самой Аник да церковь были свободны от постоя. Второй уже день, как затворили ворота крепости, и воины на стенах зорко вглядывались вдаль — не покажутся ли враги.

Аник была, как ни странно, менее занята, чем обычно. Ковровщицы, свободные от своего привычного труда, заменили ее на кухне, да Аник и не справилась бы сама с обедом — слишком много ртов надо было накормить. Князь велел все съестное, принесенное крестьянами с собой, собрать в кладовых, и готовить пищу на всех сразу, чтобы не тратить лишних дров — ведь дрова были нужны, чтобы варить смолу и кипятить масло. Аник тщательно подсчитала все припасы — те, что были собраны в крепости, и те, что принесли крестьяне. Каждый вечер она записывала угольком на большой доске, висевшей у стены, все, истраченное за день, в том числе и дрова, спаленные в кухонном очаге. Днем же Аник была свободна, и могла посвятить все свое время своему новому другу. Запретить это ей было некому — князь с дружинниками караулил дороги на Твердыню и на крепость Серых Скал, в крепости из мужчин остались только Джоджо да Кена. Кена, правда, заметив парочку, ворчал и отправлял Варо на конюшню заниматься лошадьми, или кормить скотину, или находил еще какую-нибудь работу, а Аник отсылал в ее комнату.

— Иди к себе, дочь князя, займись делом.

Аник послушно уходила, но не к себе, а куда-нибудь поблизости от занимавшегося работой Варо. Когда мальчик освобождался, они бежали подальше от зоркого взгляда Кены — на крепостные стены, или в сад, или поднимались на Сигнальную башню, где дежурил Джоджо, держа наготове дрова и смолу для сигнального костра.

— Что это, не пойму, — бормотал Джоджо, — где они?... Я видел их следы на берегу Большой еще третьего дня, неужели они прошли мимо? Они всегда нападали, они не могли не видеть крепость и людей, что случилось с ними?

— Может, они пошли на Межгорье? — спрашивал Варо, — решили, что крепости им все равно не взять, и отправились походом на равнины?

— Ты говоришь о них, как о людях, — сказал Джоджо недовольно, — а они не люди, они животные, они не могут думать и решать. Как собаки — если собака видит зайца, она за ним гонится.

— Нет, — возразил Варо, поразмыслив, — то есть плохая собака, может быть, и погонится, а пастушья овчарка — нет, она знает, что у нее другая забота — охранять стадо от волков. Только плохая собака бросит стадо, чтобы погонять зайца.

— Ва, дурная голова! — рассердился Джоджо, — а почему? Она что, сама себе придумала, что ей нельзя гоняться за зайцами?

— Я ее научил, другие собаки научили — она умная, она

понимает...

— Вот я и говорю, собака понимает, если ее кто-нибудь научит. Хотел бы я знать, кто научил каптаров воевать. Не сами же они!..

7.

На третий вечер, не дождавшись каптаров, только обнаружив многочисленные их следы, дружинники вернулись в крепость.

Вечером князь созвал старых и опытных воинов. Аник с Варо устроились в саду, под окнами большого зала, где собрался совет — не для того, конечно, чтобы специально подслушивать, а так, вдруг что-то да услышат. Но как дети не прислушивались, до них доносилось только невнятное бормотание, да иногда неразборчивые возгласы.

Их уединение было нарушено. Большой человек с факелом, ослепившим Аник и Варо после ночной тьмы, вошел в сад.

— Эй, есть тут кто? Дочь князя?

Аник по голосу узнала Гива, взятого после того давнего случая с каптаром в княжескую дружину.

— Я здесь, Гив, — отозвалась она.

— Дочь князя, ты не знаешь, где твой новый дружок, сын пастуха? Я его повсюду ищу.

— А зачем он тебе?.. — начала было Аник, но Варо выступил из темноты:

— Я здесь.

— Идем, князь зовет.

Оставшись одна, Аник быстро вскарабкалась на яблоню, с которой можно было заглянуть в окно. При Варо она постеснялась это сделать — все-таки она уже не ребенок, ей уже минуло тринадцать, скоро будет четырнадцать, и что бы он подумал, если бы узнал, что дочь князя Варгиза лазает по деревьям, как мальчишка?

Комната была освещена масляными светильниками, горевшими тускло, но кое-что Аник увидела: своего отца, сидевшего у стола, и Кену, сидевшего рядом с ним, и еще троих воинов. Гив привел Варо и поставил перед князем. Князь что-то спрашивал у сына пастуха, мальчик отвечал ему, по виду нисколько не робея. Аник обрадовалась тому, что, как видно, Варо позвали к князю не для того, чтобы наказать. Да и то — разве у князя мало сейчас других забот, чтобы думать о каких-то детских проказах? К тому же Аник не знала за собой и за Варо ничего, в чем они бы провинились — ну, не слушали иногда

старого Кену, но Аник и не должна его слушаться. В конце концов, она, Аник — дочь князя, и подвластна только своему отцу.

Варо кончил говорить, князь задал еще несколько вопросов и отпустил его движением руки. Аник быстро спустилась вниз.

Когда Варо появился в саду, девочка, как ни в чем ни бывало, смотрела в звездное небо.

— Ва, дочь князя! Твой отец сказал, что я теперь буду дружинником!

— Да ну? — удивилась Аник, — и тебя за этим позвали на совет?

— Нет, конечно. Князь спрашивал про каптаров, где точно я их видел, и сколько их было, и вообще... Они собираются завтра в долину Большой реки. Потому что если каптары прошли мимо, то, значит, Красная крепость не выполнила самого главного из того, что должна сделать — не задержала врага. Они хотят пощипать немножко каптаров по бокам и за хвост, может, и меня возьмут... Ва, если бы!..

— Разве у каптаров есть хвосты? — удивилась Аник.

— Это просто так говорится, — засмеялся Варо, — пощипать за хвост — это значит напасть сзади. Ва, я умею рубиться на мечах и стрелять из лука, меня отец учил. Он говорил, что как он не всегда был пастухом, так и мне не придется. И сбылись его слова!..

— Не понимаю, чему тут радоваться, — сказала Аник, — тебя могут ранить или даже убить. То, что рассказывают о каптарах, страшно.

— Мужчина не должен ничего бояться, — пожал плечами Варо, — мужское дело — воевать. Даже если убьют, ну и что?

«Он ничего не боится, этот Варо, — думала Аник ночью, ворочаясь в постели и пытаясь уснуть, — даже мой отец и Джоджо, даже старый Кена их боится, а Варо не боится!»

Случая показать свое умение рубиться мечом для Варо так и не представилось. Мглистый рассвет застал Красную крепость в кольце осады.

8.

Аник разбудил трезвон сигнального колокола. Натянув кое-как платье, она выскочила во двор. Воздух насыщен был влагой и густым вонючим дымом. На верхушке Сигнальной башни, на крепостных стенах развели костры, но туман не давал дыму подняться вверх.

— Каптары? — спросила Аник у крестьянки, которая, нагнув голову и накрывшись передником, пробежала по двору.

— Вах, дочь князя, они пришли! — завопила крестьянка, на минутку выпростав голову, — вах, сколько их!.. — женщина снова закутала лицо и побежала дальше.

«Совсем одурела от страха, — подумала Аник, взбираясь по широким ступеням на крепостную стену, — как будто эта тряпка защитит ее от каптаров!»

Вначале из-за дыма и тумана Аник не могла ничего разглядеть. Вроде бы что-то шевелилось внизу, вроде бы какая-то темная масса ползла на крепость по склону горы, туман? И вдруг, как это иногда бывает, случайно увиденный кусок позволил ей разглядеть целое, Аник ахнула и попятилась, чуть не упав со стены во двор крепости.

Это были они, каптары. Прежде Аник видела только одного, и то мертвого, теперь же — теперь их были сотни, живых.

Они передвигались на задних ногах, но у них были руки, как у людей, и, как это делают люди, поднимаясь по очень крутому склону, они помогали себе руками

Их тела были покрыты шерстью, рыжеватой или серой, но не так густо, как тела животных, а так, как иногда бывает у очень волосатых мужчин. На лицах же шерсти почти не было, и Аник могла хорошо разглядеть мощные челюсти, оскаленные в безмолвной злобе клыки, острые и крепкие, плоские носы и маленькие красные глаза, налитые злобой. Аник почувствовала, что ей тоже хочется накрыть голову подолом и убежать — спрятаться, забиться в какую-то щель, главное, подальше от этих... тварей. Твари, да — самое точное для них наименование. Они пользовались двумя ногами, как люди, и у них были руки, и безволосые лица, но их, уж наверное, создал не Бог, и — кто бы их там не сотворил, — он хотел злобно насмеяться над родом человеческим. И не только над людьми. Эти создания были насмешкой и над животными. Даже самый свирепый зверь, волк или медведь, не внушает омерзения. Даже шакал может быть красив, когда он бежит наперегонки со своей подругой или резвится вместе со своими детенышами на лужайке. Но эти... Теперь Аник поняла старых воинов, старательно избегавших именовать каптаров людьми или животными.

Дружинник, стоявший в карауле с луком наготове и вглядывавшийся в ползущую по склону горы ораву, заметил Аник.

— Дочь князя, уйди отсюда, — тихо сказал он, — сейчас они нападут, и тебе здесь не место.

— Почему они молчат, Горди? — шепнула Аник. Это молчание, с которым каптары наступали, пугало ее больше всего.

Было понятнее, если бы они выли или рычали, или издавали еще какие-то звуки. — Они думают, что мы их не заметили?

— Не знаю, что они там думают, — пробурчал сквозь зубы Горди, поднимая лук. — Трезвон сигнального колокола на рассвете мертвому на кладбище, был, наверное, слышен, не только каптару. Уйди, дочь князя, пока я не позвал твоего отца!

И тут дикий вой разорвал тишину и оглушил на мгновение Аник. Она даже присела на корточки, заткнув уши руками. Но при этом все-таки не отрывала глаз от каптаров.

Твари как будто подгоняли себя своим воем, и теперь не карабкались, а почти бежали. Некоторые из каптаров на бегу швыряли в сторону крепости камни. Увесистый обломок кварца с острыми краями упал на стену рядом с Аник. Больше не испытывая любопытства, а один только ужас, Аник кинулась вниз по лестнице, и бежала через двор, чувствуя, что не в силах справиться с желанием накрыть чем-нибудь голову, как та перепуганная крестьянка, что встретилась ей пять минут назад. Пять минут? Аник казалось, что прошло несколько часов.

Успокоилась она, только добежав до своей комнаты, бросившись в постель и укрывшись с головой. Зубы ее лязгали, как это бывает от холода.

Но целый день пролежать в постели невозможно. Через несколько минут Аник опомнилась.

Она откинула одеяло и прислушалась. Вой каптаров доносился сюда, но слышны были и крики дружинников, и Аник стало стыдно. Как глупая крестьянка, она поддалась ужасу, а ведь Варо не боится каптаров, и дружинники на стенах — даже если они и боятся, но все равно сражаются. Аник снова встала, поправила сбившееся набок платье, тщательно расчесала волосы, заплела косы и вышла во двор крепости.

Возле кухни стояла Нина, жена Джоджо, прежде старшая над ковровщицами, а теперь командовавшая на кухне. Она громко выговаривала кому-то внутри помещения, и очень обрадовалась, увидев Аник.

— Дочь князя, ты встала? Хорошо!

Аник удивилась.

— Надо подоить коз и коров, — продолжала Нина, — а эти клуши сбились в кухне и бояться выйти. Пойдем, дочь князя, покажем им, как должны себя вести женщины, когда их мужья и отцы сражаются.

Взяв подойники и сполоснув их водой из колодца, Нина и Аник направились через двор крепости к хлеву. Время от времени во двор падали камни — каптары продолжали атаку.

— Свет не видел таких трусих! — в сердцах сказала Нина,

обращаясь скорее сама к себе, чем к Аник. — Им, видишь ли, страшно! А мне не страшно? А мужчинам не страшно? Но поесть же им нужно будет, и детей накормить нужно будет, и скотина недоеная, как это можно!..

9.

Каптары штурмовали крепость в течение трех суток.

Князь велел экономить стрелы, и на нападающих лили горячую смолу и кипящее масло, сбрасывали камни, заброшенные каптарами же. Под стенами крепости накопились груды трупов, но врагов будто бы и не убывало. Князь опасался, что скоро трупов будет столько, что каптары по ним, как по лестницам, смогут взобраться на стены.

— Ничего, — говорил Кена, — они так лезут, потому что голодные, но нас они достать не могут, и скоро им придется идти на поиски добычи. Тогда можно будет выйти из крепости и сбросить падаль в ущелье.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Аник. Она иногда поднималась в привратническую башенку, потому что тут, рядом с Кеной, было место Варо.

— Я воевал с ними уже дважды — когда они пришли через Высокий перевал на земли князя Горгия, и потом, двадцать лет спустя, в прошлое нашествие, я служил в дружине князя Анастаса, в крепости Сторожевой. Тогда их было не так много, и дальше Сторожевой они не прошли. Теперь же, я думаю, они дошли и до Твердыни.

Варо возился в оружейной. Его не пускали на стены, он должен был подносить дружинникам стрелы по мере надобности, но, поскольку стрел требовалось немного, работы у Варо почти не было, и это его огорчало.

— Я тоже могу стрелять из лука, — говорил он Аник, — и камни кидать, и уж что-что, а поддерживать огонь под котлами со смолой даже и ребенок сможет!..

— Вэ, — отзывался на его бурчание Кена, — дружинник вначале должен научиться слушать приказание старших. Тебе велели быть здесь, значит, здесь твое место. Погоди, и твое время придет, успеешь еще повоевать.

В крепости появились первые раненые — нескольких дружинников зашибло камнями, а Горди перебило руку. Отец Константин подготовил одну из комнат в своем домике для раненых, но комната эта пока пустовала — раны были легкие, и воины, немножко отлежавшись, возвращались на стены.

Первый страх перед каптарами прошел, сменившись не то чтобы отупением, но своеобразной привычкой к осаде. Прежде день был заполнен одними трудами, мирными, теперь же — иными, воинскими, их нужно было выполнять, и выполнять хорошо. Даже женщины перестали бояться, хотя по двору ходили осторожно, придерживаясь стен и сторожась шальных камней. Детей они старались держать взаперти, да разве удержишь — время от времени кто-то из шустрых мальчишек выбирался из-под замка, и дружинники звали Варо — выдворять нарушителей со стен было также его обязанностью.

— Вах, взяли в дружину, а я с мальцами вожусь! — жаловался он Аник, — просто даже обидно как-то.

— Нужно делать то, что надо, — утешала его Аник, — кто-то же и эту работу должен выполнять.

— Ва, а почему я!..

— Ва, а почему не ты?... — спрашивала Аник, и Варо нехотя соглашался с ней. Мужчины были заняты на стенах, и многие женщины тоже, они собирали с крепостного двора камни и относили их воинам, или поддерживали огонь под котлами со смолой и маслом, подменяя уставших за трое суток и засыпавших на ходу дружинников.

Старый Кена оказался прав — на четвертый день каптары откатились от стен крепости и разбрелись кто куда. Некоторые спали, сбившись кучей под кустами, другие бродили по склонам в поисках пищи. Несколько тварей, правда, остались под воротами — самые злые, или самые умные. Князь велел подстрелить их и не жалеть при этом стрел. Потом тихо отворилась боковая калитка, и шестеро воинов, самые сильные и самые быстрые из дружинников князя, стали сбрасывать трупы в ущелье. Им даже удалось собрать стрелы, прежде чем спящие каптары почуяли неладное и бросились на людей. Но боковая калитка, впустив воинов, затворилась, и на головы тварям полилась кипящая смола, вынуждая их отойти на порядочное расстояние.

Твари уселись на землю, поджав под себя ноги и не спуская горящих кровожадным огнем глаз со стен крепости.

— Они сидят так, как сидят собаки! — удивленно воскликнула Аник, наблюдавшая за вылазкой из окна привратницкой башенки. — Или как волки.

— Их называют еще песиголовцами, потому что головы у них похожи на собачьи, только без шерсти, и повадки тоже собачьи. Если бросить им сейчас кусок мяса, они перегрызутся, в точности как голодная свора, — отозвался Кена, не отрываясь от своей

работы — он чинил деревянный щит, проломленный камнем, и укреплял его полосками железа.

— Теперь они не скоро пойдут на приступ, будут отдыхать, зализывать раны. Даже, может быть, спустятся с горы вниз. Но далеко не уйдут. Наше счастье, что их мало.

— Мало? — Аник посмотрела вниз. Склон горы будто порос рыжей травой, от подножья почти до самых стен, да и далеко внизу, на дне ущелья, виднелись рыжие пятна.

— Вэ, дочь князя, это мало, ты не видела, сколько их бывает.

— Да, — сказал до сих пор молчавший Варо, он сидел рядом с Аник на подоконнике. — Я видел, сколько их было. Большая река рядом с ними казалась маленьким ручейком, и они все шли, и шли...

— Значит, они пошли вглубь страны, и помощи нам ждать не от кого, — сказал Кена, отставляя починенный щит и берясь за следующий. — Значит, пока мы их всех не перебьем, мы из крепости не выйдем.

— Вах! — только и смогла вымолвить Аник. Ей казалось, что это невозможно.

11.

Так продолжалось все летние месяцы. Время от времени каптары лезли на стены крепости, не обращая внимания на масло и смолу, обжигавшие их тела, и на стрелы, уносившие их жизни. Потом надолго успокаивались, но далеко не уходили. Между тем в крепости съели почти весь скот, оставив только лошадей и несколько коз, чтобы было молоко для маленьких детей и раненых.

Князь Варгиз надеялся, что к осени из Твердыни придет князь Горис с войском, но, как видно, Твердыне было не до Красной крепости. Кена и здесь оказался прав.

В крепости появились первые по-настоящему раненые, и двое погибших: камнем убило мальчика шаваб, вылезшего на стену поглазеть на битву; а во время вылазки, когда дружинники сбрасывали трупы в пропасть, один из каптаров оказался живым, хоть и смертельно раненым, и, прежде чем Гив свернул ему шею, искусал молодого Гранта так, что тот к вечеру умер.

Варо сильно переживал эти две смерти. Первую — потому что чувствовал как бы свою вину, ведь это была его обязанность — сгонять любопытных мальчишек со стен крепости. А вторую — потому что Грант, бывший ненамного старше Варо, очень с ним сдружился.

Может быть, поэтому Варо забыл об осторожности, и, относя на Сигнальную для Джоджо стрелы, поскользнулся на мокрых от дождя ступенях, и упал на каменные плиты двора. А может, его сшибло камнем, потому что каптары в это время штурмовали крепость.

Отец Константин, ощутив рану на затылке мальчика, покачал головой.

— Он умрет? — со страхом спросила Аник.

— Все в руке Божьей, дочь Варгиза, и без его воли волос с головы не упадет...

— Значит, он умрет, — сказала Аник и зарыдала.

— Лучше помолись, чем плакать, — сказал отец Константин, — а еще лучше — помоги-ка мне перевязать его рану. Да и для других раненых надо кое-что сделать, один я не справляюсь.

Отцу Константину в его лекарских трудах скорее мешали, чем помогали, две старухи, бывшие знахарками у себя в селениях. У каждой имелось излюбленное средство врачевания ран и ушибов, и, вместо оказания помощи, они целыми днями переругивались, каждая хваля свой способ лечения. Отец Константин бросил попытки примирить их, и отослал с глаз долой.

Аник, которую когда-то обучали старая Хильда, слышавшая целительницей, и княгиня, считавшая умение врачевать одной из основных обязанностей женщины княжеского рода, стала помощницей отца Константина. Прежде Аник казалось, что она все забыла, но стоило ей взяться за дело, давнее знание пришло само собой. Конечно, Аник не могла определить на ощупь перелом кости или сшить разорванную жилу, как это мог отец Константин, но омыть и перевязать рану, наложить примочку из трав или остановить кровотечение она могла.

12.

Опасения Аник насчет Варо не оправдались, но иногда девочке казалось, что лучше бы Варо умер. Сын пастуха ослеп.

Пролежав несколько часов без памяти, мальчик очнулся и стал требовать света. Аник подошла к нему.

— Вэ, Варо, ты жив, я рада... — она заплакала беззвучно, утирая слезы ладонью.

— Аник, это ты? Я тебя не вижу. Что, ночь уже? Почему не зажгут светильник?

— Вэй! — Аник зарыдала в голос и побежала за отцом

Константином.

— Теперь он будет жить, — сказал отец Константин, — а зрение его может восстановиться, а может, и нет — все в руке Божьей, дочь князя. Молите Его, Он справедлив и благостен, и дастся вам...

Аник поставила в привратной церкви свечи Варваре-целительнице и Богоматери. У гробов с телами погибших тоже горели свечи, и пастор служил службу — отпевая и мальчика-шаваб, и горца по своему обычаю. Аник вернулась в дом отца Константина.

— Там шаваб, — сказала она священнику ревниво, — они служат свою службу над нашим Грантом.

— Ва, дочь князя, у нас один Бог, какая разница? Я занят — мне нужно помогать живым...

От плохой воды и тесноты в крепости началась болезнь, многие страдали кровавым поносом, и отец Константин лечил их травяными отварами. Ему еще нужно было не допускать к больным знахарок, потому что их методы лечения могли только навредить — одна поила больных водой с растворенной в ней золой, а другая кормила козьим пометом. Его спор со старухами закончился водворением тех под замок в одном из подвалов крепости. Там они не могли принести вреда никому, только ругались друг с другом, и выражали редкое единодушие, понося отца Константина. Через неделю князь велел выпустить их, под страхом вторичного и теперь уже постоянного заключения запретив приближаться к больным с целью врачевания.

13.

К зиме болезнь прекратилась. Отец Константин со скорбью качал головой, видя, как убывают запасы сушеных трав. Да и обычная еда — вяленое мясо и похлебка из высушенной крови — не годилась для больных, нужно было бы поить их куриным отваром, но где взять курицу? Кур давно уже съели, как съели овец и свиней, только две несушки квохтали в просторном курятнике крепости, да по утрам кукарекал старый петух, встречая рассвет.

К счастью, как только выпал снег, каптары перестали штурмовать крепость и спустились вниз, на дно ущелья. Князь велел дружинникам расчистить дорогу к источнику, и у осажденных была теперь хорошая вода. Но еды от этого больше не стало.

Варо давно уже мог вставать. Зрение к нему не вернулось.

Первое время он отказывался от пищи, и отец Константин вместе с Аник кормил его насильно, пока старый Кена, которому пожаловалась Аник, не пришел и не выругал мальчика. Аник отослал прочь, и она не слышала их разговора. Но после посещения Кены Варо стал есть, и не просил больше у Аник ножик, и не говорил, что не хочет жить. Понемногу он научился самостоятельно передвигаться по комнате и по двору крепости, придерживаясь за стены. Теперь дни напролет Варо проводил в конюшне. Каким-то образом он узнавал своего коня из стоявших в стойлах лошадей и разговаривал с ним, прижимаясь лбом к теплой шее, жалуясь на судьбу. Аник однажды подслушала.

— Вэ, Ветер, вэ, что случилось, зачем я теперь? Я ничего не могу делать, ни на что я не пригоден, вэ... Я думал стать дружинником, великим воином, может быть, князем — женился же Вардан на родственнице князя, вэ, почему я не мог бы? Вэ, теперь я даже овец пасти не смогу... Не скакать нам с тобой по равнине, мой Ветер, не рубиться с врагами, не увидеть дальних стран, вэ...

Аник тихо подошла, но, как ни осторожно она ступала, Варо услышал ее шаги.

— Дочь князя, зачем ты пришла? — спросил он, не оборачиваясь — теперь по шагам он узнавал почти любого.

— Варо, нельзя жаловаться на судьбу. Отец Константин говорит, что Бог знает, что он делает, и что он ничего не делает зря...

— Что ты пристаешь ко мне? И что мне слова отца Константина? Он не мужчина, он священник, он не понимает.

— Ой, что ты говоришь, отец Константин не мужчина! Разве ты не знаешь, что он ничего не боится? Разве ты никогда не видел, как он ходит на стены, когда его зовут к раненому? И Кена — Кена ведь мужчина, так? — Кена что тебе сказал?

— Кена был мужчиной, это правда, но теперь он старик, дочь князя, его жизнь позади — а у меня впереди ничего нет, ничего... Зачем я теперь? Воином я быть не могу, и пастухом... Кена говорит — найди себе занятие, то, что ты можешь делать вслепую — а я даже коня напоить не могу, даже зерна ему засыпать, ничего я не могу... Еще и мне нянька нужна, чтобы кормить...

— Старая Хильда тоже так живет, давно уже, и не ропщет.

— Ты сама говоришь — старая. А я молодой. Нет, дочь князя, лучше бы я тогда умер.

— Но ты не умер. Значит, надо жить.

— Кому надо? Зачем надо? И как жить мне теперь? Вэ, дочь князя, — вдруг оживился Варо, — у тебя есть зурна? Принеси, давно не брал в руки. Играть-то я и слепой могу.

— А ты умеешь?

Варо даже как будто обиделся.

— Что говоришь, дочь князя? Какой пастух не умеет играть на зурне? Меня отец учил, и Гурген учил, певец, знаешь его? Он у нас в коше три лета жил. Осенью уходил в селение, а весной опять возвращался. Я все его песни знаю, и о давних временах, и о старой земле, и новые песни — я и сам могу песни складывать. Если есть сабз, принеси и сабз тоже, я тебе спою свою песню...

Играл Варо хорошо, особенно на зурне. Зато голос у сына пастуха был совсем неподходящий для пения — спев одну или две песни, Варо разозлился и бросил сабз.

— Совсем не получается, — сказал он, — а раньше хорошо выходило.

— Мне нравится, — тактично сказала Аник. — Особенно про гордую девушку. Это ты сложил?

— Нет, это старая песня. Гурген говорил, что ее сложил один царь — не то Давид, не то Дато. Он любил одну девушку, дочь князя, но он был уже женат, и ничего не мог ей дать, кроме песни.

— Ва, царь — у него же и серебра, и золота горы, как же он ничего не мог дать? — удивилась Аник.

— Она гордая была, не хотела ничего принимать, раз он не может жениться. Тогда он подарил эту песню. Там еще есть слова, но я их не помню точно. Про жениха — «тот, кто получит твою руку, будет мне ненавистен, потому что это буду не я. Тот, кто получит твою руку, будет мне дороже царства, потому что он будет тебе всех дороже...». Что-то в этом роде. Я эти слова не любил, и никогда не пел. Знаешь, почему? Никому не скажешь?

— Нет, — сказала Аник.

— Я раньше эту песню пел, я о тебе думал. Думал, что вот стану воином, витязем, прославлюсь, как Сосун, смогу жениться на дочери князя. А ты пошла бы за меня замуж?

Аник стало смешно.

— Что ты такое говоришь, мы же еще маленькие!

— Не сейчас, когда бы выросла — пошла бы? — глаза Варо странно блеснули, как будто он плакал. Аник сдержала готовый уже вырваться смешок и задумалась.

— Нет, Варо, не обижайся. Просто... Ты никому не скажешь?

Варо мотнул головой.

— Мне было предсказано — давно, когда меня еще на свете не было — что я стану королевой.

— И ты веришь! — возмущаясь или, может быть, обвиняя, воскликнул Варо.

— Не знаю, — задумчиво произнесла Аник. — Когда маленькая была — верила, теперь не знаю. Только наш король

Марк не женат, иногда я думаю, это потому, что я еще не выросла...

14.

Больше они на эту тему не разговаривали, да и на другие темы тоже — Варо избегал девочку, и на все ее попытки завести беседу отвечал упорным молчанием, гордо задирая голову и как бы глядя вдаль. Аник удивляло, что его незрячие глаза внешне выглядели вполне нормально. Отец Константин как-то объяснил ей, что глаза Варо не видят не потому, что повреждены.

— ...От удара нарушилась жила, питающая глаза, — объяснял он. — Когда человек ест, он ведь кормит все тело, не только желудок. А пища в разные органы поступает по жилам, вот эта-то жила у Варо и не работает теперь.

— А ты не можешь ее сшить?

— Для этого пришлось бы разрезать ему голову, и потом — эта жила тоненькая... И я не думаю, что она порвалась, просто очень сильно ушиблена. Может быть, его зрение еще восстановится. Ему нужно питаться получше, и пить кровь, потому что кровь — основной источник силы для глаз, и для слуха тоже. И нельзя лежать, если он будет лежать, и не будет двигаться, жилы в его теле заплывут жиром и уже не смогут работать так, как надо.

Теперь Аник нацеживала кружку крови всякий раз, когда в крепости резали лошадь, и поила этой кровью Варо. Он соглашался пить, потому что знал, что теплая кровь может помочь его глазам видеть. Но однажды он спросил Аник:

— Дочь князя, откуда эта кровь? Скот ведь давно уже порезали, еще летом...

— Лошади, — ответила Аник, — кормить ведь нечем, и есть тоже скоро будет нечего. Отец говорит, никогда прежде еще не бывало, чтобы каптары оставались зимовать. Еды и кормов запасли на одно лето. Там, в селении, осталось сено, но до него не доберешься, и охотники не могут пойти в горы за дичью... Весной будем голодать.

— Лошади... — сказал Варо и вдруг встрепенулся, — князь велел резать коней? Режут коней?

— Ну да, — удивилась этому вопросу Аник, — больше ведь некого — оставили коз, чтобы было молоко для детей и для больных, и парочку кур; режут лошадей...

Варо вскочил с постели и, как был, в одних кожаных штанах, бросился к выходу. На дворе мело, мелкий снег, выпавший ночью,

вздвигался столбами и скапливался под стенами маленькими сугробами. Варо побежал по снегу босиком.

— Куда ты? — только и успела крикнуть Аник, — замерзнешь!.. — Но Варо не слушал.

— Ветер! — кричал он на бегу, — мой Ветер!..

Бежал он через двор, как зрячий, не под стеночкой, придерживаясь рукой, но огромными прыжками пересек двор, один раз только упав, и скрылся в конюшне, растолкав выходящих оттуда дружинников.

— Вэй, Варо, куда ты, цел твой Ветер! — кричала ему вслед Аник.

Варо, страшно ругаясь — Аник никогда прежде даже слов таких не слыхала, — вывел из конюшни вороного жеребца и вскочил на него. Ничего не понимающие дружинники расступились.

— Дьявол в него вселился, что ли? — сказал один из них. — Малец, что случилось?

— Не дам! — кричал Варо, — не дам резать коня, не дам съесть!..

— Да никто его не режет, успокойся! — крикнул дружинник.

— Сегодня не режет, завтра зарежет, не дам!.. — кричал Варо и лупил коня по впавшим бокам босыми пятками. Жеребец гарцевал, переступая на месте тонкими ногами — он не мог понять, чего хочет его хозяин. На шум вышел князь, прислушался, понял, в чем дело и приказал:

— Снимите его с коня.

Дружинники бросились выполнять повеление. Ветер, не даваясь в руки чужим, поскакал по двору кругами, а Варо понукал его: — Вэ, Ветер, вэ, ищи путь, ищи, я не вижу, прочь отсюда, прочь, вэ!..

Аник стояла у двери в дом отца Константина и прижимала ладонь к губам. Ей было страшно. Она боялась Варо — и за Варо тоже боялась, и не могла понять, что задумал сын пастуха.

Жеребец наконец нашел выход, перескочил через невысокую ограду сада и поскакал между яблонями, увязая в рыхлом снегу, туда, где виднелось небо. Дружинники бросились за ним, и почти нагнали, но Ветер выскочил уже на задний двор, а Варо все погонял его: — Вэ, Ветер, вэ, скачи, скачи быстрее!..

Красная крепость была обнесена стенами с трех сторон. С четвертой стороны, там, где был задний двор и размещались кожевня, красильня, кузня и амбары с зерном, стены не было — только невысокая ограда, потому что с этой стороны скала обрывалась отвесно в пропасть, глубоко внизу шумела Каменка, огибавшая гору. Ущелье здесь было не очень широким, и

противоположный его берег был пологим и низким, гораздо ниже Красной горы.

Когда Аник, путаясь в юбке, прибежала на задний двор, Варо там не было. Дружинники столпились у невысокого ограждения, сложенного из неотесанных камней, и смотрели вниз.

— Где он? — закричала Аник, подбегая, — где Варо?

— Там, — ответил один из дружинников, указывая на дно ущелья, — не успели его удержать, дочь князя. Влетел на двор, послал коня в прыжок — и тот прыгнул, даже не раздумывая. Ах, конь, что за конь!.. За такого коня в старину княжества отдавали!.. Не думаю, чтобы князь позволил его резать.

— Прирезали бы и съели, — возразил другой дружинник, постарше, имя ему было Давид. — Все равно бы издох, кормить же нечем...

— Вэй, Варо, вэй... — заплакала Аник.

— Не плачь, дочь князя, — сказал Давид, — может, так для них лучше, вместе... А то ни мальцу жизни не было, слепому, ни коню.

15.

Потом Кена рассказал Аник, что в старину, еще во времена междоусобья, через ущелье перепрыгнул конь с всадником, посланный тогдашним князем за помощью в Твердыню — князя дома Варгиза всегда хранили верность законному правителю.

— Но это было летом, и конь был сытый, не то, что кожа да кости, как наши, и всадник был зрячий... Этот же без седла, и слепой... И зима, снег... Следов на той стороне не видели?

— Я и не посмотрела туда, — со вздохом сказала Аник.

— Да нет, мело ведь как, не разглядишь... — сам себе ответил Кена. — Сам на смерть пошел, и коня погубил. А столько мяса — кому-нибудь, может быть жизнь бы спас его конь, когда голод начнется...

— За что ты его не любишь... не любил? — спросила Аник. — Ты ведь с самого первого дня на него смотрел...

— Вэ, я смотрел! А как он на тебя смотрел, дочь князя — как кот на кусок мяса, который хочет стащить, и знает, что стащит, как только хозяйка отвернется. Нет, дочь князя, недоброе у него было на уме, хоть и мальчик совсем был. Не говорил он тебе ничего такого, что хочет на тебе жениться, что любит тебя?

— Может и говорил, может и нет, — всхлипнув, ответила Аник. — Тебе-то что?

— А то, что если он тебе про любовь говорил, то это все

вранье. Он хотел на тебе жениться — не сейчас, конечно, а когда пришло бы твое время. Князем стать хотел через тебя.

— Вот еще! — Аник снова всхлипнула, — я бы все равно никогда бы за него замуж не пошла, и я ему это сказала, про предсказание...

— Вэй, предсказание! — старый Кена даже сплюнул от возмущения. — Это ты про тот вздор, что наболтала твоей матери старая нищенка в Дане? Она бы еще не то сказала, попрошайка! Деньги она у княгини выманивала — известно ведь, нет ничего приятнее матери, чем услышать про великое будущее своих детей.

— Но ведь она не про братьев — про нас с Тамил говорила, а меня тогда еще на свете не было, а Тамил...

— Ва, дочь князя, Хильда уже выжила из ума, когда объявила Тамил Горной Королевой! Да и нету никакого Горного Короля, сказки это все. А я думаю, что дело было совсем просто — какой-то охотник до женской ласки сбил Тамил с толку, и увез, а что следов не оставил — так, видно, не одну уже похитил, наловчился. И ты побереглась бы — хотя тебе судьба Тамил не грозит, та была красавицей, а ты красавицей никогда не будешь, зато у тебя приданое — Красная крепость, и потому много будет охотников жениться — да не на тебе, а на твоём приданом...

— Ну, Кена!.. — от возмущения слезы Аник высохли. — Как ты такое говоришь!..

— Э-э, дочь князя! — Кена засмеялся мелким старческим смешком, показывая зубы, еще почти все целые. — Если спросишь, тебе не скажут, конечно. Будут говорить, что стан у тебя стройный, а глаза — ясные. Но поверь мне, старику, красавицей ты не станешь никогда, что бы тебе льстецы в уши не пели.

Аник обожгла старика гневным взглядом и убежала из башенки под хихиканье Кены — он-то видел не разгневанную дочь князя, а разозлившуюся некрасивую девчонку. Аник нашла Уту — девочку шаваб, ставшую ее подругой. Они познакомились вскоре после несчастья с Варо, после того, как отпели первых погибших.

В Красной крепости нашли пристанище и защиту от каптаров и шаваб в основном женщины с детьми и старики. Молодые мужчины и девушки ушли в Дозорную башню, потому что туда было труднее добраться, и там не хватало защитников.

Для шаваб отвели хозяйственные постройки на заднем дворе: красильню и кожевню, откуда вынесли чаны; женщины с грудными детьми разместились вместе с горянками в бывшей ковровой.

Аник помогала в устройстве быта беженцев, а потом постаралась забыть о присутствии шаваб в крепости, только морщилась, если кто-то из шаваб попадался ей на глаза.

Однажды Аник вышла из покоя, отведенного раненым — подышать немного свежим воздухом, пусть не слишком чистым, но без запаха гниющей плоти, нечистот и немых тел.

У двери сидела на корточках девочка шаваб, примерно одного возраста с дочерью князя. При виде Аник она встала и приблизилась — робко, и в то же время явно имея намерение что-то сказать. Аник выпрямилась надменно, как, бывало, выпрямлялась ее мать, и высокомерно спросила:

— Ты чего-то хочешь от меня? — она по-прежнему не любила шаваб.

— Позволь мне поговорить с тобой, дочь князя, — сказала девочка на горском, смешно коверкая слова.

— Позволю, — сказала Аник, — можешь говорить на своем языке, я понимаю.

Девочка не воспользовалась данным ей разрешением, и продолжала на горском:

— Дочь князя, я видела тебя в церкви, когда отпевали моего брата и вашего несчастного юношу, погибшего...

— Он не несчастный, — возразила Аник, — он пал в борьбе с врагами, а это счастье для мужчины.

— Да, да, но он был такой молодой, а мой брат — он был совсем маленький, и смерть — это ведь ужасно, когда гибнут близкие тебе, и такие молодые, разве нет?

— Ты об этом хотела говорить со мной? — прервала ее Аник, по-прежнему высокомерная.

— Нет, не об этом. Просто я видела тебя в церкви и подумала, что такая, как ты — ты добрая, ты не откажешь в просьбе...

— Если ты хочешь просить об увеличении порций еды для тебя, не трудись — все получают поровну, кроме воинов...

Тут настал черед девочки шаваб гордо выпрямиться.

— Почему ты так плохо думаешь обо мне?... О нас? Просто мы сидим в этом сарае, нас кормят, нас лечат — ваш отец Константин, да минует его всякая беда! — но нам не позволяют помогать горцам в их труде! Среди нас мало мужчин, мужчины, большинство из них, укрылись в Дозорной башне, и сражаются вместе с горцами — я знаю, я видела на стенах и отца своего, и старшего брата, — но ведь и мы, женщины, можем пригодиться, мы можем поддерживать огонь под кострами, и можем ухаживать за больными, за ранеными...

— Это ты о себе говоришь? — презрительно сморщила нос Аник.

— А хотя бы и о себе! — вспыхнула девочка то ли от гнева, то ли от смущения. Легкостью, с которой она покраснела, девочка напомнила Аник Прудис. — Я не моложе тебя, — продолжала девочка волнуясь, и от этого еще больше картавя, — и меня обучали... обучала наша знахарка, я знаю травы, знаю, как остановить кровь, как промыть рану, умею прочистить засорившийся желудок и не побрезгую ни рвотой, ни нечистотами...

— Ва! — Аник, теперь уже с интересом посмотрела на девочку. Если не брать во внимание, что она — шаваб, ее лицо можно было бы назвать приятным: круглое личико, готовое улыбнуться, а ямочки на щеках не исчезли даже сейчас, когда девочке было совсем не до смеха. Глаза у девочки смотрели смело и прямо, и Аник с удивлением почувствовала, что ей бы хотелось познакомиться с этой чужачкой поближе, даже, может быть, подружиться. И то, что она говорила об уходе за ранеными, заставляло поверить в ее опытность. Среди горянок находились такие, которые считали, что покормить и сменить повязку — вот все, что требуется от них при помощи в аптеке, и кривили носы, не желая выносить горшки или подтирать с пола блевотину. Отец Константин гнал таких безжалостно — он оказался совсем не таким мягким и бессловесным, каким прежде, в мирной жизни, считала его Аник, и каким должен был быть по ее мнению, священник, тем более такой старенький — пожалуй, отец Константин был старше всех в крепости, даже старше Кены.

— Нам нужна помощь, да, — Аник наконец прервала затянувшуюся паузу. — Но почему просишь об этом ты, а не какая-нибудь из старших женщин? И почему ты обращаешься ко мне, а не к самому князю? Или к отцу Константину?

— Наши женщины — они говорят об этом между собой, но боятся твоего отца, и отца Константина тоже боятся. И почти никто из нас не говорит по-горски.

— А ты хорошо говоришь, кто научил?

— Пастор. Я была у него первой ученицей, любимой, и потому он научил меня всему, что знал сам.

— Ты училась у пастора? — с удивлением переспросила Аник. У горцев обучали только княжеских детей, даже Прудис не умела ни читать, ни писать, хоть и приходилась князю двоюродной племянницей. А шаваб не имели князей — это-то Аник знала точно.

— В нашем поселке почти все дети учились. Мальчики, конечно, но я очень уж хотела, а Анна — так звали нашу знахарку — Анна прочила меня в свои преемницы, и просила родителей разрешить мне учиться. Я даже на вашем языке умею читать, не только на своем!

— А язык равнинного народа ты знаешь? — полюбопытствовала Аник.

— Нет, — покачала головой девочка, — всего несколько слов. У нас в поселке его никто не знает. А очень бы хотелось научиться. Вдруг когда-нибудь попаду в Дан...

— А я поеду в столицу, когда выйду замуж, — похвасталась Аник, — мой муж повезет меня в королевский дворец, представлять самому королю... Ва! — вдруг опомнилась она — болтает с девчонкой шаваб, как будто с подругой! Аник снова надменно выпрямилась.

— Приходи завтра с утра в покои отца Константина. Я скажу ему, и он проверит, действительно ли ты можешь делать все, о чем говоришь. И я передам просьбу ваших женщин князю, но не могу обещать, что он не откажет... Постой! — окликнула она девочку, видя, что та повернулась, чтобы идти, — скажи мне свое имя!

— Утой меня зовут, дочь князя.

— Одень завтра что-нибудь попроще, Ута, — сказала Аник. Ее раздражал наряд девочки: яркая зеленая юбка, расшитая розовыми цветами, зеленый корсаж с серебряной шнуровкой, белая когда-то, а теперь грязная вышитая блузка. На ногах Уты были изорванные красные башмаки из мягкой кожи. А ведь она должна быть в трауре, подумала Аник, совсем недавно похоронила брата.

— У меня больше ничего нет, — сказала Ута просто. — Мы слишком быстро бежали, и не успели захватить вещи.

— Ладно, — сказала Аник, — что-нибудь придумаем.

3.

Ута явилась на следующее утро даже раньше самой дочери князя, а спустя несколько недель стала главной помощницей отца Константина, с чем Аник согласилась не без ревнивой зависти. Но Ута была целительницей божьей милостью, и даже сам отец Константин, изучавший некогда лекарское дело в семинарии, советовался с девочкой шаваб о диагнозе и методах лечения — отец Константин, изгнавший признанных горских знахарок!

Сама Ута пожимала плечами:

— Я не знаю, как это у меня получается, но я как будто вижу, где болит, как красным светится... И у меня самой начинает в том же месте жечь... В нашем роду это часто с женщинами случается, уже много поколений. Говорят, Хильда такой же была — тогдашний пастор даже хотел сжечь ее, как ведьму...

Аник удивилась — она никогда прежде об этом не слышала.

— Да, да, — подтвердила Ута кивком головы, — я знаю, потому что моя прабабка была родной сестрой Хильды. Особенно хорошо у Хильды получалось лечить скотину — а я вот животных плохо чувствую... Так вот, Хильда лечила коров, и свиней, и очень хорошо лечила, но однажды коровы сталидохнуть одна за другой — это было от плохой травы, но люди решили, что это Хильда насылает порчу, и побили ее камнями, так, что она еле спаслась. Она за это прокляла тех, кто ее обижал — громко, так, что все слышали, и пастор тоже, и, когда проклятые ею люди все, как один, заболели болотной лихорадкой, пастор сказал в церкви, что Хильда — ведьма. А моя прабабка — она была тогда совсем маленькая — предупредила Хильду, что ее хотят сжечь, и Хильда сбежала из поселка и пришла в крепость за защитой. Моя прабабка не знала, как Хильда убедила князя не выдавать ее людям из поселка, но ей позволено было остаться в крепости, а потом она вышла замуж за брата князя, и тогда, конечно, никто уже не говорил, что она ведьма. Все боялись.

— Но почему? — спросила Аник, — почему вы боитесь нас? Разве мы такие страшные?

— У вас власть, — отозвалась задумчиво Ута, — у вас оружие. Наши мужчины не умеют сражаться, только драться умеют на кулачках, кровь из носу пустить друг другу. В давние времена шаваб было запрещено иметь мечи и кинжалы, даже ножи

должны были быть не длиннее пальца — нашему народу тогда приходилось звать горца-мясника, чтобы заколоть свинью или прирезать телку...

— Не верю, — сказала Аник. — Не могло такого быть.

— Ва! — сказала Ута (за несколько месяцев, которые прошли с первой их с Аник беседы, Ута научилась говорить по-горски, как горянка, и переняла многие словечки Аник), — ва, когда шаваб пришли в эти горы, ваш народ воевал друг с другом, и царь Вардан, позволивший шаваб поселиться на вашей земле, боялся, что если воюющие князья будут вооружать наших мужчин, то получится неравенство сил, и горцы еще быстрее будут истреблять друг друга...

— Это неправда!.. — закричала Аник, — горцы воевали друг с другом только во времена Давида-предателя, а раньше они жили в мире!..

— Ты так говоришь, потому что тебя так учили, — спокойно отвечала Ута, — но если ты немножко подумаешь, ты согласишься, что я права. Крепости на вашей земле были построены задолго до прихода к вам шаваб, это ты знаешь?

— Ну да, — сказала Аник, — это все знают. Крепости были построены для защиты от каптаров, на тех путях, по которым они приходят через горы. Да и шаваб пришли к нам, потому что у нас были крепости!

— Но через горы каптары пришли только во времена царя Автана третьего, — продолжала Ута. — А до этого они бродили по равнине Межгорья, и избегали подниматься выше, чем были поселки шаваб. А в Межгорье они пришли впервые из Бахристана...

— Ва! — воскликнула Аник. Она вдруг ясно вспомнила историю своего народа — так, как рассказывала ей мать, а потом отец Константин, — и историю появления каптаров. И получалось, что Ута права — шаваб только потому и пришли, что в горах не было каптаров, зато были крепости, но тогда от кого защищались строители крепостей?

Последний вопрос Аник произнесла вслух, и Ута ответила на него:

— Друг от друга. Я думаю, что, если бы не каптары, ваши айки по сей день воевали бы сами с собой, так что вы должны быть благодарны этим тварям.

Аник посмотрела на Уту с отвращением.

— Почему вы все так любите унижать нас? — спросила она с обидой. — Тебе доставляет удовольствие доказать мне, что твой народ хуже моего, да?

— Во все нет, — спокойно ответила Ута — она вообще была

гораздо хладнокровнее вспыльчивой дочери князя. — Я не хочу сказать, что твой народ плохой, а мой — хороший. Я ничего такого не думаю. Просто глупо считать свой огород самым плодородным, если ты ничего не знаешь об огороде соседа, разве не так? И потом, мне не нравится, когда врут. Ты не думай, мне очень многие ваши обычаи по душе, и люди ваши нравятся — что-то у вас лучше, чем у шаваб, но что-то у шаваб лучше, чем у вас, разве нет?

— Не знаю, — сказала Аник, все еще обиженная, — я не знаю ничего, что мне нравилось бы у вашего народа... Может быть, ваши сказки только, — честно добавила она. Она все еще помнила сказки, которые когда-то рассказывала ей старая Хильда.

— Ты просто плохо знаешь мой народ, — возразила Ута, — и судишь о нем со стороны. Я твой народ знаю немного лучше, чем ты — мой, поэтому мое суждение вернее... Впрочем, — добавила она, перекусывая нитку — девочки, в перерыве между работой по уходу за ранеными, занимались шитьем, потому что защитники крепости совсем обносились, — впрочем, я, наверное, тоже бываю пристрастна — ведь я — шаваб, и о многом сужу со своей колокольни. Но наш пастор говорит, что нет ничего глупее, чем выискивать друг у друга недостатки, и что гораздо мудрее стараться найти достоинства друг в друге. Разве не так?

— Наш отец Константин говорит примерно то же, только другими словами, — буркнула Аник.

4.

Это была одна из немногих размолвок, случившихся между девочками. За долгие месяцы совместного труда они подружились, и редко можно было увидеть одну из них, чтобы тут же рядом не мелькнуло платье другой. Они разлучались только когда Ута отправлялась навестить мать — Ута жила теперь в покоях, отведенных для раненых, потому что могла понадобиться и ночью, — или когда Аник болтала с Варо или шла домой. В княжеский дом Ута заходить не любила, и отказывалась говорить, почему. Впрочем, и Аник не любила заходить к шаваб: там было слишком шумно, слишком много маленьких детей, и слишком болтливые женщины — казалось, ни одна из них не может ни минуты посидеть молча. Ута говорила, что с тех пор, как женщинам шаваб разрешили помогать защитникам крепости, шума стало гораздо меньше, но Аник как-то в это не верилось. К тому же среди немногих мужчин шаваб, которые по старости или

из-за болезни укрылись в Красной крепости, а не в Дозорной башне, Аник, как ей показалась, заметила Хейнца. Ута подтвердила это.

— Да, Хейнец здесь. У него в груди жаба, это еще Анна говорила, я тоже что-то такое вижу...

— Какая еще жаба? — не поняла Аник.

— Это такая болезнь, от нее сердце становится слабым, и трудно дышать. Он не смог бы забраться в Дозорную башню, туда ведет очень тяжелая дорога.

— Но моя мать не позволила ему больше переступить порог крепости! — воскликнула Аник.

— Но он ведь умер бы, если бы не пришел сюда! Или от болезни по дороге в башню, или бы его разорвали бы на части каптары, — сказала удивленно Ута.

— Ну и пусть, — Аник стиснула зубы.

— Он в чем-то провинился перед твоей матерью? — спросила по-прежнему удивленная Ута.

Никому — даже отцу Константину на исповеди — не призналась бы Аник, что не может простить Хейнцу тот поклон, который княгиня отвесила ему в день свадьбы его, Хейнца, дочери. Поэтому она сказала только:

— Он вел себя нагло с нашими людьми на свадьбе. Я там была, я видела.

— А! — отозвалась Ута, и, помолчав, добавила: — ты не умеешь прощать, Аник, это недостойно христианки.

— Может быть, — пожала плечами Аник, — но только недостойно дочери князя прощать оскорбление, нанесенное ее людям.

— Смертью можно карать только убийство, ну, и еще колдовство — так считают у нас. Хейнец никого не убил, поэтому он не заслужил, чтобы его убили.

— Ва! — закричала Аник, — а твой брат? А молодой Грант? А Дата, а старший Горгий, а мать Восгена, а твоя тетя Берта? Они заслужили смерть?

— Ну, это же потому, что война. И потом, Бог знает, что он делает. И не нам рассуждать об этом. И мы все умрем. Но одно дело — умереть по воле Божьей, и совсем другое — когда тебя убивает другой человек.

— Но ведь на то тоже Божья воля, если без его воли волос с головы не упадет! Нет, Ута, я все равно с этим не соглашусь. Я не думаю, что Бог так часто вмешивается в людские дела. Бог — он как верховный князь, которому нет дела до мелочей. Если что-то крупное — да, он заинтересуется, но он разгневается, если тревожить его по пустякам. И давай больше не будем об этом, а

не то поссоримся.

Потом, вспоминая этот разговор, Аник удивлялась — ведь Ута говорила приблизительно то же самое, что сама она, Аник, говорила Варо, утешая сына пастуха. И была уверена, что права — и точно так же Аник была уверена в своей правоте, когда спорила с Утой. Разве бывает две правды, на всякий случай — своя?

5.

Вот к этой-то Уте и побежала со своим горем Аник.

Ута мало знала Варо, познакомившись с ним только после случившимся с мальчиком несчастьем. Она иногда пыталась разобраться в его болезни, пользуясь своим даром, но результатом ее попыток была только резь в глазах.

Аник нашла Уту в аптеке, занятой обычным делом — девочка разминала руку Горди, зажившую уже после недавнего перелома, но пока еще отказывавшуюся служить, как надо. Увидев Аник, она сказала только: — Бедный Варо! Бедная Аник! — и продолжала работу. Аник с нетерпением дождалась окончания процедуры, и, как только Горди ушел, передала Уте содержание своего разговора с Кеной. И расплакалась.

— Вэ, ты только подумай, он говорит, Варо любил не меня, а мое приданое, вэ!.. И что я не такая красавица, чтобы меня можно было полюбить ради меня самой, вэ!.. А когда я ему сказала про предсказание, он только засмеялся, вэ!..

Ута пыталась успокоить Аник словами, но, когда увидела, что только подливает масла в огонь и что Аник рыдает еще громче, набрала в рот воды и прыснула в лицо подруги. Аник широко раскрыла глаза и замолчала.

— «Вэ!..» — передразнила ее Ута, — отчего ты больше реवेशь — от того, что с Варо твоим случилось, или от слов Кены?

— От всего, — хмуро сказала Аник. — Варо был моим другом — первым моим другом, да! И то, что Кена сказал — это неправда! И то, что я не красавица, и никогда красавицей не стану... — Аник почувствовала, что слезы опять подступили к ее глазам, и остановилась на полуслове.

— Ну, это мы еще посмотрим, станешь или нет, — рассудительно заметила Ута. — Пока ты не выросла, рано об этом говорить. Сейчас ты правда больше похожа на овцу, чем на красавицу, особенно, когда реवेशь, — Ута улыбнулась, показывая, что шутит, но обиженная на Кену и оттого не желающая понимать шуток Аник гневно посмотрела на подругу. Ута широко открыла рот и выкатила глаза: — Вот какое у тебя

сейчас лицо!

Аник подумала, что действительно похоже на овцу, и вытерла слезы.

— А про Варо, что он плохо говорил — я думаю, он тебя успокоить хотел, чтоб ты не переживала так. Мне кажется, он это нехорошо придумал, о мертвых не годится так говорить, но он же хотел, как лучше!..

— Что ты за человек, Ута, всегда всех оправдываешь, даже когда они этого не заслуживают!

— Аник, я не знаю Кену, совсем почти не знаю, но в одном я уверена — он тебя любит, очень любит, как родную дочку или внучку. Зачем бы ему делать тебе специально больно, как не для того, чтобы этой болью заглушить другую? Ну, как когда сильно болят зубы, лекарь прижигает больному кожу на руке...

Аник подумала и согласилась. Кена действительно любил ее, иногда ей даже казалось, что родной отец — и тот любит ее, Аник, не так сильно, как Кена.

Но Аник больше никогда не поднималась в привратническую башенку.

6.

Боль от утраты скоро прошла. Осада и начинавшийся в крепости голод заглушили чувства.

Иногда Аник вспоминала, как тяжело переживала и она, и другие первые смерти, случившиеся в крепости. Теперь же, когда недели не проходило, чтобы кого-нибудь не отпевали в привратнической церкви и не относили потом в глубокий холодный погреб, где даже в июле не таял лед — тела мертвых хранили там до того времени, когда осада будет снята, и можно будет предать тела земле — все, и не одна только Аник, относились к этому спокойно — слишком спокойно. Даже то, что на стенах Дозорной башни почти не появлялись люди, а Вардан однажды в ясный день объяснил знаками Джоджо, что им в Дозорной нечего есть, почти не тревожило обитателей Красной крепости, хотя у многих, особенно у женщин шаваб, там были близкие люди — мужья, сыновья, дочери, братья. Ута находила причину этого в том, что жизнь всех их висит на волоске, и сил просто не хватает. «Если мы будем волноваться о чужих бедах, даже и бедах близких нам людей — мы просто не выживем, — сказала она как-то. — Когда все кончится — если все кончится — мы оплачем погибших, и долго будем плакать. А сейчас — сама посуди, можно ли думать о чьей-то смерти, когда голова занята только мыслями о еде?»

В день теперь каждому защитнику крепости полагалось две горсти сушеных фруктов и миска похлебки из сушеной крови, пшеничной крупы и кусочков замороженной конины. И похлебка была до того жидкой, что ее можно было пить, а не хлебать ложкой. Чтобы как-то отвлечься от мыслей о еде, девочки много болтали. Однажды Аник рассказала Уте о Тамил и о предсказании.

7.

Предсказанием Ута заинтересовалась очень — она была мудрой девочкой, но все-таки девочкой, и, как любая девочка, верила в гадания, приметы и сны. В Горного Короля она тоже верила больше, чем в неизвестно какого мужчину, сбившего с толку Тамил.

— Если бы это был кто-то из своих, то он бы пропал одновременно с Тамил, так ведь? — рассуждала она. — И мы бы об этом узнали. А из чужих — кто мог увидеть ее из чужих мужчин, если она никогда еще не покидала крепость, где? Может быть, приезжал кто-то в гости?

— Я не помню, — сказала Аник. — Я была тогда еще маленькая, но гости случались так редко, что, я думаю, я запомнила бы.

— Значит, ей просто не было случая с кем-нибудь познакомиться, — продолжала Ута свои рассуждения. — Значит, это был неизвестный. А я не думаю, что какой-то неизвестный мужчина, только услышав о красоте твоей сестры, бросился сюда, чтобы ее похитить. Так только в сказках бывает, и в песнях.

— Но ведь и Горный Король — из сказок. Кто его видел?

— Ну, Горный Король может покинуть свою пещеру только раз в сто лет, — сказала Ута. — Это всем известно. И показывается он только тем девушкам, к которым сватается. Ко мне он не сватался, и я его не видела. Если бы я попала когда-нибудь в Дан... — задумчиво произнесла она и замолчала.

— То что? — нетерпеливо спросила Аник.

— Я бы очень хотела поговорить с какой-нибудь колдуньей. Мне кажется, я бы тоже смогла — ну, как они, видеть. Ведь их по правильному называют не колдуньями, а смотрицами.

— А что они видят?

— Ночные тени, что же еще, — усмехнулась Ута. — Обычные люди не могут их заметить, а колдуньи и колдуны — могут, и могут с ними справиться.

— Ты что же, и сама хотела бы стать колдуньей?

— Почему бы и нет? Там, в Межгорье, их уважают, не жгут на кострах, не называют ведьмами... Они могут учиться друг у друга, и лечат людей — у нас обучиться лекарскому делу может только мужчина-горец, даже горянку не допустят в семинарию...

— Нет, простого мужчину тоже не пустят, — подумав, сказала Аник. — Он вначале должен принять обеты — стать священником, только потом ему разрешают изучать медицину. Мне отец Константин рассказывал. Я могу пообещать тебе одно — когда настанет пора мне ехать в Дан, я попрошу отца, чтобы он позволил тебе отправиться с нами.

— Это было бы здорово, — улыбнулась грустно Ута, — но вначале мы должны остаться в живых. Осада ведь еще продолжается...

Часть седьмая. Конец осады

1.

Весной каптары оживились, и вновь начали штурмовать стены — с меньшим пылом, чем прежде, потому что их ряды тоже сильно поредели за время зимы. Самки их нарожали детенышей и не могли сражаться, а самок в стае было столько же, сколько и самцов, если не больше. К тому же каптары тоже голодали — всех животных в округе они переловили и съели, и обдирали теперь кору с деревьев, а однажды Аник увидела, как несколько каптаров накиннулись на пронзенного стрелой соплеменника, и через несколько минут только темное пятно на земле указывало то место, куда тот упал. Аник после этого три дня тошнило при мысли о еде, как ни сильно терзал ее голод.

В Красной крепости кончались запасы смолы, и масла, и даже дров, и князь подумывал уже о том, чтобы сразиться с тварями не под защитой стен, а выйти на склоны горы, но слишком многие дружинники были истощены голодом и ослаблены болезнью — болезнь вернулась весной, и теперь в редкие дни кто-то не умирал.

2.

После праздника Троицы случилось страшное — заболел отец Константин. Несколько дней он сопротивлялся болезни, потом слег, и больше уже не встал. Чувствуя приближение смерти, он призвал к себе князя.

Аник нашла отца на стене — князь, как простой лучник, посылал стрелу за стрелой в воющую под стенами толпу каптаров. Они больше не казались Аник такими страшными, наверное, права была Нина, жена Джоджо, когда утверждала, что человек ко всему привыкает, а от постоянного страха устает даже раньше, чем от чего-либо другого. Но зато эти твари вызывали у Аник еще большее омерзение, чем прежде, поэтому она избегала смотреть в их сторону.

— Отец Константин умирает, зовет тебя, — сказала она, улучив момент, когда князь опустил лук, чтобы перевести дух.

— Пусть подождет, — отозвался князь, не расслышав.

— Он умирает, отец, он сказал, что еще несколько минут, и он не сможет слова вымолвить...

— Нет ничего настолько важного, что заставило бы меня уйти отсюда сейчас, — сказал князь, снова поднимая лук. — Оглянись, Аник!

Аник посмотрела направо и налево и поняла, что имел в виду князь. На всем участке стены от привратничьей башенки до самого обрыва было всего двое лучников, и еще одна женщина — присмотревшись, Аник узнала в ней жену Джоджо — сбрасывала вниз камни. С другой стороны было не лучше.

Почти бегом, красный от напряжения, на стену взобрался мальчишка-шаваб с десятком стрел в руках.

— Кена сказал, что больше дать не может, — с трудом переводя дух, выпалил мальчик, — и еще он сказал, что у него кончается клей для стрел, до завтра он сварит, но сегодня надо держаться тем, что есть.

А каптары, будто чувствуя, что силы защитников на исходе, упорно лезли вперед.

Аник вернулась к отцу Константину.

— Князь не придет, — сказала она, удивляясь, что ей совсем не хочется плакать. — Он не может. Почти не осталось здоровых, и, если он сейчас уйдет, то неизвестно, доживем ли все мы до завтрашнего утра.

— В том ларе... — отец Константин попытался указать рукой в угол, где стоял кованный ларец, покрытый стареньким ковриком, но только повел глазами, — в том ларе мои медицинские записи... передашь моему преемнику, когда он появится... если появится... Там же летопись крепости... с того момента, как я... — он не договорил. Вечером он умер, не сказав больше ни слова.

Князь пришел поздно ночью. Отец Константин был уже обмыт и одет, и старухи, сделавшие это, ушли — у них нынче было много работы, в крепости случилось пять смертей за один только вечер. Возле тела сидели Аник и Ута. Аник читала Священное писание.

Князь постоял несколько минут молча, склонив седую голову. Он стоял, пошатываясь, и Аник забеспокоилась — что будет с крепостью, если и князь заболеет!

— Отец, тебе плохо? Ты болен?

Князь перевел взгляд странно блеснувших глаз — будто он плакал — на дочь.

— Нет. Чего он хотел от меня?

— Не знаю, отец. Он сказал только, где хранил свои записки, и все...

— А, да.

Князь повернулся и вышел. Аник посмотрела ему вслед — ее

отец шел, странно шатаясь, как пьяный. Да он просто устал, смертельно устал, поняла Аник, и у него нет сил идти. Сердце ее сжалось от жалости — и от страха тоже, но больше от жалости. Она вдруг осознала, что ее отец, хоть и князь — но совсем не всесилен, не больше, чем любой другой, не отмеченный печатью власти человек.

— Я теперь понимаю то, о чем вы все говорили, — произнесла она тихо. — О Божьей воле. Бывает, что ничего не можешь поделать, как бы не старался. Если Бог захочет, чтобы мы умерли, мы умрем. Но только, — Аник выпрямилась, — только пусть меня съедят каптары, если я не буду бороться против этой Божьей воли, пока дышу!

— Ты богохульствуешь! — впервые Аник видела подругу понастоящему испуганной. — Тебя Бог за такие слова покарает!

— Пусть карает, — упрямо произнесла Аник. — Все равно, хуже, чем теперь, он не сделает.

— Никогда не бывает так плохо, чтобы не могло стать еще хуже, Аник, — сказала Ута.

3.

Утром Аник пошла поискать кого-нибудь, кто бы помог перенести тело. Все способные стоять на ногах мужчины и женщины были на стенах — каптары продолжали штурм еще неистовей, чем прежде. Аник нашла только Арвик, занимающуюся завтраком, если можно было так назвать маленькую горстку сушеных фруктов и тоненькие ломтики вяленого мяса: воинам полагалось четыре, всем прочим — по два. А вечером будет ужин: похлебка из разваренной кожи, приправленная несколькими веточками укропа.

Арвик сказала, что ей некогда — она должна еще разнести порции воинам, потому что ни один из них не в состоянии спуститься вниз ни на минуту, и что помочь ей некому — последний здоровый мальчишка заболел ночью, а все взрослые на стенах. Аник уже знала про мальчишку — утром к нему ходила Ута, вернулась злая и сказала:

— Он умрет, как и все остальные, потому что это не болезнь убивает, Аник — это голод убивает. Его можно было бы спасти, будь у нас курица или хотя бы молоко...

Но кур, и коз, и даже собак съели уже давно, и охотились за мышами и крысами. В крепости остался в живых только старый ободранный кот — каким-то чудом он ухитрялся избегать ловушек и силков, и иногда показывался на глаза людям,

мелькнув серой тенью. Кое-кто говорил, что это вовсе не кот, а дух — злой или добрый, потому что, будь это просто кот, его давно бы поймали и съели.

— Давай, я помогу тебе разнести это, а ты поможешь нам, — сказала Аник, мотнув головой, чтобы отогнать непрошенные мысли.

— Не о мертвых надо думать, о живых, — проворчала Арвик, — и отец Константин так бы сказал!..

— Да, он так говорил, — согласилась Аник, — но когда мы это раздадим, тебе до вечера будет нечего делать, ведь правда?

В котле уже варилась старая кожаная попона, нарезанная на тоненькие полоски. Дров оставалось совсем мало, и Арвик поддерживала в очаге едва теплящийся огонь. У очага, низко наклоняясь к огню, трясая головой, сидела Хильда. «Она-то как выжила?» — с удивлением подумала Аник. Последние месяцы девочка редко вспоминала о старухе. — «Она-то ведь не может жевать мясо, и даже сушеные яблоки ей не по зубам — зубов у нее давно нет!»

Арвик проследила направление взгляда дочери князя и с ожесточением вздохнула.

— А потом я должна еще для нее мясо жевать, — зло сказала она. — Хорошая работа, правда? Сижу полдня, жую, потом даю ей — а она в минуту проглотит, и просит еще.

Аник с уважением посмотрела на дочь Джоджо, которую всегда считала не очень хорошим человеком — сварливая, дерзкая и ленивая, дочь Джоджо совсем не походила ни на отца, ни на мать, мудрую и бесстрашную Нину. Но жевать мясо, а потом его выплюнуть, чтобы его могла проглотить беззубая старуха — нет, Аник не чувствовала себя способной на такой подвиг.

— Ладно, — наконец, смиловилась Арвик. — Пошли тогда. Вот, смотри — это, где больше мяса, для мужчин, а с другой стороны — для женщин, там, где по два кусочка.

Арвик ловко завязывала отмеренные порции в длинный кусок ткани, так, что каждая порция оказывалась в отдельном узелке. Посередине мужской и женский концы разделялись свободной полосой: — Это чтобы не перепутать, — объяснила Арвик. — Ты иди на западную стену, а я на южную и восточную.

Во дворе Аник увидела двоих мужчин, занимавшихся непонятной работой — большими железными ломami мужчины выковыривали плиты, покрывавшие землю.

— Вэ, Гив, что ты делаешь? — удивленно просила Аник.

— Князь велел, — отозвался Гив, не прерывая работу, — стрелы кончились, Кена не успел изготовить новые.

Гив вывернул огромную плиту.

— Ого! — воскликнул он довольно, — этого на десяток тварей хватит!

Вдвоем мужчины потащили плиту по лестнице. Аник побежала за ними:

— Гив, я еду принесла, поешь!

— Некогда, дочь князя! — засмеялся Гив, сверкнув белыми зубами, но от этого смеха Аник стало совсем не радостно, а, наоборот, как-то не по себе. — Отобьем их — тогда и пообедаем!

Мало кого удалось накормить Аник — только две женщины послушно проглотили принесенные ею фрукты и мясо. Камни снизу сегодня летели градом, Аник не успевала пригибаться.

— Совсем нынче сдурели, — сказала одна из женщин, поднимая один из только что упавших камней и швыряя в голову ближайшего к стене каптара. Каптар упал, но тут же поднялся, и с еще большим остервенением полез вверх, — что случилось с ними?

Аник вернулась в кухню и застала там Арвик, снимавшую с плеча свою тоже почти не полегчавшую ношу.

— Я не знаю, кто сегодня больше с ума сошел, мы или они, — сказала Арвик, — все от еды отказываются, будто не голодные.

Хильда заворчала что-то, зашевелилась, протягивая к Арвик скрюченные старостью пальцы. Аник прислушалась к бормотанию старухи. Хильда по-шавабски просила есть, Аник разобрала: — «Хлеб, хлеб, дай хлеба!»

Арвик прикрикнула сердито на старую женщину, и Хильда замолчала, уронив на колени руки.

— Ладно, пошли, — сказала Арвик, — помогу вам.

Но тут Хильда вдруг выпрямилась и произнесла отчетливо на горском:

— Они идут.

— Ва! — в один голос воскликнули девушки: Хильда давным-давно забыла язык айков.

— Они идут, Аник, — повторила Хильда, и речь ее была ясна, как будто она никогда не впадала в старческий маразм. — Скажи князю, что день не успеет умереть и вновь родиться, как они будут здесь. Они идут, и несут смерть врагам, и ведет их славный витязь, могучий и мудрый — и твоя судьба переплетена с его судьбой. Прощай, Аник, мой цветочек! — на мгновение лицо Хильды озарилось доброй улыбкой — такой, какой когда-то она улыбалась своему цветочку, — а потом старуха упала с кресла лицом в огонь очага, чуть не опрокинув котел с похлебкой. Аник бросилась к ней — Хильда была мертва.

— Беги к князю! — закричала Арвик, вытаскивая тело старой

женщины из огня, — беги к князю, Расскажи ему — ей было видение, Аник, помощь скоро придет!..

4.

Аник выбежала из кухни, и в этот самый момент через стену со стороны привратничьей башенки впрыгнули во двор крепости несколько каптаров.

— А-а-а! — заорала Аник, — каптары! Твари прорвались в крепость!

На крик девочки из кухни выбежала Арвик. Лицо ее было белым, как мука или молоко. Каптары, увидев девушек, огромными прыжками пересекли двор, девушки быстро вбежали в кухню и едва успели захлопнуть дверь.

— Что теперь делать? — спросила Арвик, задвигая тяжелый засов. Твари наваливались на дверь, но толстые доски пока держались. — Эти-то, пока до нас не доберутся, дальше не пойдут, но новые прилезут... Все на стенах, как их предупредить? — из кухни был только один выход — во двор крепости.

Аник оглянулась. Каптары по-прежнему ломились в дверь, а один из них заглядывал в узкое окошко и пытался просунуть туда лапу. Окошко было забрано частой решеткой, и каптар в бессильной злобе грыз железные прутья, обагрывая их красной слюной.

— Дымоход! — воскликнула Аник, — я смогу по крыше перебраться на стену, если вылезу через дымоход!

Арвик задрала голову. Очаг в кухне был велик — в давние времена в нем одновременно жарили двух быков — и отверстие для дыма было проделано на высоте, недосягаемой для девушек. Труба была достаточно широка — в этом Аник была уверена — но как влезть под потолок?

— Котел! — Арвик перевернула котел с похлебкой, огонь зашипел и потух. Дно котла было покатым и к тому же покрыто черной сажой — Аник, подумала, что, пожалуй, поскользнется, и попросила Арвик: — Держи меня!

Но девочка была слишком мала ростом и не достала до отверстия.

— Вэ! — сказала Арвик, стаскивая ее, — дай, я!

Она высоко подоткнула подол юбки, открыв ноги — даже в эту минуту Аник не могла не заметить их худобы и кривизны — и, разувшись, влезла на дно котла. Арвик была очень высокой, и голова ее ушла в дымоход по плечи.

— Я не могу выбраться, — сказала она, высовывая голову из дымохода, — там не за что ухватиться. Есть вроде бы зацепка, но я не могу дотянуться.

— Надо кричать! — придумала Аник, — кричи в дымоход, как в трубу, может быть, тебя услышат.

Арвик кивнула, и снова скрылась в закопченном отверстии.

— Вэ, люди! — закричала она. Голос ее доносился до Аник глухо, как из бочки, и девочке даже стало жутко от этого голоса — как будто кричала не Арвик, а кто-то страшный из другого мира — тролль, может быть? — Люди, в крепости каптары! Твари прорвались в крепость! Спускайтесь со стен, люди!

Аник оглянулась на дверь — уже некоторое время она не слышала ударов каптаров. В узком окошке тоже не было видно рыжей оскаленной морды. Аник подошла к окну и осторожно выглянула. Во дворе крепости каптары схватились с дружинниками. Она увидела Гива, который душил тварей голыми руками, не обращая внимание на их укусы, и Джоджо, работавшего мечом, как хороший рубщик капусты, и князя, насаживающего каптара на копье, и Горди, который упал на одно колено и, отбросив сломанный меч, работал кинжалом, и еще кого-то, и даже женщин, с мечами, ножами и кинжалами...

— Арвик! — завопила Аник, хватая кочергу и отодвигая засов, — хватит кричать! Они уже знают, Арвик!

Выскочив во двор, она первым делом огрела кочергой каптара, свалившегося ей под ноги от удара Горди, но пытавшегося встать. Каптар дернулся и затих.

— Ва! — закричала Аник, — бей! — и, потрясая кочергой, она кинулась к ближайшей свалке, где боролся с каптарами Гив.

И случилось неожиданное. Еще несколько тварей с пеной у рта бросались на защитников крепости, чтобы рвать, и кусать, и издохнуть под ударами мечей и кинжалов, но остальные вдруг отступили, и, повизгивая, как избитые собаки, бросились бежать.

— Ва, дочь князя, они испугались твоей кочерги! — крикнул Гив, бросая полузадушенного каптара и бросаясь к калитке, по дороге подхватив чей-то валявшийся на земле лук, бесполезный в схватке. — Они бегут!

В его колчане, закрепленном за спиной, оставалось еще несколько стрел, и все до одной он выпустил вслед убежавшим тварям, и ни одна не пропала зря.

Аник выскочила за ним и увидела, как по склонам горы скатывались остатки былой орды. Из каких-то тайных логовищ под кустами вылезали самки с детенышами в руках, и тоже бросались вниз, громкий их вой и визг оглашал окрестности.

Стрелы у Гива кончились, и он кричал им вслед, потрясая

луком: — Ва! Ва! Смотри, дочь князя, — обернулся он к Аник, указывая в сторону Дозорной башни, — там тоже самое!

Уже несколько дней на стенах Дозорной башни не видели ни одного человека. Аник знала, что там гораздо хуже, чем в Красной крепости — и еды меньше, и места. К тому же в Дозорной башне не было колодца, и приходилось собирать дождевую воду, а последний дождь прошел еще перед Пасхой. Но и от Дозорной каптары катились сломя голову, хотя им вслед и не летели стрелы, и не сыпались камни.

— Победа! — закричал Гив, поднимая лук высоко над головой, — они ушли, и не вернутся!

— Вернутся, — сказал подошедший Джоджо. — Не эти, конечно, другие, но вернутся. Я не доживу, но вы двое, может, еще увидите их. Однако надо сказать князю. Вы не видели его?

— Я видела, он был во дворе, с копьём, — сказала Аник. И вспомнила про Уту — она там, в аптеке, и ничего не знает!

— Ута! — закричала Аник с порога, — Ута, они ушли, правда, мы их прогнали, я тоже одного убила, даже, может, двоих!

5.

— Где ты шлялась все утро? — прикрикнула на нее Ута, и Аник застыла с открытым ртом — так никто и никогда с ней прежде не разговаривал. — Ты мне нужна, тут такое... — Ута стояла на коленях возле ларя и переглядывала свитки.

— Ты с ума сошла? — зашипела на нее Аник, — это нельзя нам читать, это только посвященным в сан можно!..

— Да, а он пусть умирает, да? — Ута кивком головы указала на тело, лежавшее на столе — Аник думала, что это тело отца Константина, но сейчас, когда глаза ее привыкли к полумраку, увидела, что это — Горди, и что он дышит.

— Горди? Он ранен? Только что я видела его, он был жив и здоров.

— У него быстрая огневика. Знаешь, что это? — спросила Ута деловым и каким-то бесцветным голосом. Аник сморщила нос, припоминая — но не вспомнила.

— Ему жить осталось несколько часов, — так же спокойно продолжала Ута. — Когда Восген принес его, он был в сознании, и у него только слегка распухла ладонь. А сейчас — ты подойди, посмотри!

Аник приблизилась к столу. Рука Горди почти по самый локоть раздулась, как полено. Он тяжело дышал и облизывал пересохшие губы.

— Такой скоро будет вся рука, а потом начнет распухать тело, он умрет, когда опухоль дойдет до горла...

— Но ведь я только что видела его, совсем недавно, он бился с каптарами... Что же делать?

— Вот я и хочу узнать, что делать, и не мешай мне. Там, в соседней комнате еще раненые, иди, перевяжи.

Раненых было не так много, как можно было бы подумать. Потом Аник сообразила, что дружинники просто пока не дошли до лекарни — те, кто остался на ногах, расчищали двор, собирали трупы каптаров и добивали тех, кто еще дышал. Аник быстро справилась с работой: прижгла раны, промыла ссадины и приложила примочки к ушибам. Все были в состоянии ходить, только одну женщину, потерявшую много крови, Аник попыталась уложить в постель, но женщина, поклявшись, что будет лежать, только дома, убежала. Аник вернулась к Уте.

— Я нашла, — все тем же бесцветным голосом сообщила Ута, откладывая тетрадку. — Надо удалить захваченный болезнью участок, и тогда он останется жив.

— А как? — не поняла Аник.

— Отрезать руку.

— Руку? Отрезать живому человеку руку?!

— Да, пока он живой! — раздраженно отозвалась Ута. — Что ты так смотришь на меня? Я все равно не смогу этого сделать. Позови кого-нибудь из мужчин.

Аник привела Гива. Услышав, что от него требуется, он побледнел и перекрестился.

— Ва, женщина, я не могу этого сделать. Живого человека рубить, ва!

— Гив, иначе Горди умрет, понимаешь? — терпеливо втолковывала ему Ута. — Совсем скоро умрет, до вечера не доживет. А если ему отрубить руку, может быть, будет еще жить до ста лет.

Гив отказывался, пятясь к двери, и спиной налетел на вошедшего в лекарню Джоджо.

— Что тут у вас? — спросил Джоджо таким тоном, как взрослые спрашивают расшалившихся детей, когда их, этих взрослых, гнетет большая забота. — Ты нужна мне, дочь князя.

— Джоджо, у Горди быстрая огневица, ты знаешь, что это такое?

— Где? — спросил Джоджо, выхватывая меч, — можно еще что-то сделать?

— Рука, — вскакивая, сказала Ута, — по локоть, сейчас покажу... Нет, и локоть тоже, она уже дошла до сустава. Меч, надо меч обжечь в огне!

Джоджо раздраженно отмахнулся: — Ва, пока ты будешь разводить огонь, мы опоздаем!

— Сейчас! — Аник бросилась в соседнюю комнату, принесла жаровню и раздула угли.

— Огонь у нас всегда наготове, — сказала она Джоджо, — нам ведь все время приходится то воду кипятить, то ножи калить, чтобы раны прижигать.

— Интересно, а где вы берете дрова, когда даже яблони из сада сгорели в кострах? — спросил Джоджо, раскаляя свой меч и несколько раз взмахивая им в воздухе, чтобы чуть остудить. Девочки переглянулись. Они давно спалили уже дубовую кровать Аник, и ткацкие станы, и теперь дожигали остатки книжного ларя из комнаты для занятий.

— Вот здесь, — Ута показала на место на два пальца выше локтя Горди. Джоджо поднял меч, с резким звуком выдохнул воздух, и отрубленная рука упала прямо под ноги Аник.

— Запомни, Гив, — сказал он, обращаясь к молодому дружиннику, — бывает, надо подумать, прежде чем что-то сделать, но бывает, надо действовать, не раздумывая — когда на тебя напали сзади, или когда у тебя быстрая огневица. Пойдем, дочь князя, там твой отец...

— Что с ним? — вскрикнула Аник, чувствуя, как ноги ее подгибаются.

— Посмотришь. Мы не знаем, нести ли его сюда, или дать ему спокойно умереть.

6.

Аник выбежала во двор. Люди, столпившиеся в углу, расступились, давая ей подойти.

Князь лежал на спине и тяжело дышал, глядя в небо. Его одежда была изодрана, клочья ткани прилипли к многочисленным ранам, нанесенным зубами каптаров. Четыре пальца правой руки были откушены напрочь, и из беспалой ладони хлестала кровь.

— Отец! — Аник упала на колени, — вз, отец!..

— Принесите плащ! — услышала она голос Уты, — переложите его на плащ, его надо отнести в лекаряню. Аник, вставай, ты должна помочь, я одна не справлюсь. Гив, ты самый сильный — там, в лекальне, на столе Горди, перенеси его на постель, женщины, кто-нибудь — ты и ты — вымоете стол, там все в крови. Только быстро! — закричала Ута, и Аник, словно разбуженная этим криком, вскочила на ноги:

— Да, Ута, не волнуйся, я присмотрю.

Пока Гив перекладывал Горди, а женщины мыли стол и подтирали пол, Аник быстро приготовила кривые серебряные иглы и тонкие бараньи жилы, которые использовались для зашивки разорванных сосудов, длинные щипцы, употребляемые для удаления из ран посторонних предметов и осколков кости, а также для расширения раны. Она всегда делала это для отца Константина, а в последние недели и для Уты: ослабев во время болезни, отец Константин позволял ученице — под своим надзором, конечно, — заниматься операциями. Знакомое занятие чуть успокоило Аник, руки ее перестали дрожать. На всякий случай она обожгла в огне два тонких острых ножа — если надо будет углублять рану или удалять рваные лохмотья мяса, — и один плоский и тупой — для прижиганий.

Остуженной кипяченой воды осталось мало, и Аник поставила на огонь еще два котла.

Принесли князя и осторожно переложили на стол. Женщины освободили тело от остатков одежды. Аник было кинулась помогать, но Ута не позволила ей.

— Они справятся, — сказала девочка, — не утомляй прежде времени руки. Проверь еще раз, все ли готово.

— Но это же мой отец! — воскликнула Аник, чувствуя, что горло сжимает комок, а из глаз вот-вот польются слезы.

— Не думай об этом! — крикнула Ута, — думай о том, что это кто-то чужой, незнакомый, просто раненый... Аник, кроме нас с тобой никто не сможет этого сделать. Надо собраться, слышишь?

— Да, — кивнула Аник. Если она не сможет успокоиться, отец умрет. Она успокоилась.

— И учти, — продолжала Ута, — я могу устать, очень много рваных ран, и тогда заканчивать придется тебе. Сможешь?

— Смогу, — кивнула Аник.

Женщины омыли тело князя кипяченой водой, подготовив его к операции. Господи, он же старый! — подумала Аник с удивлением. Она никогда не думала о возрасте отца, но теперь, увидев его впалую грудь, поросшую седыми волосами, его худые ноги, она поняла, что отец ее старик.

— Надо бы вином, — пробормотала Ута сквозь зубы. Но вина не было, как не было и того загадочного продукта под названием «вино тройного гона», который упоминался в записках отца Константина. «Ва, а чем мы потом будем его кормить — он же не сможет теперь есть вяленое мясо», — мелькнула в голове Аник мысль, и пропала — как будто ее не было. Ута удалила всех из комнаты, оставив только Джоджо — чтобы удерживать князя,

если тот будет дергаться под иглой. Последние два факела, сберегавшиеся отцом Константином именно для такого случая, укрепили в специальном приспособлении над столом, у двери поставили Гива, чтобы никто ненароком не вошел и не помешал. Ута и Аник опустились на колени по обеим сторонам стола. Аник не знала, о чем молится Ута. Сама она просила у Бога сил выдержать до конца. И чтобы не дрожали руки. И чтобы Ута справилась. И чтобы иглы не ломались. О здоровье для раненого, о том, чтобы он остался жив, отец Константин в таких случаях молиться не разрешал.

— Бог знает, что суждено этому человеку, — говорил он. — Не сбивай Господа с толку. О здоровье успеешь помолиться потом, когда все будет завершено.

— Готова? — спросила Ута.

— Да, — ответила Аник, чувствуя, как из головы вылетели все мысли, кроме относящихся непосредственно к операции.

— Начали!..

7.

Они справились, только под конец у Уты дрогнула рука, и две последних раны — маленьких, не опасных — зашивала Аник. Джоджо, во время операции не издавший ни звука, переложил князя, так и не пришедшего в сознание, на свободную кровать, стоявшую во второй комнате лекарни.

— Он будет жить, госпожа? — обратился он к Уте. Странно было слышать это шавабское слово из уст горца — у айков не было принято звать кого-либо господином, даже верховного князя. Самым уважительным обращением к женщине было «дочь такого-то», или «жена такого-то», или «мать того-то». Но Аник поняла — после увиденного Джоджо стал уважать Уту, как самую почтенную женщину.

— Все в руке Божьей, — ответила Ута словами отца Константина. — Мы сделали все, что было в наших силах. Надо, чтобы кто-то посидел с ним ночью. Я сама вряд ли смогу, и Аник...

— Да, конечно, — кивнул головой Джоджо. — Я пришлю Нину.

— Нина справится, — сказала Аник и засмеялась, с ужасом чувствуя, что не может остановиться. Ей вторила Ута. От смеха девочки повалились на пол, из глаз их катились градом слезы. Джоджо, с удивлением, а потом с ужасом глядел на них.

— Воды, воды! — задыхаясь от смеха, крикнула Ута, — облей

нас водой!

Джоджо сообразил, наконец, и вылил им на головы воду, приготовленную для мытья рук. Девочки успокоились, перестали смеяться, но еще всхлипывали.

— Это от напряжения, Джоджо, — объяснила Ута, — в таких случаях всегда надо лить на голову воду. А еще лучше дать пару пощечин. Но я не могла тебе этого сказать — это было так длинно для меня... — Ута хихикнула, Аник с беспокойством глянула на подругу, но припадок вроде бы не собирался повторяться.

— Ва, у нас руки! — Аник посмотрела на свои окровавленные руки, на лужу на полу.

— Нина здесь уберет, — успокоил их Джоджо, — идите, не беспокойтесь.

8.

Девочки пошли к колодцу умыться.

День клонился к вечеру.

Странное зрелище предстало перед их глазами: повсюду во дворе лежали или сидели, прислонившись к чему-нибудь спинами, люди. Аник на минуту показалось, что все они мертвы, но могучий храп Гива, растянувшегося прямо перед дверью в лекарню, успокоил ее. Уставшие защитники крепости просто спали.

— Я сейчас лягу тоже, и просплю до завтрашнего вечера, — мечтательно сказала Ута, раскручивая ворот колодца. — Нет, даже до послезавтрашнего утра.

Аник оглядывалась по сторонам.

— Что, все спят, и никто не стоит на страже? — спросила она. — А вдруг каптары вернутся?

Из привратницкой башенки выглянул Кена.

— Ну, что там князь, дочь князя?

— Будем надеяться, — ответила Аник и спросила: — Кена, кроме тебя все спят, что ли?

— Восген с Размиком пошли в Дозорную башню, узнать, как там. Старший Грант расчищает источник — все эти твари загадили, тьфу! Арвик готовит еду — я велел ей сварить похлебку из мяса, и положить туда побольше крупы. Сегодня надо поесть хорошо, дочь князя, а завтра опять подтянем животы.

— Ой, я бы сейчас съела бы целого быка, даже и сырого, — зевая, сказала Ута. — А ты знаешь, дочь князя, что мы с тобой сегодня даже и не позавтракали?

— Так никто не позавтракал, мы с Арвик как раз пытались

всех накормить, когда это каптары прорвались в крепость. Да, ты знаешь, Хильда умерла, а перед смертью ей было видение...

Аник не успела рассказать о видении, бывшем старой Хильде. Сигнальный колокол ударил в привратницкой, и, как по волшебству, спящие вскочили, дружинники хватались за оружие, и все — мужчины и женщины — бежали на стены.

— Что случилось, Кена, что там? — закричала Аник, взбираясь по огромным ступеням вслед за Утой, — опять каптары?

— Войско верховного князя! — крикнул Кена, переставая звонить, — я вижу меч и розу дома Гориса!.. И еще знамена — кабан Атанаса... Князь Горгий — это его три креста... Ва, королевский стяг, знамя короля Марка — серебряные ворота!

Аник, как ни вглядывалась в даль, не видела ничего, кроме темной массы, двигавшейся по ведущей из Твердыни дороги. То есть что-то вроде знамен она различала — шесты с развевавшимися на них тряпками, но что на этих тряпках изображено — как Кена мог такое разглядеть?

Масса миновала уже поворот дороги на крепость и потекла дальше — в сторону перевала. «Знамя! — вспомнила Аник, — у нас же есть знамя!»

— Кена, звони, звони в колокол, пусть слышат! Гив, огонь на сигнальную башню, пусть видят!

Она даже не сбежала — скатилась с лестницы и бросилась в свою комнату. Год назад вышитое ею знамя, так и не обшитое каймой, валялось в углу — пальцы давно сгорели в той же жаровне, что и кровать, и станы ковровщиц. Аник схватила знамя и побежала с ним на Сигнальную башню. Гив рубил мечом — топор искать было некогда — кухонный стол.

— Сейчас, дочь князя, сейчас зажжем.

— На, прикрепи к шесту, — протянула Аник Гиву белое полотнище с алым орлом. — У Красной крепости тоже есть знамя.

На ветру полотнище затрепетало — орел, казалось, летит над башней в лучах заходящего солнца. Громкий радостный крик огласил окрестные горы — небольшая группа всадников отделилась от основного отряда и направилась к крепости.

— Ва, нас увидели! — крикнула Аник, — можешь не жечь эти несчастные дрова!

Всадники добрались до крепости, когда наступила уже глубокая ночь. Где-то на середине дороги они остановились

ненадолго, чтобы высечь огонь и засветить факелы. В темноте их кавалькада казалась длинной блестящей змеей, ползущей по склону горы — блестящие кольчуги воинов, кольчужные попоны лошадей, освещенные пляшущим пламенем, сверкали, как змеиная чешуя. Джоджо поднялся на сигнальную башню, откуда Аник следила за приближением войска.

— Дочь князя, тебе надо было бы встретить их в большом зале.

Аник удивилась.

— Так положено, — настаивал Джоджо, — ведь они приходят, когда крепость уже освобождена. Мы сами прогнали каптаров, значит, они — не освободители наши, а просто гости. Прикажи накрыть стол, дочь князя, и встретить их, как полагается.

— Джоджо, ну кому за дело до соблюдения правил — сейчас? — сказала Аник, не в силах оторвать глаз от блистательного зрелища. — И как мы накроем стол, если у нас и на себя еды не хватает?

— Так надо, — упрямо сказал Джоджо. — Когда князь оправится от ран, он скажет, что ты все сделала правильно — уж поверь, дочь князя! — Джоджо ухмыльнулся.

10.

Аник спустилась во двор крепости. В темноте не было видно следов утреннего побоища, по краям двора и в тех местах, где плиты были вывернуты из земли, горели костры — кто-то уже успел натаскать хвороста со склонов. Аник вошла в большой зал дома. Там кипела работа — женщины расстилали на свежeweымытом и еще влажном полу ковры, покрывали их скатертями, расставляли серебряные блюда и кубки. Здесь командовала Нина.

— Нина, ты здесь? А кто с князем?

— Князь спит, и я послала туда двух старух, если что-то случится, одна из них придет нам сообщить. Не волнуйся, дочь князя, и пойдй переоденься, — сказала она, подходя к Аник. — И я не знаю — ты будешь сидеть на месте князя, рядом с тобой нужно посадить еще двух женщин, кого?

— Нина, зачем все это? Неужели после того, как мы прогнали каптаров, эти условности имеют хоть какое-то значение?

— Это не условности, дочь князя, это обычаи, и не нам их нарушать. Так кого ты хочешь видеть рядом с собой?

— Тебя и Уту, — сказала Аник, поняв, что тут ничего не поделаешь.

— Дочь князя, но она же — шаваб! — возмущенно воскликнула — почти даже взвизгнула Нина. — Ей вообще не место за княжеским столом, ей, и никому из ее племени. Такого никогда не было...

— А Хильда? — невинным голосом осведомилась Аник.

— Ну, Хильда была замужем за сыном князя...

— А свадьба Прудис — все шаваб сидели за столами, ты разве не помнишь?

— Так то на свадьбе, — не сдавалась Нина, — то — совсем другое дело. Они были гости.

— Нина, а сейчас они такие же, как и мы, — сказала Аник, — они голодали, как мы, и сражались рядом с нами, и победили вместе с нами. А Ута сегодня спасла моего отца, и за одно это мы все в долгу у нее, и место рядом со мной — это такая мелочь по сравнению со всем, что она для меня сделала. Пошли кого-нибудь за ней, и пусть она придет в мою комнату, ей тоже надо будет переодеться. И не спорь со мной! — добавила она, видя, что Нина открыла уже рот, чтобы возразить. — Или я прикажу все это прекратить, и встречу воинов короля у ворот, в этом платье, и не будет никакого застолья — как и не надо, по моему мнению. Что мы будем есть завтра, Нина, ты подумала?

— Вэ, дочь князя, мне самой страшно. Но что поделаешь!

— Тогда быстро пришли ко мне Уту, и не спорь больше!

11.

«Что с ней случилось? — думала Аник, стаскивая рваное, заскорузлое от грязи и крови платье и разглядывая при свете лучины свой небогатый гардероб, — она всегда была такая мудрая, такая добрая...»

Аник и сама по-прежнему недолюбливала шаваб, но ведь нечестно было бы лишать их участия в празднике.

— Что случилось, Аник? — спросила, входя в комнату, Ута. — Я только заснула, как примчалась Арвик, разбудила меня и велела немедленно идти к тебе.

— Ва, все уже мал*, - не отвечая на вопрос подруги, пробурчала Аник. Она попыталась влезть в прошлогоднее платье, но платье лопнуло на боку — и было к тому же слишком коротким. — Что делать?

— Аник! — напомнила о себе Ута.

— Они придумали! — зло сказала Аник, — они говорят, что надо встречать воинов короля, как гостей, а не как освободителей, вэ! Пир будет, праздник будет — ты не знаешь,

зачем?

— Нет, — сказала Ута, — а почему ты разрешаешь? Ты можешь запретить им.

— Им запретишь, в один голос мне твердят: «Надо, надо!..» Пожалуй, я достану платья Тамил — у нее одно черное было.... И кстати тебе тоже что-нибудь подберем, у нее было много платьев...

— Аник, но кто эти «они»? И что ты хочешь от меня?

— Джоджо с Ниной.

Сундук, в котором хранились вещи Тамил, сжечь не успели — он был окован железными полосами, сдирать которые было тяжело и долго. Аник откинула крышку и вывалила содержимое сундука на пол.

— Вот, — сказала она, доставая два платья, черное и белое. — Тебе, я думаю, подойдет, а мне надо будет заколоть у пояса. Давай, быстро, переодевайся! — закричала она, видя, что Ута по-прежнему стоит посреди комнаты. Сигнальный колокол трезвонил во всю мочь. — Слышишь, колокол! Они въезжают в ворота, у нас мало времени.

Аник натянула на себя черное платье своей старшей сестры. Платье было ей велико, но она подпоясалась серебряным поясом и заложила несколько складок на талии.

— Сойдет? — спросила она подругу.

— Да, хорошо, — кивнула Ута. — Ты в нем такая взрослая!

— Теперь одевайся ты.

Ута, по-прежнему не очень понимая, что к чему, сняла свой шавабский наряд и надела белое платье. Оно было длинновато, и Ута подобрала юбку.

— Вах, как хорошо! — восхитилась Аник, — ты просто красавица, как тебе идет белое! Пошли, быстро. Мы должны встретить их в большом зале. Ты будешь сидеть рядом со мной на пиру. Пир, понимаешь ли, а завтра с голоду помрем!

12.

В большом зале у стен уже столпились все женщины, кто только мог стоять на ногах, и не был занят на кухне. Женщины жались у стен в ожидании Аник. Нина сделала несколько шагов навстречу дочери князя.

— Они уже спешили, — сказала она и добавила с досадой: — Позор, но нам нечем накормить их лошадей... Говори с ними высоким слогом, дочь князя, даже если они будут обращаться к тебе по-простому.

— Да знаю я!.. — отмахнулась Аник и заспешила навстречу гостям, входившим в этот момент в сопровождении дружинников в зал.

— Аник, дочь Варгиза, из дома Варгизов, князей Красной крепости от начала времен, рада приветствовать вас в своем доме! — звонко сказала она.

Первыми шли два витязя, один из них был горец. По дорогому серебряному поясу, по кинжалу в богато украшенных ножнах, Аник поняла, что это князь. Аник пожалела, что не успела спросить у Джоджо, кого именно ей предстоит принять — сама она не успела разглядеть герба на знамени, занятая беготней, но уж Джоджо, должно быть, разглядел. Второй, высокий и широкоплечий, походил скорее на шаваб, чем на горца, хоть и одет был в горскую кольчугу, и в мягкие горские сапоги. Кольчуга его была совсем простой, и кинжал на поясе прятался в обычных кожаных ножнах. Аник подумала, что это, должно быть, один из дружинников князя. Князь меж тем сказал:

— Горгий, сын Горгия, из дома Горгиев, князей крепости Серых Скал от начала времен, счастлив снова быть гостем в этом доме.

«Жених пропавшей Тамил, надо же!» — подумала Аник. Но гость продолжал:

— Благородный Балк из числа воинов короля Марка не знает нашего языка. Он просит меня засвидетельствовать свою радость видеть хозяев этого дома в добром здравии.

— К несчастью, не все здоровы, — сказала Аник. — Князь Варгиз страдает от ран, нанесенных ему врагами, и не может приветствовать вас, но его дочь предлагает вам хлеб и воду своего дома.

Эта фраза, которой полагалось приглашать гостя к столу, была традиционной, и редко содержала в себе истину — обычно хлеб на столах был, но воду заменяло пиво и вино. Сегодня же, напротив, хлеба не было. Зато воды на столах имелось — хоть залейся, чистой, родниковой воды, но ни капли пива и вина. Женщины разложили на серебряных блюдах горстки сушеных фруктов, тоненько нарезанное на ломтики вяленое мясо, переложенное пучками зелени. Аник подумала, что, наверное, в саду оборвали весь укроп.

— Осада снята только сегодня, — продолжала Аник, — поэтому просим нас извинить за скудный стол и отсутствие удобств, — Аник указала рукой на почетные места на ковре, и сама заняла место напротив. Князь Горгий и Балк сели, за ними стали рассаживаться и остальные гости, и дружинники. Несколько женщин принесли миски с густой горячей похлебкой

из вяленого мяса и пшеничной крупы и расставили их перед гостями. Балк что-то сказал князю.

— Благородный Балк удивляется — он прежде только в бахристанских землях видел, чтобы ели на полу, — перевел Горгий для Аник.

— Мы тоже не привыкли к такому, — невозмутимо ответила Аник, — но последние месяцы столы были нам не нужны — мы принимали пищу на стенах крепости.

Князь Горгий наклонил голову, скрывая одобрительную улыбку. Его сосед засмеялся. Он, по-видимому, понимал горский язык, но не мог на нем разговаривать. Аник почти с благоговейным ужасом увидела, как благородный Балк зацепил горстью добрую половину вяленого мяса со стоявшего перед ним блюда и отправил в рот. «Вчера этого бы хватило, чтобы накормить троих! — подумала Аник, и тут же одернула себя: — он же наш гость!» По горскому обычаю гостя полагалось накормить самым лучшим, что есть в доме — даже если завтра хозяева будут умирать с голоду. Что, вообще-то, им и предстояло.

Балк налил в кубок воды из кувшина, попробовал, отставил кубок и зашептался с князем. Горгий что-то отвечал — так же шепотом. Аник нахмурилась — шептаться за столом было не принято. Наконец Горгий пожал плечами и сказал громко, обращаясь к Аник:

— Благородный Балк просит позволения наполнить кубок дочери князя бахристанским вином в знак признательности за гостеприимство.

Аник стиснула зубы. Намек на недостаточно обильный стол был верхом неприличия, гостя, провинившегося в таком, и за гостя переставали считать,

— Откажись, — шепнула за плечом Аник Нина.

— Сама знаю, — огрызнулась Аник тоже шепотом, а вслух произнесла:

— Не подобает дочери князя пить вино, когда отец ее лежит при смерти, страдая от ран.

Благородный Балк («Не очень-то он благородный!» — подумала Аник, следя за его манерами) еще раз отхлебнул воды и сказал на горском — то есть, это он, Балк считал, что говорит на горском:

— Хозяйка ест нет, гость ест нет тоже.

— Благородный Балк хочет сказать, что дочь князя, угощая нас, позабыла о себе, — с улыбкой перевел князь Горгий. — Прости витязю Межгорья незнание наших обычаев, дочь Варгиза.

Аник кивнула, взяла кусочек мяса и отпила воды из кубка.

— Мы видели знамена многих князей горской страны, и

верховного князя Гориса, а также и знамя короля Межгорья, — сказала Аник, прожевав. — Означает ли это, что в войске присутствуют люди знамен, или же сами владельцы знамен оседлали коней?

— Верховный князь остался в столице, — ответил князь Горгий, — годы не позволили ему взять в руки меч, годы и заботы. Но король Марк, кипя праведным гневом, во главе сотни витязей, каждый из которых имеет под рукой сотню всадников, пришел на помощь стране горцев. Не желая отклониться от пути, он прислал нас с благородным Балком приветствовать дом Варгиза и поздравить его с победой. Привал короля будет в долине Большой реки, там мы встретимся с ним завтра в полдень.

Аник восхитилась такой длинной речью. Сама она, владея высоким слогом достаточно хорошо — во всяком случае, отец Константин всегда хвалил ее успехи — не могла подряд сказать больше одной фразы.

— Да будет на пути короля удача, и да не оставит его Господь своею милостью, — сказала она, и почувствовала, что краснеет. Король, король Марк, сам король Межгорья, предсказанный ей, Аник, в женихи, и он всего-то в нескольких полетах стрелы отсюда — а она даже не сможет увидеть его!

— Не будет ли и Красная крепость счастлива принимать короля на его пути домой? — спросила Аник после некоторой паузы — все-таки за столом положено не только говорить, но и есть. За это время благородный Балк уничтожил содержимое миски с похлебкой и закусил еще одной горстью вяленого мяса. Князь Горгий, напротив, ел мало, зато часто отхлебывал из кубка.

— Только король мог бы ответить на вопрос княжны из дома Варгиза, — церемонно сказал он, — мы же идем за ним и рядом с ним. Если будет на то воля Божья, король перевалит через Граничные горы, дабы задавить червя в логове его.

— Ва! — глаза Аник широко раскрылись, и высокий слог напрочь вылетел из ее головы, — но ведь оттуда еще никто никогда не возвращался!

Нина дернула ее сзади за платье. Аник опомнилась.

— Счастье короля да не оставит его в его трудах, — сказала она важно. И добавила: — Но гости наши устали после долгого пути и ратных подвигов. Не возьмет ли на себя князь из дома Горгиев труд прочтения молитвы, наш священник покинул нас вчера...

Князь Горгий кивнул, и Аник встала со своего места в знак окончания застолья. Все последовали ее примеру. Князь Горгий прочел короткую молитву — раза в три короче той, какую обычно читал отец Константин, — и обратился к Аник:

— Дочь Варгиза подарит нам час беседы наедине?

Аник быстро взглянула на Нину. Та подняла брови. По обычаю незамужняя девушка не могла уединяться с мужчиной без ущерба для своего имени. Но — опять же по обычаю — о важных делах князя и правители крепости разговаривали без присутствия своих людей, чтобы никто не мог потом разгласить содержание разговора.

— Беседа с князем дома Горгиев и витязем короля Межгорья — честь для дочери Варгиза.

13.

В спальне князя сохранилась мебель: два кресла, кровать, застланная медвежьей шкурой, стол. Сюда Аник привела князя Горгия и благородного Балка, а Нина внесла для них пучок зажженных лучин и вставила в держатель.

— Не забывай про высокий слог! — прошипела Нина и вышла. Но князь Горгий сразу же перешел на обычную речь, едва только жена Джоджо затворила за собой дверь.

— В дне пути за нами следует обоз с продовольствием, — сказал князь Горгий. — По велению верховного князя мы оставляем крепостям, пережившим осаду, запас еды. Немного, но продержаться до нового урожая хватит. Тем более что до сих пор только одна из крепостей воспользовалась щедротами князя Гориса.

— Почему? — спросила Аник удивленно. — Неужели так хорошо подготовились?

— Наоборот, плохо, — грустно усмехнулся Горгий. — Из шести крепостей выстояли только две — ваша и крепость князя Баграта, Приют Орла. Четыре княжества почти полностью опустошены. Много ли у тебя людей, дочь Варгиза?

— Я еще не знаю, — пожала плечами Аник. — Каптаров отогнали только сегодня, и отец мой был тяжело ранен, не до того было... В Красной крепости осталось на ногах двенадцать мужчин, остальные ранены или больны. Женщин больше, конечно, и много шаваб. В Дозорную башню сегодня посланы узнать, что там — уже недели две мы не видели никого на стенах. Завтра утром мои люди вернутся. Три селения должны были укрыться в пещерах, но я даже не знаю, успели ли они... А что дальше, к перевалам — про это вы будете знать раньше, чем я.

— Постарайся завтра утром сказать приблизительно, сколько у тебя всего людей — только считай всех, и больных, и раненых, и детей с женщинами — едят же все, не только воины! Про пещеры

не беспокойся — я приблизительно знаю, где это, и мы завернем туда по пути к перевалам. Я дам тебе письмо к старшему в обозе, с этим письмом пошлешь дружинников на дорогу... Лошади есть?

— Нету.

— Съели? — понимающе спросил Горгий. Аник кивнула.

— Шесть лошадей дам, больше не могу. И лошади сама понимаешь, какие. Но пахать на них можно, или там подвезти что-нибудь. Справитесь?

— Что делать! — вздохнула Аник.

— В чем-то еще нужда есть?

Аник поразмыслила.

— Нам нужен священник. Отец Константин умер вчера, а пастор шаваб умер еще раньше, мы даже похоронить наших не сможем по-человечески. Отец мой неизвестно когда поправится, и поправится ли вообще...

— Священника свободного нет. Павших много?

— Да, князь, но больше умерших — у нас был мор от плохой воды и пищи.

— Хорошо, придумаем что-нибудь. Может быть, наш летописец согласится задержаться на несколько дней, я пришлю его завтра из лагеря. За три дня управитесь?

— Постараемся, если ничего не случится.

— А кто станет князем, если отец твой умрет?

— Не знаю, — Аник стало страшно от такой мысли — отец умрет!

— Мужчин в доме Варгиза не осталось, — задумчиво сказала она, — у отца есть сестра, настоятельница в монастыре святой Шушан. И есть Вардан, муж двоюродной племянницы князя, князь Дозорной башни — если он остался жив. И сыновья Вардана — но они маленькие совсем.

— Князь разве не оставляет распоряжения о наследовании? — удивился Горгий. — Странно...

— Вообще-то оставляет, наследую я. То есть мой будущий муж. Но я еще не сговорена, отец говорил, что присмотреться к женихам еще будет время...

— Ва, Балк, вот тебе и невеста! — воскликнул Горгий. — Хочешь стать горским князем?

Аник вспыхнула.

Балк, улыбнувшись, покачал головой и сказал что-то на своем языке.

— Он говорит, что стар для такой юной и прекрасной девушки, — перевел Горгий. — Он говорит, что жених твой должен быть горцем, молодым и красивым, как я. Помнишь, дочь Варгиза, я сватался к тебе, и твой отец ответил, что ты слишком

молода для меня? Видишь, Балк так не считает. Ну, не горюй — найдем тебе жениха. Если у вас не осталось мужчин в роду, о тебе позаботится верховный князь.

— Мой отец еще жив, и, даст Бог, останется жив, — возразила Аник. Она чувствовала, что вот-вот заплачет.

— Да, все в Его воле, — согласился Горгий. — Раз так, я передам грамоту тебе, — он вытащил из кошель, прикрепленного к поясу, свиток с красной печатью верховного князя. — Князь Горис освобождает пострадавшие княжества от уплаты королевского налога сроком на пять лет. По велению короля Марка налог прошлого и этого годов прощен полностью. За следующие три расплатится князь Горис с тем, чтобы потом в течение десяти лет долг был погашен. Ты поняла, дочь Варгиза?

14.

«Ва! — думала Аник, когда оставила гостей и искала по всей крепости Уту, — что за люди!»

Благородный Балк не понравился ей, показался неотесанным и грубым. Неужели в Межгорье все такие — да у нас любой пастух лучше умеет вести себя! А дерзость и бесцеремонность князя Горгия возмутили ее до глубины души — так говорить, так спокойно говорить о смерти ее, Аник, отца! Так шутить — да еще и сватать ей, Аник, этого Балка — спасибо, я найду себе жениха получше! И князь Горис — освобождает от налогов, чтобы потом мы платили вдвое, велика милость! Вот король — король действительно поступил благородно.

В лекарне Уты не оказалось. Князь Варгиз спал. Две старухи, приставленные Ниной, оказались знахарками, прежде отстраненными отцом Константином от лечения больных. Они тихо переругивались над постелью князя. Аник прикрикнула на них, прислушалась к дыханию отца. Дыхание было ровным, жара, скорее всего, не было. Зато жар был у Горди — в соседней комнате раненый дружинник метался по постели. Аник поднесла лучину к его лицу, и Горди открыл глаза.

— Дочь князя? — спросил он слабым голосом, — дай мне пить, дочь князя!

Аник принесла воды.

— Болит, Горди?

— Ничего, дочь князя, — попытался улыбнуться он, — было большее. Было, как расплавленный свинец тек внутри руки. А сейчас ничего.

— Ты должен молиться за Уту и Джоджо, это они спасли твою

жизнь, — сказала Аник. — Постарайся заснуть, сон исцеляет.

Она прислала одну из старух дежурить возле ложа Горди.

— И не болтать, — велела она, — а то вы за своей болтовней забываете о раненых.

«Вина, немного вина — и он выживет», — думала она, продолжая свои поиски. Она сама не знала, зачем ей сейчас нужна Ута — пожаловаться ей, разве что, на верховного князя? Или на Горгия?

В кухне Уты тоже не было, и Аник отправилась на задний двор, в помещения шаваб. Одна из женщин шаваб бодрствовала, остальные спали. Аник посмотрела на длинный ряд тел, расprostертых на полу, и по трое-четверо человек укрытых одним ковром. Уту найти среди них будет трудно.

— Нет, ее не было сегодня, — покачала головой бодрствующая женщина на вопрос Аник. — Уже много дней мы не видели ее.

В церкви горели огни, и Аник заглянула туда. Перед образами лежали тела тех, кого не стало вчера и сегодня — отец Константин, Хильда, женщина шаваб — Аник не знала ее имени, — двое дружинников, несколько детей. Освещали церковь лучины, потому что свечей в крепости давно не было. У тела Хильды молилась Арвик.

Аник засветила лучину у иконы Варвары-целительницы и помолилась за здоровье отца и дружинника Горди.

«Где же она может быть?» — подумала Аник, выйдя из церкви и останавливаясь перед княжеским домом. Костры, разведенные во дворе, почти погасли. В глубоком ночном небе, опрокинутом над крепостью, сияли крупные, как горошины, звезды. Тишина и покой, впервые за много месяцев, царили в ночной крепости.

«Отец будет жив, — поняла вдруг Аник, — отец будет жить, а я выйду замуж за короля Марка. Не сейчас, потом, когда-нибудь...»

Она засмеялась — тихо, чтобы не нарушить ничей сон — и побежала к себе. В конце концов, рассказать Уте про Балка и князя Горгия она успеет и завтра — завтра тоже будет день.

15.

У входа в дом кто-то стоял — большой мужчина.

— Гив? — вопросительно произнесла Аник. Но человек был больше даже и Гива.

— Балк, — ответил тот. — Лошадей смотреть перед спать.

«Ходил посмотреть на лошадей, перед тем, как лечь спать», —

догадалась Аник. Хороший воин никогда не ляжет, не убедившись, что лошадь его в порядке.

— Ты понимаешь, когда я говорю по-горски? — спросила Аник. Балк ответил: — Да, все.

— Благородный Балк, я отказалась от твоего вина за столом, но мне очень нужно вино для раненых. Одна фляга всего, понимаешь? У нас двое потерявших много крови, им нужно вино.

— Да, да, кровь — вино, — сказал Балк, — фляга мало, три фляги, сейчас нет, утром.

— Хорошо, — сказала Аник и засмеялась, — завтра, да? Только не говори князю Горгию, ладно? Никому не говори. Спокойной ночи, благородный Балк!

Она нарушила горские законы — у гостя не просят ничего, а если он сам предлагает — отказываются наотрез. Но Аник не чувствовала себя виноватой. Балк первый нарушил обычаи. И потом — он чужой здесь, он уедет, и никто ничего не узнает. А вино для Горди и для отца необходимо.

Ута оказалась в комнате Аник. Она мирно спала, даже не сняв праздничного платья. Аник тихо разделась и легла рядом, осторожно, чтобы не разбудить подругу. «Вот так всегда — подумала она, — находишь не то, что ищешь, а то, что ищешь, находишь не там».

16.

Утром князь Горгий взялся писать письмо, а благородный Балк попросил Аник проводить его в аптеку, будто бы познакомиться с князем.

В аптеке хозяйничала Ута — она собиралась менять повязки Горди и князю. Горди спал, князь еще не пришел в себя, и Балк постоял возле его ложа. Потом он вытащил из-за пазухи три фляги, из которых две были обычные, деревянные, а одна — серебряная, тонкой работы. Балк знаками показал Аник, что деревянные фляги надо вернуть, а серебряную он дарит ей. Аник решительно замотала головой.

— Нельзя, благородный Балк! — сказала она. — Я не могу это принять.

Она перелила вино в кувшин, и вернула Балку все три сосуда.

— Помнить, возьми! — уговаривал Балк. Аник еще решительней замотала головой. Еще только этого не хватало — по обычаю, подарок девушка могла получить только от жениха. Если же какая-нибудь неразумная или жадная девушка примет подарок от постороннего мужчины, и об этом узнают — родной

отец острижет ей голову, выгонит из дому, и презрение и позор будет ее уделом.

Наконец Балк то ли понял Аник, то ли вспомнил об обычае, и сунул флягу обратно за пазуху.

— Ута, только никому не говори, хорошо? — попросила Аник подругу, когда Балк, наконец, ушел. — Ты же знаешь...

— Знаю, — улыбнулась Ута. — Глупый обычай, как и большинство обычаев, что ваших, что наших. Почему нельзя принять подарок, сделанный другом от чистого сердца?

— Он не друг, он гость, — сухо сказала Аник. — И вообще — не нами придумано, не нам менять.

— Вино же ты приняла!

— Вино — это другое дело, это не подарок, а помощь раненым. Как то продовольствие, что обещал крепости Горгий. Но все равно лучше об этом молчать.

— Все равно узнают, — равнодушно сказала Ута, сматывая тонкую полоску полотна, — увидят у нас вино и догадаются.

— А может, не увидят, или сделают вид, что не заметили. Пока слово не сказано, вина как бы и нет. Все прекрасно понимают, что оно для раненых необходимо, и промолчат. Вот увидишь!

Аник оказалась права. Только князь, когда уже настолько оправился, что мог разговаривать, задал вопрос: «Откуда?» — но Аник заговорила о другом — о том, что в Дозорной башне почти все погибли от голода и жажды, и Вардан тоже, и двое из его сыновей, только старший выжил, и девочка, и что Прудис безутешна, совсем старуха стала, а на кладбище в соседней долине после осады прибавилось добрых полсотни могил, а у шаваб даже больше, и князь забыл о своем вопросе, и потом уже не спрашивал.

Часть восьмая. Прощание

1.

Князь поправился быстро, и Ута уехала из крепости, вернулась домой, в поселок шаваб, куда давно уже перебрались ее родители. Аник остро почувствовала, что такое одиночество — она привыкла каждый вечер обсуждать с подругой случившееся за день, или просто болтать, или пожаловаться на что-нибудь — теперь, лишившись этой возможности, она тосковала по вечерам.

Прудис после перенесенных испытаний и гибели почти всей своей семьи, очень переменилась. Ей было едва за тридцать, а выглядела она старухой: изможденная — куда подевалась ее прежняя полнота! — седая, она очень походила теперь на Хильду, но не интересовалась ничем, кроме своих детей, что было не похоже ни на Хильду, ни на прежнюю Прудис. Аник пыталась поручить ей что-нибудь — хотя бы готовить еду — но потом бросила эту пустую затею, потому что даже кашу сварить Прудис теперь толком не могла.

Население крепости поредело, но постепенно жизнь возвращалась к прежнему своему течению, как входит в берега река после летнего половодья.

Замостили двор, вернув на место вывороченные в последний день осады плиты. Посеяли пшеницу и овес. Выкорчевали пни от срубленных яблонь, и Гив натаскал из долины свежей земли, чтобы осенью посадить новые саженцы. Прежний погреб — тот, где во время осады лежали тела погибших — замуровали и князь наметил место для нового. Джоджо с Давидом и Восгеном заготовили лес, чтобы восстановить изведенную на дрова мебель, и срубили уже новые столы на кухню и в большой зал.

2.

В середине лета в крепость пришел пастух Автан, отец мальчика Варо. Каким-то чудом ему удалось сохранить овец, и он перегонял отару на прежнее пастбище.

Князь вышел к нему навстречу, как выходят к самым дорогим гостям, но Автан будто бы не заметил оказанной ему чести.

Пастух остановился посреди двора, опершись на ерлыгу. Сопровождавшая его лохматая овчарка улеглась у его ног и поглядывала по сторонам, вывалив алый язык.

— Здравствуй, князь, — сказал Автан. — Я сберег твоих овец.
А где мой сын?

Князь опустил голову.

Автан понял и снял свою косматую шапку из овчины.

— Достойно ли он умер? — спросил он, помолчав.

— Он умер, как мужчина, спасая друга, — ответил князь.

— Спас?

— Нет.

— Не судьба, значит, — вздохнул Автан и снова надел шапку. — Прощай, князь.

— Постой, Автан, — сказал князь, — не хочешь ли остаться в крепости? Ты уже заслужил покой и спокойную старость.

— Не так уж я стар, — отмахнулся он. — Помощника можешь мне прислать, только не сейчас, позже, осенью.

И ушел, тяжело опираясь на ерлыгу, и собака побежала рядом с ним.

3.

После этого Аник попыталась вспомнить лицо Варо — и не смогла. И другое, бывшее за время осады, как-то слишком быстро изгладилось из ее памяти. То ли новые заботы заслонили прежние беды, то ли — и это было похоже на правду — память сама, без воли Аник, не желала сохранять слишком горькие и тяжелые воспоминания.

Вернулся из Твердыни Ашот, еще прошлым летом посланный к верховному князю с вестью о приходе каптаров. Он привез письма князю — от католикоса, с сообщением, что новый священник приедет к началу осени, и от сестры князя Варгиза, настоятельницы монастыря Святой Шушан, что в селении Горном, близ Твердыни.

Мать Проклея — это было имя, принятое ею в пострижении, а прежде ее звали Тинатин — писала, что гордится тем, что Красная крепость выстояла, но что она, дочь князя из дома Варгизов, и не сомневалась, что если кому-то и суждено выстоять, то именно их дому; а впрочем, на все воля Божья. Еще она сообщала об открытии при монастыре школы для девочек из княжеских семей, и настоятельно рекомендовала князю отправить туда Аник. «Здесь учатся внучка князя Гориса, и дочь Баграта, и сестры князя Горгия, и даже Саркис прислал сюда свою дочь, — писала мать Проклея. — Не нам же, князьям от начала времен, отставать от потомков пастухов и хлебопашцев. Знаю, не в наших обычаях посылать девочек учиться — но по обычаю ли то, что

сейчас происходит в стране, когда княжеским званием торгуют, как будто это шерсть или зерно, и даже сам верховный князь держит лавку в Дане? На смену прежнему идет новая жизнь, и, если мы не поторопимся, нас оттеснят, наш род захиреет, хотя право его — быть в первых рядах. Бог не дал тебе сына, чтобы поддержать славу нашего рода и передать ее потомкам, так дай же такую возможность дочери».

— Ва! — воскликнул князь Варгиз, когда Аник — князь стал плохо видеть, и письма читала ему дочь — дошла до этого места, — воистину, мир перевернулся, если Тинатин такое думает и пишет!

К письму прилагался длинный список того, что необходимо было Аник взять с собою, буде князь отправит ее в школу. Платья, повседневные и нарядные, и белье, носильное и постельное, и обувь, и серебряные украшения, и много еще всего, и — мать Проклея настоятельно просила не забыть об этом, — женщина для услуг.

«Я знаю, как воспитываются девочки в нашей семье, и что служанка им не нужна, — писала она. — Но поверь, в волчьей стае воют по-волчьи; здесь необходимо соблюдать правила здешней жизни, от которой Красная крепость отстала лет на сто, не меньше. И предупреди свою дочь, чтобы она поменьше рассказывала о себе — внучке верховного князя совсем не обязательно знать, что дочь Варгиза доила коз. Я не считаю лишним это умение, но чем меньше здешние будут об этом осведомлены, тем лучше. Мы достаточно родовиты, чтобы позволить себе быть бедными, но это не повод для того, чтобы тыкать всем в нос нашей нищетой».

В этом месте письма уже Аник не удержалась от восклицания.

— Разве мы нищие? — возмутилась она, — мы же князья, наше княжество — одно из самых больших в стране, у нас есть серебро и золото в кладовых, как она такое говорит!

— Она права, к сожалению, — тяжело вздохнув, ответил князь. — Нет у нас серебряных рудников, как у Горгиев, нет золотоносных ручьев, как на земле князей из дома Арсака, и не торгуем мы ничем, как торгует Саркис и даже верховный князь. И земля наша — не плодородные долины, как у Баграта или у Атанаса, а горы, скалы и пустоши, и плодов этой земли едва хватает, чтобы прокормиться. И не продавали мы свою честь никому из властителей, и за кровь наших воинов, погибших в войнах короля Игнатия и короля Марка, мы не получали пени. Мы нищие, дочь моя, нищие князья на нищей земле. Но скажи мне — что ты думаешь о предложении твоей тетки?

— Я не знаю, — сказала Аник.

Уехать из дома, в чужой, незнакомый мир, в котором князя дома Варгизов — нищие, оставить всех, кто ей дорог, и жить вдали от родных гор и родных людей...

Но — и увидеть мир, столицу страны, может быть, верховного князя — ведь вряд ли украшения нужны, чтобы носить их в монастыре, — а вдруг встретиться и с самим королем Марком? На обратном пути из земли каптаров он обязательно остановится в Твердыне, иначе это будет неуважением ко всей горской стране, и уж наверное внучка князя Гориса должна будет представиться королю, и ее подруги вместе с ней.

— Да, я хочу, — сказала Аник. — Я хочу поехать. Можно мне будет взять с собой Уту?

— Лекарку? — князь нахмурился. — Она не нашего народа, и чем меньше ты будешь иметь с ней дело, тем лучше. Возьми Арвик.

— Арвик собирается замуж за Горди, — возразила Аник, — и грешно было бы разрушать ее счастье. К тому же, отец, — быстро добавила она, видя, что князь продолжает хмуриться, — мать Проклея пишет про женщину для услуг, служанку — разве горянка, пусть даже и самая бедная, согласится пойти в служанки?

— Тут ты права, дочь, — согласился князь. — Я не знаю, кого они держат в услужении там у себя, в Твердыне, но то, что ни одна из наших женщин не согласится называться прислугой, это правда. Ну, хорошо, бери кого хочешь.

4.

Аник приехала в поселок шаваб под вечер, когда солнце уже клонилось к закату. Она не была здесь с того давнего времени, когда играли свадьбу Вардана и дочери Хейнца, и хорошо помнила чистые улочки, и цветы в палисадниках, и яркие расписные заборы. Чисто здесь было и сейчас — шаваб успели убрать и привести в порядок улицы, но краска облупилась с переломанных заборов, и перед домами не было цветов. Джоджо, сопровождавший Аник, сказал:

— Эти твари — они так ненавидят людей, что крушат и ломают все, что только пахнет человеком. Вроде бы зачем им цветы или заборы? А гляди, как постарались, все перепакостили...

Шла жатва, время уборки хлеба, и в поселке не было видно людей. Только в одном палисадничке девочка шаваб лет восьми пропалывала грядки. Увидев дочь князя, девочка встала с коленок и одернула запачканную землей юбку.

— Ты не подскажешь, где я могу найти дочь Волофа? — вежливо спросила Аник на языке шаваб.

Девочка смотрела на нее, вытаращив глаза, и явно не понимала, чего от нее хотят.

— Ты неправильно спрашиваешь, дочь князя, — проворчал Джоджо на горском. — У них так не говорят. Покажи нам дом Уты, лекарки, — обратился он к девочке на шаваб.

— Черной Уты? — переспросила девочка, — той, которая училась у старой Анны?

— Почему черной? — удивилась Аник, но добавила: — Да, да, ее.

— Я провожу вас, — сказала девочка и вышла из сада.

Ута жила на самом дальнем конце улицы, протянувшейся вдоль всего поселка. Дом ее родителей показался Аник беднее прочих — он был меньше и крыт соломой, а не черепицей, как другие дома шаваб.

— Вот, — указала девочка пальцем, — она здесь живет. Только вряд ли она дома, все в поле сейчас.

— Ничего, мы подождем. Спасибо тебе, девочка.

— Меня зовут Бертой, дочь князя. Ты лечила меня, когда мы жили в крепости, ты не помнишь?

Аник пожала плечами.

— Ты изменилась, Берта, подросла и похорошела, — сказала она, — вот я и не узнала тебя.

— А зачем ты ищешь Уту?

Аник начала сердиться.

— Это мое дело, — надменно сказала она. — Ты помогла мне найти ее дом, спасибо за это, а теперь иди и занимайся своими делами.

— Нет, я просто хотела сказать... А этот человек никому не расскажет?

Аник удивилась и еще больше разозлилась.

— Что за секреты? — спросила она. — Что за такое тайное хочешь ты сообщить мне, что сомневаешься в сдержанности моего спутника?

— Нет, просто я слышала — говорили женщины, и пастор тоже, новый пастор, что Ута — ведьма, иначе ей не удалось бы сделать то, что она сделала, и как она всех лечила, и что горцы ее называют госпожой, как ни одну взрослую женщину в поселке, и что ты — ты только не сердись пожалуйста! — тоже ведьма. Но я не верю, поэтому я тебе говорю все это. Ты добрая, а ведьмы добрыми не бывают, они продают свои души дьяволу и пляшут с чертями голые, а ты никогда не будешь плясать голая с чертями...

— Тьфу, ты! — сплюнул Джоджо в сердцах. — Воистину,

нельзя водиться с этими дурными шаваб, такое сказать о дочери князя Варгиза, да поразит их всех сухота, этих балаболок!..

— Тише, Джоджо, — прервала его Аник, — мы обещали, что никому ничего не скажем. А Уте ты мне разрешаешь рассказать об этом, Берта? — спросила дочь князя у девочки.

— Если ты только не скажешь, откуда это узнала, — серьезно сказала девочка. — И тебе лучше встретиться с Утой где-нибудь в другом месте, чтобы вас никто не видел. Сейчас в поселке никого нет, кроме меня и еще детей, но они маленькие, они ничего не скажут. Но скоро придут люди.

— Чтоб дочь князя Варгиза пряталась от каких-то там шаваб, тьфу!.. — проворчал Джоджо.

— Я и не собираюсь прятаться, — возразила Аник. — И ваши люди должны понимать, что если мы встречаемся с Утой открыто, то, значит, нам нечего скрывать, правда?

— Не знаю, — пожала плечами маленькая Берта, — может быть.

«Ведьма, надо же, придумали какое! — думала Аник, дожидаясь Уту. — Нет, они и правда странные, эти шаваб.»

5.

Ута обрадовалась, увидев Аник, и потащила ее в укромный уголок в садике — там, среди кустов роз, стояла скамеечка. За те несколько недель, что подруги не виделись, Ута успела загореть, похудеть и вытянуться — юбка стала ей коротковата и высоко открывала лодыжки. И глаза у нее были другие, не такие, как в крепости — усталые и грустные.

Сначала девочки посплетничали — и в крепости, и в поселке случилось много нового, и общих знакомых было достаточно. Самой важной новостью было обручение Арвик и Горди, и девочки всласть наболтались о том, какое это счастье для родителей девушки, уже не надеявшихся на замужество дочери, да и Горди, потерявшему руку, трудно было бы найти себе жену лучше, мало кто согласился бы иметь мужа-калеку.

Когда эта тема была исчерпана, Аник приступила к самому главному.

— Отец посылает меня в школу, — сказала она. — В монастырь святой Шушан, там его сестра настоятельницей. Мне нужна спутница, женщина для услуг... Нет, ты не думай, я просто хотела бы, чтобы ты поехала со мной, я все равно все буду делать сама, но для других ты называлась бы служанкой, а для меня по-прежнему оставалась подругой, — затараторила она, увидев, как

нахмурилась Ута. — А ты бы тоже смогла там чему-нибудь научиться, и мне было бы не так одиноко...

— Да нет, — с досадой отозвалась Ута, — я не поэтому. В конце концов, какая разница, как тебя называют, главное, как ты сама себя чувствуешь, правда? И как к тебе относятся люди, которых ты уважаешь или любишь. А работа — она работа и есть, позорно только безделье.

— Моя мама тоже так говорила, — обрадовалась Аник, — так поедешь?

— Я себе не хозяйка, — сказала грустно Ута, — а мои родители меня не отпустят. Мой отец — ну, он очень против того, чтобы я общалась с горцами.

— Но это же женский монастырь, мужчин там не будет! — возразила Аник.

— Ты не поняла — не с вашими мужчинами, а с вашим народом, с горцами, и с горянками, и с тобой тоже. Он говорит, что мы разной крови, и что об этом нельзя забывать.

— Никто тебе не предлагает забыть, что ты — шаваб, — сказала Аник слегка обиженно. — И никто не собирается делать из тебя горскую девушку.

— Да я не про то... — с досадой произнесла Ута. — Он говорит — ты не обижайся только — что горцы презируют шаваб, и что нельзя общаться с теми, кто ставит тебя ниже себя.

— Ты тоже так думаешь? — зло спросила Аник. Все прежние ее споры вспомнились дочери князя, и она почти уже пожалела, что предложила Уте поехать вместе с нею.

— Нет, конечно, — улыбнулась Ута, и стала похожа на прежнюю, мудрую и веселую девочку, какой она была в крепости. — Меня уважает твой народ, как не уважает мой собственный. И Хильду тоже уважали — а разве она не была шаваб? Если же некоторые глупые люди и пытаются мне показать, что я хуже их, потому что я — шаваб, а они горцы — так эти люди уже довольно наказаны Богом своей глупостью, и я не обращаю на них внимания. Но мой отец — я не могу ему объяснить всего этого, потому что я-то для него — ребенок несмышленный, которому расти и расти.

— Ну, ладно, а что скажет твой отец, если мой отец заплатит ему? Как бы за работу, которую ты будешь выполнять?

— Еще того хуже! — испугалась Ута. — Тогда уж точно мой отец запретит мне даже и видаться с тобой.

Аник помолчала, подумала — и рассказала подруге о том, что она услышала от маленькой Берты. Ута слушала с испугом.

— Кто тебе все это сказал? — спросила она, когда Аник замолчала.

— Не важно. Я обещала не выдавать этого человека даже и тебе.

Ута приложила ладони к горящим багровым румянцем щекам.

— Вай мэ! — сказала она, так что Аник не выдержала и прыснула: Ута говорила совсем как горянка, — если они так решили, переубедить их будет трудно, совсем почти невозможно...

— Ну, не преувеличивай! — Аник недоверчиво хмыкнула. — Твоя совесть чиста, и ты можешь не обращать внимания на все эти сплетни. Поговорят и перестанут.

— Ты не знаешь, о чем говоришь, — возразила расстроенная Ута. — Ты не знаешь мой народ, и чем заканчиваются такие сплетни, ты тоже не знаешь. Это пятно останется на мне на всю жизнь, даже если я перестану лечить людей, вообще никогда и ни к кому не подойду с такой целью, а я не смогу этого сделать, я не могу видеть, как человек мучается, если я знаю, что могу ему помочь... Меня сожгут, как сожгли Большую Бертю, как хотели сжечь Хильду, когда она бежала из поселка в крепость...

До Аник доходили слухи о том, что шаваб иногда жгли живых людей, но она считала эти слухи пустыми выдумками, какие рассказывают глупые старухи, чтобы попугать непослушных детей. Но теперь, увидев неподдельный ужас в глазах Уты, она подумала, что, должно быть, что-то в этих выдумках было правдой.

— Неужели шаваб станут жечь живого человека? — недоверчиво спросила она.

— Если я ошибусь, или если лечение не поможет — раз уж начали говорить такое, то скажут еще и еще, а потом кто-нибудь придумает, что видел, как я летала на метле, или заговаривала воду в колодце, или еще что-нибудь, — с тоской произнесла Ута. — А если я откажусь кого-то лечить, то будет еще хуже — меня обвинят в злом умысле, все ведь уже знают, что я лекарка, и обращаются ко мне за помощью — а я-то, дура, не могла понять, почему на меня так косятся женщины в поселке, и почему пастор не здоровается ни со мной, ни с моей матерью...

— Все равно я не верю, что твои соплеменники решатся на такое. Ведь есть же князь, он не позволит!

— Два года назад в Зеленой Долине — так называется поселок на землях князя Гургена — сожгли Большую Бертю, а она тоже была ученицей Анны, как и я. И князь Гурген ничего не мог сделать, ничем не мог ей помочь. Разве ты не знаешь, что даже верховный князь не вмешивается во внутренние дела шаваб, а сжечь ведьму — или ту, которую считают ведьмой — это уж очень

внутреннее дело... Я поеду с тобой, Аник, даже если мне придется бежать из дома. Я поеду с тобой, но мне придется навсегда остаться с твоим народом, как это сделала Хильда, понимаешь?

— Поехали прямо сейчас, — предложила Аник, — сядешь вместе со мной на мою кобылу, и поехали!

Ута покачала головой:

— Нет, Аник. Мне нужно помочь родителям управиться с жатвой, и с матерью нужно поговорить. Я думаю, ни сегодня, ни завтра меня жечь не будут, — усмехнулась она грустно, — пока еще никто из тех, кого я лечила, не умер. Когда ты собираешься ехать?

— Не знаю, — сказала Аник, — не раньше праздника Успения. Мать Проклея писала, что на лето все ученицы разъехались, и соберутся только осенью.

— До Успения не так много времени, а мне лучше приехать в крепость как можно позже. Если я уеду сейчас, Бог его знает, что наши кумушки придумают — могут и заявиться за мной в крепость, потребовать моей выдачи. Боюсь, тогда они решат, что уж точно я — ведьма.

6.

Стемнело, и Аник заторопилась домой. Джоджо ожидал ее с зажженным уже факелом. Почти весь путь до крепости они проделали в молчании.

Лошади осторожно ступали по едва различимой в неверном свете факела дороге. Это были горские лошади, хоть и не очень хороших статей, а горская лошадь тем и славится, что видит даже и при свете звезд, и не боится темноты. Еще про горских лошадей говорят, что у них на копытах пальцы — пальцев, конечно, нет, но горская лошадь может пройти в таком месте, где и человек, не привычный к горам, пути не найдет.

По сторонам дороги звенели цикады, успокаивая и обещающая мирную ночь после трудового дня. Пахло сеном и травами. И Аник не верилось в те ужасы, о которых рассказала ей Ута.

Но на повороте дороги на Красную гору Аник все-таки спросила:

— Джоджо, а это правда, что шаваб могут сжечь живого человека?

— Говорят, — ответил Джоджо, помолчав. — Сам я не видел, не знаю, но — говорят.

— Но это же ужасно! — воскликнула Аник, — они же люди, это же... Хуже каптаров!

— Вэ, дочь князя, они — испуганные люди, а когда человек боится, страшнее, чем он, твари не найдешь. Если к тому же ума у него маловато, то... — Джоджо не договорил.

— Но Ута — как они такое могли выдумать, что Ута — ведьма? Ведь она добрая, она никому никогда не причинила зла!

— Что такое зло, что такое добро — кто знает, — отозвался Джоджо. — Может быть, тем, кого она вылечила, лучше было бы умереть тогда, а не жить дальше. Никто не знает. Не думай об этом, дочь князя. Вы уедете, сплетни забудутся. Но Уте лучше не лечить, это точно.

— Она говорит, что не может, что это у нее — ну, как тебе или мне разговаривать.

— Человек может молчать всю жизнь, если от этого зависит что-то важное, — задумчиво сказал Джоджо. — Есть такие монахи-молчалники. После принятия обета они не произносят ни слова, даже под угрозой смерти. Значит, обет для них важнее жизни. Вот и Ута должна выбрать, что для нее важнее — жить или лечить.

«То есть твоя жизнь или чужая», — подумала Аник и ужаснулась, представив, что ей бы пришлось делать такой выбор. Джоджо прав — лучше об этом не думать.

7.

Недели летели одна за другой, и Аник не успела оглянуться, как наступил праздник Успения Богородицы.

Вещи были собраны и сложены в переметные сумы. Для Аник из табуна, схороненного во время нашествия в дальнем ущелье, привели резвую кобылу-трехлетку, белую, но с черной гривой и с черным хвостом. Для Уты предназначался конь из числа оставленных князем Горгием, на котором прежде ездила Аник. В провожатые были назначены пятеро дружинников, в том числе Джоджо как старший, и Нина. Князь оставался дома — он не настолько еще оправился от ран, чтобы решиться на дальний путь в столицу.

Ута в сопровождении родителей появилась в крепости, когда праздничный день клонился к вечеру. Аник начала уже беспокоиться. Собирались выехать завтра на рассвете, и, если Ута не придет, то в монастыре вместе с Аник останется Нина, а этого Аник совсем не хотелось. К тому же она беспокоилась — вдруг с ее подругой что-то случилось?

Но Ута пришла, с узелком в руках, в новом платье и новых башмаках. Глаза у нее были красные, как будто она плакала.

Впрочем, уж наверное, плакала — сама Аник тоже готова была разрыдаться при мысли, что вот она уедет из дому надолго, на год, или два, и новые яблони в саду посадят без нее, и без нее состоится свадебный пир Горди и Арвик, и не скоро она увидит, как весной зацветут на склоне Красной горы маки — это из-за них и гора, и крепость получила свое название. Тяжело уезжать из родного дома, когда тебе пятнадцать лет.

Князь Варгиз долго беседовал с отцом Уты наедине. Наконец они вышли на крыльцо княжеского дома.

— Подойди, Аник, — сказал князь. — Я обещал сыну Йохана, что его дочь не будет чувствовать себя твоей служанкой. Прав ли я в своем обещании?

— Да, отец. Что бы ни случилось, Ута всегда останется моей подругой.

После случилось многое.

Аник выполнила обещание.

Девочки никогда больше не вернулись в родные горы.

Часть девятая. Мать Проклея

1.

Горечь расставания с родным домом осталась позади, позабытая за новыми впечатлениями. Вначале людей видели редко, часто ночевали в лесу и в поле; но с приближением к сердцу страны, крепости Твердыне, селения попадались все чаще, и все больше путников и попутчиков встречались им на дороге. На ночлег теперь останавливались под крышей, однажды даже в крепости владетельного князя Баграта, но не в Приюте Орла, в которой жил сам князь, а в пограничной, небольшой крепостце без названия. А один раз заночевали в поселке шаваб.

Радостно, но и тревожно было теперь Аник, радовала и тревожила ее неизвестность: что сулит новая жизнь? И какой окажется незнакомая пока Аник тетка?

Ранней осенью, в пору сбора яблок, девочки увидели стены обители Святой Шушан впервые.

Это были древние стены, сложенные из нетесаного камня, покрытые мхом и увитые диким виноградом. Над стеной виднелись кроны деревьев и округлые крыши, увенчанные крестами.

Стояла обитель на вершине пологого холма. К деревянным, окованным железом воротам вела широкая дорога, мощеная булыжником. Здесь, у ворот, девочки расстались с дружинниками князя Варгиза — вход мужчинам в обитель был разрешен только по специальному дозволению католикоса.

В новую жизнь девочки вступили в сопровождении Нины, но скоро их покинула и она.

2.

Мать Проклея, женщина святой жизни, уважаемая за пределами монастыря не меньше, а, пожалуй, даже и больше самого католикоса, имела маленькую слабость. Она не была чрезмерно горда или властолюбива, свою верховную власть в обители расценивала как крест, который надо нести, не судила слишком уж строго маленькие прегрешения воспитанниц и даже сестер, но болезненно воспринимала упадок древнего дома Варгизов и мечтала вернуть ему былое величие. Аник, дочь Варгиза, была последней в роду, и мать-настоятельница лелеяла

надежду на будущий блестящий брак девочки, который позволит потомкам дома Варгизов занять подобающее им место. В конце концов, в жилах Варгизов текла кровь древних царей Айкастана, и хотя царская ветвь пресеклась тому уж почти триста лет — со смертью последнего царя, Давида Предателя, когда страна горцев попала под власть королей Межгорья, — мать Проклея была патриоткой и верила в лучшее будущее. В конце концов, айки были сильным и воинственным народом и могли вернуть себе независимость. И кто тогда, кроме Варгизов, сможет претендовать на древнюю корону?

К сожалению матери Проклеи, брат ее не разделял честолюбивых устремлений сестры. Варгиз хотел выдать дочь за человека, который стал бы хорошим хозяином для Красной Крепости — ведь девочка осталась единственной наследницей.

«Да хоть за пастуха! — говорил Варгиз сестре в последнюю их встречу. — Даже и лучше, если это будет пастух. У нас хозяйство простое, мы живем по старым обычаям, пиров и приемов не устраиваем. Для меня главное — чтобы Красная крепость оставалась крепостью, а не превратилась в развалины, что неминуемо, если выдать девочку за князя хорошего рода. Князья хорошего рода стремятся к жизни в столице, а не в маленькой приграничной крепости. А никакой управляющий не досмотрит хозяйство так, как сам хозяин».

«Ты говоришь, будто крестьянин! — сердилась мать Проклея. — Твой род, твоя кровь...»

«Вэ, перестань! — смеясь, возражал князь, — у крестьян кровь такая же красная, как и у князей, да и посвежее будет!»

Поэтому, когда при монастыре открылась школа для девочек из княжеских семей, мать Проклея сразу же замыслила взять Аник в школу. Пусть поучится хорошим манерам, пусть потрется среди родовитых горянок. К тому же монастырь был в нескольких часах езды от столицы, и мать Проклея разрешала воспитанницам бывать при дворе верховного князя. Кто знает, может быть, там Аник найдет свою судьбу — ведь второй сын верховного князя не женат еще, да и другие знатные юноши могут заинтересоваться девочкой. Мать Проклея боялась только, что отец не отпустит дочь — Аник шел уже пятнадцатый год, и ей уже совсем недолго оставалось до достижения брачного возраста.

Нашествие каптаров помешало матери настоятельнице, но на следующий год, после того, как каптаров изгнали, князь был даже и рад отослать девочку из разоренного княжества.

К великому сожалению матери Проклеи, дочь Варгиза не оправдала ее ожиданий. Она была хорошей девочкой, неплохо воспитанной для провинциалки и достаточно гордой для

наследницы дома Варгизов, но — и тут мать Проклея не могла при первой встрече скрыть своего разочарования — Аник была некрасива.

То есть она была очень мила — и только. Нос ее был слишком длинным, губы — слишком тонкими, и — самое ужасное! — ее волосы были рыжего цвета. Не с рыжинкой, как это случалось у горянок, но медно-красные, как будто она была шаваб. Да еще эта ее девица для услуг, самая настоящая шаваб, к тому же дерзкая и непокорная, — нет, мать Проклея решительно разочаровалась в племяннице.

Но мать Проклея верила в судьбу и в случай, и знала (хоть и чисто теоретически) о странных вкусах мужчин, которые влюблялись иногда в совершенных уродин, а уродиной Аник все-таки не была. К тому же хороший род тоже что-то да значит. И мать Проклея продолжала лелеять свои матримониальные планы и старалась направить мысли девочки в то русло присущего ей, матери Проклее, честолюбия, которое заставило бы девочку желать блестящего брака.

3.

Неделю или две спустя после прибытия дочери Варгиза в обитель мать-настоятельница с грустью обнаружила, что некоторые обстоятельства вмешались в ее планы и грозят сделать бесплодными все ее, матери Проклеи, усилия. Воспитанницы, все — дочери родовитых или богатых князей, — невзлюбили Аник. Сначала они просто дразнили ее за ее красные и шершавые руки, и за рыжие волосы, и за длинный нос, и за одежду из грубой шерсти. Мать Проклея на свои скудные средства позаботилась об обновлении гардероба племянницы — девочка была одета хуже, чем даже служанки других воспитанниц. Аник носила черное: по давнему горскому обычаю: девушка, похоронившая мать, только на собственной свадьбе могла снять траур. Воспитанницы в своих светлых платьях смеялись над девочкой, называли ее черной вороной или делали вид, что принимают ее за прислугу, приказывая подать воды или вымести пол. Аник, не видевшая ничего дурного в самой черной работе — опять же по обычаю в доме Варгизов воспитывали в девочках уважение к любому труду, — поначалу не отказывалась, принимая насмешки избалованных и глупых девчонок за обычную просьбу о помощи.

Мать Проклея объяснила племяннице, что такое поведение недопустимо, что она, слава Богу, уже не в диких горах, а в обществе, и совсем недалеко от столицы, и что теперь ей

надлежит вести себя, как подобает, как ведут себя другие девушки.

Сначала Аник возмутилась. Для нее не было ничего унижительного в том, чтобы выгрести золу из очага, или развести огонь, или сварить еду, ведь в доме Варгиза приготовление пищи было почетной обязанностью женщин княжеской крови. Потом, кажется, поняла, и хотя бы перестала делать что-либо в те минуты, когда ее мог видеть посторонний глаз. Сестры доносили матери-настоятельнице, что Аник по-прежнему сама стирает свое белье, и сама убирает в своей келье, не пользуясь услугами служанки, но мать Проклея, скрепя сердце, не стала выговаривать за то племяннице. Когда-то давно она, молоденькая послушница, тоже воспитанная в доме Варгизов, точно так же долго не могла привыкнуть к чуждому для нее укладу монастыря.

Однако неприязнь других воспитанниц к Аник скоро перешла в открытую вражду и даже войну, которая велась давними женскими средствами — мать Проклея забавлялась порой, наблюдая, как девушки ведут военные действия по тем же законам, что — чт* греха таить! — и враждующие друг с другом монахини. Донести о нарушении правил, всыпать украдкой горсточку соли или перца в еду врагини, перепутать нитки в рабочей корзинке, залить чернилами страницу молитвенника — все это, и еще многое другое творили украдкой воспитанницы. Дочь Варгиза делала вид, что ничего не замечает, и никогда не жаловалась, зато вела себя все более дерзко и высокомерно. Даже сестры жаловались на ее поведение, и, если бы не успехи Аник в учении и не ее постоянное и похвальное прилежание на уроках, пожалуй, матери Проклее пришлось бы наказывать племянницу. Но Аник училась очень хорошо, много лучше других воспитанниц. Она быстро наверстала пропущенное, и обогнала уже всех, так что сестра София и мать Варвара, бывшие наставницами в школе, занимались с дочерью Варгиза отдельно.

4.

На Рождество воспитанницы разъехались. Многие жили неподалеку — в столице или в нескольких днях пути. Они пригласили своих подружек, которым было слишком далеко добираться до дому, провести праздники вместе. Аник, конечно, никто не пригласил. Мать Проклея, узнав об этом, настоятельно рекомендовала внучке князя Гориса предложить дочери Варгиза посетить крепость верховного князя.

— Если она захочет поехать, — ответила княжна Тамара с

очаровательной гримаской, — она ведь гордая...

Мать Проклея не видела ничего дурного в том, чтобы дочь Варгизов была гордой. Но Аник отказалась наотрез.

— Глупая девчонка! — вспылила мать Проклея, — вместо того, чтобы подружиться с девицами из лучших родов страны, ты дерешь свой нос кверху и панибратствуешь с этой своей шаваб! На Рождество в монастыре нечего делать такой юной девушке, как ты — у нас не празднуют, у нас молятся, постятся и умерщвляют плоть. Твоему возрасту пристало развлекаться, а в доме верховного князя у тебя для этого будут все возможности!

— И княжна Тамара будет издеваться надо мной в присутствии своих дядьев, а я должна буду все это сносить? — ответила Аник, вздернув голову. — Ну, уж нет! Все, что угодно, но только не это!

— Я посажу тебя на хлеб и воду на все время Рождественского поста! — пригрозила настоятельница.

Аник ответила:

— Пожалуйста! — и, хотя мать Проклея не исполнила своей угрозы и не отдала соответствующего распоряжения, во всю Рождественскую неделю в трапезной Аник отказывалась от иной еды и ела только хлеб.

5.

По мнению матери Проклея, во многом в поведении Аник была виновата эта ее служанка, девочка шаваб, такая же гордая и заносчивая, как дочь Варгиза. Но если гордость и высокомерие в дочери князя можно было расценивать скорее как желательные, нежели как отрицательные черты, то со стороны прислуги эти качества являлись греховными и подлежащими искоренению.

Уту в обители не любили, и причин тому было множество. Во-первых, Ута была шаваб — единственной представительницей этого народа в монастыре Святой Шушан. Шаваб жили в земле айков — горцев — с незапамятных времен, и с незапамятных времен народы недолюбливали друг друга. Айки считали шаваб трусами, скопидомами и грубиянами. Шаваб, в свою очередь, называли айков высокомерными гордецами, грязнулями и лентяями. Как это обычно бывает, и те, и другие были одновременно и правы, и не правы.

Во-вторых, для служанки, в каковой роли Ута приехала в обитель, девушка вела себя слишком независимо или, как говорили сестры и воспитанницы, слишком дерзко.

Даже внешний вид Уты вызывал в монастыре нарекания. Она

категорически отказалась снять свой национальный наряд — широкую цветастую юбку, не прикрывающую лодыжек, и узкий корсаж поверх белой блузки. После долгих разговоров, наказаний и угроз отослать ее домой, Ута пошла на единственную уступку: выходя из комнаты, она накидывала поверх одежды черное покрывало. Покрывало мешало при ходьбе и при работе, но Ута, проявив несвойственное ей вообще упрямство, стойчески терпела неудобство.

Мать-настоятельница сразу же выразила свое недовольство тем, что дочь князя Варгиза привезла с собой в школу шаваб. Аник попыталась объяснить настоятельнице, что Ута — не служанка ей, но подруга, и что связывает их многое, слишком многое для юных девушек: они пережили осаду, и голод, и занимались общим делом. Мать Проклея не желала ничего слушать, и тогда Аник сказала твердо:

— Если уедет она, уеду и я.

И мать Проклея отступила. Временно.

6.

Месяц тянулся за месяцем.

Аник была разочарована жизнью в обители.

Монастырские стены отгораживали ее от мира. Столица горской страны была в нескольких часах езды, но побывать там Аник так и не пришлось за всю долгую осень, и еще более долгую зиму.

Монастырский садик осенью и зимой был плохим местом для прогулок, а за стены девочек не пускали.

Воспитанницы, с которыми, по мнению матери Проклеи, Аник должна бы подружиться, дружно невзлюбили новенькую и перемывали ее косточки: и невоспитанная, и неряшливая, и не умеет себя вести, ходит, как медведица, черную работу делает, будто служанка, и выставляется своими знаниями, и с шаваб своей носится, словно с какой драгоценностью. Иные говорили об этом хоть и у Аник за спиной, но так, чтобы она слышала.

Аник со своей стороны тоже не желала дружить с воспитанницами. Большинство девушек были глупы и ленивы, учиться не желали, и интересовали их только женихи да наряды, и еще новомодные веяния, занесенные в Айкастан из Межгорья: втайне от сестер и матери-настоятельницы девушки в своих спальнях красили губы и щеки, играли в карты, разучивали фигуры неприличных равнинных танцев.

Новые знания, конечно, стоили некоторых лишений, а Аник

узнала кое-что новое: познакомилась с изящной литературой, старинной и современной, выучила несколько новых песен и поэм, углубила свои знания в целительстве, в истории и географии.

Но если бы не Ута, умевшая успокоить и развеселить Аник, и если бы не умные наставницы: сестра София, преподававшая целительство, и мать Варвара, обучавшая девочек истории и литературе, Аник, пожалуй, сбежала бы.

То, что по настоящему интересовало Аник, в обители не преподавали.

Однажды Аник спросила у матери-настоятельницы:

— Почему нас не учат языку жителей равнин?

— На что тебе их язык? — спросила мать Прокляя, поднимая седые брови. — При церемонии представления ко двору будет толмач, а больше у тебя не будет возможности воспользоваться своими знаниями.

— Но, тетушка, — возразила Аник, — ты же сама меня хвалила недавно за то, что я знаю язык шаваб. А ведь мы с жителями равнин — один народ, как же не знать языка своего короля!

— Глупости! — рассердилась мать Прокляя. — Выдумала еще — один народ! Одно дело — шаваб, они живут на нашей земле, и нет такого княжества в горской стране, где их нет. Значит, тебе придется иметь с ними дело, для чего очень полезно знание языка. Иное — народ Видгорта. Они наши давние враги, завоеватели, и у нас с ними нет ничего общего. Мы платим им дань, и лучшие из лучших наших юношей проливают кровь под их знаменами, но все когда-нибудь может измениться, и жители равнин будут посылать нам караваны с данью, и их молодые люди будут умирать во славу айкских царей!..

Аник даже испугалась страсти, прозвучавшей в голосе настоятельницы

— Что ты говоришь, тетушка! Дом Варгиза всегда был верен правящему дому!

Но мать Прокляя, оседлав своего тайно любимого конька, не унималась.

— Верность предателю не есть честь, а позор! Пятно несмываемое на нашем имени с тех пор, когда Варгизы отказались примкнуть к истинным сынам своей земли, и выбрали знамя предателя! И не говори больше со мной на эту тему, не то я рассержусь!

Аник отстала, и только повторяла, чтобы не забыть, те немногие слова чужого языка, которые ей удалось узнать у воинов, когда-то служивших в войске короля Межгорья.

В начале весны, с окончанием весенней распутицы, в обитель пришло письмо от князя Варгиза.

Отец писал Аник, что недужит, и что почти всю зиму пролежал в постели, но новый священник, заменивший покойного отца Константина, лечит хорошо, и князь надеется весной выбраться в столицу. Писал также, что Красная Крепость залечивает свои раны, и что урожай в этом году обещает быть хорошим, озими поднялись дружно, овцы дали обильный приплод.

Писал также, что в начале зимы принимал короля Марка, возвращавшегося из похода за Граничные горы, и что снег выпал в этом году рано, поэтому король зимовал со своим войском в соседней с Красной Крепостью долине, потому частые визиты короля и его витязей развеяли обычную зимнюю скуку...

В этом месте Аник прервала чтение.

— Ты слышишь, Ута? — закричала она, — король, наш король Марк всю зиму был на землях Варгизов! И часто посещал Красную Крепость!.. Ах, если б я оставалась дома!..

Ута подняла голову от своего шитья (она быстро росла в эту зиму, и уже на голову перегнала Аник, поэтому ей приходилось постоянно надставлять свои юбки и платья).

— И что бы было? — спокойно спросила она.

— Я бы с ним познакомилась, — процедила Аник сквозь зубы. — Может быть, я бы ему понравилась. Может быть, я бы...

— Ты все думаешь о предсказании, — сказала Ута, покачав головой. — Аник, мы уже почти взрослые. Пора уже перестать верить сказкам.

— Это не сказки, — упрямо сказала Аник. — Мне так суждено и предсказано. И я в это верю. И ты ведь раньше верила.

Ута рассмеялась.

— Аник, раньше мы были маленькими и глупыми! И верили во всякую чушь! В Горного Короля, например...

— И в то, что он посватался к Тамил, — сердито продолжила Аник. — Значит, ты больше не веришь в Горного Короля? Ты думаешь, моя сестра сбежала с мужчиной?

— Ах, я не знаю, — вздохнула Ута. — Просто я слышала, какой была Тамил — и от отца Константина, и от женщин в крепости, и я познакомилась со здешними девицами... Вот если бы тебе рассказали, что княжна Тамара пропала — о чем бы ты подумала, о Горном Короле, или что она...

Ута не закончила речь, но Аник поняла ее и нехотя кивнула:

— Да, пожалуй, ты права. Хоть она и дочка верховного князя,

но ни мозгов, ни чести у нее нет. Она даже в монастыре ухитряется кокетничать! Даже с калеками!.. — Аник фыркнула.

— Это потому, что других мужчин здесь нет, — серьезно сказала Ута.

Мужчины в монастырь не допускались. Исключение делалось только для больных — их содержали в монастырской лекарне, в отдельном помещении возле ворот монастыря, — и для калек, работавших на конюшне и в саду.

Аник дочитала письмо.

Прочие домашние новости ее порадовали: Прудис пришла в себя, и хозяйничает в крепости, как когда-то прежде, Арвик родила сына, хоть после свадьбы прошло всего только семь месяцев, и Нина тоже скоро родит, так что дядя будет младше своего племянника. В семействе Уты тоже прибавилось домочадцев, мать Уты родила девочку.

В конце письма князь Варгиз выражал надежду, что Аник с честью несет имя Варгизов, успешно учится, и скоро уже сможет отправляться домой.

«Все же вряд ли я смогу отправиться в столицу весной, хоть и надеюсь на это, — писал князь в заключение. — И все же надеюсь еще увидиться с тобой, дочь, и погулять еще на твоей свадьбе».

— Ва! — сказала Аник. — Зачем я только поехала сюда! Отец болеет, Прудис теперь хозяйка в крепости, а то новое, что я узнала здесь за все это время, уместится в ложке. Года на обучение, я думаю, хватит; летом мы попрощаемся с тетушкой и с обителью и вернемся домой навсегда.

— Я не вернусь, — тихо сказала Ута, сложив руки на своем шитье. Круглые ее щеки порозовели.

Аник взглянула на подругу с удивлением.

— Ты не помнишь, — продолжала Ута, глядя куда-то в угол, — ты не помнишь, почему мне разрешили уехать из дому? Ты не помнишь, что меня обвинили в колдовстве?

— Вэ, когда это было! Они уже все забыли! И потом, зачем тебе возвращаться в поселок? Будешь жить со мной, в крепости, выдадим тебя за горца. Хильда же...

— Хильда вышла не просто за горца, а за князя, — возразила Ута. — И князь смог защитить ее своей княжеской властью. Такие вещи, как обвинение в колдовстве, так быстро не забываются, Аник. И потом, я вовсе не хочу замуж. Я хочу учиться, я хочу поехать в Дан. Не может такого быть, чтобы колдуньи меня не приняли.

Аник поморщилась.

— Или ты веришь в сказки, или ты в них не веришь. Ты говоришь, что не веришь. И ты говоришь, что не колдунья. Как это

совместить?

— Ну, они же не настоящие колдуны, их просто так называют, — пояснила Ута. — Отец Константин рассказывал, что их раньше называли смотрицами, потому что они видели то, что не видят другие. Я тоже вижу кое-что, что другим не дано увидеть.

— Но как? — закричала Аник. — Как ты можешь попасть в Дан? Через всю страну?

— Мне кажется, — сказала Ута и мечтательно засмеялась, — об этом можно будет подумать, когда придет время. Ты же пока не собираешься домой?

— Не раньше июня, — пробормотала Аник.

— Ну вот, а сейчас только март. У нас еще куча времени!

Но времени у девочек оказалось гораздо меньше, чем они думали.

8.

С весной монастырский садик оживился, под теплым солнцем пробились из земли фиалки и примулы, зацвели абрикосы.

Воспитанницы почти все свободное время проводили теперь в саду, отогреваясь после холодной зимы.

Вместе с весной, с теплым солнышком, на нос Аник явились веснушки.

Вот почему Ута оказалась в монастырском саду в неурочный час и попала на глаза вредной и противной сестре Агате.

9.

— Что ты делаешь, мерзавка?! — резкий окрик заставил Уту вздрогнуть и уронить чашку. Чашка, конечно, разбилась.

Сестра Агата возвышалась над девушкой грозовой тучей.

Ута поднялась с колен, стряхивая с подола брызги.

— Что ты делала? — грозно спросила сестра Агата, взмахнув зажатými в пухлом кулачке крупными черными четками, как будто готовилась к драке, и четки были ее оружием.

— Ничего, — сказала Ута, опустив глаза. — Ничего, о чем стоило бы говорить.

— Колдовство — вот что это! — прошипела сестра Агата. — В стенах святой обители ты, негодница, занималась колдовством!..

— Это не колдовство, — возразила Ута. Нет, конечно, она понимала, что лучше бы сейчас промолчать, лучше бы не спорить,

но некий дух противоречия вселился в нее, она повторила: — Это не колдовство! — и посмотрела в глаза монахини. Глаза сестры Агаты были мутные, тусклого неопределенного цвета, то ли серые, то ли бледно-голубые. Такие глаза могли бы принадлежать престарелой рыбе, подумала Ута. Интересно, у них у всех такие гляделки? — почти год Ута провела в обители, и ни разу не смотрела в глаза ни одной из сестер, она и лиц-то их почти не видела под низко опущенными белыми капюшонами, и различала монахинь только по голосам.

— Немедленно отправляйся в свою келью, — приказала сестра Агата. — И я запрещаю тебе разговаривать с кем бы то ни было. Если я узнаю, что ты произнесла хоть слово...

— Молиться можно? — спросила Ута невинным тоном.

— Молись, хоть тебе это уже не поможет, — зловеще ухмыльнулась сестра Агата. В ее тусклых глазах загорелся кровожадный огонек, и Ута поняла, что нажила себе смертельного врага.

10.

Когда сестра Агата прибежала с доносом, поймав Уту на колдовстве, мать Проклея обрадовалась, и даже вознесла короткую благодарственную молитву своей покровительнице, святой Проклее Арнийской. Мать Проклея не верила в колдовство. То есть она знала, что, говорят, на равнине, в далеком королевстве Межгорья, и в еще более далекой стране магов Халкедоне, колдунов и колдуний пруд пруди. Но у них, в горской стране, хвала всем святым, такого явления пока не замечалось. До нее, конечно, доходили слухи об изгнании ведьм этими глупыми шаваб из своих поселков, одно такое изгнание даже произошло незадолго до ее рождения — из поселка шаваб, расположенного в соседней с Красной крепостью долине, была изгнана девица Хильда, как ведьма и пособница дьявола, и ее, Тинатин, отец взял эту девицу под свое покровительство. Хильда потом вышла замуж за дядю Тинатин и прожила всю свою жизнь в Красной крепости. И, уж конечно, Хильда не была колдуньей. Она просто знала травы и умела лечить и людей, и скот. Ну и что же? Любая девушка княжеского рода, воспитанная в добрых старых традициях, умела лечить скот и людей, так было принято, так было по обычаю, и девицам-воспитанницам в монастыре преподавали основы медицины.

Надо думать, эта Ута такая же лекарка, какой была Хильда. Но теперь у матери Проклеи появился повод изгнать девчонку из

монастыря, и она за этот повод ухватилась. В той слабой, как она боялась, надежде, что, освободившись от влияния своей служанки, ее племянница станет более сговорчивой и податливой.

— Что, ты говоришь, она шептала? — спросила настоятельница сестру Агату.

— Не расслышать было, матушка. Но это была колдовская тарабарщина, ни слова не понятно. Я затворила свои уши и с молитвою приказала девке замолчать.

— Ой ли, с молитвою? — с насмешкой переспросила мать Проклея. Если не любить кого-то из ближних — грех, мать Проклея была грешна. Она очень не любила сестру Агату. Все сестры увлекались наушничеством и доносительством, но сестра Агата занималась этим неблагоприятным делом со страстью, вкладывая в него душу и посвящая все свободное от служб время. Мать Проклея подозревала, что усердие сестры Агаты не ограничивается стенами монастыря, и что в своем доносительском рвении эта монахиня наушничает на нее, мать Проклею, кому-то из капитула. Если бы не бесподобный голос сестры Агаты, певшей в хоре белиц, мать Проклея давно бы отослала ее в отдаленный монастырь Святой Нины, что в землях князей Горгиев.

— С молитвою, матушка, с молитвою, — запела своим дивным контральто сестра Агата, перебирая четки. — Ну, один раз не удержалась только, назвала девку мерзавкой, но ведь, матушка!.. Как иначе назвать ее, когда творит такое непотребное дело в стенах святой обители? Колдовство!..

— За сквернословие прочтешь пять «Богородице» и три «Отче наш», — сказала мать Проклея. — Иди, приведи девицу... Да постой, — мать Проклея только сейчас заметила четки из драгоценного гагата в руках сестры. — Где ты взяла это?

Сестра Агата смутилась.

— Дар мне от жены князя Варги за пение во славу Божью... — неохотно произнесла она.

— Дай сюда, — мать Проклея протянула руку. Сестра Агата повиновалась.

— Забыла, матушка, забыла устав, — укорила мать Проклея, — что сказано? «... Да не будет у меня имущества, кроме общего с сестрами...» И еще: «...Да не коснутся персты мои золота и камней самоцветных...»

— Это же просто гагат, это же не лалы! — чуть не плача, оправдывалась сестра Агата.

— Самоцветы это, матушка. А за нарушение устава носить тебе власяницу неделю, да к тому же во всю неделю читать вдвое

молитв против положенного. Возьмешь у сестры Елены деревянные четки, чтоб со счета не сбиваться. Да смотри мне, молиться с благоговением и смирением!.. Иди же за девицею, да скажешь сестре Елене, чтоб ко мне зашла за этими четками, в сокровищницу их положить. Мир тебе.

— И тебе, матушка, — отозвалась сестра Агата, пряча руки в широкие рукава монашеского балахона и низко надвигая клобук.

11.

Оставшись в одиночестве, мать Проклея приблизилась к окну, чтобы получше рассмотреть четки. Искусный резчик на каждой бусинке изобразил какую-либо картину, иллюстрирующую Священное писание. Было здесь и возвращение блудного сына, и пир в Кане Галилейской, и воскрешение Лазаря, и много еще всего. А бусинки были совсем небольшие, в лесной орех от силы. Мать Проклея восхитилась тонкостью исполнения — у персонажей можно было даже различить лица. Местами — там, где пальцы особенно часто полировали бусины, резьба стерлась. «Вещь ценная, и не дело мусолить ее ежечасно, — подумала мать Проклея, — самое ей место в сокровищнице...»

Робкий стук в дверь оторвал ее от созерцания. Мать Проклея бросила четки на стол, заваленный бумагами — перед приходом сестры Агаты она занималась проверкой монастырских счетов, — села в кресло с высокой спинкой, каковое ей полагалось по сану, и сказала, заранее нахмутив брови: — Войди с миром.

— Мир тебе, матушка, — сказала Ута, входя боком в узкую дверь.

«Девчонка-то раздалась на монастырских хлебах, — с неудовольствием подумала мать Проклея, — ишь, бока-то какие наела, а была тоща, что палка...»

Ута действительно поправилась, платья, привезенные ею из дома, грозили разорваться по швам. Это было лишним поводом для неудовольствия настоятельницы — ее племянница как была бледненькой худышкой с костлявыми руками и тонкой шеей, так и осталась. Эта же шаваб — кровь с молоком, щеки пышут румянцем, косы золотистые в три ряда вокруг головы, глаза голубые, даже синие... Мать Проклея представила себе Аник в ее вечном черном платье на фоне этой яркой красоти, и даже приглушенно застонала. «Гнать, гнать ее, в три шеи гнать подальше», — раздраженно подумала она.

— Тебя беспокоит что-то, матушка? — участливо спросила девица.

— Скорблю о грехе твоём, — сказала мать Проклея. — Сестра Агата донесла мне о том, чем ты занималась в саду — даже вымолвить противно!

— Матушка, но я ничем таким грешным не занималась, — возразила Ута внешне смиренно, но с дерзостью во взоре. — Сестра Агата, не разобравшись, обвинила меня в колдовстве, а я...

— Слово это не произноси в стенах святой обители! — прервала ее мать Проклея, осеняя себя крестным знамением. Девушка поспешно перекрестилась и продолжала:

— Прости мне, матушка, но я только хотела сказать, что всего лишь составляла лекарство для дочери князя, обыкновенное лекарство...

— Ложь! — воскликнула настоятельница. — Забыла ты, девица, — продолжала она, понизив голос, — что и мы, белицы, лекарскому делу обучены. Чтобы составить лекарство, вовсе не надобно идти в монастырский сад, не надобно на коленках ползать и наговоры шептать. Или, скажешь, наговоры ты не творила?

— Творила, — не стала спорить Ута. — Но так того требуется. Это лекарство, чтобы помогло, должно породниться с солнцем, а как того без наговора добьешься?

— Вот, — удовлетворенно кивнула мать Проклея. — Признаешь, что готовила наговорную воду для девицы Аник?

— Не воду, лекарство, только с наговором. Это чтобы веснушек не было. Сейчас ведь весна, а она у нас рыженькая...

У матери Проклеи даже дух захватило от наглости этой шаваб. Так говорить о дочери князя из дома Варгизов!.. Слов нет!..

Мать Проклея схватила со стола гагатовые четки сестры Агаты, чтобы успокоиться и взять себя в руки.

Ута меж тем продолжала:

— Солнечный свет же есть щедрый дар Божий, коим Творец поддерживает жизненную силу природы, но нечисть всяческая солнечного света не выносит. День потому есть время для труда творческого и иного. Отец же всякого зла лелеет чад своих в нощи, и потому ночь не есть время для творения, а только для сна, молитвы и благочестивого размышления....

— Что это ты? Сама придумала? — удивилась мать Проклея таким речам.

— Нет, это меня учил наш священник...

— Пастор! Но ведь ваша вера, хоть и притворяетесь вы христианами, есть ересь!

— Нет, это не пастор, это отец Константин, из крепости...

Ута и сама себе не смогла бы объяснить, что такое на нее

нашло. Долгие месяцы она сдерживалась, старалась не отвечать на насмешки и оскорбления воспитанниц, послушниц и прислуживающих княжнам девушек, а тут, с того момента, как застала ее сестра Агата в монастырском саду за составлением лекарства для Аник, словно бес какой-то в нее, в Уту, вселился. Зачем ей понадобилось дразнить сестру, а потом мать-настоятельницу?

— Ах, отец Константин! — повторила мать Проклея, думая о чем-то своем. А думала она, что девица эта слишком уж хитра, или, может быть, умна чрезмерно, но что тС, что другое — одинаково вредит дочери Варгиза.

— Да, когда взял меня в ученицы, — кивнула Ута. — И, матушка, как могла я заниматься тем, в чем меня обвинили не разобравшись, в саду святой обители, под сенью святых стен? Да разве такое дело совместимо со столь святым местом!

— То-то и оно, что несовместимо, — подтвердила мать-настоятельница. — А посему тебе, голубушка, быть из этих святых стен изгнанной с позором...

— Матушка, да разве не испепелил бы меня огонь небесный, ежели бы я помыслила только, не говорю — занялась бы греховным этим делом! — воскликнула Ута, прижимая к груди руки. — Да разве попустил бы мне Отец всех нас...

— Не твое дело — Божий промысел! — прогремела настоятельница, поднимаясь со своего кресла и осеняя себя крестным знамением. — Дерзишь, девица, философствуешь!.. Прости мне, Господи, грех гневливости, — пробормотала она, садясь. — Ибо слаба плоть, и дух не усмирлен. Сегодня же собирай свои вещи и убирайся.

Девица закрыла лицо руками, и мать-настоятельница обрадовалась этому непритворному горю.

«Так-то! — подумала она. — Возомнила Бог вещь что о себе! А я здесь хозяйка, и не потерплю дерзости от какой-то там шаваб!.. Прости мне, Господи, грех злорадства!..»

Между тем ударил монастырский колокол, оповестив о начале дневной трапезы.

— Иди, дитя, — почти ласково сказала мать Проклея. — Верю, что твоя душа не вовсе еще потеряна, и не ведала ты, что творила. Ступай же, раскаянием и благочестивой молитвой искупи свой грех, и милостивый Господь простит тебя. Я же, за твои искренние слезы обещаю, что отъезд твой не будет изгнанием, позорящим тебя, но просто тихим удалением прочь.

И так бы они и расстались, и так бы пришлось девице шаваб оставить обитель в тот же день, но дверь растворилась без стука, и дочь Варгиза, надежда матери Проклеи и гордость сестер-

наставниц, Аник, ворвалась в келью настоятельницы.

— Тетушка! — воскликнула она с порога, — сестра Агата сказала мне... Ута!.. — она бросилась к подруге, утешая.

— Эт-то что еще такое? — без особенного, впрочем, гнева воскликнула мать Проклея. Если чрезмерная любовь к ближнему есть грех, то мать Проклея была грешна — она полюбила свою племянницу со всеми ее рыжими волосами, и тонкими губами, и длинным носом, как только может полюбить ребенка незлая старая женщина, не родившая собственное дитя.

— С каких это пор в келью матери-настоятельницы дозволено воспитанницам входить без позволения?

— Но, тетушка!.. — Аник, при виде слез подруги, сама расплакалась, что вовсе не красило ее.

— Я тебе не тетушка, а матушка, изволь придерживаться правил, пока ты здесь. Можешь попрощаться со своей служанкой, больше ты ее не увидишь. И напиши письмо отцу, передашь с ней, пусть тебе пришлют другую девушку для услуг...

— Простите, матушка, — выдавила из себя Аник, утирая слезы, — виновата... Но я так разволновалась, когда сестра Агата сказала мне...

— Сестра Агата будет наказана за свою болтливость! — мать Проклея ударила ладонью о подлокотник кресла. Нет, все-таки придется пожертвовать прекрасным голосом этой белицы, хоть хор и много потеряет, зато в обители будет спокойнее. — А свое решение я не изменю. Ступайте отсюда обе, пока я не передумала, а не то твоя служанка все-таки будет изгнана с позором.

Девушки, понунив головы, вышли из кельи. Мать Проклея хотела было вернуть Аник — у нее было к племяннице дело — но передумала. Успеется.

12.

Дело матери настоятельницы к племяннице касалось будущего пира при дворе верховного князя Гориса, каковой должен был состояться в честь освобождения страны от каптаров. На пиру должен был присутствовать и король Марк, гостивший у верховного князя после изнурительного похода. Воспитанницы монастыря были приглашены на этот пир, и мать Проклея хотела убедить девушку в честь такого события снять траур и одеться, как подобает девице из дома Варгизов. Мать Проклея не была слепой почитательницей старых горских обычаев и немножко — самую малость — тем гордилась. Зная упрямство девушки в этом

вопросе, мать-настоятельница тайно заказала мастерице, шившей для девиц из дома князя Гориса, праздничный наряд зеленого шелка, который должен был, по ее, мастерицы, замыслу, оттенять не очень выигрышную внешность княжны. Мастерица несколько раз побывала в обители и наблюдала из окна кельи матери Проклеи за Аник, прогуливавшейся по саду, и наряд был почти уже готов, но все-таки требовалась хотя бы одна примерка, и завтра к полудню мастерица явится со сметанным платьем. Однако мать Проклея побоялась, что, огорченная предстоящим расставанием с подругой — а мать Проклея прекрасно понимала, что девушек связывает дружба, а вовсе не отношения служанки и госпожи, — Аник откажется от нового наряда, и, может быть, вообще от участия в пире.

Мать Проклея не догадывалась, что дочь Варгиза отдала бы полжизни или даже больше, только чтобы увидеть короля.

Хотя предать подругу Аник тоже не могла.

13.

Аник, сжав ладонями виски, наблюдала, как Ута, всхлипывая, бродит по тесной келье, собирая свои пожитки в узел. Узел получался совсем маленьким.

— Что теперь? — сдавленным голосом спросила Аник. — Может быть, ты все-таки вернешься домой? Отец примет тебя, я напишу ему. Вот только как ты доберешься до дому — одна! Здесь-то дорога безопасна, но дальше, там, за землями князя Баграта — там безлюдье, там может всякое случиться... Я попрошу мать Проклею, чтобы тебе выделили провожатых.

— Тогда, пожалуй, я состарюсь в этих стенах, — буркнула Ута. — Мать-настоятельница меня ненавидит. И, пожалуй, рвнует тебя ко мне.

— Не выдумывай, — сказала Аник. — Она меня вовсе не любит. Она все время на меня злится, и ругает меня.

— Это она для того, чтобы скрыть свои чувства. И еще чтобы ее не винили в пристрастии к тебе, — сказала Ута. — Ты же ее племянница.

Ута села, утерла слезы, вздохнула.

— Ну, вот и все. Пора прощаться. Жаль только, лекарство твое поггло. Сестра Агата так заорала, что я уронила чашку. Так что придется тебе походить с веснушками.

Аник махнула рукой. Что ей веснушки, когда предстоит расставание с единственной подругой! Настал ее черед плакать.

— Куда же ты теперь? — всхлипнув, спросила Аник.

— В Дан, — твердо сказала Ута.

От удивления слезы Аник высохли.

— Ты с ума сошла! — закричала Аник, — одна! Через всю страну! Тебя каждый может обидеть, убить, изнасиловать, ограбить!

— Ну, грабить меня незачем, у меня все равно ничего нет. А чтобы меня не убили и не изнасиловали, я пристану к какому-нибудь каравану. В столицу караваны ходят часто. Расплачусь с ними работой — может быть, еду буду готовить, может быть, стирать, мало ли! С божьей помощью доберусь. А там пойду учиться к какой-нибудь из колдуний. Там их очень много, целая улица — отец Константин говорил.

Аник задумалась. Планы подруги казались ей безумием. Ни она, ни Ута не знали о той жизни, которая текла за пределами монастырских стен, всю свою недолгую пока жизнь прожив в глухом уголке горской страны. Но и сейчас, хоть и не догадываясь о трудностях, ожидавших неопытную девушку в долгом пути, Аник ужасалась.

— Нет, Ута, я тебя не отпускаю. У нас даже денег нет на дорогу. Говорят, на равнине все не так, как у нас, там даже с гостей требуют плату... А денег достать негде.

Князь Варгиз не снабдил дочь, отправляющуюся на учебу, тугим кошельком. С большим трудом для Аник собрали в Красной крепости то, что требовалось привезти с собой в обитель — платья, и белье, и постель. Конечно, у нее были драгоценности — серебряные украшения, серьги, кольца, пояс, подвески к головному убору, ожерелья из монет. Но эти вещи не были собственностью Аник, они принадлежали дому Варгизов, и, если бы Аник продала их, в глазах князя — и в собственных глазах тоже — она стала бы воровкой, а воровство у горцев почиталось самым страшным преступлением, много хуже убийства. Попросить денег у матери Проклеи? Но тетюшка и так потратила много своих средств на наряды Аник, которые, кстати, она почти не носила — только одно черное платье дорогого бахристанского шелка Аник надевала в особо торжественных случаях.

— Я продам свою праздничную одежду, — сказала Ута. — Все равно скоро она будет мне совсем мала.

— Если кому-то здесь понадобится одежда шаваб, — мрачно отозвалась Аник.

— Понадобится! — засмеялась Ута. — Что же, ты думаешь, что если столица, то шаваб здесь и не живут? Живут, как и всюду. Родственников, правда, у меня здесь нет, но не пропаду — какая-нибудь лекарка обязательно имеется, а она не оставит без помощи ученицу старой Анны. Может, даже и подработать

немного удастся, я ведь, если честно, только это и умею делать хорошо — лечить.

— Нет, — сказала вдруг Аник, — я знаю, кто нам поможет. Помнишь, когда осада с Красной крепости была снята, к нам приезжали воины — князь Горгий, и еще один, из витязей короля Марка, благородный Балк?

— Тот, что потом еще дал нам вино для раненых?

— Да, да! Он хороший человек, он не откажет. Ведь пир, который задает князь Горис для короля Марка — это прощальный пир, и король скоро уедет в свою столицу. И Балк тоже, он, конечно, будет на пиру, и, конечно, последует за своим королем. Я попрошу его, чтобы он взял тебя с собой. В Дан. Если ты уж так хочешь...

— Хочу ли я! — воскликнула Ута, — да я никогда и ничего в жизни так не хотела, как этого!.. Но ты — ты ведь останешься совсем одна.

— Ничего, напишу отцу, придет кого-нибудь. Так и сделаем, и не спорь со мной!

— Я не спорю, — улыбнулась Ута, — но твой благородный Балк — мне помнится, он тебе не понравился, показался грубым и неотесанным?

— Он не знал наших обычаев, это так. И говорил не всегда то, что допускается говорить. Но сердце у него доброе, в этом-то я уверена. Нет, он хороший человек, — покачала она головой в ответ не столько словам Уты, сколько своим сомнениям. — Он поможет.

14.

Уговорить мать Проклею подождать с отправкой Уты несколько дней оказалось нетрудно. Аник только немножко приласкалась к тетке, пообещала одеть на пир зеленое платье, объяснила, что отсылать девочку домой одну — значит, нарушить слово князя Варгиза, который поклялся отцу Уты, что с его дочерью ничего дурного не случится. А ведь в дороге, такая молодая девушка, совершенно одна — матушка Прокля, милая тетушка, мыслимо ли?

Милая тетушка согласилась, что да, немислимо, и что она не подумала, но теперь понимает, и воспользуется предстоящей поездкой в Твердыню, на пир, для того, чтобы подыскать для Уты подходящих попутчиков.

Но Аник и этого было мало.

Тетушка же не захочет, чтобы ее племянница на пиру

оказалась совсем одна, без спутницы? Ведь должен за ее спиной стоять хоть кто-то! За спиной княжны Тамар будут находиться три служанки, и за другими девочками тоже — хотя бы по одной, а ей, Аник, самой родовитой княжне в горской стране, не пристало стоять в ряду других княжон одной, как какой-нибудь купеческой дочке, ведь правда?...

— Правда-то правда, но... — мать Проклея многозначительно поджала губы.

Аник ждала слов тетки, затаив дыхание. Мать Проклея уже почти согласилась, неужели она теперь откажет?

А мать Проклея думала о внешности этой противной девчонки — прости, Господи, грех завистливости! — и о том, какие у Уты золотистые косы и синие глаза, да, еще и румянец во все щеки — как это все помешает племяннице хорошо выглядеть!

— Но она — шаваб! Это во-первых. А во-вторых, она одевается неподобающим образом. Эти ее короткие юбки, пестрые, как оперение птицы... Эти ее голые руки, и шея, и вырез такой низкий... Нет, Аник, я не могу допустить, чтобы эта твоя шаваб появилась в крепости Гориса в таком виде.

— Она переоденется, — быстро сказала Аник, обнимая тетку за шею и чмокая ее в сморщенную щеку. — Она оденется так, как другие девушки. Как вы скажете, матушка, так и будет...

Сердце старой женщины растаяло. Конечно, мать Проклея понимала, что только лишь радость за подругу заставила Аник броситься на шею к ней, к старой тетке, и даже поцеловать, но даже и так — матери Проклее была очень приятна ласка племянницы. Как и то, что дочь Варгиза совсем не робела строгой матери-настоятельницы.

— Иди с миром, дочь моя! — отпустила девочку мать Проклея, благословив ее на прощанье. — Не забудь — завтра после обеда придет портниха, я жду тебя на примерку платья...

15.

Равнодушие к нарядам — такая же невозможная вещь для молодой девицы, как для мальчика — безразличие к оружию.

Как Аник ни крепилась, но новое платье заставило ее все-таки ахнуть от восхищения.

Во-первых, цвет.

Платье было зеленым. Но молодая листва, и незрелая слива, и глубокая вода в пасмурный день, и кожа древесной лягушки — все эти вещи зеленые, и все зелены по-разному. Платье Аник было такого цвета, каким бывает трава весной.

Во-вторых, ткань.

Аник случалось уже надевать шелковое платье, то, что было сшито в обители по заказу матери Проклеи. Но то шелк был плотным, хоть и гладким, тяжелым и по сравнению с этим казался грубым.

В-третьих, покрой.

Наряд был точно по фигуре Аник, и в то же время мастерица ухитрилась так скроить платье, что Аник не казалась в нем худышкой с острыми локтями и торчащими ключицами, а, напротив, вполне сформировавшейся хрупкой девушкой с округлостями в тех местах, где им полагается быть от природы. Высокий стоячий воротник был отделан узким белым кружевом, такое же кружево оторачивало длинные, прикрывающие запястья рукава, а вдоль подола шли три ряда широких кружев, не белых, но бледно-зеленых.

К платью прилагалась косынка из таких же бледно-зеленых кружев. Мастерица пыталась приладить ее на голову Аник разными способами — завязывая на затылке или под подбородком, приколов к волосам, связав ею косы, как лентой. Всякий раз, попробовав тот или иной способ, мастерица отступала на шаг и критически смотрела на Аник, почесывая при этом подбородок. По этому жесту, и по тому, как морщился нос мастерицы, Аник догадывалась, что с косынкой что-то не то.

Наконец мастерица сдалась и повязала косынку на талию Аник наподобие пояса.

— Будет так, — сказала она, коверкая слова: мастерица не была ни горянкой, ни шаваб.

— Только голову не одевай, поняла? — продолжала мастерица. — Голову пусть так оставит, — обратилась портниха к матери Проклее, наблюдавшей за примеркой из своего высокого кресла. — Лучше косы чтоб не были, просто волос. Так, — мастерица подергала себя за пряди волос, выбивавшиеся из повязанного на голову цветастого платка. — Красивый волос, густой... Сочный.

— Ты хочешь сказать, что ей лучше распустить волосы? — догадалась мать Проклея. — Но у нас женщины расплетают косы только в знак глубокой скорби. Придумай что-то другое.

— Украшения, — сказала мастерица. — Пусть покажет украшения. Что наденет, как наденет...

Мать Проклея кивнула. Аник, не сняв платья — ведь примерка была еще не закончена — побежала в свою келью за ларцом с украшениями. В узком переходе ей встретилась княжна Тамара. По тому, как удивленно изогнулись брови высокомерной внучки князя Гориса, и как задрожали ее ноздри — завистливо и

злобно, — Аник поняла, что в новом платье она выглядит хорошо, что платье это не просто ей к лицу, но преображает ее так, что даже и княжна Тамара, слышавшая первой красавицей монастырской школы, испытала при виде Аник зависть.

Аник ворвалась в келью, которую делила с Утой. Подруга, которой строго-настрого приказано было не высовывать носа за порог кельи — даже поесть ей приносила сюда одна из белиц — коротала время, переписывая для Аник некоторые несложные рецепты (как сводить бородавки, например, или чем лечить насморк). Увидев дочь князя в новом платье, Ута ахнула.

— Вай, совсем красавица! Берегись, король Марк!

Аник почувствовала, что краснеет — стало жарко щекам и ушам.

— Зачем так говоришь? — сказала она смущенно. — Я же знаю, что я уродина. Это просто платье красивое.

— Это ты — красивая, — серьезно произнесла Ута. — И это не потому, что на тебе новое платье. Просто к тебе все привыкли — в черном и в черном, а ты изменилась, выросла, похорошела, а никто этого не замечал... Теперь же, в новом платье, ты обращаешь на себя внимание.

— Если б ты видела, как Тамара скривилась, когда меня встретила! Как будто на жабу наступила!

— Завидует, — убежденно сказала Ута. — Погоди, они еще все тебе завидовать будут.

Аник с ларцом в руках вернулась в кабинет настоятельницы. Мастерница долго перебирала цепочки, пояса и прочие побрякушки, прикладывая то то, то другое украшение к платью. Мать Проклея приняла деятельное участие в обсуждении и, наконец, наряд был завершен полностью. Вместо кружевной косынки на талию надели широкий серебряный пояс, ожерелья в тон поясу повесили на шею, а голову увенчали серебряным обручем с подвесками черненого серебра. Мастерница отступила на шаг, удовлетворенно кивнула и поднесла к лицу девушки бронзовое зеркало. Аник увидела чужое, взрослое лицо горянки. Она не показалась себе красивой, но обнаружила, что вовсе не уродина. Оказалось, что глаза у нее большие и томные, что на скулах лежит нежный румянец, нос длинноват, но зато изящной формы, и с горбинкой, как у отца и у тетушки. Даже веснушки были не так уж заметны. И зеленый цвет ей к лицу.

«Ах, да я уже взрослая!» — с удивлением подумала Аник. И вспомнила, что на Сретенье ей сравнялось шестнадцать.

С помощью портнихи Аник сняла платье и переделалась в обычный свой наряд из черной шерсти. После нежного прикосновения шелка к телу шерсть показалась кусачей и

неприятной.

Мастерица, усевшись прямо на пол и поджав под себя ноги, принялась за работу — нужно было немного убрать в талии и подрубить подол. Она напевала что-то себе под нос на незнакомом языке. И это не был язык равнинного народа.

Аник, чуть помедлив, испросила разрешения уйти. Мать Проклея кивнула, но мастерица, подняв глаза от работы, замотала отрицательно головой:

— Нет, нет, еще мерить надо... Потом еще мерить. Смотреть, как, хорошо ли, ладно ли...

Мать Проклея поморщилась недовольно — приближалось время вечера. Но кивнула Аник, позволяя остаться, — и вышла.

16.

Аник присела на корточки рядом с мастерицей. Иголка летала быстро, оставляя за собой ровные и мелкие стежки. Аник, конечно же умела и кроить, и шить, и вышивать, но так у нее никогда бы не получилось — так ловко, споро и, главное, так скоро.

— Ты так быстро шьешь, — не выдержала она. — Как ты научилась?

— Э, девушка, совсем маленький был — уже умел... Другой куклы играл, скакалки прыгал, а я уже шил, работал, отца помогал...

— Отцу? — догадалась Аник. — Чем помогала? Шитьем?

— Отца делал каптан, шапка делал, а я подкладка подшивал... Мама наша болел шибко, шибко болел, на ноги не становал... И помер. Отца тоже болел, тоже помер, малый братик один, другой... Я шил. Каптан не мог, платье мог. Платье мог, рубашка, всякий такой... Кружево мог. Никто не мог, а я мог! — мастерица цокнула языком, показывая, как хорошо она могла шить. — Мой брат большой становал, в Дан ходил, Мариам служить, меня с собой брал. Мариам говорил, никто шить не может, только Фатъма может, моя Фатъма звать... Я шил Мариам, и другим женщинам шил, много шил, богатый стал, дом был, сад был, все был... А потом Мариам гневался, я бежал... Сюда бежал.

— А кто это — Мариам?

— Мариам — мама королю. Шибко сердитый женщина Мариам, шибко злой... Голова был — Мариам сердился — голова нет, вот так! Я голова жалел, дом не жалел, сад не жалел... Теперь нет ничего, голова есть! — мастерица засмеялась. — Платье снимай, это надевай, смотреть будем...

Аник снова переоделась, снова нацепила отобранные украшения, прошла несколько раз взад и вперед по требованию мастерицы — Фатма цокала языком и трясла головой, выражая свое восхищение.

— Самый красивый будешь, — заявила она. — Моя — Тамара шил, и Нина шил, и еще девушкам шил — никто такой красивый не был. Так посмотришь, — мастерица повернула голову и бросила косой взгляд из-под ресниц, — самый красивый юноша свое сердце в зубах тебе принесет!

Аник зарделась. Самые красивые юноши ее не интересовали. А тот, кто интересовал ее, никак не был юношей.

— Фатма, — спросила она, — а ты короля нашего видела? Фатма рассмеялась.

— На колени сажал, песни пел... Распашонка шил, каптанчик шил, штанишки шил... Потом рубашка шил; Регина корона одевал — Фатма платье шил... Регина умирал — молодой такой, красивый такой — Фатма саван шил... Король плакал — Фатма утешал. Мариам гневался — король поход шел, Фатма взяла... Сюда привез.

— А за что Мариам на тебя гневалась?

Фатма поцокала языком, сморщившись, от чего ее лицо стало похоже на зимнее высохшее яблоко.

— Моя шибко глупый был, платья шил — кто хотел, приходил, заказывал, деньги платил... Моя не спрашивал — кто, что, какой твой бог, зачем? Всем платья надо. А Мариам одна голова рубить хотел, Фатма ее прятал...

— Голову? — с ужасом спросила Аник.

— Зачем голова? Живой человек. Красивый, молодой — моя платья шил, много шил, год, и два год... Жалко ее был. Другой бог молился, потому Мариам на нее злой был. Фатма ее прятал, деньги давал, лошадь давал, бежать помогал... Мариам узнал, хотел Фатма голова сечь...

— А почему король тебя не защитил?

— Король — сын, Мариам — мама. Хороший сын должен слушать, все делать, что мама говорит. Марк — хороший сын. И потом, Марк что знает? Война знает, поход знает, войско знает... Мариам город знает, люди знает, деньги знает. Марк на войну шел — Мариам король. Марк год нет, три нет, десять нет — Мариам король. Марк вернулся, Мариам все равно король, Мариам говорит — Марк войну знает, Мариам мир знает, пусть Марк отдыхает, Мариам будет сам думать, сам решать...

— Ты еще не передумала? — спросила с насмешкой Ута, когда Аник вечером передала ей содержание своего разговора с мастерицей.

— О чем это ты? — не поняла Аник.

— Не передумала выходить замуж за короля? С такой свекровью жизнь медом не покажется.

— Ой, что ты все глупости говоришь! — рассердилась Аник, но предательский румянец вспыхнул на ее щеках. — Ни за кого я замуж не собираюсь. Ты права — мы уже взрослые и пора перестать верить сказкам. Просто интересно посмотреть на короля.

— А почему ты тогда так покраснела?

Аник дотронулась ладонями до щек. Щеки горели.

— Жарко, — сказала она.

Платье и драгоценности были тщательно упакованы в узкий дорожный сундук. За два дня до пира сундук вместе с другими такими же сундуками, содержащими праздничные наряды воспитанниц обители, погрузили в повозку и отправили в Твердыню. В повозке отправились и некоторые из девушек-служанок, те, кто не умели ездить верхом. Были среди горянок и такие, чему Аник удивлялась. Еще дочь князя Саркиса, тучная Русудан, отправилась в повозке. Остальные воспитанницы в сопровождении присланного князем Горисом почетного эскорта, выехали на следующее утро.

Аник в первый раз за много месяцев покинула стены обители.

Она ехала на своей белой кобыле, грива и хвост которой в честь праздника была убрана разноцветными лентами, вслед за матерью настоятельницей, среди сопровождавших ее белиц на мулах. Сама мать Проклея, невзирая на возраст, восседала на горской лошади. Дальше следовали другие девушки, воспитанницы монастырской школы, и Аник чувствовала спиной завистливые их взгляды. Замыкала кортеж стайка служанок на ослах и мулах — только Ута была верхом на коне, и ехала она позади всех. А впереди кавалькады и за ней скакали джигиты верховного князя в праздничных белых бешметах. Встречные путники, и крестьяне, занимавшиеся своими делами на полях вдоль дороги, кланялись процессии, преклоняя колени, а мать Проклея благословляла их рукой, в которой сжимала драгоценные гагатовые четки.

Ощущение счастья переполняло душу Аник. Праздничное убранство лошадей, белые одежды джигитов, яркое синее небо, сверкающие горные вершины на далеком горизонте, цветущие сады вдоль дороги — все это, и еще чистый горный воздух, и щебетание птиц — нет, положительно, день был прекрасный, и жизнь была прекрасна, и завтра, а, может быть, даже и сегодня, она, Аник, увидит короля Марка... Жаль только, что она не могла поделиться своей радостью с подругой. Но порядок шествия был утвержден матерью Проклеей, которая строго-настрого приказала служанкам держаться подальше от родовитых девиц. И особенно предупреждала об этом Аник.

— Хватит того, что ты будешь в черном, — сказала мать Проклея. — Поедешь сразу вслед за сестрами, чтобы не портить

вид процессии. Мы с тобой составим два единственных темных пятна на общем светлом фоне. Но эти глупые курицы будут завидовать твоей близости ко мне, а если ты еще и служанке своей позволишь ехать рядом с нами, то совсем испортишь им настроение. Нехорошо в такой радостный день злобствовать, не вводи их в грех...

— Ах, матушка, ну какое мне дело до их злобы и даже до сплетен! — возразила Аник. — Пусть себе злобствуют.

— Это — твои подруги. Во всяком случае, хотя бы кто-то из них должен стать твоей подругой. Смири хоть немного свою гордыню — они все из хороших домов, знатных семей...

Аник не возразила настоятельнице. Она только подумала про себя, что все они — напыщенные дуры, и что ни одна из них недостойна стать подругой ей, дочери Варгиза. Но оставила свое мнение при себе. И теперь завистливые взгляды, упиравшиеся в ее спину, совсем не портили ее прекрасного настроения. Пусть себе думают, что хотят. А с Утой она успеет наговориться — домашний арест, наложенный на девушку-шаваб в стенах обители, будет действовать и в Твердыне, и Ута будет жить в комнате Аник, а не вместе с другими служанками.

2.

Час спустя они увидели Твердыню. Крепость, показалась Аник огромной — ведь она знала только свою родную Красную крепость и маленькую пограничную крепость на землях князя Баграта по дороге в монастырь Святой Шушан.

Твердыня была целым городом, построенным на склонах горы и обнесенным стенами. И под стенами тоже был город. И внизу, в долине, вдоль широкой и быстрой Большой реки, был город. Аник никогда не видела столько домов сразу, во всем их княжестве, во всех селениях на землях князя Варгиза не было столько домов, как в этом городе. Она не смогла сдержать удивленный возглас:

— Ва! И во всех этих домах живут люди?

Мать Проклея засмеялась.

— «Ва!» — передразнила она Аник. — Во всех живут.

— Сколько же здесь людей, ва! И что они едят? Ведь каждому нужно поле и огород, а здесь негде пахать землю... Разве что поля расположены в окрестных горах? Но тогда у них по полдня уходит на дорогу!

— Почти никто из жителей Твердыни не пашет землю, — сказала мать Проклея наставительно. — Они живут ремеслами,

торговлей, служат князю... Да мало ли занятий у горожан!

Много ли занятий было у горожан, мало ли, но в этот день, казалось, все население Твердыни забросило свои дела, чтобы поглазеть на праздничную процессию. Мать Проклея направо и налево раздавала благословения — она была известна своей святой жизнью и любима народом. Толпы горожан, празднично разодетых, выстроились вдоль главной улицы Твердыни. Белые и черные наряды айков, яркие одежды шаваб, пестрые одеяния незнакомого Аник народа, кожаные костюмы жителей равнин — от всего этого великолепия рябило в глазах и кружилась голова. Аник почти обрадовалась, когда улица наконец кончилась, и процессия оказалась на площади перед запертыми воротами крепости. Ворота были медными, и ярко сияли в лучах полуденного солнца. Двое воинов стояли перед воротами, скрестив копья и преграждая вход. Аник удивилась — в Красной крепости ворота затворяли только на ночь. Или когда крепость была осаждена.

Аник подъехала поближе к матери Проклее и спросила:

— А почему заперто? Неужели опять война?

Настоятельница засмеялась.

— Так требует обычай. Смотри и слушай.

Один из сопровождавших процессию джигитов подъехал к воротам и ударил ножнами меча в свой щит. Щит глухо зазвенел. Над воротами, в надвратной башенке, открылось окошко.

— Кто идет? — громко спросил кто-то невидимый. Мать Проклея нахмурилась:

— Это не князь Горис... Странно. Неужели он считает ниже своего достоинства... — она не договорила. Витязь, подъехавший к воротам, сказал:

— Настоятельница обители Святой Шушан, что в селе Горном, мать Проклея, с белицами и воспитанницами монастырской школы.

— С радостью в сердце встречает дом верховного князя дорогих гостей! — воскликнул голос. — Благословенна дорога, приведшая гостя!

Мать Проклея выехала вперед и сказала:

— Благословенны гостеприимные стены!

Ворота медленно со скрипом растворились. Мать Проклея въехала под арку. Следом за ней потянулась процессия: белицы, воспитанницы, служанки. Эскорт остался на площади.

Аник с любопытством озиралась по сторонам. К ее удивлению, внутри крепости улица продолжалась. Разве что дома здесь были чуть побольше, и стояли ближе друг к другу, и не было разряженных толп. Рядом с матерью Проклеей Аник увидела

всадника на прекрасном бахристанском коне.

— Кто это? — не выдержала она и спросила у одной из ехавших подле нее белиц.

— Князь из дома Гориса, Симон, — шепотом ответила белица. — У него даже и крепости своей нет. Видно, что-то случилось, раз верховный князь нас не встречает...

— А у нас князь никого не встречает — на то есть привратник. А князь ждет в главном зале, или во дворе, если хочет почтить гостя...

— В каждом монастыре — свой устав, — сухо ответила белица пословицей и чуть придержала мула — чтобы не ехать рядом с Аник.

Улица уперлась еще в одни ворота, тоже затворенные, но распахнувшиеся при их приближении. Процессия въехала на двор княжеского дома. На крыльце стояла высокая молодая женщина, поклонившаяся матери Проклее.

— Приветствую тебя, дочь Гориса, — звучно произнесла настоятельница. — Здоров ли отец твой?

— В доме Гориса, верховного князя от времен последнего царя, рады приветствовать гостей. Князь устами своей дочери просит простить его — заботы не позволили ему лично встретить вас...

Мать Проклея, не дослушав, фыркнула. Она не была яркой приверженкой старых обычаев, но в такой встрече видела неуважение к себе, и, в своем лице, к обители, а, может, даже и ко всей церкви.

Подбежавшие дружинники помогли старухе слезть с лошади и, поддерживая ее под руки, повели в дом. Дочь Гориса ушла вслед за ней, предоставив прибывших самим себе.

Аник бросила взгляд на княжну Тамару. Внучка Гориса порозовела и прятала глаза. Князь Симон подал знак дружинникам, и те помогли девушкам и монахиням спешиться. Выскочившая в это время на крыльцо пожилая женщина затараторила что-то, размахивая руками, на ухо княжне Тамаре, Тамара испуганно ойкнула. «Что-то случилось, — подумала Аник, — и что-то серьезное...»

3.

Случилось действительно нечто серьезное — во время охоты в горах, устроенной гостеприимным князем Горисом для высокого гостя, король Марк был ранен. Случилось это только вчера, и князь Горис (вместе с другими князьями своего дома)

выяснял, случайность ли это, какая бывает на охоте, или стрелу направила злоумышленная рука.

Рана короля не была тяжелой и не помешала бы ему принять участие в пире. Но, если имел место заговор, угрожавший жизни Марка, короля могли на пиру попытаться отравить, и князь Горис спешил разобраться — позор на голову хозяина, в доме которого с гостем что-то случилось, стоил бы ему и его потомкам места правителя, да и самого княжеского титула. Все это Аник поняла из разговора пожилой женщины с княжной Тамарой, подойдя чуть поближе к крыльцу — вовсе не затем, чтобы подслушать, совсем нет, просто, для того, чтобы войти в дом, надо же сначала подняться на крыльцо? Разве не так? И она не виновата, что женщина из дома верховного князя говорила так громко. Она, Аник, подслушивать не собиралась, но и торчать посреди двора тоже не хотела...

— Король ранен на охоте, — сказала она Уте, когда пожилая женщина проводила их в их комнату и оставила одних. — Не тяжело, но, может быть, пир придется отложить.

— О! — воскликнула Ута, широко открыв глаза. — Может быть, и вовсе отменят?

— Может быть. Князь Горис опасается заговора, и того, что короля попытаются отравить на этом пиру...

— Не приведи Господь! — перекрестилась Ута и спросила:

— А ты откуда знаешь?

— Да уж знаю, — сказала Аник.

4.

Спустя несколько минут девушек — и воспитанниц, и служанок, — собрали в большой комнате, где на время пребывания в доме верховного князя разместилась трапезная для гостей.

Мать Проклея подтвердила уже известный всем слух о ранении короля, отмела все утверждения о заговоре — горец может убить врага в честном бою, но не станет стрелять в спину, — и сообщила, что торжественный прием будет иметь место завтра с утра, после чего состоится пир, а пока девушки могут погулять в саду в ожидании, когда их накормят. В другие помещения дома, помимо отведенного им крыла, мать Проклея настоятельно просила не ходить. Эта просьба, конечно, не касалась внучки князя Гориса, княжны Тамары, а также тех из ее подруг, кого княжна сочтет нужным пригласить к себе. Княжна Тамара тут же воспользовалась позволением, и позвала

ближайших своих товаров полюбоваться обновками, приготовленными для нее матерью и тетками. Аник, конечно же, в число избранных не попала. Она хотела вернуться в свою комнату, но мать Проклея велела ей идти в сад:

— Тебе надо подышать свежим воздухом, чтобы выгнать из легких дорожную пыль. Не то ты завтра будешь бледна. Иди, дитя, погуляй!

Мать Проклея была расстроена и взволнована, иначе она, пожалуй, не выслушала бы так рассеянно просьбу Аник о том, чтобы ее подруге было позволено сопровождать ее в сад, и не кивнула бы, давая согласие. А, может быть, она решила, что раз уж девушки скоро расстанутся, большой беды в совместной прогулке не будет.

Во всяком случае мать Проклея кивнула, и девушки вышли в сад, где уже слонялись две или три воспитанницы, которых Тамара не сочла нужным пригласить в свои покои. Но не только девушки гуляли по дорожкам сада, были здесь и мужчины — горцы и витязи короля Марка. В одном из них Аник узнала благородного Балка.

Она, конечно, заговорила бы с ним, будь он один, но рядом стояли люди, и Аник прошла мимо, едва только глянув в сторону воина — не здороваться же ей первой. К ее удивлению, благородный Балк узнал ее и поклонился.

— Привет, дочь Варгиза, — сказал он.

— И тебе мой привет, благородный Балк, — церемонно произнесла Аник, склоняя голову. За почти год, прошедший с их первой встречи, Балк говорил на горском ничуть не лучше.

— Мои друзья Ян и Иван, — продолжал он, тыкая пальцем каждому в грудь, и добавил несколько слов на своем языке, обращаясь к спутникам. Аник опустила ресницы, покраснев. Витязи смотрели на нее с интересом, и один из них что-то сказал.

— Ян говорит: молодая, красивая, смелая. Крепость защищать, людей лечить, — перевел Балк. — Он о тебе слышать, но не знает, что такая... Вах! — Балк всплеснул руками и поднял глаза к небу, показывая, как прекрасна Аник.

Аник почувствовала, как краска заливает ее лицо.

— Но я не защищала крепость, — возразила она, — крепость защищали воины под водительством моего отца... И людей, если на то пошло, лечила не я, а Ута, я только помогала ей и отцу Константину, нашему священнику. Вот Ута, — она потянула подругу за рукав, — это она лечила, а не я!..

— Знаю, — сказал Балк, — Помню. Рядом сидеть, когда пир, да?

Ута кивнула, стрельнув глазами в сторону благородного

Балка. В отличие от Аник, она совершенно не была смущена.

Аник совсем уже решила поговорить с Балком о судьбе подружки — ведь витязи, окружавшие его, по-видимому, совсем не знали горского, — как резкий окрик заставил ее вздрогнуть:

— Княжна Аник!

Мать Проклея грозила ей пальцем из окна второго этажа.

— Прошу простить, благородный Балк, меня зовут! — быстро сказала она и подбежала к окну.

— Поднимись ко мне, — велела настоятельница. — И свою шаваб возьми с собой.

— Позор! — закричала мать Проклея, когда Аник вместе с Утой переступили порог приемной. — И это девушка, воспитанная в доме Варгиза! И это — дочь Рузан! Какой позор!

— Но, матушка, в чем я виновата?

— Стоять на виду у всех, беседовать с незнакомыми мужчинами — как можно так забыться, дочь князя? Что сказал бы отец?

— Но, матушка, это были вовсе не незнакомые мужчины. Во всяком случае, один из них. Это — благородный Балк, витязь короля Марка...

— Откуда, скажи мне, ты можешь его знать?

— Он был в Красной крепости в день снятия осады, вместе с князем Горгием. Отец лежал раненый, и я принимала гостей, как хозяйка.

— Вот оно что, — сказала все еще рассерженная, но начинавшая уже успокаиваться настоятельница. — Ну, на войне многое можно — из того, что недопустимо в мирное время. Но в любом случае — вот так, на виду у всех, стоять и болтать с мужчиной — бесстыдно и позорно! Иди в свою комнату. И носа в сад не показывай, слышишь?

5.

Если это и не было катастрофой, крушением всех надежд Уты, то очень на то походило. Пир — Ута знала, как проходят горские пиры, совсем не похожие на веселые застолья шаваб. Мужчины и женщины сидят за разными столами, иногда даже и в разных помещениях. Гости мало едят, и мало пьют, зато очень много говорят — мужчины, разумеется. Та из женщин, что возглавит стол — супруга Гориса княгиня Джана, или, может быть, мать Проклея — скажет один тост. Не больше. Потом мужчины будут долго петь, а женщины в это время — сплетничать, и хихикать, и строить глазки джигитам, сидящим за

мужским столом. А потом будут танцевать. Но и во время танца, даже если Балк будет партнером Аник, поговорить им не удастся. Девушкам во время горского танца не позволено даже и глаза поднять на своего партнера, не то — говорить с ним. А она, Ута, будет все время стоять за спиной Аник, а когда начнутся танцы, ее вместе с другими слугами отправят на кухню, где для прислуги будет накрыт стол...

И Ута решилась.

— Теперь или никогда, — сказала она. Аник, надувшаяся после выволочки, устроенной ей матерью-настоятельницей, сидела на подоконнике и тупо смотрела сквозь оконную решетку в сад. При словах Уты она обернулась.

— Что ты имеешь в виду?

— Я сейчас пойду и поговорю с благородным Балком, — сказала Ута. — Найду его...

— Где ты его найдешь? И потом, тетушка велела нам сидеть в комнате и носа не показывать.

— Ва! — сказала Ута. — Я скажу, что хочу пить. И ищу кухню. Или место, где можно напиться. Что, нас собираются морить голодом и томить жаждой? Не узницы же мы в конце концов!

— Ой, я тоже хочу пить, — оживившись, воскликнула Аник и прыгнула с подоконника. — Пойдем поищем воду.

— Нет, — сказала Ута. — Ты — дочь князя, тебя заметят, донесут матери-настоятельнице. А я — никто, служанка, и меня никто не знает. На слуг не обращают внимания.

— А вдруг узнают? — спросила Аник встревожено. — Если мать Проклея узнает, что ты нарушила ее распоряжение, она тебя выгонит, и мы с тобой можем никогда в жизни не увидеться!.. — от этой мысли Аник стало страшно. — А так я всю вину возьму на себя, меня она не выгонит.

— Нет, Аник, — покачала головой Ута. — Ты и так слишком испытываешь терпение своей тетки.

— А если с Балком не удастся договориться? Если ты его не найдешь? Или если он не согласится? Вообще-то лучше было бы мне с ним договариваться, мне он не откажет...

— Меня он тоже помнит. Нет, Аник, ты сиди здесь, а я пойду...

— Погоди, — сказала Аник, чувствуя, как ее глаза наполняются слезами. — Давай хоть попрощаемся! На всякий случай...

Подруги обнялись. Аник расплакалась, Ута тоже хлопала носом.

— Знаешь что? У нас, горцев, есть старинный обычай... Ты не смейся только, но давай побратаемся!

— Аник! — воскликнула Ута, улыбнувшись сквозь слезы, — как мы можем побрататься! Мы можем только по... засестриться! Видишь, даже слова такого нет!

— Нет — так будет, — сердито сказала Аник и топнула ногой. — По обычаю надо капнуть по капле своей крови в чашу вина и разделить эту чашу с будущим побратимом. У нас вина нет, мы просто смешаем свою кровь, — с этими словами Аник вынула кинжал из украшенных бисером ножен, тот самый, который когда-то подобрал для нее старый Кена. Она деловито полоснула кинжалом по ладони, ойкнула и протянула кинжал Уте.

Ута покачала головой, но кинжал приняла, прикусив губу, тоже разрезала ладонь.

Девочки соприкоснулись порезами, и у Уты вдруг удивленно округлились глаза.

— О, Аник! — сказала она, отнимая свою ладонь, — я чувствую твою кровь!

А Аник уставилась на свою узкую ладошку. В том месте, где был порез — она до сих пор чувствовала жжение — не было и следа, только полоска крови поверх гладкой кожи.

— А где?... — выдохнула она, — где шрам?

— Я залечила свой порез, — сказала Ута, деловито вытирая руку платком. — Я сама не знаю, как это у меня получается, и могу это делать только на себе. А теперь, значит, и на тебе тоже. Значит, можно использовать такой способ лечения...

— Ты только о лечении и думаешь, — пробурчала Аник. — Мы теперь с тобой — сестры, а ты думаешь о лечении!

Ута развела руками, дескать, ну такая вот я, что со мной поделаешь! — глянула на Аник лукаво и искоса и сказала:

— Мы теперь больше, чем сестры. Твоя кровь пробежала уже по каждой моей жилочке — я ее чувствую. И всегда буду чувствовать. Ты всегда будешь со мной, а я с тобой. Оказывается, в этом обычае много больше смысла, чем в прочих.

6.

Девушек прервали.

Бесшумно открылась дверь. Немолодая незнакомая белица с постным, как будто у вяленой рыбы, лицом, принесла еду для Уты и пригласила Аник к обеду.

За столом почти никого не было: княжна Русудан и две молоденькие княжны из дома Атанаса, Кето и Мина. Остальные воспитанницы, по-видимому, обедали вместе с княжной Тамарой

в ее покаях. Толстушка Русудан выглядела весьма довольной — она всегда любила покушать, и ожидала, что с отсутствием столь многих за обедом ее порция увеличится. Белиц, и самой матери Проклеи в трапезной тоже не было.

— А где сестры? — спросила Аник, усаживаясь.

— Их принимает княгиня Джана, — сказала Русудан, облизывая пальцы. — А подруг Тамары пригласила к себе княжна Астмик. Вай, такая курочка вкусная — попробуй, Аник! Они здесь откармливают птицу пшеницей, вымоченной в вине, и мясо получается такое нежное!.. Когда я выйду замуж, я тоже буду так птицу откармливать... Жалко, что я уже просватана, — добавила Русудан, накладывая на свою тарелку еще несколько кусков курицы — так что для Аник и молоденьких княжон остались только несколько неаппетитных кусочков шейки и спинки, — такие здесь джигиты, вай-вай! — она, жмурясь то ли от воспоминания о джигитах, то ли от вкуса еды, впиалась зубами в куриную ножку. — Я сейчас в саду познакомилась. И все — князья, и все — холостые. Зачем ты так быстро ушла из сада, Аник? Побывала бы еще немного — и жениха бы себе нашла, отцу твоему не надо было бы беспокоиться... Ты ведь невеста богатая, за тобой крепость в приданое пойдет. Тебе не нужно искать сына-наследника, и младший сын сгодится... А князь Симон — такой душа! — Русудан причмокнула сольными жирными губами. — Молодой, и красавец, и самому князю Горису родня... А почему ты ничего не ешь, Аник?

— Я не голодная, — сказала Аник, отломив кусок хлеба и налила себе воды в высокий серебряный кубок. Кето и Мина обглаживали какие-то косточки. Русудан огляделась по сторонам и подвинула к себе поближе блюдо с тушеной свиной.

— Ты слишком мало ешь, — рассудительно произнесла она. — Поэтому ты такая худая и бледная. А мужчины любят пухленьких — таких как я. Вай, ну почему отец так поспешил меня просватать?

— А за кого тебя просватали? — спросила Аник, наблюдая за Русудан с каким-то брезгливым любопытством.

— За Горгия.

— За какого Горгия? — Аник знала только одного Горгия из дома Горгиев, бывшего жениха ее пропавшей сестры. Но тот Горгий, насколько ей было известно, давно женился. Однако именно его имела в виду толстая Русудан.

— Горгий из дома Горгиев, наследник крепости Серых Скал. А он старый, и вдовец к тому же. Зато Горгии богатые — побогаче даже и моего отца. Ва, но у него трое детей!.. Я так плакала, когда узнала...

Князь Горгий! Аник вспомнила свою прошлогоднюю встречу с бывшим женихом сестры. Он не очень ей понравился, к тому же показался грубым и не очень хорошо воспитанным. Помнила она и самую первую встречу с князем Горгием, и как он посватался к ней, к Аник, и как отец отказал ему, отговариваясь молодыми годами невесты. Теперь вот Горгий женится на княжне Русудан, а Русудан даже младше ее, Аник! Не то, чтобы Аник завидовала толстушке, или хотела бы замуж за князя Горгия, но новость почему-то была неприятна. Как будто у Аник отняли что-то, принадлежавшее лично ей.

Русудан меж тем продолжала болтать:

— И он такой важный — знает же, что я, его невеста, здесь, и даже и не пытается со мной встретиться! В сад не вышел, вестей о себе не подает. Даже и обидно, право слово!

— Он блюдет старый обычай, — сказала Аник. — Знаешь же, что после сговора жених и невеста не имеют права встречаться до самой свадьбы.

— Ва! — сказала Русудан и сыто рыгнула. — Сговор был заочный, между родителями. Он в походе был в это время. С королем Марком. Так что он меня и не видел никогда. Мог бы и нарушить обычай. А то вдруг я ему не понравлюсь! — Русудан захихикала, считая свои слова шуткой. Она была уверена в своей неотразимости.

Обед был окончен. Служанки подали воду для омовения рук. Аник попросила отнести к ней в комнату кувшин шербета и фрукты.

— Матушка запретила мне выходить, — пояснила она появившейся невесте откуда белице с лицом сушеной рыбы, нахмулившей брови в ответ на ее просьбу. По-видимому, мать Проклея приставила ее специально, чтобы проследить за поведением строптивой племянницы.

— Но тебе позволено бывать в этой комнате, — сказала белица. — Можешь сидеть здесь, только в сад не выходи.

Аник скривилась. Она была сыта по горло болтовней Русудан.

— Нет, я вернусь к себе, — сказала она. — Спасибо, сестра.

7.

Белица прочитала молитву, и отпустила наконец девушек. Аник побежала к себе, надеясь, что еще застанет Уту, и опасаясь, что подруга уже ушла.

Дверь была заперта.

Аник подергала ручку, постучала.

— Кто это? — раздался голос из-за двери.

Ута!

— Это я, Аник. Впусти меня!

— Не могу! Меня заперли! — Ута казалась разгневанной.

Аник растерянно оглядела дверь. Она никак не могла понять, как ее подругу могли запереть, если на двери снаружи не было ни засова, ни щеколды.

Ответ явился вместе с постнолицей белицей. И с большим ключом в ее руках.

— Мать-настоятельница велела, — хмуро пояснила белица, вставляя ключ в дырку, проделанную под ручкой двери — а Аник еще гадала, для чего эта дырка! Ключ со скрежетом повернулся. — Мать-настоятельница доверяет слову дочери Варгиза, но у шаваб нет чести.

— У шаваб столько же чести, сколько у горцев, ни больше ни меньше! — гневно заявила Аник.

Белица скривилась, будто хлебнула по ошибке уксусу.

— И ты скажешь, что она не собиралась только что сбежать? И искать этого межгорского витязя? Лгать грешно, девица!

— Ты отдаешь себе отчет в том, с кем ты разговариваешь? Я — дочь Варгиза, князя Красной крепости, наш дом существует от начала времен!..

— Перед ликом Господа все едины — князья и последний из пастухов, — скучным голосом ответила белица. — Я служу Тому, кто отменил все различия между людьми. Твоя же гордыня — греховна. Смирись.

— Подслушивать — тоже грех! — заявила Аник, и, гордо вздернув подбородок, прошествовала мимо белицы в комнату, громко хлопнув за собой дверь.

— Ты понимаешь, что это значит? — прошептала она подруге, выглянув за дверь и убедившись, что их не подслушивают: белица с книгой в руке устроилась на широкой скамье напротив двери. — Мы теперь не можем выйти! Иначе тетушка решит, что у меня нет чести! Или у тебя!

— Не можем — так не можем, — рассудительно сказал Ута. — Подождем до завтра, может быть, все образуется.

8.

Когда воспитанницы, приглашенные княжной Астмик, вернулись в свои комнаты, белица с постным лицом (она представилась сестрой Гликерией) собрала девушек и повела их в баню. Уте было разрешено сопровождать Аник.

Девушки, побывавшие во внутренних покоях, шумно восхищались обновками княжны Тамары, утонченными манерами княжны Астмик, обильным столом и вкусными напитками, поданными к обеду. А также красотой и обаянием присутствовавших на обеде младших князей из дома Гориса: второго сына верховного князя Давида, младшего брата княжны Тамары Гориса и князя Симона.

— Это что-то новенькое, — шепнула Аник Уте. — Чтобы мужчины сидели за женским столом — это я впервые слышу.

— Но разве в доме Варгиза так не принято? — удивилась Ута. — Я имею в виду не пиры, а обычные, повседневные трапезы.

— Ну, это когда гостей нет, — сказала Аник.

— А может быть, в доме верховного князя всегда гости?

В помещении бани подруг разделили. Аник вместе с другими воспитанницами собралась мыться, а Уту сестра Гликерия отвела в то помещение, где были сложены сундуки с нарядами — подготовить платье для завтрашнего пира.

Аник еще не успела раздеться, когда услышала гневный голос Уты.

Ута кричала на кого-то, и звала ее, Аник.

Аник бросилась на голос подруги, растолкав столпившихся у входа в раздевалку девушек — княжна Нина как раз показывала, как изящно вытирала рот салфеткой княжна Астмик.

В просторном помещении было мало людей: остальные служанки воспитанниц, должно быть, уже справились со своей работой. Аник увидела Уту, потрясающую кулаками перед носом сестры Гликерии — та даже отступала перед напором девушки, и лицо ее постепенно наливалось краской, должно быть, от ярости, и маленькую девочку в черном, наверное, служанку. Девочка плакала, прикрывая лицо ладонками. Возле Уты стоял на полу сундук с откинутой крышкой, кажется, ее, Аник, сундук.

Аник подошла ближе.

И не смогла сдержать возгласа ужаса.

В сундуке лежало ее, Аник, зеленое праздничное платье. Платье было почти полностью залито чем-то коричневым.

Аник наклонилась, понюхала, потрогала. Это была патока.

В отдельном мешочке под платьем лежали семейные драгоценности дома Варгизов. Аник отодвинула платье, вытащила мешочек, развязала веревочку, стягивающую горловину. Там тоже была патока, слепившая серебро в огромный безобразного вида ком.

Сестра Гликерия, опомнившись, в свою очередь начала кричать на Уту, обвиняя девушку в неряшливости и недосмотре. И доказывая, что в доме Гориса с платьем ничего не могло

случиться, а если платье в таком виде, то это потому что она, Ута, плохо упаковала сундук, и что-то — уж не знаю что, — пролилось на сундук еще в монастыре или по дороге...

— Замолчи! — твердо сказала Аник, сама подивившись своему спокойствию. — Это было сделано не по недосмотру, а специально, смотри — мешок снаружи сухой и чистый, а внутри паток. Кто-то это сделал специально. Пригласи сюда старшую из женщин дома Гориса.

Сестра Гликерия даже оторопела от такой наглости.

— Девчонка, что ты о себе возомнила? Княгиня Джана бросит свои дела, своих гостей из-за твоих тряпок?

А Аник с грустью думала о матери Проклее. Нет, конечно, ей было жалко платья, и что не придется красоваться в нем на пиру: отстирать паток и высушить платье до завтрашнего утра было практически невозможно, да и, скорее всего, на нежном светлом шелке останутся пятна. Но больше всего ей было обидно за тетку. Мать Проклея так радовалась успеху своего заговора с мастерицей, так надеялась, что Аник затмит всех на пиру в своем новом платье, так предвкушала успех своей племянницы, что обмануть ее надежды было просто жестоко.

— Я не требую звать именно княгиню Джану, — сказала Аник. — Позови ту из женщин, кто ведает хозяйством. И мать Проклею. И побыстрее, пожалуйста! А ты, девочка, перестань плакать, — обратилась она к маленькой служанке, которую уже утешала Ута.

Сестра Гликерия слегка оторопела, но, как видно, что-то до нее дошло, и она отправилась выполнять приказанное ей, обронив только, что девчонка из шаваб и ничего не понимает.

— Я все понимаю! — закричала девочка на языке шаваб. — Я только говорить по-вашему не могу, а я все понимаю!

Надо думать, сестра Гликерия не знала языка шаваб, она отмахнулась и вышла из комнаты твердой поступью.

А Аник присела перед девочкой на корточки.

— О, старая знакомая, — узнала она, — маленькая Берта, да?

— Да, дочь князя, — кивнула девочка, всхлипывая. — Я тебя сразу узнала

— А как ты сюда попала? — спросила Ута, тоже присев.

— А я здесь теперь живу. Мама умерла осенью, а отец умер еще раньше, в крепости, и дядя нас с братиками отправил к маминой сестре, в Твердыню, а ее муж работает в доме князя, и меня тоже сюда взяли работать.

— По-моему, ты еще слишком мала, чтобы работать, — сказала Ута.

— Нет, что ты, мне уже доверяют мести пол и стирать пыль, и

даже коврики вытряхивать, если они маленькие. Тут еще младше девочки есть, но они все горянки, и со мной не хотят водиться. Потому что я на горском не умею разговаривать. Я так все понимаю, а говорить еще не научилась.

— А почему ты плакала?

— А меня сестра Гликерия ударила по щеке, — серьезно сказала Берта и посмотрела на Аник широко распахнутыми круглыми глазами. — Меня тут все бьют, а я еще не привыкла. Горянок не бьют, а меня бьют. Потому что я купленная.

— Как это? — не поняла Аник.

— Тете дали за меня десять серебряных марок. Катрина дала, старшая над слугами. И теперь она меня даже убить может, и ей за это ничего не будет.

— Бред какой-то, — пробормотала Ута.

9.

Сестра Гликерия появилась в сопровождении толстой женщины в черном, горянки. При виде толстухи Берта ойкнула, ухватила за юбку Аник и попыталась спрятаться. Женщина гневно вскрикнула и схватила Берту за ухо.

— Отпусти ребенка, — сказала Аник.

— Ты не из нашего дома, дочь князя, и не твое дело — мои разговоры с моими людьми.

— Это Катрина, она старшая над слугами в доме Варгиза, — вмешалась сестра Гликерия. — Она велит выстирать твоё платье. А мать Проклею я беспокоить не буду. Она занята. Княгиня Джана принимает ее в своих покоях.

Аник разъярилась. Так зла она не была, пожалуй, с того дня, когда каптаров изгнали из Красной Крепости.

Странно, но вместе со злостью пришло спокойствие.

Аник сжала руку толстой Катрины.

— Эта девочка — подданная моего отца, она родилась на земле Варгизов. Поэтому я велю тебе отпустить ее, я возьму ее в услужение. Берта, — обратилась она к девочке на языке шаваб, — ты хочешь служить мне?

— О, да, дочь князя! — воскликнула девочка, шмыгнув носом, — с радостью!

— Ва! — закричала Катрина, упирая руки в бока, для чего ей пришлось отпустить ухо девочки, — я заплатила за эту девчонку десять монет ее тетке, она теперь принадлежит дому Гориса, а если хочешь ее забрать — плати деньги!

— Эта девочка — сирота, — твердо сказала Аник, — поэтому

она находится под опекой моего отца, как князя земли, на которой она родилась. Твоя сделка незаконна по двум причинам: во-первых, она проведена без ведома опекуна, а, во-вторых, с каких это пор в горской стране продают и покупают людей? Мы же не бахристанцы какие-нибудь...

— Она шаваб, а шаваб...

— А шаваб — такие же подданные верховного князя, как и айки. Оставь спор, женщина. Я забираю девочку с собой.

— Я все доложу княгине Джане! — крикнула женщина, но Аник кивнула, соглашаясь:

— Правильно, только это я все расскажу княгине Джане, а ты можешь присутствовать, чтобы не было потом кривотолков. Пошли.

— Куда это? — опешила Катрина.

— К княгине Джане, конечно.

— Туда нельзя, у нее прием! Княгиня сейчас не будет заниматься хозяйственными делами...

— А я не собираюсь беспокоить княгиню Джану хозяйственными делами. Я собираюсь рассказать ей о нарушении законов, и что законы эти нарушают ее же подданные. В ее же доме. Или, может быть, княгине Джане об этом уже известно?

Катрина открыла уже рот, чтобы что-то сказать, но тут в комнату вошла еще одна женщина. В ней Аник узнала дочь князя Гориса, встречавшую их на крыльце.

И Катрина, и даже сестра Гликерия сразу поскуchnели.

— Что здесь происходит?

— Ва, княжна Астмик, ничего, что требует твоего внимания! — затараторила Катрина. — По недосмотру одна из воспитанниц обители испортила свое платье, вот и все...

— Не по недосмотру, мое платье испорчено по злему умыслу, — возразила Аник, оборачиваясь к княжне. — Приветствую тебя, дочь Гориса! Я — Аник, дочь Варгиза, из дома Варгизов, князей Красной Крепости от начала времен. Мое платье...

Астмик наклонилась над сундуком.

— Это сделано совсем недавно, — сказала она. — Патока свежая, и не успела еще подсохнуть. И сделано специально, — кивнула она, когда Аник показала ей мешок с драгоценностями. — Катрин, займись этим немедленно. И, кстати, на кухне пропал горшок патоки, приготовленный для пряников. Я думаю, что попал он сюда. И я даже знаю, кто в этом виноват, — княжна нахмурила тонкие брови. — В этом придется разбираться матери Проклее.

— Нет! — воскликнула сестра Гликерия. — Я не позволю

беспокоить матушку...

— Разве кто-то спрашивал твоего мнения, сестра? — спросила княжна Астмик, и Аник поняла, что дочь Гориса очень, очень не любила белицу. — Ты должна бы знать свое место.

— А ты, дочь Варгиза, не огорчайся, — обратилась она к Аник. — Платье, конечно, испорчено, и ты не сможешь его надеть, но мы тебе подберем что-нибудь. Мои платья тебе не подойдут, но Тамара, я уверена...

— Нет, — сказала Аник. — Я не одену платье Тамары, и ничье другое. Благодарю тебя за заботу, дочь Гориса...

Астмик внимательно поглядела на Аник.

— Тебя не было у меня за обедом, — сказала она. — Ты не дружишь с Тамарой?

Аник промолчала.

— Катрин, пошли за Фатьмой, — велела Астмик. — Может быть, у нее что-то найдется.

Аник побоялась, что княжна сейчас уйдет, и быстро ей рассказала о Берте. Астмик нахмурилась, повернулась к Катрин, хотела что-то спросить, наверное, правду ли говорит Аник, но по побагровевшему лицу Катрин, по тому, как толстуха испуганно облизывала пересохшие губы, все поняла.

— Сдашь ключи Шушан, — сказала Астмик. — И передай ей, что я велела приставить тебя к котлам. А там посмотрим. Но вначале закончи с этим платьем. А ты, дочь Варгиза, ступай вымойся, а потом я жду тебя в своих покоях. Мне нужно поговорить с тобой.

— А что будет с Бертой? — шепнула Ута на ухо Аник, но дочь Гориса услышала.

— Если эта малышка согласна, ты можешь взять ее к себе в услужение. Ты согласна, девочка? — спросила она Берту на языке шаваб.

— О! — воскликнула Берта и зарылась носом в юбку Аник.

10.

Покои княжны Астмик, куда проводила Аник повеселевшая шустрая Берта, были ярко освещены масляными светильниками. Судя по запаху, масло в этих светильниках было не какое-нибудь конопляное, а дорогое, благовонное. Аник даже слегка начало подташнивать от сладковатого аромата.

Состояли эти покои не из одной комнаты, как у Аник дома — да и эту комнату Аник приходилось делить вначале с Тамил, потом с Хильдой, а затем с Прудис, — но из многих. Из широкого

коридора Аник попала в маленькую комнатку, скудно обставленную: длинные скамейки вдоль стен и ковер на полу, больше ничего. Маленькая Берта показала Аник на дверь, скрытую бархатным занавесом:

— Тебе туда, дочь князя. А эта комната — для слуг, — и вскарабкалась на скамью.

Аник вздохнула, пожалев, что с ней нет Уты — непреклонная сестра Гликерия увела Уту с собой, не пожелав ничего слышать, — и отодвинула занавес.

Она оказалась в просторном зале, где были кушетки, диваны, кресла, столики с расставленными на них шахматами, нардами и еще какими-то, неизвестными Аник, играми, столики с цветами в высоких вазах и маленьких вазочках, столики с книгами. В зал вели еще несколько дверей в обрамлении бархатных занавесов. Мебель тоже была обтянута бархатом и даже парчой, золотой и серебряной, а на полу лежали дорогие бахтристанские ковры. Зато на одной из стен висел ковер, вытканый в ткацкой мастерской Красной крепости, работы Карины, жены старшего Гранта. Аник хорошо его помнила: несколько лет назад этот ковер вместе с двумя другими был отправлен в Твердыню, когда собирали королевский налог.

В зале никого не было. Аник осторожно прошла по ковру, села на кушетку. Рядом с кушеткой стоял столик с раскрытой книгой, Аник не удержалась и одним глазом заглянула. Это была история горской страны, давно знакомая Аник. Аник разочарованно вздохнула, но не отважилась посмотреть, какие книги лежат на других столиках.

Она сложила руки на коленях и приготовилась ждать, стараясь держать спину возможно более прямо. Вся эта пышность и величие слегка смущали ее, но она ни за что не желала показать дочери верховного князя свое смущение. В конце концов она, Аник, — дочь Варгиза, пусть даже и в старом шерстяном платье и в стоптанных сапогах.

Чтобы занять себя, она стала вспоминать все, известное ей о княжне Астмик.

Известно ей было немного. Дочь верховного князя была второй из шестерых детей князя Гориса и княгини Джаны, пожалуй, ей уже сравнялось тридцать. Ее младшие сестры давно уже были замужем, а дочь старшего брата, княжна Тамара, уже и сама была невестой. Княжна же Астмик оставалась незамужней. Что-то когда-то — в раннем детстве — Аник слышала про Астмик и молодого Анастаса, из дома Анастасов, владельцев крепости Сторожевой. Анастасы были родственниками Аник — ее мать происходила из этого дома. Но род пресекся, наследников не

осталось, и в крепости Сторожевой хозяйничали теперь князья из дома Варги. То ли Астмик была невестой Анастаса, а его убили в Загорье, то ли они любили друг друга, и об этом узнали, и теперь Астмик не могла выйти замуж из-за позора, покрывшего ее имя... Но тут Аник остановилась. Княжна Астмик очень понравилась ей, показалась умной и гордой. Она не могла покрыть свое имя позором, никак не могла!

Дверь неслышно отворилась и в зал вошла княжна Астмик.

— Ты уже здесь, дочь Варгиза? Прости, меня задержал отец. Пойдем, нас ждет Фатьма. Ты уже знакома с ней, не правда ли?

Аник встала. Ее подбородок гордо вздернулся.

— Я благодарю тебя за заботу, дочь Гориса, но я не хотела бы...

Княжна Астмик улыбнулась.

— Я договорилась уже с матерью Проклеей. Мать Проклея в бешенстве, и я не завидую виновницам происшедшего. Но, раз твое платье испорчено в доме Гориса, дом Гориса должен возместить убыток, это по закону и по обычаю. Ты согласна?

Аник была согласна. По закону и по обычаю, имущество гостя, испорченное в принимающем его доме, должно было быть возмещено в десятикратном размере. Хоть гордость девушки и восставала против этого, Аник кивнула.

Астмик привела Аник в комнату, несколько уступавшую в размерах и роскоши предыдущей, однако Аник с трудом сдержала восхищенный вздох: в комнате висело огромное зеркало, в которой она, Аник, могла видеть себя в полный рост. И не обычное, бронзовое, а заморское, стеклянное, в резной деревянной раме.

А еще в комнате стояли сундуки, наверное, с нарядами княжны, на сундуках были разложены платья разных фасонов и расцветок, и на полу, подобрав под себя ноги, сидела знакомая Аник мастерица, Фатьма.

— Э, девушка, будь здоров! — сказала Фатьма и улыбнулась беззубой улыбкой. — Не думал, не гадал, снова моя твоя встречай! Я видел платье, — Фатьма нахмурилась и затрясла головой, — у, вредный какой, испортить такой красивый наряд! У!.. — Фатьма цокнула языком. — Другой платье смотреть будем. Такой нет, такой один был, другой подберем, подошьем — самый красивый будешь!

— Я вас оставляю, — сказала Астмик, улыбнулась Аник и вышла. Аник поняла, что дочь верховного князя не хотела смущать ее, Аник, своим присутствием.

И правда, наедине с мастерицей Аник слегка расслабилась.

— Здравствуй, Фатьма, — сказала она и тоже села на пол,

напротив мастерицы, перебиравшей принесенные платья и поглядывавшей на Аник, что-то прикидывая. — Я рада тебя видеть. Жалко, что по такому поводу... Платья жалко, и твоей работы жалко.

— Глупый девчонка Тамара, — сказала Фатьма убежденно. — Глупый, жадный... как это? Зависть, вот!

— Завистливая, — подсказала Аник.

— Завистливый, да, — кивнула Фатьма. — Хочет быть самый красивый. Не хочет других красивый видеть. И другим видеть нельзя. У-у, нехорош!

— Ты думаешь, это Тамара? — с сомнением спросила Аник. Тамара, конечно, была завистливой, но не настолько же, чтобы опозорить дом своего отца.

— Он, он. Он не сам, он сказал глупый Нина, и глупый Верико... Вот, меряй! — Фатьма протянула Аник платье из белой шитой золотом парчи. Аник испуганно взглянула на платье, показавшееся ей слишком роскошным, но послушно примерила.

Фатьма скривилась, будто ей на язык попала кислинка.

— Снимай, меряй это...

Аник перемеряла с полдюжины платьев, пока Фатьма не кивнула головой и не развернула Аник к зеркалу.

Платье было голубое, с белой отделкой, непривычного фасона: пышная юбка с разрезом спереди, в котором видна была нижняя, белая юбка из тонкого полотна и кружева, пышные рукава, тоже с разрезами, узкий низкий вырез.

Аник посмотрела на себя и замотала головой:

— Не одену!

— Ва! — сказала Фатьма, словно горянка, и снова стала копаться в платьях.

Она достала из груды платьев одно, цвета красной меди, с сомнением посмотрела на Аник, отложила его, потом снова взяла.

— Плохой цвет, — сказала она. — То есть цвет хорош, как твой волос — ах, что за волос! Красивый волос! Но когда один цвет — плохо! — она убежденно кивнула. — Только больше ничего нет.

Аник надела медно-красное платье. Фасон был похож на фасон прежнего, зеленого — высокий ворот, узкая юбка. Кружев не было, и вообще никакой отделки.

— Цвет сам играет, — пояснила Фатьма. — Хорошо!

Аник посмотрела на себя в зеркало. В прежнем, зеленом, платье ей было лучше, но и в этом неплохо, только вот цвет — Аник не представляла себе, как можно ходить в платье такого цвета. Даже наряды шаваб казались ей не такими яркими.

— Только серебро нельзя, — покачала головой Фатьма. В

ответ на недоумевающий взгляд Аник, мастерица пояснила: — Украшения серебро нет, золото. Золото и... зеленый камень. Прозрачный такой.

Аник не знала, что за прозрачный зеленый камень имела в виду мастерица, но у нее все равно не было ни зеленых камней, ни золота.

— Тогда совсем без украшений, — сказала Фатъма.

Аник объяснила, что так нельзя. Девушка хорошего рода должна носить украшения, потому что так принято, потому что эти украшения показывают, что она — не простая горянка, а княжна, и указывают на древность рода.

Фатъма захихикала.

— Толстый Русудан очень древний род имеет! Ай, древний! Саркис ковры торговал, наторговал — вот и древний род!

Аник удивилась, откуда Фатъма знает такие вещи, вроде бы в горской стране она не так давно.

— Фатъма слушать умеет, много домов шьет. Ты — хороший девушка, не гордый, другие — фу! На Фатъма смотрят — на мусор! На стенку! Языки чесать — Фатъма слушать, запоминать... Фатъма умный! Снимай! — скомандовала Фатъма, вытащила иголку с ниткой, приколотые на груди, начала что-то приметывать и подшивать.

— Ты — хороший девушка, Астмик — хороший девушка, Русудан — толстый, глупый, но добрый. Другие... — Фатъма сморщила нос. — Мариам, пока не злой на Фатъма был — очень Фатъма уважал. Королева! — Фатъма подняла руку с иголкой, посмотрела на Аник. — Король Марк Фатъма любит. Мамушка говорит, нянюшка.

Последние слова Фатъма произнесла на языке Межгорья, Аник спросила, что они означают, Фатъма перевела.

— Он сильно ранен? — спросила Аник.

— Так, — Фатъма покачала головой. — Дырка тут, — Фатъма показала на свое плечо. — Неделя заживет, два заживет.

— Заживет через неделю-две? — догадалась Аник.

Фатъма кивнула.

— Спина стрелял, насквозь проткнул. Дурной человек, подлый. На, меряй! — мастерица протянула Аник платье.

Аник надела, Фатъма ползала вокруг нее на коленках, приметывая тут, распуская там, и продолжала говорить, тихо, почти шепотом:

— Князь говорит — горец. Фатъма говорит — не горец, нет. Не первый раз. Давно еще кто-то спина короля стрелял, потом еще коня травил, конь падал, короля давил...

— Но почему? — удивилась Аник. — Кто может желать зла

королю?

— Снимай, — скомандовала Фатма, разложила платье на полу, что-то забормотала себе под нос на своем языке, потом удовлетворенно кивнула. — Так будет, — и аккуратно свернула платье.

— Кому знать? — покачала она головой в ответ на вопрос Аник. — Маленький человек — маленький враг. Большой человек — большой враг. Много враг. Король очень большой человек, самый большой, — Фатма еще раз покачала головой. — Завтра Фатма платье принесет, украшения смотреть будет... — и ушла, унося с собой платье.

11.

Княжна Астмик пригласила дочь Варгиза разделить с ней ужин. Аник терялась в догадках — о чем это хочет говорить с ней гордая дочь Гориса?

Аник особенно остро чувствовала свою если не неуклюжесть, то простоту в присутствии княжны Астмик. Конечно, Аник умела держать себя за столом, есть аккуратно, вести учтивую застольную беседу, но у княжны Астмик все это получалось настолько изящнее, красивее и легче, что у Аник даже вспотела спина от огорчения. И ее грубое черное шерстяное платье, сидевшее на ней мешком, пропыленное и пропотевшее в дороге — Аник не во что было переодеться, она не взяла с собой других нарядов, кроме праздничного зеленого, — было очень уж неуместно в этих роскошных покоях. Хорошо еще, что в комнате никого, кроме них двоих, не было.

Еда была вкусной, разнообразной и непривычной. Княжна Астмик называла блюда, предлагала Аник отведать, рассказывала, из чего приготовлено и даже как. Это было интересно для Аник, почти всю свою сознательную жизнь проводшую на кухне крепости.

Аник сказала об этом княжне.

— Да, древний обычай, — кивнула Астмик, покусывая веточку укропа. — Когда-то и в Твердыне было так, хотя, конечно, вся крепость слишком велика, чтобы еду для ее обитателей готовили на одной кухне. Но в княжеском доме, тогда еще царском, хозяйка готовила пищу с помощью дочерей и жен других домочадцев. Однако этот обычай, как и многие другие, давно оставлен. Не знаю, хорошо ли это. Мы забываем обычаи, мы стремимся во всем подражать чужеземцам, даже этот ужин — большая часть блюд приготовлена по иноземным рецептам, ты

заметила?

Аник заметила, но позволила себе не согласиться с княжной.

— Все изменяется, — сказала она. — Наш священник, покойный отец Константин, учил меня, что неразумно держаться за старое, если оно умерло. Даже русло реки с годами изменяет свои начертания, даже горы не остаются неизменными, что же говорить о людях и их обычаях!

Они беседовали простой речью, не прибегая к высокому слогу, однако Астмик говорила так правильно и с такими сложными оборотами, что Аник тоже не хотелось ударить в грязь лицом, поэтому ее речь стала слегка напыщенной.

— Наверное, он был умный человек, — сказала княжна Астмик. — Однако так жаль, когда нечто умирает, пусть даже и обычай.

— Всегда жаль того, что умерло, — согласилась Аник.

Дочь Гориса встала из-за стола и позвала за собой Аник.

— Здесь уберут без нас, — пояснила она. — Это тоже новый обычай — слуги не заходят в комнату, пока в ней находится кто-то из господ.

Астмик воспользовалась словами из языка шаваб. Аник слегка скривилась, и дочь верховного князя это заметила.

— И язык изменяется, — грустно улыбнулась она. — Вместе с чужими обычаями мы перенимаем и их названия. И наряды, и нравы... Однако я пригласила тебя вовсе не затем, чтобы горевать по поводу отмирающего старого и приходящего в нашу жизнь нового. Я давно мечтала поближе познакомиться с тобой. И была очень разочарована, когда обнаружила, что Тамара тебя не пригласила. А как были разочарованы мальчишки! Они и на обед ко мне напросились, только чтобы увидеть тебя.

Аник удивилась. Дочь верховного князя мечтала с ней познакомиться? Сын верховного князя, и его внук, и молодой, пленивший воображение юных воспитанниц обители, князь Симон? Да едва ли княжна Астмик была осведомлена о ее, Аник, существовании до этой мерзкой истории с платьем! То есть знала, конечно, что у князя Варгиза есть дочь — так же, как и она, Аник, знала, что у князя Гориса шестеро детей: два сына и четыре дочки. Но чтобы мечтать с кем-то познакомиться? Аник недоверчиво посмотрела на княжну.

— А потом, с удивлением и огорчением, — продолжала Астмик, — я догадалась, что твои подруги... вернее, другие девушки-воспитанницы, тебя не любят. И это несчастное платье только подтвердило мою догадку. Конечно, Тамара у нас глуповата и чванлива, но чтобы быть настолько завистливой...

— Не думаю, чтобы это была Тамара, — пробормотала Аник.

Разговор стал ей неприятен.

— Тамара сама, конечно, не ходила на кухню, не воровала патоку и не заливала твое платье, — нахмурилась Астмик. — Но она подала эту мысль — и я знаю, кто служил исполнительницами. Я приношу тебе свои извинения от имени дома Горисов. Виновниц накажут, и больше не будем об этом. Во всяком случае, мне кажется, я знаю, почему они к тебе так относятся.

Аник было досадно, что дочь верховного князя заговорила на эту тему, но она все же спросила:

— И почему?

— Они тебе завидуют, — просто сказала княжна Астмик.

Дочь Варгиза недоверчиво посмотрела на нее.

— Мне? Из-за чего бы им завидовать мне? Из-за нового платья? Да у них у всех куча всяких нарядов...

— Нет, конечно, не из-за платья, — улыбнулась княжна Астмик. — Просто о них-то — ни об одной — никогда не сложат песен...

От удивления рот Аник широко раскрылся, она забыла и о хороших манерах, и о том, что ее собеседница — дочь верховного князя, она только произнесла:

— Ва!

Астмик улыбнулась.

— Да, да, и не раскрывай так широко глаза. Ты — народная героиня, о тебе поют песни, рассказывают легенды, о том, как ты сражалась с каптарами, о том, сколь многих ты вылечила, о твоей стойкости и верности долгу. И не только у горцев, но и у шаваб, и воины Межгорья наслышаны о тебе — в основном от благородного Балка. Поэтому девушки тебе и завидуют. Я подумала, что надо бы предупредить тебя, потому что завтра, на приеме у верховного князя, ты будешь окружена назойливым и не всегда приятным вниманием зевак.

Аник от волнения покраснела, побледнела, вспотела, потом расплакалась.

— Но ведь это все неправда! — рыдала она. — Я вовсе не сражалась с каптарами, просто крепость была в осаде, и я работала — как все! Кто героиня — так это Ута, она лечила людей, и многих спасла, и моего отца! А я помогала, ей и отцу Константину! И все!

Астмик подождала, когда рыдания Аник немного стихнут.

— Аник, всего две крепости выстояли — ваша и князя Баграта, Приют Орла. Но Приют Орла был обложен только в самом конце лета, так что им пришлось гораздо легче, чем вам. И каптаров оттуда прогнали куда раньше. Так что Красная крепость

заслуживает, чтобы о ее стойкости пели песни.

— Крепость — но не я! — гневно сказала Аник. — Сражались мужчины, отец, и Джоджо, и Гив, и Горди, и... Все мужчины! И женщины, которые им помогали. А я... я ничего такого не делала, что заслуживало бы... — Аник снова разрыдалась.

— Стойкость и верность долгу, по-твоему, ничего не значат? И ведь не войско верховного князя освободило вас, вы сами прогнали каптаров! Пойми, Аник, ты, такая юная, была хозяйкой крепости, выстоявшей и победившей! И я понимаю певцов — ты просто просишься в песню. Юная, красивая, гордая, стойкая! Нет, Аник, ты не права. Ты должна гордиться тем, что стала героиней. Кстати, Уту тоже поминают, но как твою помощницу. Жаль, что я не могу с ней познакомиться...

— Да, — пробурчала Аник, — ее заперли. Но завтра она будет на приеме, я договорилась с матушкой Проклеей...

— Ты хочешь сказать, что Ута тоже здесь, в Твердыне? — Астмик приподняла тонкие брови.

Аник кивнула.

— Она... она приехала со мной в обитель как моя служанка. Только она не служанка мне, а подруга, но мать Проклея очень сердится, когда я так говорю. Ута ведь шаваб.

Княжна Астмик задумалась.

— Я не совсем понимаю мать Проклею... Видишь ли, Аник, мать Проклея мечтает воскресить былую славу Айкастана и дома Варгизов. И ты, с твоей славой, очень для этого подходишь. Тем более теперь, когда впервые за все годы нашего существования войско чужеземцев вступило в крепость Твердыню.

— Но почему? — возмутилась Аник. — Разве мы не подданные короля Марка? Почему ты называешь его войско чужеземным?

— Видишь ли, всегда прежде мы справлялись своими силами. Айки никогда не просили помощи. А в этот раз...

— Но ведь это именно из-за войн короля Марка у нас не хватило воинов, чтобы справиться самим! — воскликнула Аник. — Три моих брата погибли в Загорье, и еще почти сотня наших джигитов! Если бы не это, разве было бы нам так трудно! Так что все честно.

— Так, да не так, — Астмик покачала головой. — В книгах, конечно, напишут, почему то, почему это, но люди редко читают книги. Люди запомнят, что айки не справились сами, и попросили помощи. Это ведь правда, согласишься. А почему да отчего — об этом забудут.

— Это нечестно! — воскликнула Аник.

— Честно, нечестно... в жизни мало честного, а еще меньше

— в памяти людей. Ты говоришь, война украла трех твоих братьев? А у меня война украла жениха, наследника Анастасов, последнего в роду. И добро бы был убит — я бы ушла в монастырь, оплакала бы его, и свою вдовью долю. Но он женился — там, в Загорье. Старый князь Анастас отказался от сына, пресек свой род. И на меня упал позор расторгнутой помолвки, у моего жениха не было брата, а отец его был уже слишком стар для женитьбы... Вот и векую, — горько усмехнулась Астмик. — Тоже нечестно, но по обычаю.

Аник возмутилась.

— Глупый обычай, плохой обычай! — сказала она гневно. — Ты — такая умная, такая добрая, такая прекрасная... Будь я женщиной, я бы наплевала на все обычаи, посваталась бы к тебе...

— Сватались. Да я наплевать не могу, — сказала Астмик и встала.

— Однако уже поздно. Тебе пора спать. Тебе нужно быть красивой на завтрашнем пиру. Я была рада познакомиться с тобой, дочь Варгиза. И запомни — ты достойна всех песен, которые поют о тебе, и всех тех, которые споют когда-нибудь.

12.

Аник еще спала, когда в ее комнату явилась мать Проклея в сопровождении сестры Гликерии. В это утро лицо сестры Гликерии было не постным, как вчера, но кислым, а щеки ее горели, будто бы ей надавали пощечин, и она недовольно поджимала губы.

— Что за негодницы эти девчонки! — сказала мать Проклея, когда Аник продрала, наконец, глаза, умылась и поздоровалась с матерью настоятельницей, поцеловав ей руку. — Ну, ничего, они будут примерно наказаны. Княжна Астмик сказала мне, что Фатьма подобрала для тебя новое платье, я хочу взглянуть...

Мать Проклея обвела комнату взглядом и увидела БERTУ, забившуюся в уголок из робости перед грозной монахиней.

— А это еще что? Снова шаваб? Не успели с прежней распрощаться...

— Это БЕРТА, — сказала Аник и пояснила тетке, почему ей пришлось взять девочку к себе. Мать Проклея хмыкнула и нехотя кивнула.

— Да, ты права. Дитя это под защитой дома Варгиза, к тому же надо пресекать подобное беззаконие. Ты знала об этом? — обернулась мать Проклея к сестре Гликерии.

Белица покраснела еще больше.

— Да, но... — нехотя начала она, но мать Проклея прервала ее, гневно хлопнув ладонью по подлокотнику кресла.

— Знала, но не донесла! Как я могу полагаться на тебя после этого!

— Матушка!.. — сестра Гликерия скривилась, и слезы выступили на ее тусклых глазах.

— Немедля отправись в монастырь святой Нины. Сию минуту!

Сестра Гликерия склонила голову и забормотала что-то о необходимости собраться в дорогу.

— Какие такие сборы? — нахмурилась мать Проклея. — Молитвенник при тебе, а более ничего белице и не требуется. Скажешь сестре Кетеван, что прислана исполнять епитимью до моего распоряжения. Ступай с Богом, дочь моя!

Сестра Гликерия поклонилась матери настоятельнице, поцеловала наперсный крест и вышла. Аник даже мороз по коже пробрал. Сестра Гликерия ей не нравилась, но, по ее мнению, наказание было слишком жестоким. Пожалуй, Уте еще очень повезло, подумала Аник, и мать Проклея действительно обошлась с ней мягко.

— Ну, где же платье? — нетерпеливо спросила тетка.

— Фатьма обещала принести утром, там нужно было ушить, подшить, — пояснила Аник. — И она сказала, что серебро к этому платью не пойдет, нужно золото с прозрачным зеленым камнем. Или вовсе без украшений.

— Где ж я тебе золото возьму? — удивилась мать Проклея. — Да еще с изумрудами! И без украшений нехорошо как-то, ты ведь древнего рода... Ну, да ладно, посмотрим, — мать Проклея, как видно, собралась провести с племянницей все утро. — Ты иди пока позавтракай, а я здесь посижу, подремлю. И этих своих шаваб возьми с собой, я распорядилась. Об этой твоей Уте мне вчера все уши прожужжали княгиня Джана и ее женщины... Да и о тебе тоже. Героини! — мать Проклея фыркнула, но не злобно, а, скорее, недоуменно.

— Матушка, но ведь это как-то... Мне вчера княжна Астмик сказала. Матушка, но ведь нечестно же! — Аник готова была расплакаться снова.

— Не тебе судить, — нахмурилась мать Проклея. — Люди говорят, значит, знают. Им, людям, виднее, чем тебе.

В трапезной нынче распоряжалась сестра София, молодая и приветливая. Она указала Уте и Берте на маленький столик в углу. Аник хотела было присоединиться к ним, но Ута покачала головой и шепнула: «Не надо. Не дразни их», — на что Аник со вздохом согласилась и заняла место за общим столом, подле

толстой Русудан. Русудан приветливо кивнула Аник. Рот ее был уже занят едой.

— Ты видела сегодня Нину и Верико? — спросила она Аник, проглотив кашу. — Зареванные обе. Знаешь, за что их наказали?

Аник неопределенно пожала плечами. Врать ей не хотелось, но и сплетничать — тоже.

— Они что-то украли на кухне, — шепнула Русудан в ухо Аник. — Представляешь? — она округлила глаза и рот, показывая свое возмущение. — Здесь так хорошо кормят! Зачем им понадобилось воровать? — Русудан зачерпнула ложку каши, отправила ее в рот, предварительно подув, проглотила и задумчиво сказала: — А ведь если об этом узнают... Позор на всю страну! На них никто жениться не захочет. А Верико к тому же просватана, это ведь и жениху позор.

— Не узнают, если мы никому не скажем, — резко оборвала толстую Аник. Есть ей расхотелось.

— Зачем мы? Женщины на кухне знают, каждая служанка в этом доме знает, думаешь, они смолчат, да?

— Это их дело. Главное, чтобы молчали мы.

Аник поковырялась в своей тарелке, проглотила две ложки каши, отодвинула тарелку в сторону. Девушки были наказаны по заслугам, но теперь Аник было их жалко. Действительно, позор на всю страну!

А Русудан уже болтала о другом. Каким-то образом тучная княжна узнала, что будут подавать на стол на пиру, и теперь со вкусом перечисляла блюда. У нее даже глаза разгорелись от предвкушения сытной и обильной пищи. Как будто она не позавтракала только что, а голодала два или три дня. Аник раздражало общество толстой дочки Саркиса, как никогда раньше, и она с нетерпением ждала конца завтрака.

Наконец сестра София прочла молитву, и девушки могли вернуться в свои комнаты.

Фатьма уже была здесь, уже показывала матери-настоятельнице платье, и мать Проклея с сомнением разглядывала слишком яркий, по ее мнению, наряд. Платье, вчера показавшееся Аник медно-красным, в утреннем свете было алым, словно свежeproлитая кровь. Аник даже ахнула.

— Ничего, мерять будем, совсем другой вид будет, — сказала Фатьма и улыбнулась. — Еще лучше тот, зеленый.

Когда Аник надела платье и развернулась к тетке, та кивнула.

— Золотые руки у тебя, Фатьма. И глаз золотой.

Фатьма довольно засмеялась.

— Красный крепость. Красный платье. А? Хорош! Днем цвет другой, — добавила она деловито, — днем серебро можно.

Вечером нет.

Украшения, отмытые и высушенные, принесли, пока Аник завтракала. Аник надела и их. Фатма в восхищении затрясла головой.

— У, вредный девчонки сам себя наказал! Этот платье лучше тот! Все мужчины с ума сойдут, в ноги упадут, плакать будут! Ва!

Мать Проклея нахмурилась, но по легкой улыбке на ее губах Аник поняла, что тетушка не сердится, а наоборот, очень довольна.

— Спасибо, Фатма, — сказала Аник. — Ты очень хорошая мастерица.

— Ва! — сказала Фатма, улыбаясь. — На свадьбу зови, Фатма придет, петь будет, плясать будет!

13.

Через полчаса принаряженных девушек собрали в комнате для трапез и выстроили по парам. Пришла мать Проклея, посмотрела на воспитанниц, похвалила расторопность сестры Софии, отчего та зарделась и опустила глаза.

Потом вышла на середину.

— Дочери мои! — торжественно сказала мать Проклея, — нынче большой праздник для всех вас. Верховный князь айков принимает вас в своем доме. Конечно, и прием, и пир предназначены не для того, чтобы порадовать вас и потешить ваше тщеславие. В дом Гориса съехались многие родовитые и уважаемые люди Айкастана. Можно сказать, цвет страны!

Мать Проклея обвела ряды своих воспитанниц суровым взглядом из-под седых бровей. От этого взгляда у девочек начинало чесаться между лопатками и хотелось куда-то спрятаться.

— Вы все знаете, в честь какого события устроены этот прием и этот пир. Айкастан празднует свое освобождение от каптаров. С Божьей помощью наш народ прогнал каптаров в очередной раз. С Божьей помощью и с помощью короля Межгорья, Марка. Король Марк и его витязи тоже будут на приеме. Вы должны помнить — они чужеземцы, и не знают наших обычаев. Тем более должны помнить об этих обычаях вы.

Мать Проклея откашлялась, с сомнением посмотрела на девушек и продолжила:

— Напоминаю: для тех, кто может быть, все позабыл. У скромной девицы глаза должны быть опущены долу, на мужчин она не глазеет. Не глазеет и по сторонам. И разговор первой не

начинает, ни с мужчинами, ни с женщинами старше нее. И спину держит прямо — Русудан, это к тебе особо относится! — Толстая Русудан вздрогнула и постаралась стать поровнее. — Старайтесь говорить высоким слогом. Если не получается, старайтесь говорить коротко. Только отвечать на вопросы! И никаких простонародных словечек, всех этих «Ва», «Вах», «Вэ»! Помните о своем достоинстве. И на пиру много не есть, — добавила мать Проклея, в упор глядя на Русудан. — Благовоспитанная девица не должна быть жадной обжорой. Все, дочери мои. Сейчас вас ответдут...

— Матушка, можно спросить! — подняла ладошку бойкая Кето. — А если будут танцы, не наши, не горские, а танцы жителей равнин? И если кто-то нас пригласит, соглашаться можно?

Мать Проклея подняла седые брови. Ее удивление было понятно Аник — Кето вряд ли сравнялось тринадцать, другие в ее возрасте играют в куклы, и не думают еще о танцах с чужеземными витязями.

— А вы разве умеете танцевать равнинные танцы? — спросила мать Проклея. Девушки загомонили, кто-то признался, что да, умеет.

— Ну, если умеете, то можно, — дала разрешение мать Проклея. — Но если не умеете, а только думаете, что умеете — то нельзя. Не хватает еще опозориться перед всем честным народом!

Аник знала, что танцы равнинного народа похожи на танцы шаваб. Так танцевать она не умела — и не хотела уметь. Нет уж, спасибо!

— И еще одно, — сказала мать Проклея. — Для ваших служанок. Все, что я говорила для вас, относится и к ним. Спины держать прямо, глаза держать опущенными. Не болтать, ни друг с другом, ни с хозяйками. Ни — Боже упаси! — с гостями. Даже если к вам обратятся.

«Все, — думала Аник, вышагивая в паре с щуплой низенькой Миной. — Я не смогу поговорить с Балком, и Ута тоже. Придется ей возвращаться в Красную крепость».

Аник переживала за подругу, хотела, чтобы желание ее исполнилось, но немножко, самую малость, радовалась тому, что они не расстанутся, вернее, расстанутся ненадолго. В начале лета Аник и сама отправится домой, и больше в обитель не вернется.

«Только и радости, что испорченное платье!» — подумала Аник, и устыдилась этих мыслей. Все-таки она узнала в обители много нового, все-таки побывала в Твердыне, и все-таки она, Аник, увидит короля. Пусть даже Аник больше не верит в предсказание, увидеть короля — это великая удача.

Прием разочаровал Аник.

Их привели в зал, велели остановиться у стенки, самой дальней от возвышения, на котором стояли кресла верховного князя и его семьи. Девушек плотно окружили белицы. Обширный зал был заполнен народом, и малорослая Аник почти ничего не видела, кроме спин гостей. Ну, и пустое пока возвышение в конце зала.

Потом на помосте появились джигиты в белых бешметах, нукеры верховного князя, выбранные в почетные стражи. Они встали попарно в четырех концах возвышения, все одного роста, у каждого — рука на рукояти кинжала, даже ножны кинжалов, насколько могла разглядеть Аник с такого расстояния, были одинаковые.

Потом на помост вышли зурначи и трижды проиграли короткую мелодию. Это был знак к скорому появлению верховного князя, и гомон в зале утих.

Вышел седобородый сутулый князь Горис — Аник никогда прежде не видела его, но догадалась, что это он, потому что шел он об руку с пухленькой княгиней Джаной, а княгиня Джана в обитель приезжала довольно часто.

Вслед за ними вышел наследник верховного князя, тоже Горис, сутулый, как отец, но бороду его пока седина не тронула. Он был без жены — Аник вспомнила, что ходили слухи о затяжной болезни княгини Сусанны. Полный безбородый молодой человек — должно быть, второй сын князя Гориса, Давид. Княжна Астмик. Католикос Варпет, слишком молодой для такого сана. Мать Прокляя. Все расселись в кресла. Аник разочарованно вздохнула. Король на помосте не появился. Может быть, рана помешала ему принять участие в приеме, но на пиру он все-таки будет? Или он, как другие гости, стоит в толпе, внизу помоста?

Да нет, не может быть!

И на помосте осталось два незанятых кресла. Даже если одно — для княгини Сусанны, то для кого второе? Младшие дочери верховного князя замужем, если они и приехали, то их место не на помосте, а рядом с их мужьями. Внук верховного князя еще слишком мал. Да, есть еще князь Симон, вспомнила Аник с огорчением, молодой князь из дома Гориса, племянник, наверное. Должно быть, это второе кресло для него.

Аник так расстроилась из-за отсутствия короля, что почти не слушала, что там говорит верховный князь, а потом католикос. Общий смысл она уловила, конечно: говорили о спасении от

нашествия орды каптаров, какой не бывало с первой волны, со времен Автана Третьего. Говорили о мужестве защитников Айкастана, остановивших орду в ущелье Гремящем, на землях князя Баграта. Говорили о павших — вечная им память. И о короле Марке говорили, о храбрых витязях Межгорья, пришедших на помощь айкам.

Потом католикос призвал к молитве.

Все присутствующие опустили на колени.

Аник молилась невнимательно. Ей мешало разочарование.

Но под конец, когда молитва уже закончилась, и сестра Агата, белица, которую Аник не любила, но обладательница дивного голоса, запела старинное церковное песнопение о погибели врагам и благодарности Господу, Аник устыдилась своих глупых девчоночьих мыслей. Дни осады вспомнились ей, мужество защитников, стойкость женщин, и десятки погибших, умерших от голода и болезней. Ну, не увидит она короля — так ведь не умрет от этого!

Но все же было очень, очень обидно.

Опять вышли зурначи, опять проиграли трижды короткую мелодию. Аник подумала, что, должно быть, на этом официальная часть закончена, и теперь верховный князь и его семья спустятся с возвышения в зал, чтобы лично поприветствовать самых уважаемых князей, а остальные гости, предоставленные самим себе, будут здороваться друг с другом, обмениваться новостями и сплетнями, а потом князь Горис и княгиня Джана пригласят всех в сад, слушать певцов и музыкантов, наблюдать за состязаниями в борьбе, в стрельбе из лука и так далее. В зал вынесут напитки и легкие закуски, может быть, будут танцы на лугу...

В Красной крепости давным-давно не устраивали подобных приемов, с тех самых пор, как три брата Аник ушли на войну. Но Аник, как полагается дочери князя, знала, как проходит прием, и в Красной крепости тоже было возвышение для князя и его семьи в главном зале, и площадка во дворе крепости для состязаний в борьбе и стрельбе из лука. Аник загнала свое разочарование вглубь и решила наслаждаться тем, что есть, и не желать большего. Когда еще она попадет на прием в доме верховного князя, и попадет ли вообще!

Верховный князь и его сыновья встали, но не торопились спускаться в зал.

Вместо этого они развернулись к входу на возвышение и склонили головы в наиболее глубоком из возможных для горцев поклоне.

И на помост вышел человек в одежде равнинного жителя, в

сопровождении горского князя. В князе Аник узнала Горгия. Она даже не сразу сообразила, кого сопровождает князь Горгий, но девушки рядом с ней зашушукались: «Король! Король!» — и Аник, наконец, поняла, что видит короля Марка.

О!

Теперешнее ее разочарование не шло ни в какое сравнение с прежним!

И это — король?

О королях Аник составила себе представление по сказкам старой Хильды.

Короли всегда были пышно одеты в роскошные наряды. Роскошным мужским нарядом в представлении Аник являлись черная шелковая рубашка с высоким воротом, какую князь Варгиз надевал в праздничные дни, белый бешмет тонкого сукна, отороченный черным, пояс накладного серебра с кинжалом в серебряных ножнах, сапоги до колен из мягкой кожи. На голове у короля должна быть золотая корона с самоцветными камнями. И должен быть король на голову выше остальных людей.

И не должен быть король таким... таким обыкновенным!

У Аник на глаза даже выступили слезы досады.

Король Марк оказался невысоким — ниже даже низкорослого князя Давида.

Одет был в обычную для народа равнин одежду: кожаную черную куртку поверх серой рубахи и полотняные штаны, тоже серые. Сапог его Аник не видела, но они были короткими, потому что когда король сел рядом с верховным князем, Аник стали видны его колени, обтянутые сукном. И короны на его непокрытой голове не было, а были волосы, довольно жидкие, какого-то серого цвета. А в бороде, тоже серой, уже начала пробиваться седина.

У него даже не было кинжала, а мужчина без кинжала все равно что голый.

С левой стороны груди куртка короля топорщилась. Аник догадалась, что это из-за наложенной на рану повязки.

Князь Горгий сел в кресло чуть позади короля.

Толстая Русудан, стоявшая рядом с Аник, вытянула шею и близоруко прищурилась.

— Интересно, а это кто? — пробормотала она, — кажется он не из дома Гориса...

— Это твой жених, Горгий, — сказала Аник.

Нахмурившись, Русудан посмотрела на Аник с подозрением и спросила:

— А ты откуда знаешь? Разве вы в родстве?

— Почти, — пояснила Аник. — Он был нареченным женихом

моей старшей сестры, которая погибла. А потом он был в нашей крепости во время похода на каптаров.

— Интересно, а почему ему предоставили почетное место? Горгии ведь не в родстве с верховным князем? И почему его не было во время службы? Король — это понятно, он другой веры...

— Почему другой? — удивилась Аник. — Жители равнин тоже верят в Христа, только немножко иначе.

— Наверное, им нельзя молиться по-нашему, — вздохнула Русудан. — Однако так все долго тянется! Я уже устала стоять. И перекусить бы не мешало.

Аник осторожно посмотрела по сторонам. Воспитанницы обители, позабыв поучения матери настоятельницы, вовсю шушукались. Шушукались и другие гости, даже некоторые белицы переговаривались друг с другом.

А торжественная часть все продолжалась.

Теперь говорил король, и стало ясно, почему князю Горгию предоставили место на почетном возвышении. Король не владел языком айков, и Горгий служил для него переводчиком. Аник не слушала, потому что Горгий, а, значит, и король, повторял то же самое, что до него говорили верховный князь Горис и католикос.

Аник, слегка осмелев, разглядывала гостей и даже позволила себе встать на цыпочки, высматривая благородного Балка — пока грозная мать Проклея украдкой не погрозила ей пальцем со своего места на возвышении.

Кстати, на возвышении тоже начали переговариваться: что-то католикос сказал матери Проклее, о чем-то княгиня Джана спросила у своего старшего сына... Прием затягивался.

Наконец зурначи вышли в третий и последний раз.

Верховный князь со своей семьей и с почетными гостями спустился с помоста в зал.

И зал сразу же наполнился шумом, все зашевелились, заговорили, кое-кто, высмотревший раньше знакомцев, направился к ним, некоторые приветственно кивали кому-то, с кем не поздоровались до приема.

Девушки зашевелились, загомонили.

— Уф, как я стоять устала, — сказала толстая Русудан. — поскорее бы нас пригласили в сад. А ты заметила, Аник, что с нами нет княжны Тамары? И Нины с Верико. Ну, этих двоих наказали, а вот княжна Тамара где?

— Наверное, с семьей, — сказала Аник. А про себя подумала, что Тамару, должно быть, тоже наказали.

Ута шепнула ей в ухо:

— Я вижу Балка. Он разговаривает с королем и с князем Горгием. Кстати, а как тебе король?

Аник не успела ответить, потому что к ним широкими шагами приближалась мать Проклея в сопровождении какого-то молодого князя, незнакомого Аник.

— Аник, с тобой хочет познакомиться молодой князь Тигран из дома Варги, — громко и церемонно произнесла мать Проклея, и тихо шепнула: — Не прыгай, не коза!

Аник опустила глаза. Знакомиться с молодыми князьями она не умела.

15.

Не раз и не два в этот день Аник вспоминала добрым словом предупредившую ее вчера княжну Астмик.

Князь Тигран был первым из множества молодых и не очень молодых людей, желавших познакомиться с дочерью Варгиза. Аник скоро устала улыбаться, перестала воспринимать имена новых знакомых и всей душой рвалась в сад, на воздух.

Но ее обступили, сначала молодые князья, потом их оттеснили князья постарше, и их жены и дочери. И добро бы, ей пришлось только знакомиться, нет, ей нужно было отвечать на вопросы о каптарах, и об осаде, и выслушивать похвалы своему героизму. Аник пыталась протестовать, потом бросила — все равно никто не хотел ничего слышать. К своему удивлению, Аник обнаружила, что большинство присутствующих никогда не видели каптаров и мало что о них знали. И Аник еще и пришлось удовлетворять их любопытство — правда ли, что каптар ростом вдвое выше человека? Правда ли, что человека при виде каптара охватывает такой ужас, что человек цепенеет, подобно птице под взглядом змеи? Правда ли, что каптары насилуют женщин, и потом у этих женщин рождаются уродцы с собачьими головами?..

И Аник приходилось объяснять, что каптары низкорослы — пожалуй, с нее, с Аник; что они, конечно, ужасны, но люди под их взглядом не цепенеют, потому что как бы иначе с ними можно было бороться? И что женщин каптары не насилуют, и никакие уродцы после не рождаются, потому что каптары ненавидят людей, и сразу же пытаются разорвать человека на части, и им все равно, мужчина это или женщина. Если каптары голодны, то сразу пожирают жертву, а если сыты, то разбрасывают куски плоти вокруг...

После этого объяснения Аник какую-то из взрослых княгинь стошнило прямо на пол.

Ута стояла за спиной Аник с непроницаемым лицом, опущенными долу глазами. Аник было до ужаса интересно, что

думает ее подруга по поводу всей этой суматохи, но спросить она никак не могла.

Наконец, толпа стала редеть. Должно быть, князь с княгиней пригласили своих гостей в сад.

Аник вздохнула с облегчением, повернулась к Уте — и встретила взглядом с князем Горгием. Он, улыбающийся, шел к Аник в сопровождении благородного Балка и короля. И король вблизи выглядел еще более невзрачным и обыкновенным.

— Привет тебе, дочь Варгиза! — сказал князь Горгий. — Благородный Балк хочет поговорить с тобой, ты вчера так быстро ушла из сада... И наш король Марк мечтает с тобой познакомиться, потому что благородный Балк все уши прожужжал и ему, и всем, кто хотел и не хотел слышать, о твоей юности, красоте и героизме.

Ей послышалась насмешка в словах князя Горгия, поэтому она, вспыхнув, поглядела на мужчин в упор, вовсе не так, как, по мнению матери Проклее, полагалось себя вести благовоспитанной девице.

Князь Горгий улыбался, улыбался и благородный Балк. А вот король смотрел на Аник серьезным и усталым взглядом.

— Я больше не хочу ничего слышать о моей юности, красоте и героизме, — произнесла она так звонко, что Ута где-то за ее плечом сдавленно ахнула. — Не тебе, князь Горгий, повторять эти выдумки.

Князь Горгий засмеялся, потом перевел ее слова межгорским витязям. Балк засмеялся тоже, но смех Балка был не обидным, как смех князя Горгия, а добродушным. А король не засмеялся, но посмотрел на Аник с неожиданным интересом и что-то сказал.

— Король говорит, что в юности и красоте твоей может убедиться каждый, кто посмотрит на тебя, — перевел князь Горгий. — А что до героизма — он не был в Красной крепости, но он был в других крепостях, тех что не выстояли. Выжить тогда уже было героизмом.

Аник хотела что-то возразить, но Горгий поднял руку, останавливая ее.

— Не кипятись, дочь Варгиза! — добавил он уже от себя. — Мы понимаем твои чувства лучше, чем ты думаешь. Нас ведь тоже называют героями...

Вот так встретились Аник, дочь Варгиза, и король Межгорья Марк из рода Данов.

Часть одиннадцатая. Гости

1.

Твердыня опустела.

Разъехались князья, прибывшие на праздник с семьями и челядью.

Большая часть межгорского войска отправилась домой, в Дан. Вернулись в обитель святой Шушан воспитанницы монастырской школы.

Уехала Аник.

Ута осталась в Твердыне.

2.

Первый день одиночества был томительным и долгим.

Уте было настрого запрещено провожать подругу, и девушки простились на рассвете, в той комнате, которую делили в эти дни.

Аник, конечно, хлюпала носом, Ута держалась до тех пор, пока за Аник не закрылась дверь, и еще некоторое время после, пока из коридора доносился гомон возбужденных воспитанниц, шелест их платьев и постукивание подошв деревянных сандалий белиц. Потом шум стал удаляться и, наконец, стих совсем.

Вот теперь разревелась Ута.

Она плакала редко, и почти никогда навзрыд, так, уронит две-три слезинки, утрет глаза и улыбается снова.

А тут словно бочка прохудилась, так долго и так обильно лились слезы.

Наконец обычная рассудительность Уты вернулась к ней.

Ута осушила слезы, уговорила себя, что ничего страшного не произошло, что все идет так, как должно.

Мать-настоятельница предупредила Уту, что просила княгиню Джану при первом же удобном случае отправить девушку в Красную крепость.

Однако княгиня Джана славилась своей забывчивостью, а вот княжна Астмик, к которой с прямо противоположной просьбой — помочь Уте добраться до Дана — обратилась Аник, напротив, всегда выполняла обещанное. Так что вероятность попасть в Дан была куда больше.

Ута умылась.

Рассудив, что раз мать Проклея уехала, ей, Уте, позволено снять черное платье служанки, переделась в традиционный наряд шаваб: белая блузка, широкая цветастая юбка, жесткий корсаж.

Пересмотрела свой скудный гардероб, зашила распоровшуюся по шву нижнюю юбку.

Делать было нечего.

Все вещи Уты были починены и приведены в порядок еще в обители. Кое-что требовало стирки, но Уте не хотелось идти сейчас на хозяйственную половину и объясняться со слугами. Пока что она не знала, на каком положении осталась в Твердыне — бывшей служанки Аник, дожидаящейся попутчиков, или пленницы, которую мать Проклея попросила постеречь.

Вряд ли сегодня о ней вспомнят: семья верховного князя была занята проводами гостей и отдыхом после суматошных дней праздников. Хорошо еще, если покормят обедом или ужином; пока что, после завтрака, Ута не была голодна.

Ута достала свои записи — она начала их еще во время осады Красной крепости, под руководством отца Константина, пополняла и во все время пребывания в обители, занося туда сведения, добытые Аник на занятиях.

Записи были в полном порядке. Ута всегда вела их аккуратно и следила, чтобы написано было разборчиво, чтобы описания симптомов заболеваний и снадобий были изложены последовательно и четко. Да и не хотелось ей сейчас ими заниматься.

Вот если бы ей позволили пойти в библиотеку — всем известно, что в доме верховного князя самая богатая библиотека из всех в Айкастане!

Но, пожалуй, явиться сейчас в библиотеку было бы еще неразумнее, чем приставать к слугам с просьбой о позволении постирать. Может быть, потом, когда княжна Астмик вспомнит о ней, Ута попросит о разрешении...

Окошко комнаты, забранное фигурной решеткой, выходило в сад. Решетка была закрыта на крючок.

Ута подняла крючок, распахнула решетку и выглянула наружу.

В саду было пустынно, что приятно удивило Уту: прежде под окнами было шумно и многолюдно. Ну да, правильно, гости разъехались или разъезжаются, а домочадцам верховного князя не до прогулок. Пожалуй, рассудила девушка, ничего страшного не будет, если она выйдет пройтись. Даже если она на положении пленницы, ведь не за ворота же, а всего только в сад.

Ута вышла в коридор, миновала комнату, отведенную

воспитанницам обители для трапез на период их пребывания в Твердыне, спустилась по ступенькам крылечка вниз и побрела по дорожке.

3.

Плодовые деревья почти отцвели, только яблони кипели еще белым и розовым, а на черешне уже набухали крупные ягоды, пока, конечно, зеленые.

Зато цвели цветы, и большая их часть была Уте незнакома. Красная крепость далеко на севере и высоко в горах; Ута подумала, что там, пожалуй, яблони еще и не цветут. А такие пышные и красивые цветы там просто не смогут расти, им будет слишком холодно.

Ута прошла по дорожкам, полюбовалась цветущими яблонями, оборвала побеги вьюнка, успевшие уже оплести розовый куст, едва распутивший мелкие клейкие листочки...

И услышала за спиной мужской голос:

— Девушка, э, девушка!

Ута не подумала, что мужчина обращается к ней, но все же обернулась.

Молодой князь Тигран из дома Варги стоял, картинно положив руку на рукоять кинжала, подбоченясь, донельзя гордый собой.

Князя Тиграна представила Аник мать Прокляя, в первый день торжеств. Зачем — непонятно, вряд ли суровая и честолюбивая мать-настоятельница рассматривала молодого человека из захудалого дома как подходящего жениха для своей племянницы. Но князь Тигран все три дня праздника торчал рядом с Аник, норовил оказать ей какую-нибудь услугу, назойливо восхищался ее красотой и безбожно хвастался своими лошадьми, своим оружием и своими успехами в различных состязаниях. И надоел девушкам безмерно. Во многом именно из-за него, из-за князя Тиграна, постоянно крутившегося рядом, Аник не смогла выполнить задуманное: поговорить с благородным Балком об Уте.

Поэтому Ута не обрадовалась этой встрече. И картинная поза князя ее насмешила, а не восхитила, на что, должно быть, надеялся молодой человек.

— Ты ведь девушка дочери Варгиза, да? — спросил князь Тигран.

— Приветствую тебя, князь Тигран из дома Варги, князей крепости Сторожевой от времен Гориса, — сказала Ута. Она

воспользовалась высоким слогом, принятым в обращении между князьями в торжественных случаях. И не удержалась от легкого укола — дом Варги был одним из самых молодых и захудалых в горской стране, и существовал как самостоятельный едва ли не десять лет.

Князь Тигран нахмурился.

— Кто позволил говорить тебе высоким слогом, девушка? Ты ведь не княжеского рода, ты даже не горянка!

— Впервые слышу, что для того, чтобы говорить — так или иначе — требуется разрешение, — сказала Ута. — И впервые встречаюсь с человеком, который не здоровается при встрече.

Надо отдать должное князю — он слегка покраснел. И убрал руку с кинжала.

— Здравствуй, — буркнул он. — Но ты мне не ответила!

— Нет, я ничья, — фыркнула Ута. — Я — сама по себе.

— Но ведь ты стояла за ее спиной на празднике! Я не мог обознаться!

Ута рассмеялась.

— Только что ты стоял за моей спиной, князь Тигран! Разве это дает мне право называть тебя моим... юношей?

— Ты грубишь мне, девушка! — князь Тигран снова схватился за кинжал, только теперь уже не картинно, а зло. — Ты забыла свое место, шаваб! Когда я женюсь на твоей хозяйке...

— Вэ! — презрительно усмехнулась Ута. — Когда небо упадет на землю!

— Мой отец и мои братья уже отправились в путь, в Красную крепость, сватать мне невесту. Род Варгиза — древний род, но он в упадке, мужчин в нем нет, князь Варгиз — старик, и не посмеет отказать Варги. Нас много, мы сильны. Поняла, девушка? А теперь позови дочь Варгиза, пусть придет в сад. Я хочу говорить с ней.

— Во-первых, — сказала Ута, задрав подбородок, — дочь Варгиза не выйдет в сад к мужчине. А во-вторых, ее здесь нет. Она вернулась в обитель. Так что езжай в Горное, проси мать Проклею позвать Аник в сад. Может быть, получится!

Князь Тигран выглядел растерянным.

— Как так может быть? — пробормотал он, — я не мог обознаться! Ты ведь была за ее спиной все праздники, ты — ее девушка, ее служанка, разве нет? Значит, ты врешь. Позови Аник! Клянусь, ты получишь серебряный браслет, если поможешь мне!

— Сначала ты пугал меня, теперь хочешь купить, — строго сказала Ута. — И не веришь мне. Ты глуп, князь Тигран!

Она развернулась и хотела уже уйти от надоедливого князя, но тот схватил ее за руку.

— Клянусь честью, я заставлю тебя помогать мне! — процедил сквозь зубы князь Тигран. Усы его топорщились, глаза налились кровью — он был похож на кота, рвущегося в драку. Ута вырывалась изо всех сил, но князь держал ее крепко.

— Не клянись тем, чего нет у тебя, — сказал кто-то рядом, и князь от неожиданности ослабил хватку. Ута воспользовалась этим, высвободилась и отскочила, потирая руку.

— Кто ты такой, чтобы оскорблять меня? — воскликнул князь Тигран, хватаясь за кинжал.

Ута оглянулась.

За ее спиной стояли двое: отец Илларий, которого Ута немножко знала — год назад, после снятия осады отец Илларий отправлял требы, когда хоронили погибших и умерших; и незнакомый Уте молодой человек, черноглазый, черноволосый и чернобородый. Одежда и того, и другого напоминала одежду горских священников — мешковатый балахон черного цвета до пят, у отца Иллария балахон этот был подпоясан веревкой, а за веревку заткнута небольшая плетъ. Отец Илларий был священником Межгорской церкви, монахом ордена бичующих братьев, летописцем при войске короля Марка. Ряса молодого человека подвязана не была, и Аник подумала, что он, наверное, горский монах, приставленный к чужеземцу для услуг, как это принято у братьев из обители святого Саркиса.

— Привет тебе, отец Илларий, — сказала Ута.

— Привет и тебе, Ута из Красной крепости, — вежливо ответил девушке отец Илларий. Говорил он на горском хорошо, но слишком старательно.

— Монах, не тебе судить о чести мужчины! — закричал князь Тигран, топорща усы. — Ты чужеземец, ты не знаешь наших обычаев...

— Разве в обычаях горцев угрожать женщине? Грубить священнику? — строго спросил отец Илларий. — Я слышал достаточно из вашего разговора, чтобы понять, что ты ведешь себя недостойно. Пойдем, Ута из Красной крепости, мы проводим тебя. При нас этот нахал не осмелится угрожать тебе...

— Ты назвал князя из дома Варги нахалом? — князь Тигран выхватил кинжал. — Ты думаешь, твоя бабья юбка защитит тебя от мести мужчины?

Отец Илларий быстро выхватил свою плетъ и ловко, одним щелчком, выбил кинжал из руки князя.

— Молокосос, — сказал отец Илларий с презрением, наступив на кинжал. — Удались, пока моя плетъ не оставила отметин на твоем лице. Кинжал свой получишь от отца Варпета.

Князь Тигран хотел еще что-то сказать, сделал движение, как

будто собирался оттолкнуть священника и поднять кинжал, потом до него что-то дошло — может быть, имя католикоса? — и он, попятившись, развернулся и бросился прочь. Ута захихикала.

— Ты была права, Ута из Красной крепости, назвав его глумцом.

— Как и ты, отец Иллариий, назвав его нахалом, — вежливо отозвалась Ута. — И ты так хорошо управляешься с плетью! Это потому, что ты немножко воин, а не только монах?

— О, нет! — отец Иллариий улыбнулся, поднял кинжал, спрятал его в складках рясы. — Наша церковь называется бичующей, и ее символ — плеть, то есть бич, подобный тому, которым Христос изгнал торгующих из храма. Младшие священники или послушники нашего братства вооружены настоящими бичами, и каждый из нас обучен пускать их в ход в случае нужды. Богохульство, преступления против церкви, против нравственности, против закона Межгорья наказуются бичеванием. Конечно, этот юнец не принадлежит к нашей церкви, и я вряд ли по-настоящему бичевал бы его. Но он очень меня рассердил. Я расскажу отцу Варпету и попрошу его принять меры. Это не дело...

— О! — Ута задумалась. Конечно, князь Тигран вел себя ужасно, но...

— Я могу тебя попросить, святой отец, не рассказывать католикосу из-за чего ты поссорился с князем Тиграном? — робко спросила Ута. — Князь может затаить злобу. Тем более я ведь не горянка, многие горцы ведут себя так, и даже хуже с нашими людьми. На землях князя Варгиза, конечно, такого почти никогда не случается, однако я слышала, что в других местах это в порядке вещей.

— Ты боишься его мести, и того, что закон и обычай не защитят тебя? — спросил отец Иллариий, сдвинув брови.

— Я не боюсь, хотя ни закон, ни обычай меня не защищают, тут ты прав, святой отец, — сказала Ута. — Но если он действительно женится на Аник... На землях князя Варгиза много шаваб. И моя семья живет там. Он может начать мстить всем подряд, мне кажется, низости у него хватит.

— Сомневаюсь, что князь Варгиз согласится выдать свою единственную дочь за этого молодца, — покачал головой Иллариий. — Князь Варгиз — мудрый человек, и я не думаю, что его дочь может польститься на внешний лоск при внутренней гнили...

— Ах, отец Иллариий, — воскликнула Ута, чувствуя, что ее глаза снова наполняются слезами, — да ведь если родители договариваются, не то, что невесту — даже и жениха не всегда

спрашивают о его согласии! И род Варги действительно силен, и их действительно много, а князь Варгиз стар и болен...

Отец Иллариий pokrутил головой, но ничего не ответил.

Молодой человек, все время простоявший молча, с глупой улыбкой слушая препирательства старшего монаха с князем Тиграном, а потом разговор Уты с отцом Илларием, при виде слез девушки сморщил лоб, закрутил головой и что-то спросил на языке равнин. Оказывается, он не был горцем, этот черноглазый, чернобородый и черноволосый монах.

— А?.. Да, конечно, — сказал отец Иллариий. — Позволь мне, Ута из Красной крепости представить тебе моего спутника. Его зовут Лука. И он озабочен видом твоих слез. Не сделал ли тебе больно этот нахальный князь?

Ута смутилась.

— Нет, это я так, — пробормотала она, утирая слезы, — это я из-за подруги. Спасибо, брат Лука. Но не беспокойся, все хорошо.

— О, он не брат, он не принял сан, только готовится к этому. Возможно, что ему никогда и не придется «обручиться церкви», как это у нас называется, — сказал отец Иллариий и, обратившись к своему спутнику, произнес несколько слов на языке равнины.

— Он не уверен, чувствует ли настоящее призвание? — полюбопытствовала Ута. Она никогда не могла понять, почему люди, молодые и полные сил, отказываются от мира, чтобы затвориться в монастыре и усмирять плоть. Самой ей такое желание было чуждо и странно.

— Нет, призвание здесь ни при чем, — мягко ответил отец Иллариий, но по его тону Ута поняла, что не нужно больше задавать вопросов на эту тему. И она спросила о другом:

— Я не видела ни тебя, святой отец, ни твоего спутника на пиру. Значит ли это, что вашим священникам нельзя принимать участие в праздниках мирян?

Отец Иллариий улыбнулся.

— Может быть, продолжим прогулку, и я расскажу тебе немного о нашей церкви? Я вижу, ты этим интересуешься, — предложил он.

— Церковь Межгорья, именуемая также бичующей или церковью святого Видгорта, — начал он размеренным тоном, как будто читал лекцию, — выросла из ортодоксальной, или традиционной, христианской церкви, похожей на вашу, горскую...

— Извини, что перебиваю тебя, отец Иллариий, но я не принадлежу горской церкви, — сказала Ута. — У нас, шаваб, свои обычаи, свои книги и свои священники.

— Но ты христианка? — отец Иллариий дождался утвердительного кивка Уты и продолжал: — Как бы то ни было,

бичующая церковь отличается от других тем, что во главу угла ставится образ Христа, изгоняющего торговцев из храма, как я уже говорил тебе. Христос бичующий, а не милосердный, и понятие греха у нас толкуется несколько иначе. Истинно чистой и безгрешной жизнью живут только лишь хлебопашцы, питающиеся плодами земли, возделываемой ими. Ибо сказано: «В поте лица ешь свой хлеб». Торговля же — занятие греховное, греховно так же мудрствовать и размышлять, ибо «блаженны нищие духом», а также «будьте как дети»... Я не буду вдаваться в тонкости, не хочу утомлять тебя, и, к тому же, не всегда могу подобрать верное слово, я еще не силен в горском. Надеюсь, ты уловила суть?

— Уловила, — сказала Ута. — Но ты очень хорошо говоришь на горском, отец Иллариий, неужели ты выучил его всего за год?

— Я знал немного горский и прежде. В Дане тоже живут горцы, знаешь ли, к тому же при дворе короля нужны толмачи, то есть переводчики с разных языков. Мы, священники бичующей церкви, берем на себя мирские грехи — я имею в виду, различные сферы знания, науки, торговлю и так далее, чтобы елико возможное число мирян могло спастись. Так заведено в Межгорье. Есть разные мнения по поводу того, губим ли мы души, или же, наоборот, спасаемся, но это тема для богословского спора, а не для беседы с девицей. В последние десятилетия и некоторые миряне стали овладевать науками, необходимыми им в повседневном бытии, появились торговцы из мирян, даже лекари; жизнь заставляет, знаешь ли... Но — возвращаясь к твоему вопросу о нашем с Лукой неучастии в пиршестве: время проведения праздника, совпавшего с Пасхальной неделей (а Святую Пасху мы чтим так же, как и вы) пришлось на мрачный и тягостно достопамятный нам день убиения святого Варфоломея, основателя бичующей церкви, именуемого у нас также Варфоломеем Очистителем. В память о нем у нас установлен трехдневный строгий пост, когда миряне могут вкушать лишь растительную пищу, а духовенство позволяет себе только воду, некоторые усердствующие даже и от воды отказываются. Так что, как ты сама понимаешь, нам не место было в эти дни на пиру. В другие же дни участие в мирских торжествах и праздниках нам не возбраняется, даже и напротив, поощряется, ибо сказано: «Иди, ешь с веселием хлеб твой, и пей в радости сердца вино твое...»

победителей и учителей.

Ута скоро перестала что-либо воспринимать; и деяния этой вереницы святых, королей и князей надолго перепутались в ее голове.

Отец Илларий с удовольствием и многословно повествовал, радуясь интересу любознательной девицы, черноглазый и чернобородый Лука глупо улыбался, а любознательная девица, в глубине души, конечно, проклинала свою любознательность. Прервать отца Иллария было и неприлично, и, честно говоря, невозможно.

Помог молчаливый Лука.

Он отвлек отца Иллария каким-то замечанием, одновременно потянув рукав рясы увлекшегося священника.

Илларий, прерванный в середине рассказа о каком-то очередном святом, несколько мгновений стоял с открытым ртом, хлопая ресницами, потом с грозным видом обернулся к своему спутнику.

Тот снова что-то сказал, тихо, но настойчиво.

Отец Илларий вздохнул, повернулся к Уте и уныло произнес:

— Пожалуй, я утомил тебя, Ута из Красной крепости.

— Нет-нет, что ты, очень интересно, — вежливо соврала Ута.

— Если ты желаешь, мы продолжим нашу беседу завтра. А пока прости нас, нам уже пора. На полдень у меня назначена встреча с отцом Варпетом... А?

Он выслушал своего спутника и перевел Уте его слова.

— Лука желает проводить тебя. Он беспокоится, как бы назойливый князь не стал снова приставать к тебе.

— Ой, спасибо, но я сама прекрасно справлюсь, я не боюсь князя Тиграна, — воскликнула Ута, однако отец Илларий слегка нахмурился.

— Я на твоём месте не стал бы отказывать Луке, — тихим голосом, мягко посоветовал он, и снова Ута почувствовала, что нужно послушаться.

— Ну, хорошо, — согласилась она.

Торопливой, слегка подпрыгивающей походкой отец Илларий удалился.

Лука с улыбкой обернулся к девушке и жестом предложил ей идти вперед. Ута послушалась, Лука побрел следом.

У крыльца Ута остановилась.

— Благодарю тебя, брат... достойный Лука.

Лука услышал свое имя, понял, кажется, Уту и протянул ей руку. У жителей равнин, должно быть, был обычай пожимать руки не только мужчинам, но и женщинам, в отличие от горцев и шаваб. Ута смущенно протянула свою.

Лука осторожно прикоснулся к ее руке, слегка потряс, выпустил и что-то спросил на своем языке, робко взглянув ей в глаза. Ута пожала плечами: вопроса она не поняла. Лука повторил вопрос, сопроводив его жестом: он указал пальцем на небо и повертел им туда-сюда. Ута снова ничего не поняла и фыркнула, едва удержавшись от того, чтобы не рассмеяться в голос.

— До свиданья, достойный Лука. Может быть, увидимся завтра, — крикнула она и убежала в дом, а Лука остался стоять на крыльце.

5.

Ни с Лукой, ни с отцом Илларием назавтра Аник не встретилась. Княжна Астмик, покончив с проводами гостей и хлопотами по дому, пригласила Уту переехать в свои покои.

Уте отвели комнатку рядом со спальней княжны, меньших размеров, чем прежнюю, но не в пример богаче обставленную. Один ковер на полу стоил, должно быть, целое состояние. А на стенах тоже висели ковры, и было даже зеркало из настоящего стекла. Княжна Астмик показала Уте, где умывальная комната, рассмеялась в ответ на ее просьбу позволить ей постирать, сказав: «Отдай служанкам, вовсе незачем заниматься этим самой!», — и весь следующий день провела вместе с Утой, расспрашивая ее об осаде Красной крепости, о нравах и обычаях шаваб, о целительстве. Вопросы не были назойливыми или навязчивыми, но деликатными и осторожными, и Ута подумала, что дочь верховного князя спрашивает не из праздного любопытства.

— Я совсем тебя замучила, — сказала княжна Астмик, когда вечером они сидели за поздним ужином. — С тобой действительно интересно поговорить, а я так устала от досужей болтовни наших сплетниц! Они не знают других тем для разговора, кроме нарядов, мужчин и детей, и, клянусь, за всю жизнь не раскрыли ни одной книги, даже Евангелия.

Ута набралась храбрости и попросила позволения пользоваться библиотекой верховного князя.

— Ну, конечно! — княжна Астмик удивленно подняла тонкие брови. — Ты здесь гостя, ты можешь бывать всюду, где только пожелаешь, кроме, разве что, личных покоев князя и княгини, а также короля Марка. Он ведь остался погостить у нас, он, его брат, и некоторые из его витязей. Уж не знаю, что его привлекло так в наших горах... — при этих словах обычно бледное лицо княжны слегка порозовело.

— Наши горы прекрасны, — отозвалась Ута.

— Да, но ему, должно быть, ужасно скучно здесь, — княжна Астмик вздохнула. — Он ведь бывал в разных местах, в Кизе, в Загорье, в Лациуме... И столица его, Дан — большой и прекрасный город.

— Уж не знаю, может ли город быть больше и прекрасней Твердыни! — воскликнула Ута. До нынешнего года она и не подозревала, что в одном месте может жить столько людей сразу.

— О! — княжна Астмик легко улыбнулась, и глаза ее заблестели. — Я была однажды в Дане, отец брал меня с собой, когда брату Горису пришлось время представляться ко двору. Это не по обычаю, но я всегда была любимицей отца, и он просто не смог мне отказать, несмотря на все возмущение мамы и бабушки... Вся наша крепость поместится внутри одного квартала Дана, а весь наш город едва ли составит десятую часть столицы. Очень много людей живет в Дане, многие тысячи. Может быть, даже и сто тысяч. А Киз еще больше...

— Ва! — только и смогла вымолвить Ута, широко открыв рот и округлив глаза. Ута редко читала книги, если они не были связаны с целительством. И никогда не слышала о такой науке, как география. — А я думала, Дан — он вроде Твердыни...

— Нет, конечно, — княжна Астмик даже усмехнулась такому невежеству. — Аник говорила, что ты хочешь попасть в Дан? Зачем?

Ута смутилась. Целительство — целительством, но ей вовсе не хотелось рассказывать княжне Астмик о своем необычном даре — видеть больное место внутри человека. Кстати сказать, она уже давно этим своим даром не пользовалась, в монастырскую аптекарню ее не допускали, а воспитанницы, монахини и служанки, с которыми она общалась в обители, были в большинстве своем здоровы.

Ута, прищурившись особым образом, глянула на Астмик.

Дочь верховного князя тоже была здорова, только легкое облачко залегло у нее в груди, в области сердца. Это не была болезнь, и что это облачко означало, Ута не знала.

Она закашляла, чтобы скрыть свое смущение и недоумение, и сказала:

— Мне обязательно нужно попасть в Дан, дочь князя. Поверь мне!

Астмик кивнула, соглашаясь:

— Не хочешь говорить — не надо. Я поговорю о тебе с королем Марком. Он может включить тебя в свою свиту, и ты будешь под его покровительством. Только он не собирается покидать Айкастан до осени.

— Зачем с королем? — испугалась Ута. — Не надо с королем! Кто я такая, чтобы говорить обо мне с королем?

— Моя гостя, — строго сказала княжна Астмик.

6.

Быть гостьей дочери верховного князя оказалось не в пример приятнее, чем служанкой княжны Аник.

Ута могла ходить, куда вздумается, пользоваться библиотекой, сколько ей захочется, и для услуг к ней была приставлена девушка из горянок, которая не только стирала вещи Уты, но и пыталась помочь ей одеваться, и даже стелила постель.

Постель, правда, Ута после перестилала. Девушка из горянок — ее звали Кариной — была не очень аккуратна.

Только первый вечер Ута провела вдвоем с дочерью верховного князя. Уже на следующий день, когда Ута вернулась в покои княжны после целого дня, проведенного в библиотеке, Карина сказала ей:

— Дочь верховного князя просила тебя одеться понаряднее. К ужину будут гости.

Понаряднее Ута одеться никак не могла. Было у нее черное платье служанки, был традиционный наряд шаваб для каждого дня — пышная зеленая юбка в розовых крупных цветах, черный корсаж и к нему две белые блузки, на смену, и был праздничный наряд, тоже традиционный, из которого Ута слегка уже выросла: юбка красного цвета, украшенная бисером, черный вышитый бисером корсаж и шелковая белая блузка. Этот наряд предназначался для самых торжественных случаев, например, для большого праздника, Рождества или Пасхи, в церковь. Или если бы Уту пригласили на свадьбу.

Поэтому Ута надела обычную свою одежду, только полотняную блузку заменила шелковой.

Гостями были сыновья верховного князя, Горис и Давид, внук верховного князя, молодой княжич Горис, князь Симон, и — о, ужас! — король Марк с благородным Балком. Из женщин была белица сестра Клара, которую Аник знала немного по обители святой Шушан, и старая вдовья княгиня Анаис из дома Гориса.

Ута пожалела, что не надела свой праздничный наряд. Хотя — княжна Астмик была в обычном белом платье, только заменила ожерельем из речного жемчуга традиционные серебряные украшения. И княгиня Анаис была в простом шерстяном черном платье.

И гости не сказать, чтобы были нарядны.

Еда была изысканной и обильной. Подавали непременные для горской кухни жареное мясо, зелень и тонкий горский хлеб. Подавали и пышный дрожжевой хлеб, какой пекли шаваб. Была курица, фаршированная изюмом и черносливом, острая фасоль в маринаде, сладкий тушеный перец, вареные в масле пирожки.

Ута ела немного, робя высоких гостей, больше смотрела и слушала.

Разговор за столом велся на двух языках, горском и языке равнин, переводила княжна Астмик.

Гордую дочь Гориса было нынче не узнать.

Розовый речной жемчуг будто придал часть своих красок лицу княжны, обычно бледному, а сегодня окрашенному нежным румянцем; темные томные глаза ее блестели сегодня, она много говорила и много смеялась. Может быть, на княжну подействовало крепкое бахристанское вино?

Но княжна пила мало, и вино в ее кубке было щедро разбавлено водой, так же, кстати, как и в кубке Уты — это княгиня Анаис присоветовала, заметив, как Ута поперхнулась первым глотком непривычного крепкого напитка, а пива на столе не было.

Король Марк ел немного, в основном жареное мясо, курицу даже не попробовал. Зато благородный Балк оказался сладкоежкой, он выбирал все больше сладкие блюда, а пирожки с повидлом так понравились ему, что он перепачкал усы и бороду сладкой липкой массой, и долго вытирался салфеткой, смущенно потупив глаза и краснея.

Горские князья вели себя так, как то и полагалось горским князьям, они много ели, много пили, много говорили тостов, даже пели, хотя ужин в покоях княжны Астмик никак не был пиром. Княжну шум раздражал, она слегка хмурила тонкие брови и тихо выговаривала что-то старшему брату. Брат кивал, на некоторое время буйное веселье притихало, но со следующим кубком разгоралось вновь.

Когда ужин был окончен, княжна Астмик пригласила всех в свою гостиную, куда были уже поданы засахаренные фрукты, шербет и ранняя черешня, доставленная с юга, из долины Большой реки, где весна наступала раньше, чем в Твердыне, на две или даже три недели.

Ута с удовольствием ушла бы в свою комнату, от долгого сидения в библиотеке она устала, тело ломило. И все равно ей не с кем было поговорить, за весь вечер она перемолвилась несколькими фразами с престарелой княгиней Анаис, ответила на два или три вопроса, заданного вежливым князем Симоном, и обронила несколько слов в ответ на попытки княжны Астмик

втянуть ее в общий разговор.

Но отказаться значило привлечь к себе лишнее внимание, а этого Уте тоже не хотелось.

Поэтому она тихо присела в уголке дивана, рядом с княгиней Анаис. Княгиня, даром, что совсем старуха, сидела, выпрямив спину, неодобрительно глядела на происходящее в комнате и бурчала себе под нос, что в старые времена такое вот времяпрепровождение считалось распутным, и никто бы такого не допустил — девушки с мужчинами вместе ужинают, а потом еще и разговоры разговаривают, стыд и позор, и разнузданность, а княгиня Джана слишком ленива, чтобы следить за поведением младшего поколения...

Ута не слушала воркотню старухи. Она и так знала, что такой совместный ужин, как сегодня, да еще с вином и песнями — не по горскому обычаю, и что не только в старые времена, но и сейчас князю Астмик могли бы осудить, как распутницу, не будь она дочерью верховного князя, и не живи она в столице. Но у народа Уты, у шаваб, такое времяпрепровождение считалось в порядке вещей, и распутства в нем видели не больше, чем, например, в совместной работе в поле, на уборке урожая. Даже, пожалуй, в поле опаснее — стога кругом, и все заняты работой, никто ни за кем не наблюдает, не то, что тут — и старая княгиня, и белица зорко глядят, чтобы чего не случилось...

Ута за своими мыслями не сразу обратила внимание, что княжна Астмик подзывает ее к себе.

— Вот, Марк, — сказала Астмик, — это Ута, которой необходимо помочь попасть в Дан.

И добавила несколько слов на языке равнин.

Король Марк, стоявший рядом с княжной, глянул на нее исподлобья, что-то сказал.

Ута решила, что она не понравилась королю.

— Ах, дочь князя, — быстро произнесла она, — стоит ли королю забивать голову такой ерундой, как девчонка из шаваб! Как-нибудь доберусь я до Дана...

Княжна Астмик рассмеялась нежным и переливчатым смехом.

— Король Марк сказал, что даже не ожидал, что так высоко в горах расцветают такие цветы. Он будет рад помочь тебе.

Король еще что-то сказал, теперь Ута уловила в его речи знакомое имя: Иллариус.

— Король Марк поручит тебя заботам отца Иллариуса, — перевела Астмик. — Вы, кажется, с ним знакомы?

Ута кивнула.

— Ну, вот и хорошо! — снова засмеялась княжна. — Но король говорит, что домой он вернется не скоро. Придется тебе

поскучать пока в Твердыне. Однако ты сегодня бледненькая. Ты устала? Тогда иди отдыхать; пожалуй, тебе скучны наши речи.

Ута, обрадованная, удалилась.

Она легла, но долго не могла уснуть. Из покоев княжны доносились звуки мужского хохота, нежный смех княжны, громкий разговор, потом и музыка. Должно быть, пел кто-то из горских князей, аккомпанируя себе на сабзе. Пела княжна Астмик, грустную горскую песню о несчастной Ахтамар. Пели и межгорские витязи — благородный Балк, или, может быть, сам король.

Новая жизнь обещала Уте много нового — но вот что именно?

7.

Ута едва успела погрузиться в изучение толстого манускрипта под названием «Целебные травы юга», когда почувствовала, как что-то тяжелое наваливается ей на грудь. Эта тяжесть увеличивалась и будто бы приближалась.

Ута вскочила.

В библиотеке верховного князя было малоллюдно, старый монах в углу у открытого в сад окна делал выписки из какого-то толстого тома, да возился у своего стола хранитель библиотеки отец Киракос. Оба оторвались от своих занятий и удивленно поглядели на Уту.

Но Уту не волновало их удивление. Она чувствовала, что должна бежать, только вот куда?

Даже не положив манускрипт на место, Ута выскочила из библиотеки в пустой просторный зал. Библиотека находилась в нежилой части крепости, а зал использовался для приемов.

Ута задержалась на несколько мгновений, чтобы сориентироваться, и помчалась, повыше подобрав свою пышную юбку, в сторону покоев верховного князя.

У двери, ведущие во внутренние покои княжеской семьи, путь ей преградили два дружинника верховного князя.

— Тебе нет туда хода, девушка, — сказал один из них, презрительно дернув усом. — Не думай, что если дочь верховного князя поселила тебя в своих покоях...

— Но мне нужно, мне нужно туда! — с рыданием в голосе воскликнула Ута. — Мне правда туда нужно!

— Не шуми, — сухо обронил второй дружинник. — Там смертельно больной князь, и сам католикос пришел, чтобы принять у него глухую исповедь.

— Князь Горис? — удивленно спросила Ута. Она видела князя во время торжеств, и он не показался ей больным.

— Нет, князь откуда-то с севера. Он друг верховного князя, и его привезли нынче утром.

Дверь отворилась изнутри и оттуда выглянул Джоджо, старший дружинник князя Варгиза.

— Госпожа Ута! — воскликнул он удивленно, — сама судьба послала тебя сегодня! Князь Варгиз при смерти, может быть, ты сможешь чем-то помочь?

И отодвинул дружинников.

Ута вбежала в комнату, наполненную людьми, в основном знакомыми Уте по Красной Крепости. Был тут Гив, был Горди безрукий, другие дружинники, имен которых она не помнила. Люди расступились, пропуская ее и Джоджо.

Перед закрытой дальней дверью Джоджо остановил Уту, поймав ее за рукав.

— погоди, — сказал он. — Там католикос. Нельзя прерывать исповедь...

Ута сердито сбросила руку Джоджо.

— Может быть, я успею помочь, и исповедь не будет уже нужна! — воскликнула она гневно.

И открыла дверь.

Здесь тоже были люди, не так много, как в предыдущей комнате. У постели, на которой лежал тяжело дышавший князь Варгиз, сидела сестра Гликерия, памятная Уте, и растирала больному ноги.

— Холодеют, — сказала сестра Гликерия, и скривила губы, будто скрывая злорадную усмешку. — Отходит.

— Отойди, — скомандовала Ута, глядя на князя. Теперь она не только чувствовала боль и тяжесть в своей груди, но и видела ясно больное место, как будто кожу и мышцы князя кто-то отрезал, отодвинул, и сердце князя обнажилось.

Внутри сердца одна из перегородок истончилась и прорвалась, и каждое биение сердца, прогоняя кровь по сосудам, делало отверстие все больше, колыша оторвавшийся лоскуток. Ута со стоном опустилась рядом с князем на колени.

Если бы она могла на самом деле разрезать кожу и мышцы, и сердце тоже, так легко было бы подшить этот надорвавшийся лоскуток! Ута ясно представляла себе маленькие аккуратные стежки, которые она наложила бы вот тут, и тут, и стянула бы ранку, и кровь больше не увеличивала бы отверстие, и сердце князя бы не болело... Говорят, монахи монастыря святого Саркиса разрезают иногда тело больного, чтобы удалить поврежденный орган, но ведь не сердце же!..

Вдруг Ута с удивлением увидела, как края ранки сходятся, скрепляются именно в тех местах, где она мысленно накладывала стежки, как отверстие в перегородке уменьшается, и сердце князя не трепещет более, словно подбитая птица. Ута вскочила.

— Он дышит ровнее, — с удивлением сказал кто-то за ее спиной, — и губы его порозовели...

Наконец сердце князя забилося ритмично, хотя пока слабо. Князь открыл глаза.

Ноги Уты подкосились, и она упала бы, если бы Джоджо не подхватил ее под локоть.

— Что я сделала? — спросила Ута удивленно. — Как я это сделала?

Теперь она ясно видела людей, бывших в комнате, и узнавала их. Кроме упомянутой уже сестры Гликерии и Джоджо, у ложа князя Варгиза были католикос отец Варпет, верховный князь Горис, старший сын верховного князя и князь Баграт.

Сестра Гликерия мелко крестилась, и что-то шептала неслышно, наверное, молилась. Отец Варпет хмурил лоб. Князья тарачились на Уту, словно бы она была невиданной заморской тварью. Только Джоджо был невозмутим и спокоен.

— Не знаю, что ты сделала, девица из шаваб, — медленно произнес отец Варпет, по-прежнему хмурясь, — но это — великое чудо. Исцеление не может идти от нечистого, то была воля Божья, и привела тебя сюда Божья длань. Однако, — отец Варпет перестал хмуриться и обвел присутствующих строгим и холодным взглядом, — однако никому, кроме присутствующих здесь, не нужно о том знать. Согласны ли вы, князья?

— Да, — сказал верховный князь. — И я своею властью подкрепляю сказанное тобой.

— Придешь ко мне, девица из шаваб, нынче после вечерни, — велел католикос Уте.

Он хотел сказать что-то еще, но ему помешали — отворилась дверь, и в комнату влетела зареванная Аник, в пропыленном черном платье, с грязными потеками на щеках.

— Отец, отец! — закричала Аник, бросаясь к ложу больного.

— Мы дали знать в обитель, что князь при смерти, — тихо сказал Джоджо в ухо Уте. — Князь Варгиз перед смертью хотел поговорить с верховным князем, поэтому мы привезли его сюда, а не в Горное. Однако ты снова спасла ему жизнь, госпожа Ута, и за то великая тебе благодарность.

В комнату вошла мать Проклея, вдруг постаревшая, тоже в пыльном дорожном платье.

— Он будет жить, — сказала Ута Аник. — Не тревожь его сейчас.

— Ах, Ута! — Аник разрыдалась на плече у подруги, — я думала, сердце мое разорвется от боли, пока мы скакали. Я так боялась не успеть!..

— Он будет жить, — уверенно повторила Ута. Даже сейчас ее целительство — она продолжала видеть сердце князя — действовало: рубец, оставшийся в том месте, где края ранки стянулись, размягчался и сглаживался, и боль не мучила больше князя Варгиза. Он прошептал что-то, сначала неслышно, потом голос его окреп.

— Горис? — неуверенно позвал старый князь, — здесь ли ты, друг мой? В моих глазах все какие-то пятна...

— Я здесь, Варгиз, — Горис подошел поближе.

— Я думал, уж не успею... Дочь моя Аник после моей смерти...

— Отец, отец! — закричала Аник, порываясь припасть к изголовью больного, но Джоджо и Ута удержали ее.

— ...она будет под твоей опекой, — продолжал князь Варгиз еле слышно. — Не отдавай ее за Варги... Они хотят... Гнилой род... Вина Варгизов...

— Ты будешь жить, — сказал князь Горис, не утирая слез, набежавших на глаза, — ты будешь жить, старый друг, девица из шаваб спасла тебя!

— Да, и еще... Ута, дочь Волофа, из шаваб, нуждается в твоей защите... Мой долг ей, долг Красной Крепости велик... Обещай!

Князь Варгиз закрыл глаза.

— Обещаю, — торжественно сказал верховный князь. — Но надеюсь, ты сам выполнишь все, что поручал мне. Дочь твоя здесь, здесь и Ута из шаваб.

8.

Всего четыре дня прошло после полного горечи расставания навсегда, а подруги снова были вместе.

После торжественных слов верховного князя Ута слегка опомнилась и принялась за свои обычные обязанности целительницы и сиделки у ложа больного. Она изгнала из комнаты всех, кроме Аник, даже строгую мать Проклею, и даже строгая мать Проклея, которой сестра Гликерия успела уже донести на ушко о волшебном исцелении князя, не стала противиться.

Ута отворила окно, чтобы впустить побольше воздуха, вместе с Аник поудобнее уложила князя, впавшего в забытие после трудного и многословного для него разговора, вытерла князю

лоб, покрывшийся испариной, ароматным уксусом, и села рядом с Аник, не спускавшей с князя заплаканных глаз.

— Он будет жить, Аник, — сказала она уверенно. — Не знаю, долго ли он проживет, на все воля божья, но от этой болезни он оправится, это я тебе обещаю.

Аник посмотрела на подругу удивленно, шмыгнула носом и перестала реветь.

— Откуда ты можешь знать? — спросила она.

— Ва! Знаю! — Ута даже немного рассердилась. — Вижу! То ли мой дар стал сильнее, то ли... — Ута задумалась.

— То ли что? — переспросила Аник.

— Может быть, я смогла это сделать из-за того, что мы с тобой поменялись кровью... Ну, тогда, помнишь?

— Посестрились?

— Ну да, — Ута сморщила лоб. — Я же тебе говорила, что на себе могу залечить любую царапину практически мгновенно. На других раньше не получалось... А потом получилось с твоей царапиной. Ты с отцом — вы ведь одной крови, то есть его кровь есть в тебе, и я из-за этого могла почувствовать его боль, почувствовала, почти как свою. И издалека. Я была в библиотеке...

Ута рассказала, как все было, потом, слово за слово, про все, что случилось с ней за эти дни. В том числе и про молодого князя Тиграна, и про отца Иллария, и про Луку, которого, кстати, встретила нынче утром возле библиотеки — Лука посмотрел на Уту странным беспокойным взглядом, потом глупо улыбнулся и покраснел.

Аник больше всего взволновало известие о том, что князь Тигран хочет на ней жениться.

— Этот напыщенный усатый кот? Этот дурак? Этот хвостун?

— Князь Варгиз тебя не отдаст за него, ты же слышала.

Девушки обсудили слова князя Варгиза. «Гнилой род» — это было непонятно, но хотя бы соответствовало их мнению о единственном известном им представителе рода Варги, князе Тигране. А вот что значит: «вина Варгизов»?

— Может, они когда-то откололись от нашего рода? — задумчиво произнесла Аник. — И имя похоже — Варгизы, Варги... Они появились, насколько я помню, во времена междоусобицы. Первый Варги женился на дочери Киркоса из рода Макроча, род Макроча потом переселили в Дан, после усобицы, а Варги остался в Айкастане... А еще говорят, что у них крепкое семя, еще ни одна женщина не родила ни одному из Варги дочь.

— Вэ, — не поверила Ута. — За триста лет хоть одна, да родилась...

Когда зазвонили к вечерне, пришла княжна Астмик в сопровождении незнакомой Уте белицы и монаха.

— Брат Епифан, целитель из монастыря Святого Саркиса, — представила княжна Астмик монаха. — И сестра Русудан, она опытная сиделка. Ты можешь не бояться оставить своего больного на их попечение, Ута. Да и тебе, дочь Варгиза, не мешало бы отдохнуть, помыться, поесть...

Глаза Аник снова наполнились слезами.

— Мы ели, нам приносили сюда, — сказала она жалобно. — Мы сможем опять поесть здесь. Правда же, Ута? И ночевать мы сможем тут, ведь правда?

Княжна Астмик покачала головой.

— Аник, твой отец будет нуждаться в твоей помощи, когда ему станет легче. Не дело изнурять себя прежде времени. Этим ты ему не поможешь. А Уту просил прийти отец Варпет...

— Католикос? — Аник удивленно оглянулась на подругу. — Зачем?

Ута догадывалась, зачем. Должно быть, опять будут испытывать ее твердость в вере, дабы убедиться, что дар ее — не от нечистого. Но говорить об этом в присутствии посторонних не хотелось.

Аник нехотя согласилась уйти. Астмик и ей предоставила комнату в своих покоях; у матери же Проклеи было в Твердыне собственное помещение.

9.

Отец Варпет ждал Уту в своей приемной.

У двери Ута столкнулась с отцом Илларием, вежливо с ней поздоровавшимся, и с Лукой, снова поглядевшим на нее взглядом побитой собаки.

Приемная католикоса ничем не напоминала маленькую захламленную комнатку, где принимала своих посетителей мать Проклея, настоятельница обители святой Шушан.

Здесь было просторно и строго.

На окнах тяжелые занавесы, еще не опущенные, на стене икона святого Саркиса с одиноко горящей перед ней свечой. Стол — большой, пустой, только чернильница с пером и поднос с песком, чтобы промокать написанное. И ни одной бумажки, ни клочка пергамента.

Худой монах, опутив глаза, скользнул мимо Уты, вышел, тихо притворив за собой дверь.

Уте показалось, что в комнате никого нет.

Она сделала маленький осторожный шаг вперед, к столу.

Легкий шорох заставил ее оглянуться.

Отец Варпет сидел в кресле в углу комнаты, терявшемся в тени вечерних сумерек. Рядом с ним стоял столик с раскрытой книгой. Вряд ли он мог читать ее — в комнате было слишком темно.

Перед креслом стояла низенькая скамеечка, отец Варпет жестом указал на нее Уте, приглашая присесть.

— Я много слышал о тебе, девица из шаваб, — сказал он, разглядывая Уту, скромно присевшую на скамеечку и сложившую руки на коленях. — Я думал, врут легенды, повествующие о твоих чудесах. Однако то, чему я стал свидетелем ныне... Я принял постриг в монастыре святого Саркиса, и, хотя так и не стал целителем, кое-что понимаю в лекарском деле. Ты действительно вернула сегодня жизнь умирающему, Ута, дочь Волофа.

Ута смутилась. Она мало чего боялась, но католикоса робела.

— Прежде я такого не делала, отец Варпет, правда... Я лечила, да, но обычным способом, при помощи лекарств, трав и растираний. А сегодня — я сама не знаю, как это получилось!

— Молилась ли ты о Божьей помощи в ту минуту? — строго спросил отец Варпет? — Молилась ли ты о том, чтобы больному было ниспослано исцеление?

— Я? — Ута на мгновение задумалась, вспоминая ужас, с которым она увидела больное сердце князя Варгиза, свою досаду на то, что тут она ничем не может помочь, и горечь от того, что спешка была напрасной, что князь Варгиз вот-вот умрет...

— Нет, — покачала она головой. — Я так торопилась к князю Варгизу, что позабыла о молитве, хотя отец Константин и предупреждал о необходимости помолиться перед тем, как приступать к целительству. Но он не велел молиться об исцелении, а только о твердости руки и чтобы не ошибиться в лечении... А тут — мне казалось, что я уже не успела. А потом оно как-то... сделалось.

— Само собой? — строго спросил отец Варпет.

Ута опустила глаза.

— Веришь ли, отец Варпет, я сама не знаю, как это получилось.

Уте не хотелось рассказывать католикосу о своем даре. Почему-то ей казалось правильным сохранить это в тайне. А ведь прежде она не стеснялась о нем говорить, не хвасталась, конечно, но и не скрывала. Правда, тогда ее соплеменники еще не считали ее ведьмой.

— Жаль, жаль... — отец Варпет покачал головой и задумался. — Я надеялся, что ты можешь научить такому наших

братьев из монастыря. Но раз ты сама не знаешь, как...Я надеюсь, ты веришь в Бога, Ута, дочь Волофа?

— Да, конечно, — сказала Ута слегка испуганно. «Начинается!» — подумала она, и, быстро перекрестившись, протарабанила символ веры — на своем родном языке, конечно.

Отец Варпет отмахнулся:

— Я верю тебе, верю, и вовсе не обязательно произносить здесь свои неблагозвучные молитвы. Приближенный князя Варгиза рассказал мне кое-что о тебе, и что тебя в твоём родном селении называют ведьмой. Но я не вижу в тебе зла, девица.

Ута, вспыхнув, опустила глаза.

— Ты будешь принята в семью князя Варгиза, официально удочерена им. Ты не будешь именоваться «дочь Варгиза», но «дочь князя из рода Варгизов» — так хотел князь Варгиз защитить тебя от твоих соплеменников, по словам его приближенного. Со смертью князя Варгиза ты перейдешь под опеку верховного князя, до тех пор, пока он не найдет тебе мужа. Или, может быть, ты найдешь себе мужа сама?

Ута почувствовала, что краснеет еще больше.

— Я не думала еще о замужестве, только о целительстве, — прошептала она.

— Чтобы стать дочерью горского князя, тебе нужно будет сменить веру, — сказал отец Варпет мягко, почти сочувственно. Ута дернулась, как от удара и посмотрела в лицо католикосу. Он действительно сочувствовал ей — это Ута увидела по его глазам.

— Я понимаю, шаг этот непрост, — продолжал отец Варпет все так же мягко. — Но и не так тяжел, как может показаться. Меняют же веру женщины, когда выходят замуж за иноплеменников, иногда и мужчины меняют веру... Принуждать тебя никто не будет, но это обязательное условие. Подумай несколько дней, прежде чем дать окончательный ответ, дочь Волофа. Я думаю, спасение жизни иногда стоит такой жертвы — и вы, шаваб, и мы, айки, веруем в одного и того же Господа Нашего Иисуса, но несколько по-разному. И — если ты сменишь веру, и если ты не помышляешь о муже, но помышляешь о целительстве, ты сможешь принять постриг и стать одной из целительниц обители святой Шушан. Подумай! — с этими словами отец Варпет отпустил Уту.

— Вэ, дочь князя из рода Варгизов! — развеселилась Аник, употребив простонародное «вэ», от которого уже успела слегка

отвыкнуть за год без малого в монастырской школе. — Будешь мне как бы сестрой!

Уту порадовало веселье Аник, до тех пор понурой и грустной, озабоченной состоянием отца. Но вспышка веселья была недолгой, Аник снова погрузилась.

— Не тревожься, — сказала Ута. — Твой отец поправится. Давай сейчас сходим, навестим его перед ужином.

— Я не хочу есть! — испуганно воскликнула Аник. — Я не смогу есть, сейчас, когда отец...

— Ты увидишь его и успокоишься, — строго произнесла Ута. — Я не узнаю тебя, Аник, тебя за эти дни словно подменили. Ты всегда умела держать себя в руках, и не вести себя так, будто ты... — Ута подыскивала сравнение, которое побольнее укололо бы подругу, заставив вспомнить о долге, — будто ты — княжна Тамара!

Аник выпрямила спину, словно проглотила длинную палку. Глаза ее загорелись гневом, как в былые времена, еще в Красной крепости... Но тут же погасли. Аник разрыдалась.

— Я хуже, хуже! — рыдала она, — я такая мерзавка!..

Ута забеспокоилась. Она и прежде видела странное состояние дочери Варгиза, но относилась к нему на счет тревоги об отце.

— А ну, давай, рассказывай! — скомандовала она решительно, — что ты там такого натворила?

— Пока еще ничего, — всхлипнула Аник, утерла кое-как слезы, шмыгнула носом. Она слегка успокоилась. — Пока еще ничего, о чем бы стоило говорить.

— А такого, о чем бы говорить не стоило? — неумолимо продолжала допрос Ута. — Аник, мы с тобой подруги, и почти сестры. Кому ты можешь рассказать, как не мне?

Аник с тоской устремила взгляд куда-то в стенку, мимо Уты, еще раз шмыгнула покрасневшим носом.

— Мне стыдно, Ута, но я, кажется, влюбилась...

Ута фыркнула:

— Кажется! Ну и пусть тебе кажется, в этом нет ничего дурного! Или ты влюбилась в человека, недостойного тебя?

— Ах, ты не понимаешь! — снова разревелась Аник, — это я, я недостойна его, а он достоин самой прекрасной девушки во всем мире!.. Но я мерзавка не поэтому, а потому, что я влюбилась, и размышляла, и думала только о нем, — вернее, Аник произнесла это с благоговением, словно бы с большой буквы: «О Нем!».

— А об отце совсем забыла, — упавшим голосом продолжала Аник. — А я должна была подумать, должна была побеспокоиться, ведь нужно было насторожиться, когда он не

приехал на праздник в Твердыню, он же собирался, он мне писал! А раз не приехал, то что-то случилось, и я должна была, должна была... О! — Аник уткнулась в колени, рыдая, и так рыдая, проговорила: — А я тут развлекалась, а он лежал смертельно больной, в дне пути, в приграничной крепости князя Баграта, а я и думать о нем забыла...

— Прекрати истерику! — резко сказала Ута. — Влюбилась — и влюбилась, можно подумать, что если бы этого не случилось, князь Варгиз остался бы здоров. И он выживет, это я тебе обещаю. Утри слезы, умойся холодной водой, и пойдем проведем твоего отца. Княжна Астмик ждет нас к ужину, и сегодня, кажется, опять будут гости.

— Я не выйду к гостям, — буркнула Аник. Она налила в умывальный тазик воды, умылась, вытерла лицо полотенцем. Глаза ее покраснели и припухли. — Это будет уж совсем неприлично: отец при смерти, а я пирую.

— Он не при смерти! — разозлено крикнула Ута. — Сколько раз тебе повторять! Он выживет! И прекрати это безобразие, не то накличешь беду. Пошли!

Князь Варгиз спал. Выглядел он значительно лучше, чем днем: щеки его слегка порозовели, он ровно дышал.

— Он просыпался, выпил чашку мясного отвара, поговорил со мной немного, а теперь опять спит, — шепотом доложил брат Епифан. — Силы его прибывают прямо на глазах. Не знаю, что ты сделала, целительница, но впервые я вижу возвращение больного к жизни столь стремительное...

— Ничего особенного я не делала, — пробормотала Ута, краснея. — Он, конечно, стар, но вполне крепок еще, и организм у него здоровый. Думаю, дня через три ему можно будет вставать.

Ута проверила состояние сердца старого князя своим внутренним целительским зрением. Рубец на месте ранки на сердце почти сгладился.

— Даже, может быть, раньше, — пробормотала Ута. — Надеюсь, ночью не случится ничего дурного, но, если что, пришли за мной сестру. Я живу в покоях княжны Астмик.

— Да, целительница, — склонил голову брат Епифан. Разговаривал он с Утой с уважением.

Аник глядела угрюмо, но хотя бы больше не плакала.

— Видишь, ему уже лучше, — наставительно произнесла Ута, когда они с Аник шли по просторному коридору. — И нечего реветь и терзаться. А влюбилась — так это же хорошо!

— Ничего хорошего, — пробормотала Аник с тоской. — Он никогда не обратит на меня свой взор...

Ута вздохнула. Кажется, дело и впрямь серьезное — никогда

прежде Аник не разговаривала с ней таким книжным языком.

— Да хоть кто он? — спросила Ута.

— Не скажу! — Аник выпрямилась во весь свой небольшой рост и упрямо задрала подбородок. — Ты будешь смеяться.

— Не хочешь — не надо, — пожала плечами Ута. Дальнейший путь они проделали в молчании. Ута дорогой гадала, кто же избранник дочери Варгиза. Конечно, не глупый и хвастливый князь Тигран. Князь Симон? Вряд ли, уж больно сладкие у него глаза и улыбка, и все девчонки-воспитанницы влюблены в него, а Аник не любит поступать, как все. Князь Давид, сын верховного князя? Непомерно уж рыхл и толст, хотя, говорят, влюбленные никогда не замечают недостатков в своем избраннике. Об этом Ута знала пока только понаслышке, самой ей влюбляться не приходилось. Пожалуй, она и не могла влюбиться — слишком ее голова была занята целительством, и слишком трезвое чувство юмора заставляло подмечать малейшие недостатки в мужчинах. Да и молодые люди ее сторонились, даже прежде того, как по поселку, в котором она выросла, пошел слух о том, что Ута — ведьма.

11.

Ужин в покоях княжны Астмик был, как обычно, немногочислен.

Как и в каждый из предыдущих вечеров, были за ужином король Марк и благородный Балк.

Старая княгиня Анаис из дома Гориса, словно черная ворона, сидела за столом и бурчала о распутстве и падении нравов, что не мешало ей поглощать пищу, будто она месяц голодала.

Белица Клара, тоже как обычно, ела, не поднимая от тарелки глаз, очень немного, в основном зелень и овощи.

Горских князей нынче не было, зато был отец ИллариЙ с неизменным своим спутником, Лукой.

Отец ИллариЙ радостно поприветствовал Уту, приветливо поздоровался с Аник, высказав ей соболезнования по поводу болезни ее отца, церемонно поклонился старой княгине Анаис, а потом почти во все время застолья не закрывал рта, и не потому что много ел, а потому что много говорил, на родном языке, и на горском, служа переводчиком вместо княжны Астмик.

Дочь верховного князя, как и в предыдущие вечера, была оживлена и весела, нынче на ней были изумруды в старинной серебряной оправе, но даже прозрачные зеленые камни не притушили нежного румянца на ее щеках.

Ута уже освоилась, и не так дичилась, как в первый вечер, чему, кстати, немало способствовало общество отца Иллария, разговор с которым — если только священник не садился на своего конька (религию и историю Межгорья) — был занимателен и приятен. Но за столом отец Илларий говорил вовсе не на скучные темы, а рассказывал забавные и поучительные истории, свидетелем которым бывал сам, или о которых слышал от очевидцев, и живописал города, где ему довелось побывать вместе с войском короля Марка и его отца, покойного короля Игнатия.

Лука, напротив, все больше молчал, глядел в основном в тарелку, а если поднимал от нее глаза, то смотрел тоскливо на Уту, но, натываясь на ее ответный взгляд, краснел и снова опускал взор.

Ута, мысли которой после признания Аник приобрели определенное направление, с внутренним хихиканьем подумала, что, пожалуй, Лука в нее влюбился. Прежде ей это в голову не приходило.

Аник почти ничего не ела, и ничего не говорила. Ута озабоченно поглядывала на подругу. Та сидела понурая, изредка поглядывала по сторонам, и временами внезапно густо краснела, как это умеют делать рыжие — так, что даже веснушки становились не видны на ее носу.

— Все будет хорошо, — шепнула Ута подруге, сжав под столом ее руку, в тот момент, когда Аник в очередной раз покраснела, чуть ли не до слез. — Князь поправится, вот увидишь!

— Ах, я не о том! — прошептала Аник с тоской, и снова уткнулась в тарелку, ковыряясь ножиком в кучке зелени.

Ужин проходил весело и шумно, хоть и без горских песен, когда дверь столовой внезапно распахнулась, и на пороге предстала мать Проклея, в полном своем облачении настоятельницы монастыря — широкой черной рясе, черном высоком клобуке, с массивным серебряным крестом на груди. За спиной матери Проклеи маячила фигура в белом, и Уте показалось, что она узнала постное лицо сестры Гликерии.

— Матушка! — воскликнула княжна Астмик, вскакивая с места, — рада приветствовать вас в своих покоях! Присаживайтесь к столу, разделите с нами нашу скромную трапезу...

Вслед за княжной женщины тоже поднялись, за ними, недоуменно переглядываясь, встали и мужчины.

Мать Проклея, не говоря ни слова, вошла в комнату. Сестра Гликерия — или кто там был — за ней не последовала.

Мать Проклея прошла по комнате, потербила зачем-то

бахрому дорогого бахристанского ковра, висевшего на стене, остановилась у стола. Княжна Астмик слегка суетливо освобождала для матери Проклеи место за столом, подле себя, попросив шепотом отца Иллария слегка подвинуться.

Все так же молча мать Проклея села.

Княжна Астмик опустила на свое место, величественным кивком головы пригласила садиться всех остальных. Даже суетливая и смущенная, она выглядела царственно.

— Что положить вам, матушка? — спросила княжна Астмик, — не желаете ли отведать молодого горошка, тушеного в меду? Или вот, первые в этом году томаты, запеченные с брынзой...

— Хлеба и зелени, — отрывисто бросила мать Проклея. Она, насупившись, обводила орлиным строгим взором присутствующих за столом. На этот взгляд все реагировали по-разному, мужчины — равнинные жители — недоумевающе, сестра Клара, покраснев, низко склонилась над своей тарелкой, Аник ежилась, не поднимая головы. Ута тоже почувствовала себя неуютно. Одна только княгиня Анаис вела себя, как прежде, кромсая тупым ножиком кусок молодой баранины, тушеной в кислом молоке, она бурчала себе под нос, что вот мать Проклея покажет этой молодой распутнице, как должна себя вести дочь горского князя. К счастью, бурчала княгиня Анаис тихо, и, кроме Уты, никто ее бурчания не услышал.

Неловкое молчание нарушил отец Илларий.

— Я, конечно, слышал многое о достопочтенной матери Проклее, — прокашлявшись, начал он медленно, — но впервые имею честь встретиться с нею. Не соблаговолит ли дочь верховного князя представить меня достопочтенной матери-настоятельнице?

Дочь верховного князя соблаговолила, потом представила и остальных мужчин. И вот тут Уту ожидало нечто ну уж совсем неожиданное, даже, можно сказать, невероятное. Она поперхнулась и закашлялась, потому что как раз тогда, когда княжна Астмик представляла достойного Луку, Ута отпила из своего кубка.

Потому как достойный Лука с его собачьим тоскливым взглядом, устремленным на Уту, оказался ни много — ни мало, а братом короля Марка и наследником престола Межгорья! Было от чего поперхнуться!

С появлением матери Проклеи разговор за столом стал натянутым и принужденным, несмотря на все попытки отца Иллария вернуть прежнюю легкость. Мать Проклея молчала, поглядывая на княжну Астмик, на свою племянницу и на белицу,

сестру Клару, из-под насупленных седых бровей. Когда отец Илларий обращался к ней, она в ответ нехотя цедила сквозь зубы два — три слова, сама ни с кем не заговаривала, и почти не притронулась к хлебу и зелени, лежавшим перед ней на тарелке.

Только в самом конце застолья, вставая из-за стола, она обратилась к Аник.

— Ты была у отца вечером?

— Да, матушка, — сказала в ответ Аник почти неслышно, — мы с Утой ходили его проводить. Он спит, и ему лучше.

— На все воля Божья, — отозвалась мать Проклея с гулким вздохом. — Даст Бог, и поправится князь... Дочь Гориса, останься. Мне надо говорить с тобой. Пусть твои гости извинят тебя.

Выходя из столовой, Аник шепнула Уте:

— А если я уйду к себе, никто не обидится? Я имею в виду, княжна Астмик не будет на меня сердиться?

— Я думаю, она все поймет правильно, — сказала Ута. — По моему, княжна Астмик все и всегда правильно понимает. Но я бы тебе не советовала. Ты сейчас слишком возбуждена, не заснешь, опять начнешь думать, реветь... Лучше посиди немного с гостями.

Аник затравлено поглядела на Уту, ничего не ответила, но послушно пошла вслед за подругой в гостиную.

Илларий, увидев девушек, тут же направился к ним.

— Король Марк поручил мне заботиться о тебе, Ута из Красной крепости, — сказал он. — Говорят, ты хочешь попасть в Дан? Но что ты будешь там делать, без друзей, без родственников, не зная языка? К тому же в Дане не приветствуются иноверцы, и пребывание их в столице возможно только по особому указу королевы... Или короля, если на то пошло. Король, конечно, даст тебе позволение, в этом нет сомнения, но королева-мать... — отец Илларий покачал головой, сочувственно глядя на Уту.

— Да, я слышала о королеве Мариам, — безмятежно отозвалась Ута, — и все же мне нужно попасть в столицу. А что до языка — я хотела бы обратиться к тебе с просьбой, отец Илларий, помочь мне научиться вашему языку.

— О, — воскликнула Аник, — если можно, я бы тоже очень, очень хотела бы научиться разговаривать на языке равнин!

Отец Илларий нахмурился.

— С точки зрения бичующей церкви Межгорья, — с расстановкой произнес он, — желание учиться не есть похвальное стремление, подобающее молодой девице.

Аник растеряно оглянулась на подругу. Ута пожала плечами.

— У нас в Межгорье, — все так же, с расстановкой, продолжал он, — учатся только священники или дети из

благородных семей, и то только самым необходимым для жизни наукам. Знание чужого языка обычно не является необходимым, хотя...

— Но я ведь княжеского рода, — сказала Аник, — и Ута скоро тоже будет княжной из дома Варгизов. Дочь верховного князя знает ваш язык. Почему бы девушкам из рода Варгиза не научиться тому же? В конце концов, можно еще поспорить, чей род древнее: Горисов или Варгизов! И насчет специального указа — мне кажется, горцы могут верить по-своему, даже находясь в Межгорье. Царь Давид Предатель подписал договор об автономии айков, и там есть пункт о том, что айки сохраняют свою веру, свои обычаи и свой язык, и сказано даже о строительстве нашей церкви в городе Дане.

Отец Иллариий несколько смущенно поглядел на Аник, почесал указательным пальцем кончик носа и сказал:

— М-да... Ты устыдила меня, дочь Варгиза. Я и забыл об этом. Действительно, в Дане, в горском квартале, есть горская церковь. А ты тоже хочешь попасть в Дан, дочь Варгиза?

Аник вспыхнула, потом резко побледнела.

— Я... Я не знаю. Может быть, когда-нибудь и попаду. Пока что нужно, чтобы отец мой поправился.

— Ну, что же вам сказать? — отец Иллариий лучезарно улыбнулся. — Уговорили! Значит, завтра и начнем!

— Если только будет на то воля Божья, — раздался за спинами девушек голос матери Проклеи. — И моя. Что вы там собираетесь начать?

Аник объяснила грозной тетке, что отец Иллариий будет учить их с Утой языку Межгорья.

— С позволения матери-настоятельницы, конечно, — добавила Аник медовым, нежным голоском.

Мать Проклея сопела, хмурила седые брови, но позволение дала, хоть и с заметной неохотой.

Княжна Астмик, вошедшая в гостиную вслед за матерью Проклеей, недовольно поджимала губы, глаза ее блестели больше обычного.

Мать Проклея уселась на диван рядом с престарелой княгиней Анаис, и завела с ней долгую беседу о внуках и правнуках достойной вдовы. Княгиня Анаис оживилась, и весь вечер бубнила о своих потомках.

Княжна Астмик подошла к королю Марку, о чем-то тихо переговорила с ним, потом отошла в сторону, села в кресло и задумалась.

Отец Иллариий развлекал девушек рассказами о своем учении в бытность молодым семинаристом; рассказы были забавны, Ута

смеялась.

Случайно она взглянула на Аник. Аник с тоскливым видом следила за княжной Астмик, разговаривавшей о чем-то с благородным Балком, король Марк сидел подле и хмуро смотрел в пол.

Что-то не так было с подругой Уты; что-то затравленное виделось Уте во взгляде, в повороте головы, в склоненной шее дочери Варгиза.

Лука, о котором странно было думать, как о королевиче, выглядел, кстати, так же затравленно и тоскливо. «Наверное, это общее правило, и все влюбленные выглядят так», — подумала Ута и выбросила на время эти мысли из головы, тем более что отец Иллариий продолжал свои забавные рассказы.

Этот вечер был короче предыдущих. Песен не было, княжна Астмик отговорила от музыки головной болью, а мать Проклея так замораживала взглядом даже оживленного отца Иллариия, что веселый смех застревал в горле. Очень скоро король с благородным Балком ушли, после них ушел и королевич Лука, не проронивший за вечер ни слова.

Княжна Астмик сидела, задумавшись, и нервно теребила тяжелое серебряное ожерелье.

Наконец, она встала.

— Да извинят меня мои гости, — сказала она. — Для многих из нас был тяжелый день нынче, и потому не пора ли нам разойтись?

Отец Иллариий, слегка смущенный тем, что всегда вежливая дочь верховного князя прервала его на полуслове, откашлялся, сказал: «Да, да, конечно», — пожелал всем спокойной ночи и вышел. В комнате остались одни женщины.

Мать Проклея косо глянула на племянницу, но ничего не сказала ей, и обратилась к княжне Астмик:

— Что ж, дочь Гориса, я не могу приветствовать такие посиделки с мужчинами, но и запрещать не буду. Однако ты должна понимать, что подаешь дурной пример. И если у тебя хватает ума и здравого смысла придерживаться разумной середины и не переступать черту, то другие — та же твоя племянница, например! — наделают глупостей, и потом на тебя же будут кивать!

Княжна Астмик поджала губы. Щеки ее раздумянились, она была, как подумала Ута, в гневе.

Но голос ее звучал ровно и спокойно, как обычно:

— Посмотрим, матушка. Когда придет время для моей племянницы, тогда и посмотрим.

Перед сном Ута зашла к Аник, проводить подругу — девушкам отвели разные комнаты, между которыми была дверь, скрывающая бархатной занавесью.

Аник лежала в постели, но не спала, смотрела в потолок блестящими в неярком колеблющемся пламени единственной свечи глазами.

— Может быть, заварить тебе успокаивающих трав? — тихо спросила Ута, подойдя к постели подруги. — Ты сможешь заснуть?

— Ах, не нужно, не нужно мне ничего! — почти простонала Аник, закрыв глаза. — Оставь меня в покое!

«Уж не больна ли?» — подумала Ута. Хотя, наверное, если бы что-то было не так, она бы почувствовала — с тех пор, как подруги обменялись каплями крови, Ута чувствовала Аник даже на значительном расстоянии. На всякий случай Ута проверила своим целительским зрением состояние внутренних органов Аник.

Все было в порядке, только в области сердца просматривалось странное облачко, Ута уже видела нечто подобное...

«Может быть, она переживает из-за болезни отца?» — подумала Ута, пытаясь вспомнить, где, когда и у кого она видела такое темное облачко.

— Как она хороша, правда? — сказала вдруг Аник, не открывая глаз. — Она красивая, умная, гордая... Мне очень она нравится, и я бы хотела быть ей подругой, хотя это, конечно, невозможно.

— О ком ты? — спросила Ута, но уже догадалась сама, о ком. И кстати, именно у княжны Астмик Ута прежде и замечала такое вот облачко на сердце.

И, не подумав, проговорила вслух свою догадку:

— Так вот это что, это влюбленность!

Аник села в постели:

— А ты о чем?

Ута захихикала. Возможность видеть не только состояние здоровья, но и состояние души, почему-то позабавила ее.

— Я теперь могу видеть, когда кто-то в кого-то влюблен, — похвасталась Ута, присаживаясь на край постели. — Такое вот облачко на сердце, почти что как болезнь. Надо будет завтра посмотреть на Луку. Ты влюблена, Аник!

— Ах, я сама это знаю! — плаксиво сказала Аник, подумав, добавила: — И сама тебе об этом сказала.

— И княжна Астмик влюблена, только вот в кого? — задумалась Ута.

— Ох! — проговорила Аник, покачала головой и как-то странно посмотрела на Уту. — Иногда я тебе удивляюсь. Ты со своим целительством совсем оторвалась от жизни.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла Ута.

— Совсем не нужно никакое твое специальное зрение и умение, чтобы увидеть, что Лука в тебя влюблен по уши, и что княжна Астмик, тоже по уши, влюблена в короля Марка. И, мне кажется, король отвечает ей взаимностью...

При последних словах голос Аник дрогнул. Может быть, Ута и оторвалась от жизни, но не настолько, чтобы не догадаться.

— А ты влюблена в короля Марка, — сказала она. — Опять вспомнила про предсказание.

— Причем тут предсказание? — Аник надулась, даже в тусклом свете свечи было видно, что она покраснела. — Он просто такой... такой... не такой как другие.

— Он же тебе вначале не понравился!

— Так то вначале, — с тоской произнесла Аник и легла, как будто вдруг обессилев. — А потом... — она зажмурилась и глухо, без слез, зарыдала.

— Так, — сказала Ута, вставая. — Я сейчас заварю для тебя мяту, ты выпьешь и будешь спать. И прекрати изводиться. Если тебе суждено выйти за него замуж, ты выйдешь, если нет — не выйдешь. Как судьба повернет. И терзаться здесь вовсе не из-за чего...

— Ты ничего не понимаешь! — в запальчивости крикнула Аник, позабыв, где они находятся, испугалась, прикрыв рот ладонью, и продолжала уже тише: — ты не понимаешь ничего. Княжна Астмик — старше меня, красивее, умнее, и со всех сторон подходит ему лучше, чем я. К тому же она — дочь верховного князя, а я... я всего-то дочь Варгиза, мы — нищие князя на нищей земле, наш род в упадке; к тому же я глупая, неотесанная, невоспитанная... Ты бы могла вот так, как княжна Астмик, свободно разговаривать с королем, шутить, смеяться, даже спорить с ним? Я вот даже глаза на него поднять боюсь!

— Вэ! — сказала Ута, поразмыслив, — это все ерунда. Если ты ему понравишься, то он не посмотрит, что ты глупая — а ты не глупая, просто сейчас ведешь себя глупо — и из захудалого рода. Вот только — он же тебе в отцы годится?

— Ах! — снова вздохнула Аник.

Девушки не знали, что в покоях короля Марка в это же самое время тоже шел разговор, и на ту же самую тему.

В комнате были король Марк, брат его, королевич Лука, Балк, ближайший короля друг и наперсник, и отец Иллариий, приходившийся, кстати, Марку и Луке дядей по отцу.

Марк сидел в кресле и хмуро смотрел в пол, потирая раненое плечо.

Лука у распахнутого настежь окна вздыхал, глядя в ночное небо.

Балк, полулежа на кушетке в углу, перебирал струны гитары, наигрывая что-то печальное.

Иллариий расхаживал по комнате.

— Ты понимаешь, что компрометируешь девушку? — строго спросил он, останавливаясь напротив короля. — Ты знаешь здешние обычаи, Марк! Здесь не Межгорье с его свободными нравами и доступными девицами, не Загорье с его куртуазностью и беспринципностью, здесь...

— Чем я мог скомпрометировать ее? — спросил Марк, по-прежнему глядя в пол. — Мы ни разу не оставались с ней наедине, всегда там торчат эта монахиня и эта вдова.

— Горские девушки не ужинают с мужчинами. Вообще трапезу с ними не разделяют без особых поводов. И мать-настоятельница сегодня не просто так появилась...

— Хватит, дядя! — властно сказал король Марк. — Я ужинаю с княжной по ее просьбе, она хотела бы слегка расшевелить местную публику, ввести новые обычаи; по ее мнению, горянки слишком отгородились от мира. Что до ее имени, оно и так уже запятнано, правда, я не знаю, чем. Это мне сказал ее отец, не вдаваясь в подробности. Когда я намекнул, что хотел бы жену-горянку.

При этих словах короля Балк перестал играть, а Лука оторвался от созерцания звезд и взглянул на брата.

— Ты что, собрался жениться в третий раз? — спросил он, и голос его дрогнул.

Король криво усмехнулся.

— Третий раз, говорят, самый верный. Если и в этот раз не повезет, обручусь с церковью и уступлю престол тебе.

— Я не хочу престола, — сказал Лука, — это не мое дело, и не к нему меня готовили. Но я бы не отказался жениться и произвести на свет наследника престола. Коль скоро у тебя это не получается.

— Вот я и попробую еще раз, авось, получится, — лениво отозвался Марк.

— Что же, женитьба на дочери верховного князя привязала бы

дом Горисов к Межгорью еще вернее, — задумчиво произнес отец Иллариий, возобновляя свое хождение взад-вперед. — И дом Горисов, и весь Айкастан. Мы могли бы оставить здесь постоянный контингент войск...

— Не думаю, что выберу княжну Астмик, — сказал Марк. — Из нее вышла бы прекрасная королева, но... Нет, не думаю, — он покачал головой и встал. — Поздно уже, однако. Пора спать, дядя.

Иллариий пристально посмотрел на племянника.

— Это из-за пятна на ее имени, или из-за чего-то еще? — спросил он; Марк снова покачал головой:

— Из-за чего-то еще.

Отец Иллариий и Лука попрощались, вышли.

Балк тоже собрался уходить, но король остановил его:

— А ты почему молчишь, Балк? Тебя не удивляет мое решение жениться на горянке?

Балк пожал плечами:

— Не удивляет. Меня скорее удивляет то, что ты еще не женился. И ты ведь увлечен княжной Астмик, признай!

Марк медленно, тщательно подбирая слова, сказал:

— И да, и нет. Она нравится мне, более того, я восхищен ею, но не так, как если бы хотел ее в жены или даже просто как женщину. Вот-вот, — оживился он, — я не вижу в ней женщину, желанную женщину. Впрочем, какая разница? Из нее вышла бы прекрасная королева, но из нее никогда не выйдет невестка для моей матери. Ты понимаешь, о чем я?

Теперь задумался Балк.

— Нет, не понимаю, — после минуты или двух молчания признался он. — Она горда, умна и тверда; если в ком и могла бы встретить твоя мать достойную соперницу, то в ней.

Марк сморщился.

— Ты забыл о другой умной, гордой и твердой женщине. Ты забыл, чем кончилась попытка поместить под одной крышей королеву-мать и Регину. И я не уверен, что...

Тут Марк замолчал. Одно дело — подозревать свою мать в убийстве своей же жены, и совсем другое — высказать эти подозрения вслух, даже в присутствии самого преданного и верного друга.

— Ей не хватит гибкости, это ты хочешь сказать? — спросил Балк. Он давно уже умел понимать короля без слов.

— И это тоже. Нет, я присмотрел себе другую невесту. Тоже хорошего рода, и, думаю, ты одобришь мой выбор.

Балк удивленно посмотрел на короля. За долгие тридцать лет дружбы он изучил своего государя так, как не всякая мать знает

своего ребенка, и прекрасно знал, как себя ведет влюбленный Марк. Марк был увлечен Астмик, это Балк заметил, но вот влюбленности в кого-то другого...

— Дочь Варгиза, — ответил Марк на невысказанный вопрос.

Балк не смог сдержаться:

— Ты с ума сошел! Она же еще ребенок!

Марк нахмурился.

— Ей уже шестнадцать, а горянки созревают раньше наших девушек. Но даже и у нас шестнадцать лет — вполне подходящий возраст для замужества. Насколько я успел заметить, она хороша собой, неглупа, порывиста, что доказывает ее темперамент; к тому же слишком молода, чтобы королева-мать увидела в ней угрозу своей власти. Ты ведь понимаешь, Балк, не ко мне ревнует королева моих жен — к королевской власти. Что до твердости этой девочки — ты же сам прожужжал мне все уши о ней. А по молодости лет ей достанет и гибкости. Варгиз не откажет мне, я знаю. И мы сможем держать свои войска в самом сердце Айкастана — в Красной крепости. Не могу же я оставить без защиты земли моего тестя!.. — король Марк коротко хохотнул и положил тяжелую руку Балку на плечо.

— Она тебе в дочки годится, — сказал Балк. И добавил, несмотря на давний молчаливый уговор между друзьями — не напоминать о том, что слишком больно: — Твой сын от Дануты был бы сейчас старше, чем она.

Король Марк молча сжал плечо Балка; Балк потупил глаза и тихо произнес:

— Прости, государь... Но, — Балк поднял голову и посмотрел в лицо королю, — ты понимаешь, что она не может любить тебя, человека — но лишь короля? Ты понимаешь, что покупаешь себе жену?

Король похлопал Балка по плечу, отошел к окну.

— Король вынужден приобретать себе жену. Ни одна женщина не сможет любить во мне человека, Балк, а только лишь своего короля... А та, которая могла — ее давно уже нет. Впрочем, она тоже любила не только меня, но и наследника престола, разве нет?

Много лет прошло, прежде чем Ута узнала об этом разговоре, Аник же не узнала о нем никогда.

Интерлюдия. Убить ведьму

1.

Все раздражало нынче — шорох пышных юбок приближенных женщин, тихие звуки скрипки, которыми по совету придворного лекаря успокаивали нервы старой королевы-матери, даже треск поленьев в очаге.

Лекаря привез из Срединных земель Марк. Скрипача тоже. Заботливый сын!

Мариам взмахнула рукой, подавая женщинам знак оставить ее одну.

— Но твоя ванна, госпожа королева!.. — возразила Елена. Благородная Елена. Супруга благородного Дамиана. Оба безземельные, потому Елена служит при дворе, а Дамиан, как простой солдат, сопровождает короля Марка в походе. Старшие отпрыски знатных семей. Фу!

Мариам подумала, как все-таки нелепы законы о наследовании в Межгорье.

Оставлять землю дочери, любой из дочерей, по выбору родителей. Глупость какая!

Все-таки женщина — существо неполноценное. Неумная, вздорная, жадная — как правило. Встречаются, конечно, и исключения. Вот как она, Мариам.

— Я устала, — сказала королева Мариам. — Я посижу тут, у огня, в тишине. Отдохну. Я кликну вас, когда захочу спать.

— Но, госпожа королева, лекарь велел... — слишком дерзка стала эта Елена, пора отправить ее подальше от двора. Приглядывать за порядком в летнем дворце, например. Или лучше — пусть будет экономкой в охотничьем домике короля. Уж там-то она, Мариам, никогда не бывает. Да, надо будет сказать управителю.

— К шайтану лекаря и его советы, — устало сказала Мариам. — Подите все. И скрипача заберите, надоел.

Музыка смолкла.

Шурша юбками, женщины кланялись и уходили — одна за другой. Пока, наконец, Елена не затворила за собой дверь. В ее, Мариам, покои Елена всегда входила первой и выходила последней.

Мариам встала с кресла, прошла по комнате, остановилась у полки с книгами.

Книги — священники говорят, все зло от книг, от чтения.

Мудрствуя, не приближаешься к Богу, но удаляешься от него. Невежество и труд на земле — вот способ обрести царствие небесное.

Мариам усмехнулась. Очень удобно церкви — они сделали себя незаменимыми, и суют свой нос всюду, где только нужны грамота и счет. Хорошо еще, что первые короли Межгорья надели на них крепкую узду, и по сей день не выпускают поводья из рук. Хотя всегда есть опасность, что появится какой-нибудь чересчур богомольный властитель, упустит. Марк, к счастью, не таков. Не таков и Лука.

Мариам сняла с полки одну из книг.

Греховное издание — и с точки зрения бичующей церкви, государственной церкви Межгорья, и с точки зрения ислама. Одни картинки чего стоят!

Мариам была правоверной мусульманкой первые двенадцать лет своей жизни. Потом ее выдали за Игнатия.

Обвенчали их, конечно, много позже, но перепуганной двенадцатилетней девчонкой отправили на север, в далекий и страшный Дан, ко двору Кирилла, тогдашнего короля. Братец султан постарался. Чтобы скрепить договор о пятидесятилетнем перемирии, породниться с королями Межгорья, подтвердить свою добрую волю. Продал сестру.

Мариам вспомнила долгий переход каравана по безводным холмам, по пустынным землям, ночевки в шатре, колдунью Катарину, любимицу королевы Елизаветы, будущей свекрови — да горит она вечно в аду, проклятая!

Колдуньи Мариам боялась до ужаса, до сворачивающихся в тугой комок внизу живота внутренностей, до желания бежать — с криком, зажмурившись, — в любом направлении, только бы подальше.

О межгорских колдуньях в Бахристане рассказывали страшное.

Говорили, что властны они над жизнью и смертью, что нет для них тайн — мысли самые потаенные, желания самые заветные могут прочитать они в твоей душе и в твоём разуме. Что кровь невинных девственниц — вот то, что позволяет им колдовать, и что еженедельно король Кирилл выбирает одну из девиц своего королевства на растерзание ведьмам.

Что могут они двигать горы, что землю под твоими ногами могут разверзнуть пропастью без дна, что шайтан — их покровитель и учитель, что совокупляются они с шайтаном, как с мужчиной, и от того совокупления рождаются дети рогатые и хвостатые.

И что ночные нечистые тени, проклятие Межгорья (хвала

Аллаху, в Бахристане нет этой гадости!), с которыми будто бы призваны они бороться, сами есть порождение их колдовства.

Во все это Мариам тогда верила, и все это оказалось ложью.

Улыбчивая колдунья Катарина, любимица королевы Елизаветы (да горит она вечно в аду!), не пила крови девственниц, даже и мяса не ела, не только человечины, но и дичины, и даже курятины, говорила, что мясная пища мешает ей хорошо видеть.

С ночной нечистью каравану почти что и не пришлось столкнуться. Однажды только, после сильного дождя, Катарина велела развести большой костер, всыпала в огонь какой-то пахучий порошок (позже Мариам узнала, что то были толченые ягоды можжевельника) и обошла лагерь, вглядываясь в темноту. Вернувшись, сказала, что сейчас теней еще нет, но могут появиться позже, и приказала от шатров не отходить, чтобы не рисковать.

И всю ночь бродила вокруг лагеря, а утром, когда рассвело, наткнулась на труп в кустах — один из воинов, охранявших лагерь, отошел со своего поста, должно быть, по нужде. Воин был бахристанец, из сотни почетного эскорта, данного султаном сестре. (После король Кирилл отослал этих воинов восвояси, щедро их наградив). Улыбчивая Катарина в тот день была неулыбчивой, и часто плакала. А она, Мариам, теперь по вечерам старалась держаться ближе к Катарине, и просила, чтобы шатры их ставили рядом.

Глупая, глупая юность!

Она спросила тогда Катарину: «О чем ты плачешь? Он всего только воин, ты даже и имени его не знаешь!» — и сама она, Мариам, не знала имени этого бестолкового воина, первого погибшего из сотни джигитов.

Катарина сказала: «Человеческая жизнь священна — короля ли, воина, пахаря. Нет ничего священной, а он умер по глупости, и по моему недосмотру».

Ах, глупая Катарина, мягкотелая, как улитка без домика!

Мариам усмехнулась, вздохнула и раскрыла книгу, где пришлось.

Пришлось на истории добродетельной дамы Алдоны и ее усталого сердца.

Мариам перелистывала страницы, разглядывая картинки. Вот первая встреча дамы Алдоны с пастухом Яковом — юная дама сидит на белом коне, легконогом, гордо выгнувшем шею, а пастух держит в руках ягненка. Вот дама Алдона посещает больных во время мора, из корзинки ее торчит горлышко обвязанной тряпкой бутылки и булка, а по щеке катится огромная слеза. Вот дама

Алдона протягивает мешок денег мастеру каменщику — так художник изобразил основание Алдоной обители милосердных сестер. А вот и кощунственная сцена — дама Алдона отказывается стать монахиней, и ее, обнаженную до пояса, бичуют черноризцы. А в конце, в качестве завершающей виньетки, художник нарисовал багряное сердце, разорванное пополам, как если бы оно было из бумаги, и большую каплю крови, истекающую из разрыва.

Книга, конечно, была рукописная — печатни в Межгорье принадлежали церкви, а ни один церковник не позволит себе напечатать эдакое. Мариам посмотрела в начало книги, потом в конец — имени переписчика нет нигде, зато на первой странице красуется гордое «Из собрания Матвея Полянского». Безумец, этой своей росписью он сам подписал себе смертный приговор. Муртаз принес две книжки с такой вот надписью, одну Мариам передала преподобному Кестусу, другую — вот эту — оставила себе. Надо бы ее сжечь, да жаль, больно забавные картинки!

Мариам засунула книгу подальше, чтобы не попала в глаза кому не надо. Пусть она, вдовствующая королева-мать, находится и на недостижимой высоте, а все же осторожность превыше всего. Незачем дразнить гусей. Матвей Полянский дразнил — и где он? Впрочем, сам виноват. Его настырные намеки, что, де, хватит королю Марку горевать, пора жениться снова, а Луке принести обет безбрачия, слишком раздражали Мариам, и, что опаснее, заставляли задуматься других.

И бичевали Матвея Полянского на площади перед собором, как бродячего актера, и не помогла ему ни голубая его благородная кровь, ни родство с королевской семьей.

И скончался Матвей Полянский от полученных побоев.

И туда ему и дорога.

Мариам вернулась к огню, согнала с кресла успевшую уже удобно устроиться кошку, села.

Треск поленьев не раздражал более, а, наоборот, успокаивал, навеяв ленивые приятные грезы.

Грезы были о прошлом — вспомнилась коронация в соборе святого Видгорта, и как преподобный Астафий, тогдашний епископ, мазал ей лоб и ладони благовонным маслом и водружал на голову массивную корону.

Покойная свекровь, Елизавета — да разорят шакалы ее кости! — плакала от умиления, глядя на них с Игнатием, молодых, стройных, красивых. Добродетельных — да, она, Мариам, была добродетельна тогда, и после тоже.

Мариам нагнулась, помешала угли в очаге, подбросила поленьев из сложенной аккуратно рядом горки. Пламя весело

заплясало, пожирая сухую древесину.

Аллах свидетель, она была добродетельна и тогда, и после, и не ее вина, что ей пришлось грешить, Аллах свидетель, не ее вина!

Мариам закрыла глаза.

Фируза, старая, сгорбленная Фируза, кормилица ее матери, ее, Мариам, нянька и воспитательница, словно бы живая, встала перед глазами. Добрая Фируза, мудрая Фируза, беспощадная к ее, Мариам, врагам и обидчикам.

Фируза подслушала разговор — не первый, как она поняла, — между матерью и сыном.

«Сын, пора что-то решать, — говорила Елизавета (лизать бы ей в аду раскаленные сковородки!), — двадцать лет уже, как вы женаты. Позволь хотя бы Катарине осмотреть ее!»

«Мама, ты же знаешь, как Мариам боится колдуний, — отвечал Игнатий. — Подождем еще».

«Сын мой, королевство больше не может ждать. Нужен наследник».

По словам Фирузы год еще, один только год согласилась потерпеть Елизавета. А потом — развод.

В Бахристане разведенная жена возвращается к отцу.

В Межгорье — к матери.

Отца Мариам давно не было в живых, не было в живых и матери. Брат, султан, в первый же день по приходу к власти прислал матери «сердечное лекарство». Мариам не винила брата в смерти матери — вдовствующая султанша тасовала претендентов (своих сыновей и сыновей соперниц), как тасуют колоду карт, и четверо султанов уже сменились на троне, изведенные ли ядом, или пораженные случайной стрелой на охоте, или тихо придушенные подушкой в благовонной духоте опочивальни. Мариам горевала, конечно, но понимала, что у брата не было выхода, если он хотел прожить долго. Хотя долго он не прожил.

Куда деваться разведенной жене в Межгорье? Бывшей королеве? Потерять в один день все — все!

Фируза, умница, придумала.

«Притворись, — сказала она, — притворись, что ты беременна. Пусть тебя тошнит по утрам, пусть кружится голова. Я дам тебе травы, от которых лицо твое пойдет пятнами, а груди набухнут. Откажись делить ложе с мужем — беременные женщины часто теряют охоту. А когда придет срок — мы придумаем что-нибудь. Только ты должна избегать колдуний — они-то сразу поймут, что дело нечисто».

Где Фируза взяла младенца? Незадолго до тщательно

подсчитанного срока, тайно, ночью, принесла в спальню Мариам — Мариам спала тогда отдельно от мужа — пищащий сверток.

«Мы скажем, что ты родила преждевременно, — хихикая и гримасничая, сказала она. — Что тебе приснился страшный сон. Кошмар приснился, и ты родила, и молоко перегорело. Никто ни о чем не догадается, вот увидишь! Только чтобы колдуний близко не было».

К тому времени колдуний во дворце не оставалось. Мариам не нужно было симулировать ужас перед ними — она по-прежнему их боялась, даже улыбчивую Катарину.

Младенца окрестили Марком.

Мариам застонала. О, знать бы тогда, что всего через год она забеременеет по-настоящему!

Фируза тогда предложила известить Марка, подлить ему что-нибудь в питье. Мальчик заснет и не проснется; колдуньи, конечно, поймут, что его отравили, но на нее, Мариам, никто не подумает. Она же мать!

Мариам отказалась. Не потому, что ей было жалко младенца, но из страха — вдруг с плодом что-то случится, или вдруг дитя долго не проживет; так, с наследником в запасе, надежнее.

Родилась дочь, Замира. Лука появился позже, почти шесть лет спустя.

И тогда Мариам побоялась что-нибудь сделать — да и возможности не было. Елизавета, свекровь, к тому времени умерла (туда ей и дорога!), но оставались преподобная мать Анастасия, сестра Кирилла, и обрученная церкви Инесса, сестра Игнатия, воспитательницы наследника. И Игнатий, занявшийся к тому времени превращением Марка в воина.

Все говорили, что мальчик похож на отца. Пожалуй, он и вправду был похож. Мариам иногда думала, а не Игнатия ли то был сын, Игнатия и какой-нибудь шлюхи? Она никогда не уличала мужа в измене, она никогда и не слышала о его изменах, но не создал еще Аллах того мужчину, который бы довольствовался только одной женщиной.

Мариам вздохнула. Что-то слишком часто она стала поминать Аллаха — а прежде годами не вспоминала о вере, в которой была воспитана. Говорят, ренегаты часто перед смертью возвращаются к взрастившей их религии. Перед смертью?

Мариам выпрямилась в кресле. Нет, ей рано еще умирать. У нее осталось еще одно важное дело. Дело, которому она посвятила тридцать лет жизни. Дело, которое унесло столько других жизней. Дело, из-за которого народ прозвал ее Кровавой.

Пусть она Мариам Кровавая, пусть она останется под этим именем в памяти людей, но престол Межгорья должен

унаследовать ее, Мариам, родной сын, а не ублюдок короля Игнатия от неизвестной шлюхи. Лука, а не Марк.

Она надеялась на превратности войны. Кирилл воевал, собирая земли Межгорья, остатки прежде цельного, но потом долгие века раздробленного государства, под свою руку. Игнатий воевал, завершая дело Кирилла, очищая землю Межгорья от псоглавых каптаров, и с Бахристаном, пятидесятилетнее перемирие с которым оказалось в результате пятилетним (сразу по смерти Хуссейна новый султан, аль-Бахри, напал на южные поселки Межгорья), и в Загорье, куда Игнатия понесло то ли за славой, то ли за добычей, Мариам так и не поняла, зачем именно.

И Марк воевал, лез в самое пекло, но, словно заколдованный, выходил из этого пекла без единой царапины. Впрочем, может быть, он и был заколдован. Игнатий любил колдуний, и доверял им, должно быть, они пропели над Марком свои богопротивные заклятья...

Мариам погладила кошку, пригревшуюся у нее на коленях. Кошка заурчала довольно, приоткрыла янтарные глаза, выпустила когти.

С первой женой Марка, красавицей Данутой, получилось не гладко. Мариам подсыпала ей в молоко толченый корень, изгоняющий плод, но плохо рассчитала. Данута умерла, выкинув, — истекла кровью. Колдуньи узнали про зелье, да, видно, об их всеведении рассказывают сказки, виновницу не нашли. Ее, Мариам, никто и не заподозрил.

Зато вторая, Регина, была просто подарок для нее, Мариам. Своевольная и капризная, она пошла в расставленную ловушку, как кролик навстречу удаву. Достаточно было только велеть ей плотно закрывать на ночь ставни, да запретить строго-настрого выходить в сад после захода солнца, да еще посетовать, что душистая ночная фиалка так благоухает по ночам, а нет никакой возможности насладиться ее ароматом. Дурочка сама отправилась навстречу смерти, к тому же дала возможность подставить этих проклятых колдуний.

Хвала Аллаху, с колдуньями она справилась!

Если и осталась пара-тройка, то разве что при войске Марка. Он, как и Игнатий, питает к ведьмам слабость. И Лука туда же — как просил пощадить «несчастных женщин»! Как молил проявить терпимость и милосердие!

Испортили, нет, испортили Луку эти женщины — преподобная мать Анастасия и обрученная церкви Инесса. Правитель должен быть жесток, правитель должен железной рукой расправляться со всеми, кто грозит его власти. А колдуньи грозили — и еще как! Ее, Мариам, власти. И будущей власти

Луки. И власти церкви.

А церковь была на ее, Мариам, стороне — и слава Богу. Пожалуй, одна бы она, Мариам, не справилась.

2.

Стук в дверь прервал течение ее мыслей.

— Кто там? — резко спросила она. Ведь сказала же, чтобы оставили ее в покое!

— Это я, матушка, — обрученная церкви (уже!) Замира скользнула в едва приоткрытую дверь. — Благородная Елена сказала, ты нездорова?

— «Благородная!» — пробурчала Мариам, ерзая в кресле. — Благородная дура, вот она кто, твоя Елена. Я просто устала.

— Позволь посидеть с тобой, матушка, — Замира, не дожидаясь разрешения, уселась на низенькую скамейку подле кресла.

— Может быть, расчесать твои волосы? Если у тебя болит голова...

— Не голова у меня болит, а душа! — в сердцах проговорила Мариам. — А волосы чесать хватает моих женщин. Ты — дочь короля, а не горничная.

— Бог велел трудиться, — серьезно возразила Замира. — Я обручена церкви, и я должна трудиться более, чем другие. А расчесать тебе волосы — это не труд, это удовольствие для души. Поухаживать за матушкой...

— Ну, если тебе этого так уж хочется...

Замира вскочила, вынула из прически Мариам гребни и заколки, вооружилась щеткой. Волосы Мариам, хоть и не такие густые, как в юности, были все еще хороши и лежали на плечах серебристыми волнами.

— А трудиться мне очень хочется, матушка, — болтала Замира, осторожно разделяя пряди и расчесывая каждую в отдельности. — Но мое послушание — быть наставницей моим племянникам, а где они, эти племянники? Скорее бы наш Марк уgomонился, бросил бы войну, женился бы, пошли бы детушки...

Детей в семействе королей Межгорья воспитывали не матери, а тетки. Мариам, как правительница, признавала разумность такого подхода с точки зрения воспитания верности интересам королевства, однако мать в ней протестовала: надо же, какое недоверие!

— И мне бы очень хотелось вернуться в обитель, служить — ах, матушка, тебе невдомек, какое это для меня наслаждение:

заботиться о сырых и убогих, лечить больных, облегчать страждущим их страдания, наставлять детей! Если бы я родилась не в королевской семье, я бы все равно, думаю, пошла бы в милосердные сестры. В том случае, конечно, если бы не была единственной дочерью у родителей, тогда бы мне пришлось выполнять иной долг, служить продолжательницей рода. Потому мне трудно понять благородную Елену — она-то ведь могла стать монахиней, а вместо того пошла замуж... Ах, опять грешна, сужу других, прости мне, Господи!..

«Да полно, моя ли это дочь, — думала Мариам, слушая ее болтовню и морщась. — Убогая какая-то, с холодной кровью, ни мозгов в ней, ни страсти! И Лука такой же, предан своему королю и своему отечеству, как какой-то пастух!»

Для Мариам, выросшей в душной вони интриг султанского дворца, где перевороты случались чуть ли не ежегодно, а иногда и по несколько раз в год — брат Хуссейн был почти что исключением, успев поцарствовать добрых пять лет, — эта вот бесхребетность, полное отсутствие честолюбия, это самоуничтожение было и непонятно, и противно. Она не могла уразуметь, как это Замира не только не протестует против обычая обручения церкви (то есть принесения обета безбрачия каждым из взрослых детей короля, как только появлялся наследник престола), но и довольна такой судьбой, и хочет служить — служить! — а не властвовать. Обычай обручения церкви был введен довольно давно, в целях обеспечения целостности государства и устранения возможности возникновения междоусобицы. Но прежде достаточно часто случалось, что непокорные младшие сыновья (а также и дочери) бунтовали, тайно женились или заводили детей, поднимали мятежи и так далее. Или кровь Данов (таким было родовое имя королевей Межгорья) стала слишком старой и слишком жидкой, и даже ее, Мариам, кровь не смогла улучшить положение?...

В дверь снова постучали.

— Я справлюсь, кто там, матушка, — сказала Замира, отрываясь от своего дела, и скользнула к дверям.

— О, матушка, королевский вестник с письмом! Велеть ему идти сюда, или ты спустишься в зал приемов?

— Сюда, — буркнула Мариам. Замира шепнула что-то неслышное для Мариам в дверь и обернулась к матери:

— Мне тоже можно будет послушать, матушка?

— Посмотрим.

Королевский вестник, в пыли и грязи, провонявший потом, своим и лошадиным, остановился у входа, не решаясь подойти ближе, дабы не оскорбить обоняние вдовствующей королевы и

сестры короля. Мариам нетерпеливо протянула руку:

— Дай сюда!

Вестник приблизился и с поклоном протянул королеве письмо. Траурной каймы на конверте не было.

«Сорвалось!» — подумала Мариам. Перестав уповать на Бога и на случайности войны, она подослала к Марку убийц. Вот уже больше года, как король в походе, но пока что жив и здоров, а от убийц ни единой весточки не было. Сбежать они не могли — их сыновья были заложниками у Мариам и томились в тайной темнице.

Вошел дежурный священник, брат Василий. Мариам протянула ему письмо и кивнула, давая позволение читать.

— От короля и наследника! — провозгласил священник гнусаво. — «Матушка наша, королева! Сыновья твои, Марк, король Межгорья и Загорья, и Лука, наследник престола, шлют тебе привет и поклон с пожеланиями здоровья и благополучия!

Мы, твоими молитвами и Божьей волей живы и почти здоровы, только Марк был ранен на охоте шальной стрелой, но легко, в руку, и теперь быстро поправляется...» — священник остановился, хмыкнув, и быстро перекрестился. Сзади, за спиной Мариам, охнула Замира. Мариам не нужно было поворачиваться, она и так знала, что Замира крестится и шепчет про себя молитву.

— Читай же дальше! — нетерпеливо скомандовала она.

— «Нынешнюю осень решено нами провести в крепости Берде, что значит Твердыня по-нашему, у верховного князя страны горцев Гориса. Верховный князь оказывает нам множество почестей и уважения, а также предоставляет развлечения и всяческие условия для отдыха после ратных трудов. Возможно, что, уступив его настояниям, мы задержимся в Берде и на часть зимы, о том сообщим тебе дополнительно. Еще сын твой, Марк, король Межгорья и Загорья, сообщает тебе, что решил жениться на девице из горянок, княжне, именем Анна, дочь Варгиза. Род ее один из древнейших и славнейших в горной стране Айкастане, Варгизы были родственниками их прежним царям. Венчаться решено здесь, в Берде, потому как отец невесты, князь Варгиз, стар и немощен от ран, и до Дана добраться будет не в силах.

На том кончаем, твои покорные сыновья.

Собственноручно подписано: Марк. Лука».

Брат Василий опустил руку с письмом, которую держал близко к близоруким глазам, и слегка поклонился. Мариам взяла письмо и сама пробежала глазами по строчкам. Строчки расплывались — на глаза Мариам навернулись слезы досады.

Замира тоже плакала, но от радости.

— Матушка! — ворковала она, — вот счастье-то! Женится наш Марк! Ах, я уже, кажется, люблю ее, будущую невестку! И — княжна, а ты так переживала, что он возьмет в жены простолюдинку, простую крестьянку! Хотя я не знаю, чем крестьяне хуже нас, родовитых, во всяком случае, они ближе к Богу, чем мы...

Мариам раздраженно хмыкнула. Как только она, Мариам, произвела на свет такую скудоумную!

— Если ты думаешь, что горская княжна сильно отличается от крестьянки, ты ошибаешься. Они там все князья. Самый последний пастух докажет тебе родство с царской фамилией. И эта тоже наверняка коз пасла где-нибудь в горах. Идите все, я должна подумать.

— И я должна идти, матушка? — спросила Замира жалобно.

Мариам удержала готовое сорваться резкое слово. Дочь обижать ни к чему. Слаба на слезы, вылетит отсюда зареванная, все начнут думать, что же так расстроило мать короля, додумаются, что известие о браке Марка, начнут судить да сплетничать, Аллах ведает, до чего договорятся. Сказала ласково:

— Иди и ты, Замира. Поцелуй меня на ночь.

Дочь прикоснулась губами к сморщенной щеке матери, поклонилась, вышла вслед за братом Василием. «Больно гнусав, надо бы кем заменить,» — подумала Мариам между прочим.

И, так же между прочим, подумала, в кого уродилась Замира. Не в нее, Мариам, это точно, но и не в Игнатия. Кем-кем, дураком Игнатий не был. Наивен был, но от доброты душевной, наивен и доверчив, но не дурак. В свекровь покойную, Елизавету? — да пожирать ей в аду нечистоты! — но та тоже не была дурой, не была и наивной.

Мариам взяла с каминной полки резное из камня распятие. Работа горских мастеров. Основание из черного гагата, тело Спасителя вырезано из какого-то белого полупрозрачного камня, а капли крови на челе и запястьях — из мелких гранатов. Горцы — загадочный народ, в чем-то похожий на ее земляков, бахристанцев, но в чем-то и отличный. Христиане.

Значит, женится на горской княжне? Так-так.

Мариам постучала ногтем по камню.

Значит, у ее людей ничего не получилось.

Наконечник стрелы был смазан быстродействующим ядом, купленным ею, Мариам, у заезжего чернокнижника и алхимика. Яд она самолично испробовала на Муртазе — на счет «двадцать» Муртаз испустил дух. Может быть, проклятые колдуньи заговорили Марка и от яда? Да нет, от яда заговоров нет, не то Катарина бы выжила, улыбочивая Катарина, любимица покойной

свекрови, да поразит Аллах ее забвением на вечные времена!

Ее люди или погибли, что вероятно, или сбежали. Может, приказать придушить их щенков?

Но нет, не стоит. Если ее люди были разоблачены, и если их казнил король Марк, она, Мариам, воспитает из щенков убийц, мстителей за отца. Хотя кто мешает ей воспитать из мальчиков надежных убийц, даже если их отцы и предатели? Никто не мешает. Хорошо, что она велела содержать их в приличных условиях, сытно кормить и даже выводить на крышу, чтобы дышали воздухом.

Мариам поставила распятие на место. Что же все-таки делать?

Зелье у нее еще осталось. Организовать нападение? Но Марк взял с собой тысячу всадников, пусть каптары и потрепали их, но сколько-то сотен еще осталось, где найти столько бандитов, чтобы справились?

Опять придется ждать. Марк, даже и влюбленный, не будет сидеть в четырех стенах, обязательно выберется на охоту, или вяжется в какую-нибудь потасовку в трактире. Любит он трактиры. Есть ли у нее люди?

Пожалуй, Алибек с его головорезами сгодится. Алибек — это, конечно, не Муртаз, он и глупее, и безынициативен — ему все надо разжевывать и растолковывать, этому Алибеку, и если что-то пойдет вразрез со сценарием, он растеряется и провалит дело.

Ах, Муртаз, ну почему ты оказался таким хорошим братом?

Не сиделось.

Мариам встала, прошла по комнате, остановилась у окна. За темным стеклом, за плотно закрытыми ставнями задувал ветер. Суровая в этом году выдалась осень.

А в Бахристане сейчас тепло, созрела хурма, раскрасила рыжим сады Киза. И гранаты, словно тяжелые капли крови, повисли на ветках...

Мариам редко вспоминала родные места. Слишком велик контраст с ненавистным городом Даном.

С первого взгляда она возненавидела его, этот город, его выкрашенные серебряной краской крыши, его узкие с бревенчатыми мостовыми улочки, бревенчатые дома. Даже дворец Межгорских королей был сложен из бревен, и походил больше на скопище сараев и свинарников, чем на человеческое жилье.

И этот дикий обычай — держать скот, и свиней, и коров, и даже коз, в домах. Не в одних с людьми помещениях, но все-таки под одной крышей.

Дикари!

Мариам отошла от окна, постояла у портрета Игнатия. Портрет был сделан незадолго до смерти, живописец изобразил короля стариком, немощным и больным. Мариам не видела ничего хорошего в этой современной модной манере, ей по душе были старинные портреты, на которых короли — предки Игнатия — были все на одно лицо, все полные сил, и здоровья, и молодости, только одним и отличались — одеждой.

Напротив висел портрет сыновей, Марка и Луки. Написан он был тогда же, и тем же мастером. Марк, почти взрослый мужчина, даже и борода пробивается на подбородке, держит за руку Луку, а Лука смотрит на старшего брата с обожанием. Мариам всмотрелась в черты Марка, сравнивая их с чертами покойного мужа. Да, он действительно похож — квадратный подбородок, толстые губы, взгляд исподлобья... Ах, Фируза, лукавая старуха, не заработала ли ты тогда на двоих сразу?

Очень возможно, подумала Мариам. Фируза, конечно, не была колдуньей в здешнем понимании этого слова, ночную нечисть она могла увидеть с таким же успехом, как и сама Мариам, но еще в Кизе Фируза славилась своими снадобьями и зельями, принимала младенцев, изгоняла нежеланный плод, могла вернуть девственность, не брезговала и ядами и приворотными зельями. Здесь ей негде было развернуться — колдуньи могли делать все это, и еще многое, и гораздо более умело. Хотя нет — ни ядами колдуньи не занимались, ни девственность не возвращали. И плод изгоняли тогда только, когда что-то шло неправильно в его развитии, или когда роды грозили женщине гибелью. Так что, должно быть, и в Дане нашла Фируза клиентуру — люди-то всюду одинаковы, что в султанском дворце, что в королевском. Особенно женщины. Если за тремя стенами, за семью замками гарема жены и наложницы султана ухитрялись заводить любовные шашни, то здесь, где все женщины — распутницы, нет, здесь точно нашлось применение талантам Фирузы. Должно быть, какая-то из шлюх короля хотела тайно вытравить плод, обратилась к Фирузе, и Фируза своего не упустила.

Лука был похож на нее, Мариам. Особенно мальчиком — даже пальчики его, тонкие, гибкие, трепетные пальчики, любовно выписанные живописцем, были в точности как у нее, Мариам. Тогда, в детстве.

Мариам посмотрела на свои руки. Пальцы ее остались тонкими по-прежнему, только вот ни гибкости в них давно уже нет, ни нежности. Сухие и тонкие пальцы старухи. Сейчас она уже, наверное, не сможет нанизать жемчужины на шелковинку — любимое развлечение ее детства. И струны комуза не заставит

петь.

Комуз она привезла с собой. Она не знала тогда, что церковь Межгорья, бичующая церковь, запрещает музыку и пение, так же, как и танцы, и книги, и стихи.

Ее воспитывали в гареме так, как воспитывали всех девочек благородных семей. Ее учили петь и играть на комузе, ее учили писать стихи и заставляли зазубривать наизусть поэтические сборники давних поэтов; она знала, как понравиться мужчине, она знала способы развлечь его и ублажить. Мать учила ее различным способам устранения соперниц — от ядовитых ранящих сердце насмешек до рецепта «сердечного лекарства»; и как заводить дружбу с евнухами, как узнать, кто из них пользуется влиянием, а кто — нет. И еще Мариам знала, что — рано или поздно — ее выдадут замуж.

Нет, она не ждала, что спросят ее желания или хотя бы согласия, все девушки в Бахристане — собственность отцов и братьев, а тем более дочери султана. Ее судьба оказалась не так уж и плоха: ее могли выдать и за какого-нибудь дряхлого больного старца, или за слабоумного отпрыска какой-то мятежной семьи, для скрепления союза или укрепления верности трону. Нет, не то — она счастлива, что все сложилось именно так, что она стала женою Игнатия, и прожила с ним долгие и счастливые годы, и родила ему детей, и стала королевой. Но тогда, в свои двенадцать лет, разве могла она ожидать, что полюбит северного дикаря? И — самое страшное для тогдашней глупой девочки Мариам: этот брак означал, что она должна будет сменить веру.

Как ее жалели тогда — старухи, и челядь, и евнухи, и подруги! А женщины султанов — жены и наложницы покойного, ее, Мариам, отца, и других, ее, Мариам, сводных братьев, — жалели ее и тайно радовались, что не их дочерей ждет такая ужасная судьба. Три дня жалости выдержала Мариам, а на четвертый сломалась, выпила «сердечное лекарство» и легла на ложе, ждать смерти. Старуха, Фируза, почуяла что-то неладное своим крючковатым длинным носом, заставила признаться, заставила проглотить какую-то гадость, так, что все внутренности Мариам, кажется, вывернулись наизнанку. А вечером, когда обессиленная — от яда, и от лечения, и от плача, — она лежала ничком и страстно желала умереть, пришел брат, султан.

Он не жалел ее, и не говорил о жертве, которую она должна принести, и не спрашивал ее согласия. Брак ее с королевичем был решенным делом, и, как показалось тогда Мариам, Хуссейн даже и не знал, что она, Мариам, чуть не отравилась.

«Вытри глаза, сестра, — сказал султан, — и перестань реветь.

Красивее от этого ты не станешь. И слушай. Я посылаю с тобой сотню джигитов. Ты должна постараться сделать так, чтобы они остались в Межгорье. Если не получится — так тому и быть. Но ты обязательно должна оставить при себе Саида, писца. Скажи, что он твой молочный брат, и что вы с детства не разлучались, и что ты умрешь без него — но Саид должен остаться при дворе короля Кириллы. Писать мне можешь с каждой почтой, но ничего серьезного — обычные пожелания здоровья и сообщения о своих делах. Кстати, тот же Саид пусть для тебя и пишет письма — вряд ли кто-нибудь в Межгорье умеет лучше него писать на бахри. Если же у тебя будут какие-то сведения, которые могут оказаться полезными, вдруг узнаешь чт? — ты понимаешь, да? — нужное нам здесь, скажи Саиду. Или напиши короткую записку, и передай Саиду, он найдет способ переправить сюда. Мне нужно десять лет только, десять лет мира — за десять лет у меня получится...»

Он ушел, и Мариам не успела сказать ни одного слова — «Почему я? — хотела спросить она, — почему не Лейла или Динара?» (Лейла и Динара были дочери наложниц старших братьев Мариам, ныне покойных султанов).

Не получил брат Хуссейн десяти лет, отравили брата Хуссейна. А обида девочки Мариам жжет и сейчас грудь старухи Мариам.

Наверное, поэтому она не совладала с собой и отравила Муртаза.

Мариам отошла от портрета, взяла со столика колоду карт. Еще одно греховное развлечение, наказуемое бичеванием — карты. Их завезли лет сто назад из Загорья, сразу же запретили, но по сей день в каждом доме позажиточнее играют в рамс и вист, а в трактирах — в очко и в дурака. И почти каждая старуха из благородных раскладывает пасьянсы, а иногда — что точно грозит адскими муками! — и гадают.

Мариам потасовала колоду, вытащила оттуда наугад карту — открылась трефовая дама. Дама была изображена в наряде бахристанской красавицы, в расшитом жемчугом лифе, в шелковых шальварах. Дама чем-то напоминала Фатьму — ту юную красавицу и мастерицу, которую к ее, Мариам, свадьбе прислал брат Хуссейн. Мариам с раздражением отбросила карту. Карта попала в очаг и загорелась, съеживаясь и корчась. Фатьма словно бы ожила и на глазах превращалась в седую и сгорбленную старуху, какой и была сейчас.

Мерзавка! До сих пор Мариам не могла вспоминать Фатьму без гнева.

Мало того, что она, предательница, помогла укрыться

объявленной вне закона благородной даме Луаре, снабдила ее лошадьми и деньгами — и даму Луару так и не нашли; нет, она еще и сама сбежала от мести Мариам, и скрылась неизвестно где. И лишила ее, Мариам, лучшей мастерицы — хоть Фатьма уже и стала стара, и кружево ей уже не сплести, и не вышить изящный узор, но, как никто, могла скроить платье или шальвары, придумать новый фасон, чтобы смягчал недостатки фигуры, а достоинства, наоборот, подчеркивал, да так, что и самой старой и ушлой сплетнице двора не видны были ухищрения портнихи. И лишила ее, Мариам, Муртаза.

Конечно она, Мариам, виновата сама. Не нужно было знать Муртазу, что его сестра навлекла на себя гнев королевы. Но Мариам так привыкла к собачьей верности своего доверенного слуги, поверенного тайн, что и мысли не было у нее, Мариам, о том, что Муртаз может ее, королеву, упрекнуть хоть в чем-то!

А он упрекнул. Не словами — слова были вежливыми, как всегда, даже подобострастными, — но взглядом и жестом, тем, как он пошевелил пальцами.

«Султан-ханум, — сказал он, он единственный так ее называл — „султаншей“, — Фатьмы нет в городе. Она не принесет тебе вреда, она стара, и душа у нее добрая и чистая, как у жаворонка на заре. Не гонись за ней, султан-ханум!» — и сделал этот жест, то ли отгоняя что-то от себя, то ли отбрасывая...

Мариам повертела в руках колоду и бросила ее в огонь. Все равно без трефовой дамы пасьянс не разложишь. Нужно будет сказать дворецкому, Константину, чтобы выписал новую колоду.

Пожалуй, она отомстила Муртазу совсем не за его предательство, подумала вдруг Мариам. То есть и за его предательство, но больше всего — за предательство брата, Хуссейна, продавшего ее, Мариам, северному дикарю за каких-то десять лет мирной жизни. И из этих десяти он получил только пять. Кто-то другой — а не она, Мариам, — поднес Хуссейну чашу с «сердечным лекарством». А она, Мариам, смогла отомстить всего лишь Муртазу — за то, что любил сестру больше, чем ее, султаншу, султан-ханум, королеву Межгорья. Пока единственную.

Хотя — кто знает? Вестники короля, конечно, скажут быстро, но по осенней непогоде и по бездорожью вряд ли путь от Берда до Дана занял меньше, чем две недели, а за это время расторопный Марк, должно быть, уже и обвенчался со своей княжной — да поразит гниль ее печень! Быстрый, слишком быстрый король Марк — на Дануте он женился, проухаживав едва ли неделю, что там было с Региной — она, Мариам, не знает, но, кажется, тоже скоропалительное венчание; теперь эта, Анна, дочь князя с нелепым именем...

Что же делать с этой новой королевой?

Мариам вновь принялась мерить шагами свой не очень большой покой.

Вряд ли получится устроить случайную стрелу: горянки, насколько она, Мариам, помнит, не принимают участия в охоте.

Подослать к ней Алибека?

Да нет, где ему справиться с женщиной, он прям, как палка, и не умеет таиться; свалка, драка, засада — там он на месте, а вот выследить, найти удобное место и время, сделать все осторожно и тонко, и бросить тень в нужном направлении — этого он не может. Ах, Муртаз, Муртаз, как тебя не хватает!

Яд? Пожалуй, нет. И так уже поползли нехорошие слухи — после смерти Ирины, дочери благородной дамы Людмилы. Очень уж король Марк заглядывался на пухлую хохотушку Ирину, Мариам испугалась всегдашней стремительности сына («сына!») и, кажется, поторопилась, и не проявила должной аккуратности. Слухи удалось пресечь, насколько можно быть уверенной, когда имеешь дело со слухами. Это же как пожар на торфяном болоте — вроде бы и нет пламени, вроде бы и дыма нет, но только успокоишься, расслабишься — ан, опять ползет вонючий вредоносный дымок. Хорошо еще, что больше можно не бояться этих богопротивных колдуний, этих ведьм, с их умением докапываться до самых тайных тайн и со стремлением совать носы, куда не следует.

О! — Мариам даже замерла, даже и затрепетала внутренне от найденного решения. Слухи — вот что. Слухи о ведьме с гор, которая очаровала — нет, это слово тут не годится, — околдовала короля Марка! Мариам помнила горянок, ежегодно появлявшихся при дворе в День Прихода для представления королю — или ей, вдовствующей королеве, в те годы, когда король был в походе. Носатые, худые, смуглые, от чего казались грязными, в вечных своих черных или белых платьях, они напоминали Мариам ворон — и видом своим, и гортанным говором. Мужчины их иногда еще говорят на языке Межгорья, женщины же — никогда, только каркают по-своему. Как такая ворона может понравиться? Только с помощью колдовства. Да, так она и сделает — ославит новую королеву колдуньей. А после смерти Марка, даже если родится ребенок, будет уже легко: отродье колдуньи не может занять трон Межгорья!

Мариам снова возобновила свое хождение по комнате.

Только надо сделать так чтобы источник слуха был скрыт от самых дотошных царедворцев, и чтобы никак не указывал на нее, Мариам. Ах, Муртаз, с его вечными победами над горничными, как бы он пригодился сейчас! Эти глупые девчонки из намека

раздуют историю, из сомнения сделают свершившийся факт, а вопрос, если он задан умело и между делом, превратят в ответ, разукрасив его своими измышлениями (фантазия у них работает еще как!), и пойдет сплетня гулять по дворцу и по базару, и никто никогда не узнает, кто приделал ей ноги.

Но Муртаза нет, а она, Мариам, никак не может опуститься до того, чтобы делиться своими сомнениями с прислугой. Значит, нужен кто-то другой, человек, достаточно верный, достаточно умный, достаточно тонкий. Кто?

3.

Мариам позвонила. Пора укладываться, уже, должно быть, за полночь. Часов у нее нет — как и ни у кого в Межгорье. По установлениям бичующей церкви, следить за временем — грех. Достаточно барабанов, что трижды в день отмечают течение времени: на рассвете, в полдень, на закате.

Благородная Елена, как видно, подслушивала под дверь — тут же влетела в комнату, шурша юбками. Ах, зачем только она, Мариам, ввела моду при дворе на шелка — да и на юбки тоже? То ли дело широкие шерстяные штаны, в каких ходили здешние дамы прежде — тихо, удобно. Безобразно, правда. Может, велеть им, своим женщинам, носить шерстяные платья? Пожалуй, откажутся. Привыкли уже, за столько-то лет, к шелку, да и к мехам — зимой в одном только шелке холодно.

— Твоя ванна готова, госпожа, королева, — сказала Елена. Вот ведь настырная!

— Не хочу, — отрезала Мариам. — Спать.

— Но лекарь велел ежевечерне принимать ванну с расслабляющими травами, иначе он не ручается за твое здоровье!

— Сказала: нет! — расвирипела Мариам. Какой-то тщедушный юнец из Срединных земель будет ей указывать! Она сама лучше сумеет позаботиться о своем здоровье, чем десяток лекарей!

Благородная Елена выставила вперед подбородок и надула губы. Давно, когда благородная Елена была юной, ей, наверное, было очень к лицу сердиться вот эдак вскидывая гордую головку. Теперь Елена почти уже старуха, но все ерепенится, все повторяет заученные в молодости жесты и мины, а того, как смешно вздрагивают ее обвисшие щеки, и не видит! Ведь благородная Елена весьма религиозная особа, и не нарушает требования церкви. Смотреться же на себя в зеркало — грех, грех и иметь зеркало в доме, благородная же Елена безгрешна настолько,

насколько это возможно. Дикари, дикари!..

— Я выпью на ночь козьего молока, — расслабленно сказала Мариам, из-под опущенных ресниц наблюдая украдкой, как две дежурные горничные стелют постель под присмотром взбешенной Елены (сама Елена, конечно, не опустится до того, чтобы делать что-либо собственноручно, она только лишь следит и командует). — Сходи, будь добра, на кухню...

— Клавдия! — скомандовала было Елена, но Мариам возразила:

— Нет, дорогая, сходи уж сама, поухаживай за старой женщиной. А Клава пусть лучше взобьет перину, вчера так мне было твердо спать, все бока отлежала...

Елена вышла, нет, даже выбежала. Лицо ее стало красным, как раскаленная сковородка. Будто чайник, который вот-вот начнет плеваться кипятком.

Мариам вздохнула и уселась в кресле поудобнее. Дежурные горничные (обе, конечно, тоже из благородных, но не такие родовитые, как Елена) разоряли только что застеленную постель, взбивали и перетряхивали перину, от чего по комнате закружился пух и запахло пылью. Мариам протянула руки к огню. Завтра, должно быть, опять будет дождь, сильно ломит суставы. А в Кизе в эту пору солнечно и сухо, с гор веет прохладный ветерок, отступает летняя жара... Ах, Киз, волшебный город, не увидишь тебя больше старухе Мариам!..

Вернулась Елена, принесла молоко.

— Козьего нет, коровье. Козье сегодня все створожили на сыр.

— Ну, коровье так коровье, — сказала Мариам. Иногда нужно проявить уступчивость.

— Там внизу человек тебя спрашивает. Я ему сказала, что ты уже спать легла, а он уперся — срочно, говорит. И что ты не простишь мне, если я не передам тебе его просьбу.

Ах, дикари! Чтобы во дворец эмира когда-нибудь вот так зашел человек — запросто, как в пригородный трактир, и выразил желание поговорить с султаншей!..

Хотя — Муртаза больше нет, и ее людям больше никак нельзя связаться с ней, с Мариам. А это, возможно, вернулся один из подсланных ею к Марку убийц.

— Сказал, как зовут?

— Нет, я спросила, он ответил, что его имя тебе ничего не скажет. И еще сказал, что ведьма ждет своего часа.

Это не был один из убийц, имена убийц она знала.

Однако упоминание о ведьме заинтересовало ее. Кого имеет в виду этот человек? Недобитую колдунью? Не прочел же он ее мысли — о невесте короля Марка?

Мариам встала с кресла.

Она почувствовала холод во внутренностях, тот холод, который означал страх. Она слыхала, что в давние времена колдовские способности были в равной мере присущи как женщинам, так и мужчинам. Колдунов-мужчин уже, пожалуй, сотню лет не видали в Межгорье, но вдруг они просто таятся? И вдруг вот сейчас один из них пришел — к ней, к Мариам? Зачем? Чтобы покарать, наверное!

— Это колдун? — спросила она дрожащим голосом. — Говори прямо, не виляй!

Благородная Елена посмотрела на королеву с презрением, которое почти и не старалась скрыть. О страхе королевы Мариам перед колдунами знали все — и во дворце, и на улицах. Прежде, как Мариам знала от верного Муртаза, собирающего всяческие слухи, касающиеся его султанши, над этим страхом смеялись. После того, как колдуньи стараниями Мариам были отлучены от церкви, объявлены вне закона и почти поголовно истреблены, смеяться, хоть бы и украдкой, перестали. Мариам понимала, что она смешна, более того, понимала и то, что заслуживает презрения даже этой старой курицы Елены: слабость всегда вызывает презрение и насмешки; она, Мариам, очень бы хотела быть сильной, но ничего не могла с собой поделать. Она боялась колдовства, и всего, с колдовством связанного.

— Нет, это не колдун, — сказала Елена и снова вздернула свой тройной подбородок. — Колдунов не бывает. Бывают маги, но он — не маг, он простой бродяга. По моему мнению, он заслуживает хорошей порки. Но ты сама велела докладывать немедленно обо всех, кто тебя спрашивает, госпожа королева.

Маги? Насколько было известно Мариам, маги никогда не покидали своего Халкедона. Особенно теперь, когда вели затяжную войну с Балкисом. Они постоянно воевали, то с Балкисом, то с Лациумом, иногда их враги ненадолго объединялись, и даже, бывало, побеждали — тоже ненадолго.

— Мне будет трудно спуститься вниз, ноги болят. Приведи его сюда, — велела Мариам. Благородная Елена бросила быстрый взгляд в сторону постели, которую уже расстелили горничные.

— Это неприлично, — возразила она.

Нет, пора эту бабу поставить на место!

— Я сказала, приведи его сюда. Ты же не думаешь, что я буду валяться с ним в постели, так ведь?

Елена покраснела.

— Но хотя бы покрывало...

— Пусть остается все, как есть, — твердо произнесла Мариам. — Приведи сюда этого человека. А если тебя так уж

волнует мое целомудрие, то можешь присутствовать при нашей встрече.

Елена твердым шагом подошла к кровати Мариам, задернула тяжелый полог и вышла.

Блюстительница приличий!

Мариам внутренне смеялась над глупой Еленой.

— А вы что стоите? Брысь! — скомандовала Мариам горничным. Те выскочили из комнаты, предварительно поклонившись.

Мариам подошла к кровати и отдернула полог. Очень хорошо: старая женщина готовится отойти ко сну, но готова пожертвовать своим покоем для встречи с подданным, раз у него такая большая нужда в ней.

В резном изголовье кровати был сделан тайник. Там Мариам хранила малую государственную печать (большая была у Марка), важные документы, склянки и коробочки с ядовитыми зельями и порошками, там же лежал и кинжал.

Мариам достала кинжал из тайника. Лезвие было смазано тем самым безумно дорогим ядом, унесшим жизнь Муртаза. Меры предосторожности лишними не бывают.

Она только успела отойти от кровати и сунуть кинжал в потайной карман на юбке, как дверь отворилась.

— Тот человек, госпожа королева! — официальным сухим тоном произнесла благородная Елена. — Ты позволишь мне остаться?

Мариам кивнула, не глядя в сторону Елены. Вошедший следом за благородной дамой человек был ей незнаком.

Молодой, совсем еще юноша, почти мальчик — усы легким рыжеватым пушком пробиваются над губой, а будущая борода обозначена только намеком. Очень высокий, и, скорее всего, еще будет расти. Тонкий, нескладный в своем мешковатом балахоне, похожем на рясу священника, но сером. Балахон заляпан грязью — шел пешком. Руки белые, нежные, как у девушки. Нет, этот человек — не бродяга, хоть и хочет таковым казаться. Скорее — отпрыск благородного семейства, переодетый. Значит, дело нечисто.

— Кто ты, и чего ты хочешь? — спросила Мариам, постаравшись, чтобы голос ее звучал устало и тихо. В глазах подданных она желала выглядеть старой и больной женщиной, одной ногой стоящей в могиле. Пожалуй, ей стоило бы принять этого человека, сидя в кресле, но теперь уже поздно. Как бы в поисках поддержки Мариам оперлась ладонью о стену.

— Мое имя неизвестно тебе, госпожа королева, — учтиво поклонившись, сказал юноша. И поклон, и речь выдавали в нем

человека образованного. В Межгорье образование получали только священники и дети в благородных семьях. — Я пришел донести тебе о беззаконии.

Он покраснел, произнося эту фразу, и голос его звучал чуть ли не слабее, чем голос Мариам.

— Сообщить о беззаконии — долг каждого верноподданного. Но почему ты обратился с этим ко мне? Разве не проще было бы решить вопрос на месте?

Юноша закашлялся. Кашлял он не от простуды, а от чего-то другого, Мариам не могла понять, от чего. От смущения? От стыда перед тем, что собирался сделать? Здесь, в Межгорье, донести, даже и о беззаконии — совершить неблагородный поступок, равнозначный предательству. Да, должно быть, мальчику стыдно становиться предателем, решила Мариам. И наверняка он потребует платы за свое предательство, и за свой стыд тоже.

Откашлявшись, юноша сказал:

— Если бы благородная Елена оставила нас на несколько минут...

О, он даже знает, как ее зовут! Должно быть, бывал прежде при дворе, подумала Мариам. Хотя он мог узнать имя на кухне — или где он там ошивался, дожидаясь встречи с королевой.

— У меня нет тайн от благородной Елены, — возразила Мариам. — Ты что-то говорил о ведьме, когда просил, чтобы тебя допустили ко мне?

— Да, я... — он оглянулся на застывшую у двери изваянием толстую благородную даму, и сделал шаг к Мариам. — Я знаю, где скрывается одна колдунья. Мне кажется, ей попустительствуют, — последнее слово он произнес шепотом, снова оглянувшись на Елену.

Мариам задумалась. Если так, то, должно быть, дело связано с родственниками Елены или ее мужа. Тогда понятно, почему мальчик не хочет говорить в присутствии придворной дамы.

— Будь добра, оставь нас, благородная Елена, — величественно и с изрядной долей ласки в голосе произнесла Мариам. — Всего на несколько минут.

У благородной Елены хватило ума промолчать и выразить свое недовольство только лишь глубоким поклоном. Обычно она кланялась весьма небрежно.

Когда за Еленой закрылась дверь, юноша сделал еще шаг вперед.

— Ведьма живет...

Мариам рассерженно посмотрела на него. Он опять замолчал, облизывая обветренные губы. Глаза его лихорадочно блеснули.

Полно, да не безумец ли он? Или он явился убить — ее Мариам? Она отодвинулась, наткнувшись спиной на стенку. Его не могли пропустить сюда с оружием, уж на это-то дворцовая стража способна: обыскать посетителя; но сильный молодой человек мог задушить ее, старуху, голыми руками.

Мариам нащупала рукоять кинжала в потайном кармане. Она не боялась — Мариам пытались убить неоднократно, и различными способами: ядом, стрелой, кинжалом. Мариам не боялась ничего на свете — кроме мышей и колдовства.

Но, кажется, именно колдовством мальчик сейчас и занимался: он беззвучно шевелил губами, словно произнося заклинание, и пальцы его двигались, будто опутывая ее, Мариам, невидимой сетью. Старая королева почувствовала, что ей становится трудно дышать. Она хотела позвать на помощь, но не могла издать ни звука, руки пока что повиновались ей, и она, собрав последние силы, выставила кинжал навстречу мальчику — а тот, судя по жестам, завершал свое черное дело: он словно бы затягивал сеть в узел, от чего у Мариам сдавило грудь, и ребра затрещали; торжествующая улыбка осветила лицо мальчика, сделав его до удивления знакомым. Глаза Мариам лезли из орбит, она всхрипывала, судорожно вскидывая руки, но кинжал был крепко зажат в ее ладони, и — случайно, потому что на намеренное действие у Мариам не осталось уже сил — лезвие кинжала задело руку мальчика.

— ...в королевском дворце! — успел выкрикнуть мальчик ликуя, но тут яд подействовал, и Мариам почувствовала, что невидимая сеть отпустила ее. Она выронила кинжал и рухнула на пол, рядом с извивающимся в корчах юношей.

Когда женщины, перепуганные и трясущиеся, во главе с благородной Еленой, вбежали в комнату — при падении Мариам сшибла с каминной полки каменное распятие, и оно покатилося по полу с грохотом, — все было уже кончено. Мальчик дернулся в последний раз и затих. Мариам сидела на полу, держась за горло, и старательно дышала. Как странно — обычно человек дышит, не задумываясь, но сейчас у Мариам было чувство, что если она не будет стараться производить каждый вздох, она перестанет дышать и умрет.

— О, — закричала благородная Елена, — чуяло мое сердце!

— Заткнись, дура, и помоги мне встать. Ты же говорила, что колдунов не бывает.

Тело унесли.

Лекарь и приближенные дамы бегали вокруг Мариам почти до рассвета, приставали с теплым питьём, с примочками на грудь, с кровопусканиями. Тщедушный юнец из Срединных земель велел даже обдуть королеву воздухом, для чего принесли из кухни мех, каким раздували огонь в очаге. Мариам пыталась сопротивляться всей этой суматохе, но сил бороться у нее не было.

Благородная Елена, возглавлявшая суматоху, постоянно бурчала себе под нос. Она уже успела поспорить с Мариам, сказав, что-де, какой же он колдун, колдуну кинжалы не нужны, и что ежели бы колдун желал погубить ее, госпожу королеву, то вовсе для того не надо было ему искать встречи с ней, и самому подставляться. Мариам не стала говорить, что кинжал принадлежал ей, Мариам. Она сказала только:

— То есть это не колдовством он скрыл кинжал от глаз стражи? — и благородная Елена заткнулась, будто в бочку вставили затычку. Два ее сына служили стражниками во дворце, причем старший был начальником ночного караула.

Теперь благородная Елена бурчала, что видано ли это, чтобы убийцы вот так, запросто, являлись к королеве, что королева не должна якшаться со всяким сбродом, что пора королеве остепениться и думать больше о душе, и меньше — о делах и политике. Будь у Мариам другое настроение, она бы прекратила эту преступную изменническую болтовню, отругала и наказала бы Елену, но сейчас Мариам хотела только одного — чтобы ее, Мариам, оставили в покое. Кроме того, уж если в чем Мариам была уверена, так в том, что Елена — не изменница и не предательница. Елена слишком гордилась своим придворным положением, Елена была слишком глупа и слишком честна, чтобы предать. И слишком боялась греха.

Мариам пыталась отрешиться от этой кутерьмы вокруг ее ложа, чтобы вспомнить наконец, на кого стал похож мальчик, когда улыбнулся так радостно, так ликующе, когда решил, что убил ее, Мариам. (Да и она, Мариам, так решила в тот момент. Хвала Аллаху, не оставил ее, старуху, в недобрый час!) Очень уж знакомым стало это лицо, видела эти черты Мариам прежде неоднократно, но вот где? Когда?

Вспоминались почему-то всё больше пушок на подбородке, и тоненькие нежные молодые усики.

Тогда Мариам решила пойти от обратного. Она представляла себе придворных дам, жен приближенных — ее, Мариам, и короля Марка, — с тоненькими усиками и пушком пробивающейся бороды. Благородная Елена, горничные, другие придворные дамы

не годились — их даже и представлять не надо было, все вертелись тут же, перед глазами, хлопоча или квохча; переполох в курятнике, да и только!

Мариам устало закрыла глаза, откинулась на подушки.

«Потеряла сознание» — «Да нет, спит!» — «Жива ли?» — «Дышит, дышит, только тихо!» — слышалось Мариам со всех сторон.

— Ах, дайте же мне, наконец, покой... — простонала она жалобно.

Кажется, помогло. Во всяком случае, щедедушный юнец с важным видом — Мариам видела его, подглядывая из-под прищуренных век, — взял королеву за запястье и посчитал удары пульса.

— Сердце бьется ровно, — заявил он. — Непосредственной опасности нет. Однако необходимо, чтобы кто-нибудь дежурил подле ложа ее величества. Пожалуй, я возьму эту миссию на себя.

Благородная Елена, конечно же, всполошилась. Опять она со своими приличиями, шайтан ее заberi!

— С тобой, благородная Елена, конечно, — лекарь отвесил поклон в сторону щепетильной дамы. Благородная Елена склонила голову. Мариам не было видно ее лица, однако она, Мариам, была уверена, что Елена довольно усмехается.

Лекарь уселся в кресло у камина, в ее, Мариам, кресло, благородная Елена с вязанием устроилась на низенькой скамеечке, на которой обычно сидела Замира. Кстати, а почему это Замира не явилась поквохтать вместе со всеми? На нее это не похоже. Или, может быть, она легла спать, и ничего еще не знает?

Мариам вздохнула, перевернулась на другой бок, устроилась поудобнее. Свет мешал ей, но лекарь не велел задерживать полог, чтобы не мешать доступу воздуха.

Дверь скрипнула. Мариам приоткрыла глаза — кого еще принес шайтан?

А, Замира, легка на помине!

Зареванная, что вовсе ей не к лицу. Чуть ли не шатается.

Лекарь вскочил при виде ее, вежливо, но твердо взял за руку — не пускает к матери. Что-то шепчет в королевнино ушко.

Замира закивала, страдальчески морщась, тоже что-то зашептала. Лекарь оглянулся на Елену, та, передернув пухлыми плечами и гордо вскинув подбородок, поднялась со своей скамеечки и вышла. Ну, и слава Богу! Пусть подежурит дочь. Конечно, не дело для дочери короля, словно какой-нибудь прислуге, дежурить у постели старухи, но ежели ей так хочется выставлять себя на посмеище... Что-то совсем стара стала, подумала о себе Мариам. Мысли путаются, путаются и

воспоминания. Это в Кизе, столице султаната Бахристан, не пристало дочерям султанов служить и прислуживать. Здесь, в Дане, стремление королевских детей служить есть добродетель. Дикари.

Замира оглянулась на мать, Мариам притворилась, что спит, даже стала слегка похрапывать. Замира потушила свечу, помешала угли в очаге, обратилась с каким-то вопросом к тщедушному юному лекарю.

О чем-то они шептались там, у камина, низко склоняясь друг к другу, и тени их голов кивали Мариам со стены. Мариам позволила сну лелеять себя на мягких и тихих волнах, зная по опыту, что в полусне она скорее вспомнит желаемое, чем если будет мучительно усердствовать. Полумысли-полуощущения вставали перед ее глазами портретами знакомых ей благородных дам; выплыло лицо хохотушки Ирины, не столь давно почившей в бозе, и лицо заговорщицы и изменницы дамы Луары, подозреваемой в колдовстве и чернокнижии...

Еще одно лицо, и Мариам резко села.

Замира и лекарь вскочили.

— Матушка, что с тобой, матушка? — Замира подбежала к постели, приблизила к лицу матери свое зареванное лицо. Губы и нос у нее распухли, веки покраснели и набрякли, а на щеках дорожками лежали следы засохших слез.

— Умойся, причешись, — сказала Мариам устало. — И иди спать. Со мной все будет в порядке. Я просто вспомнила этого мальчика.

— Какого мальчика? — не поняла Замира. — Ты бредишь, матушка!

— Того, который напал на меня. Это младший сын благородного Варфоломея из Райской Долины, я не помню, как его зовут. Кажется, он учился на священника здесь, в Дане. Что я сделала ему, что я сделала его семье? Ах, Замира, сколь велика людская неблагодарность! Ничего, кроме добра, не видели они от меня! Кликни мне секретаря, а сама поди, поди...

— Матушка! — с укоризной сказала Замира. — Тебе нужно выпастся! До утра осталось недолго...

— Немедленно. Сейчас. Слышишь, что я сказала? Я еще королева!..

Неслышными шагами — кот, да и только, — подошел лекарь.

— Возбуждение духа в организме вашего величества чревато нехорошими последствиями, — сказал он, беря Мариам за запястье. — Вашему величеству надобен покой. Я дал вам сильнодействующее усыпляющее, и, ежели вы сейчас не заснете, оно может подействовать, наоборот, чрезмерно возбуждающе, что

грозит истощением нервов и резким упадком сил. В возрасте вашего величества надобно беречь свое тело...

— Свое тело надо беречь в любом возрасте, — пробурчала Мариам. — А мне, и в любом возрасте, надо беречь еще и королевскую власть. И королевское достоинство, кстати, тоже. Виданное ли дело, юнцы, младшие сыновья благополучных семей, к королеве будут являться с ножиками и с заклятиями! Поди и ты, друг мой. Надоел. А на будущее запомни: ежели будешь мне слишком надоедать своими травами, ваннами, да советами врачевательными, я тебя упеку в темницу на весь остаток твоей жизни. За умаление королевского достоинства.

Лекарь испугался. Рука его, державшая запястье Мариам, дрогнула. В полутьме Мариам плохо различала лицо юнца, не видно было, побледнел ли он, выступил ли на его лбу пот, но рука дрожала и резко похолодела. Вот и ладно, а то много воли взял!

— Я подданный другого государства, — тихо сказал лекарь. — Ни ваше величество, ни даже сын ваш, король, не можете...

— Могу, могу, — сказала Мариам. — Я все могу. Я тебя запрячу в темницу, а там, пожалуйста, объясняй крысам и паукам, чей ты подданный. И потом, преступление против королевского достоинства предусмотрено законодательством Межгорья, а ты, пребывая в Межгорье, обязан выполнять наши законы. Разве нет?

Лекарь отпустил запястье Мариам, поклонился и молча вышел.

— Ты обидела его, матушка, — сказала Замира. Без удивления и без возмущения, просто констатируя факт. — Он может захотеть отомстить тебе, а у него есть для этого возможности. Он ведь лекарь!

— Он юнец, раздувшийся от тщеславия и чванства. Не знаю, что в нем нашел Марк, — пробурчала королева Мариам. — А возможности отомстить у него нет. Я ему не доверяю, и не пью его трав. В мои года доверяют седым бородам, опыту доверяют, а не невесть откуда взявшимся юнцам.

— Но он же давал тебе лекарство, нынче ночью! Он ведь сказал...

Мариам указала пальцем на пятно на полу, у изголовья. Пятно было мокрым.

— Вот оно, его лекарство. Но поди, поди, кликни мне секретаря, и поди!

Секретарь явился вместе со звуком рассветных барабанов. Мариам ждала его в постели — потом она встанет. Государственную печать она загодя достала из тайника и держала

под подушкой.

Продиктовав секретарю текст указа, начинавшегося словами: «Возлюбленные подданные!» — и требующего покарать изменническую семью Варфоломея из Райской Долины вкупе с его домочадцами, Мариам поставила свою подпись и приложила печать к документу. Рука ее не дрожала.

Секретарь вышел. Мариам, прежде чем встать, откинулась на подушки и помечтала. Ах, вот если бы написать еще один указ, с велением покарать эту девчонку, будущую королеву, дочь горского князя, за измену или за колдовство. Как было бы просто и легко! Повесить. Четвертовать. Сжечь заживо. Убить ведьму.

Ну, да ничего. Пусть тайно будет немножко труднее, чем явно, тем больше чести. Она, Мариам, справится. И с Марком справится, да прорастут его волосы внутри черепа!

Она, Мариам, пока еще королева, хоть и вдовствующая.

Она, Мариам, дочь султана, и воспитана в султанском дворце.

И пусть ее расслабили годы, проведенные с этими северными дикарями, силы у нее еще есть. Силы есть, а времени не так много; ей, Мариам, надо собраться. Надо поспешить.

Но — как там говорят в Лациуме? «Спеши медленно» — она, Мариам, будет спешить медленно и осторожно. Она погубит ведьму, она погубит короля Марка — но так, чтобы никто не заподозрил ее, Мариам. Она не боится возмездия, она не боится греха — но Лука, с его пылким и чистым сердцем — нет, Лука не должен ничего знать, и ни о чем не должен догадываться. Лука, плоть от плоти ее, Мариам, и ее возлюбленного Игнатия, только внешность унаследовал от нее, Мариам, а сердце его и мысли — здешние, межгорские. Ну, да ничего. У нее, Мариам, хватит предусмотрительности и коварства на двоих. Пусть мальчик остается чистым, с чистыми руками, всю грязную работу сделает она, Мариам. Убьет ведьму. Погубит Марка. Вот сейчас, немножко только отдохнет — и возьмется за это грязное дело. Святое дело, ибо разве не самая святая из всех видов любви любовь материнская?

И Мариам уснула.

Во сне она улыбалась.

Ей снилась носатая горская ведьма, горящая на костре.